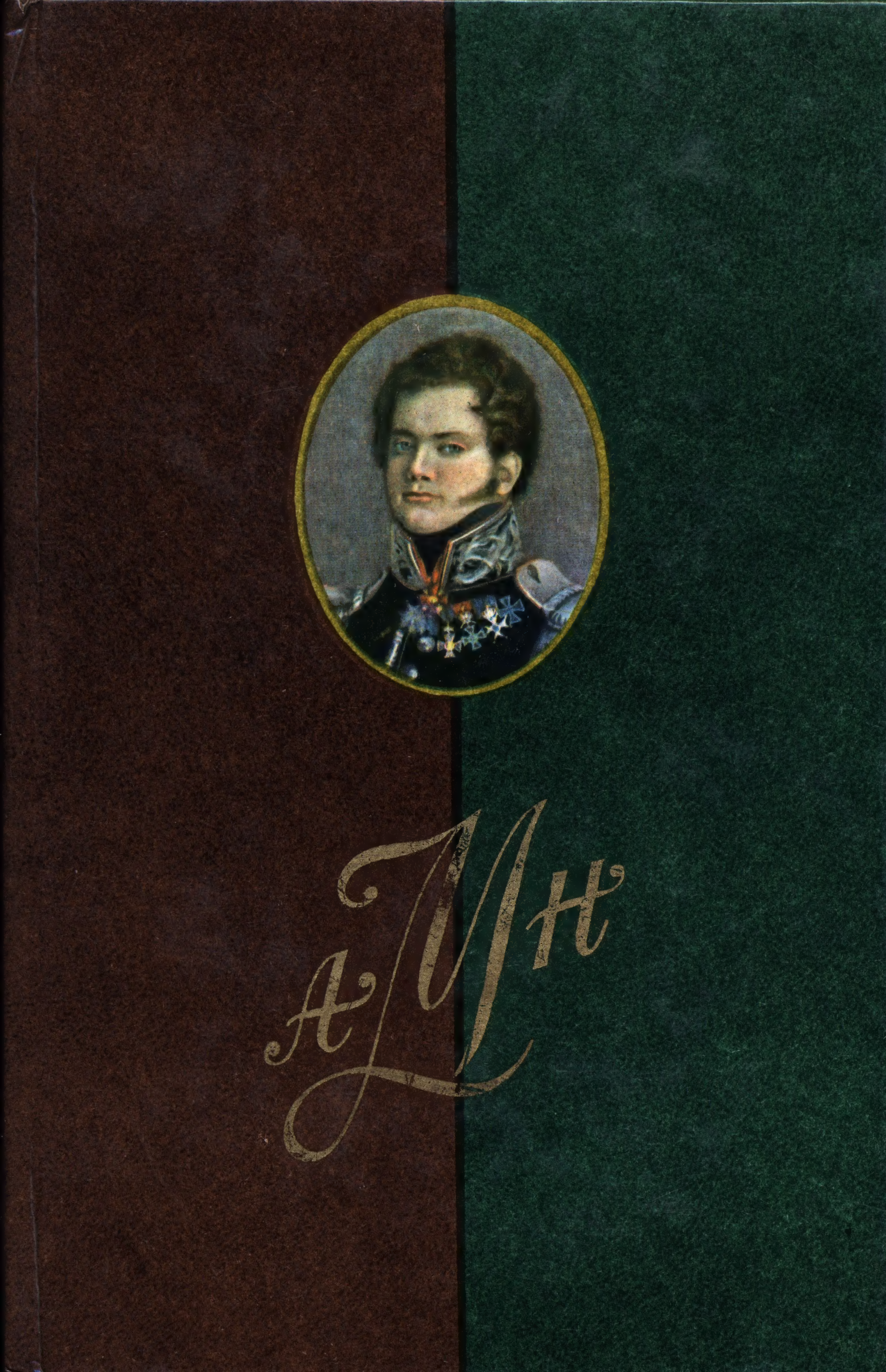

А. Н. МУРАВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1986

Издание подготовлено

| Ю. И. ГЕРАСИМОВОЙ, |

С. В. ДУМИНЫМ

Ответственный редактор
С. Ф. КОВАЛЬ

Рецензент *С. В. МИРОНЕНКО*

ДЕКАБРИСТ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЕВ

Александр Николаевич Муравьев (1792—1863) принадлежит к числу наиболее видных деятелей раннего периода движения декабристов. Он был инициатором основания первого декабристского тайного общества — Союза спасения, организатором Военного общества, одним из организаторов и руководителей Союза благоденствия, принимал активное участие в разработке их программных документов, в определении целей и задач борьбы. Хотя в 1819 г. А. Н. Муравьев отошел от движения и не был причастен к восстанию 14 декабря, он не избежал ареста и наказания — правительство прекрасно понимало, какую роль он сыграл в распространении «вредного вольномыслия» и «преступных замыслов». Несмотря на все трудности и сложности своей жизни, А. Н. Муравьев до конца своих дней во многом сохранял верность идеалам молодости. О нем отзывались как о замечательном, благородном человеке, правдолюбце и правдоискателе и его товарищи по тайным обществам, и люди, познакомившиеся с ним в более поздние годы[1]. Но, к сожалению, во всей огромнейшей литературе о декабристах насчитывается очень небольшое число работ, посвященных А. Н. Муравьеву[2].

---

[1] См. например, отзывы декабристов С. П. Трубецкого (*ВД*, т. 1, с. 23—24), И. Н. Горсткина (*ВД*, т. 18, с. 200), П. И. Колошина (*ГБЛ*, ф. 336/II, 12.3). М. И. Муравьева-Апостола (Летописи Гос. литературного музея. Декабристы. М., 1938, кн. 3, с. 221), норвежского ученого Х. Ганстена (Hansteen Ch. Souvenirs d'une voyage en Siberie. Paris, 1857, p. 199—250), идеолога анархизма и народничества М. А. Бакунина (Бакунин М. А. Собр. соч. и писем: В 4-х т. М., 1934, т. 2, с. 153), А. И. Герцена (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 18, с. 51).

[2] Ченцов Н. М. Восстание декабристов: Библиография. М.;

Исследователи останавливались в основном на двух моментах его биографии — участии в движении декабристов и в проведении крестьянской реформы в Нижегородской губернии. Вся же остальная жизнь этого одаренного человека, со всеми его исканиями, взлетами и падениями, почти совершенно не изучалась. Не были прослежены ни мировоззрение А. Н. Муравьева после ухода из тайного общества, ни особенности его многолетней служебной деятельности, выделявшие его из многочисленной чиновничьей армии дореформенной России. Постепенно сложилось представление о Муравьеве, как о «довольно либеральном деятеле», внесшем значительный вклад в крестьянскую реформу[3]. Лишь в последнее время начал ставить-

---

Л., 1929, № 2423—2430; Движение декабристов: Указатель литературы, 1928—1959. Сост. Р. Г. Эймонтова. М., 1960, № 2104—2110; Движение декабристов: Указатель литературы, 1960—1976. Ред.-сост. Р. Г. Эймонтова. М., 1983, № 2009—2014.

[3] Такие концепции развивались в большинстве дореволюционных работ, освещавших деятельность А. Н. Муравьева по подготовке крестьянской реформы (см., например: Ветринский Ч. А. Н. Муравьев и другие декабристы во время крестьянской реформы.— В кн.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911, т. 5, с. 229—236; Попельницкий А. З. Первые шаги крестьянской реформы (по донесениям свитских генерал-майоров и флигель-адъютантов).— Там же, с. 201—202). Только в замечательном очерке В. Г. Короленко «Легенда о царе и декабристе» (Рус. богатство, 1911, № 2, с. 113—140) была сделана попытка проследить взаимосвязь между декабристским мировоззрением А. Н. Муравьева и его деятельностью в Нижнем Новгороде. К сожалению, в первой советской работе об А. Н. Муравьеве — статье С. Я. Штрайха «Кающийся декабрист (К биографии основателя «Союза Спасения» А. Н. Муравьева. По неизданным письмам)» (Красная новь, 1925, № 10, с. 143—169) был сделан шаг назад по сравнению с очерком Короленко. Рассматривая сибирский период жизни А. Н. Муравьева, С. Я. Штрайх, тенденциозно подбирая и комментируя факты, изображает его человеком, склонным к интригам, льстецом и карьеристом, использующим родственные связи для обеспечения себе поддержки со стороны III Отделения,— одним словом, рисует образ, не имеющий ничего общего с действительностью. К счастью, С. Я. Штрайх не нашел последователей. Но тенденция к недооценке деятельности А. Н. Муравьева действовала довольно долго. Взгляд на него как на «довольно либерального деятеля крестьянской реформы» присутствует и в работах Ф. Чебаевского (Нижегородский губернский дворянский комитет 1858 года.— Вопросы истории, 1947, № 6, с. 86—94), И. В. Оржеховского (Обнародование положений 19 февраля и крестьянское движение весной — летом 1861 г. в Нижегородской губернии.— Уч. зап. Горьковского ун-та, сер. ист.-филол., 1964, вып. 72, с. 239—272), Л. А. Голубинского (Крестьянское движение в

ся вопрос о пересмотре подобного подхода к оценке А. Н. Муравьева. Обращение ряда авторов к малоизвестному пласту архивных материалов, введение в научный оборот новых документов позволили показать, что и после суда и ссылки А. Н. Муравьев отнюдь не смирился с мрачной действительностью николаевской России. В своей деятельности он во многом руководствовался идеями первых тайных обществ, смело отстаивал «законность и справедливость», не останавливаясь перед разоблачением влиятельных и крупных чиновников, что не раз приводило к крушению его служебной карьеры. В этой связи вполне закономерной представляется и позиция, занятая декабристом на посту губернатора, в период крестьянской реформы, когда он наконец-то получил возможность хотя бы частично осуществить на практике пронесенные сквозь десятилетия антикрепостнические идеи[4]. Но препятствием для изучения мировоззрения А. Н. Муравьева, некоторых важных эпизодов его жизни и деятельности является недостаток источников. Документальные материалы А. Н. Муравьева сохранились довольно фрагментарно и до сих пор публиковались мало. Большинство этих публикаций к тому же появилось в небольших по тиражу изданиях, ставших уже библиографической редкостью и практиче-

---

Нижегородской губернии на начальном этапе революционной ситуации (1858—1860 гг.) — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 198—211).

[4] См., например: Задонский Н. Губернатор-каторжник.— В кн.: Задонский Н. Тайны времен минувших. Воронеж, 1964, с. 67—80; Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей.— Записки *ОР ГБЛ*, 1975, вып. 36, с. 38—61; ее же: Декабрист А. Н. Муравьев в годы первой революционной ситуации.— История СССР, 1979, № 4, с. 164—172; Зоркин В. И. Правда о «раскаявшемся декабристе».— В кн.: Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975, с. 84—99; Рабкина Н. А. Первый декабрист.— В кн: Рабкина Н. А. Отчизны внемлем призыванье... М., 1976, с. 29—67. Но при этом в некоторых из названных работ (в первую очередь это относится к статье Н. Задонского) заметна тенденция к чрезмерной идеализации А. Н. Муравьева, отказ от освещения сложных и порой противоречивых воззрений декабриста. В этой связи хочется отметить заслугу И. С. Калантырской, поставившей вопрос об отношении А. Н. Муравьева к польскому национально-освободительному движению (Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, т. 1, с. 319). Таких сложных вопросов возникает немало; ответить на некоторые из них призвано помочь данное издание.

ски недоступных читателю[5]. Настоящий том документальных материалов позволяет во многом пересмотреть существующие оценки и определить роль А. Н. Муравьева в общественно-политической и идейной жизни России первой половины XIX в. Эти документы рассказывают о мечтах, исканиях и делах одного из представителей когорты первых русских революционеров, одного из тех, чьи имена занимают почетное место в истории русского революционного движения.

Для воссоздания биографии А. Н. Муравьева привлекался широкий круг как опубликованных, так и архивных

---

[5] О составе небольшого личного архива А. Н. Муравьева см.: Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей. Еще до революции были опубликованы письма Муравьева к обер-прокурору Синода С. Д. Нечаеву (Рус. архив, 1893, кн. 2, с. 135—143). Значительное число писем А. Н. Муравьева из Сибири к разным лицам (императору Николаю I, А. Х. Бенкендорфу, двоюродному брату А. Н. Мордвинову, к отцу, к С. С. Ланскому) опубликовано (целиком или фрагментарно) в работах С. Я. Штрайха (Штрайх С. Я. Кающийся декабрист; его же: Провокация среди декабристов. Самозванец Медокс в Петровском заводе. М., 1925), но недостатком его публикации является неточная передача текста документов (С. Я. Штрайх принял за правило опускать и сокращать «неважные для связности текста обороты и выражения»— см.: Провокация среди декабристов, с. 9). Отдельно опубликованы одно из писем Муравьева к Николаю I (*ВД*, т. 3, с. 11—12) и одно из писем Бенкендорфу (Памяти декабристов. Сборник материалов. Л., 1926, т. 1, с. 197-198). Письма А. Н. Муравьева брату Николаю 1810—1833 гг. опубликованы И. С. Калантырской (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1), она же опубликовала одно из его писем В. В. Левашову (там же, с. 320—321) и подготовила к печати остальные письма декабриста брату. Кроме того, отрывки из писем А. Н. Муравьева разным лицам можно встретить в упоминавшихся выше работах Ю. И. Герасимовой, Н. А. Рабкиной, Н. А. Задонского (в последнем случае текст их передан не всегда точно). Издан также ряд сочинений и бумаг А. Н. Муравьева: «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4-го дня 1818 года, древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя, от Россиянина» (Чтения ОИДР, 1859, кн. 3, отд. Смесь, с. 43—53; без указания автора); циркуляр земской полиции Нижегородской губернии от 28 января 1861 года (Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. 3. Берлин, 1862, с. 179—187); речь на открытии Нижегородского губернского комитета для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян (Трубецкой С. П. Записки. СПб., 1907, с. 106—108); Записки (Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 137—229), а также следственное дело (*ВД*, т. 3 с. 3—36).

источников. Но не все события его жизни можно документировать. О некоторых его поступках и их мотивах можно судить только по косвенным данным, о некоторых — только высказывать гипотетические предположения.

А. Н. Муравьев родился 10 октября 1792 г. Он был старшим сыном Николая Николаевича Муравьева (1768—1840)[6], образованнейшего человека своего времени, много сделавшего для распространения передовых идей, для пропаганды научных знаний. Велик был вклад Н. Н. Муравьева в развитие штабных учреждений русской армии. По его инициативе весной 1811 г. было организовано при Московском университете Математическое общество, поставившее «себе непреложным правилом всемерно стараться о распространении познания математических наук и устремившее все труды к приуготовлению молодых людей в военную службу»[7]. Н. Н. Муравьев стал президентом этого общества.

---

[6] У Н. Н. Муравьева и его жены Александры Михайловны, урожденной Мордвиновой (1770—1809), было пять сыновей и дочь. Брат А. Н. Муравьева Николай (1794—1866), видный русский военный деятель, генерал от инфантерии, за взятие турецкой крепости Карс в 1855 г. получивший прозвище Карского, был человеком прогрессивных взглядов, противником крепостного права, поддерживал тесные дружеские связи со многими декабристами. Их брат Михаил (1796—1866) был членом Союза спасения и Союза благоденствия, принимал активное участие в разработке устава последнего, но после Московского съезда 1821 г. отошел от тайных обществ. Он был арестован по делу декабристов, но затем освобожден и, занимая крайне реакционные позиции, сделал блестящую служебную карьеру. В 1857—1861 гг., будучи министром государственных имуществ, он противился крестьянской реформе; занимая в 1863—1865 гг. пост генерал-губернатора Западного края, жестоко подавил восстание в Литве и Белоруссии, заслужив титул графа и прозвище «Вешателя». Третий брат А. Н. Муравьева, Андрей (1806—1874), служил за обер-прокурорским столом в Синоде, камергер, действительный статский советник; был известен как писатель, автор книг преимущественно духовного содержания. Четвертый брат, Сергей (1809—1874), служил в Министерстве финансов и Министерстве государственных имуществ. Их единственная сестра, Софья (1804—1826), умерла девицей. Остальные Муравьевы и Муравьевы-Апостолы, упоминаемые в настоящем издании, приходились А. Н. Муравьеву дальними родственниками (Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895, т. 1, с. 404—420; Муравьев М. В. Муравьевы (родословная). Ревель, 1893).

[7] Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874, с. 397.

После Отечественной войны 1812 г., в которой Н. Н. Муравьев, занимая пост начальника штаба ополчения 3-го округа, принимал самое непосредственное участие, он возобновил свою военно-педагогическую деятельность и в 1815 г. создал в Москве знаменитое училище для колонновожатых. Оно не было похоже на казенные военные школы того времени с их суровой дисциплиной, формализмом, требованиями слепого повиновения начальству, преклонением перед иностранщиной. С большой теплотой и любовью вспоминал на склоне дней о Н. Н. Муравьеве и его училище бывший его воспитанник декабрист Н. В. Басаргин. «Надобно было иметь слишком высокое образование и особенную твердость и в характере и в убеждениях, чтобы действовать вопреки господствовавшей системе военного воспитания. <...> Ник[олай] Ник[олаевич] <...>, не стесняя юный рассудок, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное»[8]. Широкий кругозор Н. Н. Муравьева, постоянный интерес к передовым идеям, бережное и чуткое отношение к молодежи и ее нуждам во многом способствовали развитию в среде воспитанников училища вольнолюбивых мыслей и стремлений. Не случайно 23 его выпускника стали декабристами.

Вольнолюбивым человеком, посвятившим всю свою жизнь борьбе с несправедливостями и угнетением, стал и А. Н. Муравьев, воспитывавшийся сначала дома, а потом в Московском университете. Отец сумел привить ему неустанную жажду знаний и любовь к труду. В его распоряжении была богатая домашняя библиотека, в которой были собраны не только книги по математике и военным наукам, но и лучшие произведения европейских мыслителей по философии, праву, истории — сочинения Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, Беккарии. Из этих книг А. Н. Муравьев почерпнул идеи о прирожденном равенстве всех людей, о народовластии, о значении истинного просвещения и всесилии человеческого разума. Несомненно, эти идеи сыграли определенную роль в становлении его взглядов и жизненных правил. Большое влияние на него оказывала мать, Александра Михайловна,

[8] Басаргин Н. В. Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве.— В кн.: Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982, с. 153.

Н. Н. МУРАВЬЕВ, ОТЕЦ ДЕКАБРИСТА
Художник В. А. Тропинин. 1836 г. *ГИМ*

весьма образованная, но очень религиозная женщина. По-видимому, под ее воздействием сын тоже стал глубоко верующим человеком, что наложило сильный отпечаток на всю его жизнь и деятельность. Жили Муравьевы очень скромно; Н. Н. Муравьев приучал своих детей к бережливости и умеренности, что в будущем помогло его старшему сыну вынести много лишений и невзгод. Дом Муравьевых, родственников таких просвещенных дворянских семейств, как Бакунины, Волковы, Киселевы, Корсаковы, Мордвиновы, Саблуковы, посещался образованными, передовыми людьми того времени, в том числе попечителем

Московского университета писателем М. Н. Муравьевым, страстным поклонником философии Руссо, отцом будущих декабристов. Двоюродным дядей А. Н. Муравьева по матери был адмирал Н. С. Мордвинов, которого современники называли «русским Вашингтоном»[9], восхищаясь его государственным умом, независимостью мнений, прямотой. Общение с этими людьми, хорошо сознававшими преимущества свободного труда над подневольной крепостной работой и отрицательное воздействие самодержавия на развитие страны, не могло не зародить у А. Н. Муравьева первых, еще неясных мыслей о недостатках существующего строя.

В 1810 г. после окончания университета А. Н. Муравьев покинул родительский дом, переехав в Петербург, где был определен на службу в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части (преобразованную позднее в Генеральный штаб). Его самостоятельная жизнь началась в сложное время, когда в дворянско-чиновничьих кругах росло недовольство внешней и внутренней политикой Александра I. Они негодовали против Тильзитского мира 1807 г., заключенного после неудачной войны с Францией, считая его позорным для России, и против проектов реформ, составлявшихся под руководством известного либерального деятеля М. М. Сперанского и имевших целью несколько видоизменить самодержавно-крепостническую систему, приспособив ее к развивавшимся в недрах феодализма новым капиталистическим отношениям. Молодой Муравьев, внимательно прислушиваясь к оппозиционным толкам, разделял недовольство Тильзитским договором, но считал Сперанского «необыкновенным и гениальным» человеком, навлекшим на себя «недоброжелательство и зависть невежественных сановников и почти всего дворянства». Арест и ссылка Сперанского в марте 1812 г. произвели на будущего декабриста большое впечатление, заставив его задуматься о том, что «движет сердцами властителей»[10].

С осени 1810 до января 1811 г. А. Н. Муравьев находился на картографических съемках в Волынской, Киевской и Подольской губерниях, где ему пришлось стол-

[9] Герасимова Ю. И. Восстание 14 декабря 1825 г. и современники (По записным книжкам А. И. Сулакадзева).— Ист. зап., 1975, т. 96, с. 84.
[10] Наст. изд., с. 85.

А. М. МУРАВЬЕВА, МАТЬ ДЕКАБРИСТА
Миниатюра неизвестного художника. Начало XIX в. Воспроизведена в кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1906, т. II, № 146

кнуться со многими противоречиями тогдашней российской действительности. Эта поездка дала ему обильный материал для размышлений, способствовала дальнейшему развитию у него критического отношения к окружающему. У молодого офицера уже тогда появилось стремление «уклоняться от пустых и суетных светских бесед и пристать к такому обществу, которое поощряло бы к самопознанию,

занятиям серьезным и общечеловеческим чувствам и мыслям». Эти настроения привели его к масонам. В самом конце 1810 г. А. Н. Муравьев был принят в петербургскую ложу «Елизаветы к добродетели»[11].

Важно подчеркнуть, что этот шаг свидетельствовал прежде всего о недовольстве будущего декабриста окружающей действительностью, поисках средств ее преобразования. Масонство для Муравьева тогда, да и позже, очевидно, являлось прежде всего способом действия, попыткой использовать сложившиеся организационные структуры этих формально тайных организаций, чтобы что-то изменить в жизни России. Для него, как и для многих других будущих членов декабристских организаций, участие в масонских ложах явилось своеобразной «практикой» конспиративной деятельности, видимо, психологически облегчило переход к созданию собственных, революционных тайных обществ. Впрочем, несколько забегая вперед, нужно сказать, что у А. Н. Муравьева увлечение масонством было более глубоким и длительным, чем у большинства декабристов, связанных с ложами. Он мечтал, что братья-масоны, поборов в себе «губительные страсти» и сделавшись «истинными людьми», построят справедливое свободное общество[12].

Сходные мысли появились в это время и у брата А. Н. Муравьева — Николая, с которым они были близки «по летам и понятиям»[13]. Н. Н. Муравьев вместе со своими родственниками и сверстниками — Артамоном Муравьевым, Матвеем Муравьевым-Апостолом, а также братьями В. А. и Л. А. Перовскими (все они в будущем станут декабристами) под влиянием идей Руссо организовал тайное общество «Чока» (Сахалин). Члены общества мечтали «удалиться чрез пять лет на какой-нибудь остров, населенный дикими <...>, образовать жителей острова

---

[11] Там же, с. 75—76. *ГБЛ*, Коллекция Ланского, М 1935, л. 10.

[12] Совершенно противоположные настроения были у руководителей масонских лож (например, у сенатора Е. А. Кушелева, у кн. П. П. Лопухина), настойчиво убеждавших, что у масонов нет намерения бороться против самодержавия, против крепостного права, что они являются верноподданными государя (Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., б. г., с. 36; Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900, с. 329).

[13] Наст. изд., с. 74.

и составить новую республику», где будет существовать всеобщее равенство[14]. Посмеиваясь над масонскими увлечениями А. Н. Муравьева, друзья из общества «Чока» объявили ему, что являются членами обширной тайной организации, учрежденной для истребления масонов.

Вступление в ложу, создание юношеского общества — эти события, внешне никак не связанные, свидетельствовали об одном и том же — о поисках путей для переустройства действительности, противоречия которой волновали молодых вольнодумцев.

Подобные же настроения были и у новых друзей А. Н. Муравьева, с которыми он сошелся зимой 1811 г., — у его дальних родственников — Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, Артамона Муравьева, а также братьев Колошиных, Михаила Орлова, Ивана Бурцова. Молодые люди часто бывали вместе, подолгу беседовали, спорили, и первое место среди волновавших их вопросов занимала судьба Родины, служить которой они упорно готовились, жадно поглощая новые знания, настойчиво занимаясь самообразованием. Эти дружеские связи цементировала та духовная близость, та общность интересов и стремлений, которые привели потом этих юношей в тайные декабристские общества. Сильно негодовали молодые офицеры против правительственных кругов за покровительство иностранцам, заполонившим армию и все другие отрасли управления. Пробуждению патриотического самосознания, враждебного официальному преклонению перед иностранщиной, во многом способствовало приближение «грозы двенадцатого года». Этот патриотизм офицерской молодежи, пройдя проверку на полях кровопролитных сражений, стал одной из характерных черт передовой революционной идеологии декабристов.

Большой школой для А. Н. Муравьева, как и для других декабристов, была Отечественная война 1812 г. Недаром они с гордостью называли себя «детьми 1812 года». А. Н. Муравьев участвовал в войне — от вынужденного отхода русской армии из района Вильны до ее победоносного вступления в Париж. При отступлении он почти все время находился в арьергардных отрядах 1-й армии М. Б. Барклая де Толли, исполнял обязанности его адъютанта в Бородинском сражении, оказался в Москве

---

14 Муравьев Н. Н. Записки.— Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 25.

(сопровождая раненого брата Михаила) в горестные и грозные дни, когда стало ясно, что столица будет оставлена русскими войсками. Осенью 1812 г. Муравьев принимал участие во всех сражениях с отступавшими от Москвы французами. Только в конце ноября, за несколько дней до того, как жалкие остатки наполеоновской «Великой армии», переправившись через реку Березину, начали покидать пределы России, его уволили в отпуск в Москву «для излечения болезни». Он был контужен, а от постоянного недоедания у него началась цинга. Муравьев пробыл в Москве до марта 1813 г. Разрушенная пожаром, разоренная врагом столица производила гнетущее впечатление. Здесь, размышляя о судьбе своего народа, он продолжал заниматься самообразованием — читал труды военных писателей и сочинения европейских мыслителей. В марте 1813 г. А. Н. Муравьев вернулся в действующую армию, находившуюся в Пруссии. В отряде атамана Платова он проделал все заграничные походы, побывал во Франции, в германских государствах. Внимательно присматриваясь к европейским порядкам и сравнивая их с русской действительностью, он невольно задумывался о причинах многих тяжелых явлений в жизни родного народа, о его дальнейшей судьбе. Возвратился Муравьев на родину осенью 1814 г. Молодого подполковника, награжденного многими русскими и иностранными орденами, страшно огорчило все увиденное дома. Разоренные деревни, незасеянные поля, тяжелый крепостной гнет, муштра и шагистика в армии, бесчеловечные наказания солдат, прошедших победоносно через всю Европу, и венчающая все здание бюрократической империи зловещая тень Аракчеева, полновластно распоряжавшегося судьбами страны. Вместе со своим неизменным товарищем по военным походам И. Г. Бурцовым и братом Николаем А. Н. Муравьев получил назначение на службу в гвардейский Генеральный штаб. Они решили поселиться вместе. Так осенью 1814 г. возникла знаменитая Священная артель, важный этап на пути развития революционного мировоззрения в среде передового офицерства[15]. В это же время

---

[15] О Священной артели и ее роли в развитии идейной жизни передового офицерства см.: Нечкина М. В. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814—1817 гг.— В кн.: Декабристы и их время. М.; Л., 1951, с. 155—188; Калантырская И. С. Письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому

в столице появилась офицерская артель в гвардейском Семеновском полку. Оба эти объединения не были похожи на прежние офицерские артели, создававшиеся для облегчения быта. Члены обеих артелей не только вели общее хозяйство, но и, что было самым главным, настойчиво учились, внимательно и пристально следили за всем происходившим, готовились быть полезными своему народу. Любовь к Родине и стремление служить ей звучали в гимне Священной артели, сочиненном П. Колошиным:

Теперь стремится глас сынов
К тебе, Отечество любезно!
Вели — и всяк из нас готов
Все сделать, что тебе полезно.
О, да возможешь ты процвесть!
Твое величье — наша слава,
Твое блаженство — наша честь,
А скорбь твоя — для нас отрава [16].

У членов Священной артели был очень развит интерес к произведениям античных писателей — Тацита, Плутарха, Ювенала, которые клеймили тиранию и прославляли свободу. С восторгом артельщики относились к истории древнего Новгорода и даже свой быт устроили на манер Новгородской республики — в одной из комнат висел «вечевой колокол», по звону которого они собирались для решения общих дел, называя свои собрания «вечем». А. Н. Муравьев, пользовавшийся в артели большим уважением, считал, что ее члены должны были свои правила, мысли и знания передавать другим, чтобы побуждать их к деятельности на пользу Отечества[17]. В орбиту влияния Священной артели были вовлечены многие передовые офицеры и молодые люди, часть которых стала ее постоянными посетителями. Часто бывали в артели капитан гвардейского Генерального штаба Н. М. Муравьев, офицеры лейб-гвардии Семеновского полка братья С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, лицеист друг Пушкина И. И. Пущин. «Еще в лицейском мундире, — вспоминал И. И. Пущин, — я был

как источник по истории Священной артели.— Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 142—158; ее же: Неизвестные письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому — новый источник из истории движения декабристов.— В кн.: Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 5—41.

[16] Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 113.

[17] Там же, с. 23.

частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колошин и Семенов. <...> Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем»[18]. И. Д. Якушкин подтверждал, что основными темами бесед в артели были «главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще»[19]. Все эти молодые люди считали необходимым образцово выполнять свои служебные обязанности, полагая, что это будет полезным для родной страны. В первой половине 1816 г. А. Н. Муравьев совместно с братом Михаилом и с И. Г. Бурцовым составили на высоком для своего времени уровне «Военное описание дороги из Петербурга в Вильну и из Динабурга в Вилькомир», за что получили благодарность от начальника штаба кн. П. М. Волконского[20]. Уехав летом 1816 г. лечиться в Крым, А. Н. Муравьев по собственному почину составил описание заштатного города Козлова (Евпатории), надеясь, что это принесет пользу его жителям[21].

В Священной артели родилась идея издания «Военно-математических записок». Братья Александр, Николай, Михаил Муравьевы, П. И. Колошин, И. Г. Бурцов и постоянный посетитель артели Н. М. Муравьев обратились с письмом к начальнику штаба гвардейского корпуса Н. М. Сипягину с просьбой поддержать это начинание и «исходатайствовать нам способы, без коих не можем дать хода нашему предприятию и должны прекратить столь полезное намерение при самом его открытии». Они предполагали помещать в издании военно-теоретические и математические труды, как оригинальные, так и переводные, разборы сочинений по военным и математическим наукам, а

---

[18] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. Л., 1979, с. 62.

[19] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. /Ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М., 1951, с. 11 (далее: *Записки Якушкина*).

[20]. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. СПб., 1883, т. 1, с. 358.

[21] Наст. изд., с. 198—199.

также статьи с описанием любопытных происшествий отечественных войн, черт характера, достопамятных дел «великих государей и полководцев, прославивших Россию»[22]. Эта попытка не имела успеха, Н. М. Сипягин не поддержал инициативы офицеров. Но члены артели не отказались от своих намерений развернуть борьбу за развитие культуры и передовое военное искусство. Следуя девизу своей организации — «быть полезным Отечеству своими занятиями», они решили, что вступят в Общество военных наук и будут сотрудничать в «Военном журнале», издание которого было начато при гвардейском Генеральном штабе[23]. Священная артель просуществовала до весны 1819 г., в последний период ее состав несколько изменился. С конца 1815 г. артель находилась на полулегальном положении, так как Семеновская артель была «прекращена» по личному распоряжению Александра I, заявившего, что «такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся»[24]. Обе артели были важнейшими преддекабристскими организациями, сыгравшими огромную роль в дальнейшем развитии свободолюбия и вольномыслия среди передовой офицерской молодежи.

А. Н. Муравьев, как и многие его товарищи и единомышленники, не был бездеятельным наблюдателем происходящего в стране. Недовольство самодержавным деспотизмом, аракчеевщиной заставляло его деятельно искать путей преобразования государственного строя России, решения коренных социальных проблем страны. Выделяясь умом, всесторонним образованием, благородством, он оказывал сильное влияние на окружающих. Многие из декабристов признавались, что А. Н. Муравьев, человек «с пламенным воображением, пылкою душою», способствовал становлению их свободомыслия и вступлению в тайные политические общества[25]. Не случайно именно он, блестящий офицер Генерального штаба[26] (товарищи дали ему

---

22 *ЛН*, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 556, 558.

23 Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 25.

24 Нечкина М. В. Декабристы. М., 1982, с. 22.

25 *ВД*, т. 1, с. 23—24 (показания С. П. Трубецкого).

26 А. Н. Муравьев стал полковником в 23 года (7 марта 1816 г.), что было удивительно даже для того времени, когда офицерский корпус русской армии после продолжительных войн очень помолодел. Почти все декабристы-полковники (например, П. И. Пестель, А. З. Муравьев, А. М. Булатов) получили этот чин в возрасте 28 или 29 лет. С. Г. Волконский и М. Ф. Орлов, военная карьера ко-

А. Н. МУРАВЬЕВ
Неизвестный художник. 1816—1818 гг. *ГИМ*

шуточное прозвище «marechal de Saxe»[27] в честь знаменитого полководца начала XVIII в. Морица Саксонского) стал в феврале 1816 г. основателем первого декабристского тайного общества — Союза спасения. В инициативную группу входили также сослуживец А. Н. Муравьева по Генеральному штабу С. П. Трубецкой, постоянные посетители Священной артели — Н. М. Муравьев, братья С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин. Вскоре после создания общества в него были приняты М. Н. Новиков, племянник знаменитого просветителя Н. И. Новикова, и один из самых выдающихся декабристов — П. И. Пестель.

Первоначально А. Н. Муравьев, как и П. И. Пестель,

торых также развивалась очень успешно, стали полковниками первый в 24, а второй в 25 лет (*ВД*, т. 8, с. 288, 297, 355, 369, 375).

[27] «Маршал де Сакс», «Саксонский маршал» (франц.).

всерьез рассчитывал развернуть вновь создаваемую организацию в недрах масонского ордена. Оба они к этому времени сумели занять в масонских ложах весьма высокое положение. А. Н. Муравьев стал в 1817 г. членом седьмой степени шотландской ложи «Михаил», а в январе 1818 г. — членом Капитула Феникса под орденским именем Рыцаря гранаты; П. И. Пестель в феврале 1817 г. был принят в высшие степени Капитула Феникса[28]. Они считали, что приобщение к высшему масонству дает тайному обществу возможность создать конспиративную, строго дисциплинированную, боевую организацию, готовую к активным действиям против самодержавия и крепостничества. Опорной организационной ячейкой Союза спасения стала ложа «Трех добродетелей», которая была образована передовым гвардейским офицерством в конце 1815 г. В 1817 г. руководящие посты в ложе занимали члены Союза спасения — П. П. Лопухин, С. Г. Волконский, И. А. Долгоруков, А. Н. и Н. М. Муравьевы, С. И. Муравьев-Апостол[29]. Но разработанный членами общества грандиозный план завоевания масонского ордена и его использования для революционной деятельности не имел успеха; этому помешали не только громоздкие организационные формы масонства, не дававшие полной гарантии соблюдения тайны, но и разногласия, начавшиеся в Союзе спасения. Многие члены общества, не разделявшие масонских увлечений А. Н. Муравьева и П. И. Пестеля, в частности С. П. Трубецкой, возражали против строжайших клятв, против таинственности и требований слепого повиновения[30]. Обветшавшие формы масонства не выдержали того нового содержания, которое вносили в него члены тайного общества.

Устав, или Статут Союза спасения не дошел до нас; он был сожжен членами общества в 1818 г., когда оно было преобразовано в Союз благоденствия. Но о задачах и целях этой первой организации и о месте в ней А. Н. Муравьева сохранилось много свидетельств ее членов. Основной и ведущей идеей Союза спасения была идея борьбы против самодержавия и крепостничества. По свидетельст-

---

[28] Дружинин Н. М. Масонские знаки Пестеля.— Музей революции СССР, 2-й сб. статей. М., 1929, с. 25, 36.

[29] *ГБЛ*, ф. 147, № 1941, л. 14 об., 16 а, 17.

[30] Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, с. 83—84.

ву Н. М. Муравьева, А. Н. Муравьев предлагал ему составить общество, одной из целей которого было учреждение монархического представительного правления[31]. Декабрист П. П. Лопухин, подтверждая, что основатель Союза спасения был сторонником конституционной монархии, уточнял, что необходимо было «при перемене царствования принудить правительство согласиться на представительное правление»[32]. А. Н. Муравьев был страстным противником крепостного права и убежденным сторонником освобождения крестьян с землей, о чем он со свойственной ему энергичностью заявит в своей знаменитой записке по этому вопросу[33]. Генетически связана с правилами Священной артели и поставленная членами Союза спасения задача — всеми силами стараться быть полезными Родине, поэтому и свою организацию после принятия устава они стали называть Обществом истинных и верных сынов Отечества. Устав общества требовал, чтобы его члены стремились к занятию важных постов в государстве, обязывал их образцово выполнять свои служебные обязанности. Это положение полностью совпадало с правилами общественного поведения, принятыми в свое время в Священной артели. Можно предположить, что не без влияния Муравьева появилось в уставе и требование добиваться искоренения раболепия перед иностранцами и устранения их влияния на государственные дела. Его, как и других членов, не могло не оскорблять то, что при Александре I немало важнейших государственных постов занимали иностранцы-реакционеры, оттеснявшие русских людей от руководства их страной. Муравьев писал в конце жизни, что развившаяся накануне Отечественной войны 1812 г. среди русских нелюбовь к иностранцам «оставила глубокие корни в современниках; многие из них, дожившие доныне, ощущают какое-то отвращение к иностранцам <...>, которое умеряется только усилием над самим собою, но при первом удобном случае проявляется в различных видах»[34]. Муравьев очень успешно выполнял одну из первейших обязанностей членов Союза спасения — активно вербовал в него новых членов. Он

[31] *ВД*, т. 1, с. 305.
[32] Нечкина М. В. Союз спасения.— Ист. зап., 1947, т. 23, с. 157.
[33] Наст. изд., с. 129—136.
[34] Там же, с. 83—84.

умел убеждать и воспламенять людей. Декабрист И. Н. Горсткин, впоследствии принятый им в общество, показывал на следствии, что А. Н. Муравьев «владел всеобщею доверенностию, был привлекателен и во всей гвардии имел репутацию отличнейшую; уважен был не только равными и младшими, но и начальники некоторым образом всегда в нем видели (как мне казалось) образцового офицера. Одно знакомство такого человека уже восхищало»[35]. Он принял в общество немало членов, в феврале 1817 г. вел (хотя и безуспешно) переговоры со своим старым другом М. Ф. Орловым о слиянии Союза спасения с тайной организацией, которую начал создавать последний[36]. Но тем не менее Союз спасения оставался малочисленной и строго конспиративной организацией, не имевшей общественной опоры.

Первой прямой попыткой к действию членов Союза спасения был так называемый Московский заговор 1817 г., в котором А. Н. Муравьев принимал самое активное участие. С середины 1817 до середины 1818 г. он «находился в должности» начальника штаба сводного гвардейского отряда, выступившего в древнюю столицу вместе с царским двором на церемонию закладки храма на Воробьевых горах в память Отечественной войны 1812 г.[37] В составе отряда, прибывшего в Москву в конце августа 1817 г., находилось основное ядро тайного общества. Отряд был размещен в Хамовнических казармах около Девичьего поля, в «шефском корпусе» которых получил квартиру и начальник штаба А. Н. Муравьев. Из ряда источников, и в первую очередь, из «Записок» И. Д. Якушкина, известно, что в Москве, то на квартире Муравьева, то в доме полковника М. А. Фонвизина в Староконюшенном переулке, происходили бурные заседания общества, на которых развернулись споры о его основах и тактике. Усиление политической реакции требовало от членов общества действия. Особенно их возмутили распространившиеся слухи о решении Александра I присоединить к Царству Польскому литовские, белорусские и украинские земли и перенести столицу в Варшаву (о чем сообщил А. Н. Муравьеву в письме С. П. Трубецкой). На квартире А. Н.

---

[35] *ВД*, т. 18, с. 200.
[36] Нечкина М. В. Союз спасения, с. 170—171.
[37] *ГБЛ*, ф. 233, 36. 39.

Муравьева происходило и знаменитое заседание общества, на котором он заявил, «что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра», и предложил бросить «жребий, чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю». Без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступить «этой чести» решил И. Д. Якушкин[38]. Он хотел убить царя в Успенском соборе, где тот должен был присутствовать на молебне, а затем тут же застрелиться. Заявляли о своей готовности убить Александра I и другие члены общества — А. З. Муравьев, Ф. П. Шаховской, А. Н. Муравьев. Хотя предложение Якушкина было принято единогласно, на следующий день большинство членов общества пересмотрело свое решение. Категорически возражал против цареубийства С. И. Муравьев-Апостол, понимавший бесперспективность этого акта: небольшая группа заговорщиков, не имевшая поддержки в широких общественных кругах, вряд ли могла заставить нового царя принять их требования об уничтожении крепостного права и о введении конституции. Горячо возражал против террористического акта и М. А. Фонвизин[39]. Не было принято и предложение А. Н. Муравьева «воспользоваться сопротивлениями, которые делали в Новгородской губернии военным поселениям»[40].

Члены Союза спасения понимали, что они бессильны и что малочисленность организации является помехой для достижения поставленных целей. Было принято решение распустить Союз и создать вместо него новую организацию, имеющую более широкую общественную базу. Начата была выработка устава нового общества. Но чтобы не терять времени и не упустить потенциальных членов будущего тайного общества, было решено создать промежуточную организацию — Военное общество. «У многих из молодежи,— писал в воспоминаниях И. Д. Якушкин,— было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством, и потому немудрено, что все порядочные люди из молодежи, бывшей

---

[38] *Записки Якушкина*, с. 16—17.

[39] Житомирская С. В. и Мироненко С. В. Декабрист Михаил Фонвизин.— В кн.: Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979, т. 1, с. 19—20.

[40] *ВД*, т. 9, с. 252.

тогда в Москве, или поступили в Военное общество, или по единомыслию сочувствовали членам его»[41]. Главным организатором Военного общества, по свидетельству Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля, был А. Н. Муравьев, хотя сам он на следствии это отрицал[42].

В новой, пришедшей на смену Военному обществу тайной организации — Союзе благоденствия — А. Н. Муравьев продолжал играть видную роль. Он был одним из редакторов первой части устава общества, так называемой «Зеленой книги», одним из авторов известной лишь немногим членам второй части устава, в которой излагалась сокровенная революционная цель Союза благоденствия— подготовка революционного переворота[43], был членом Коренного совета[44] и возглавлял первое время Московскую управу Союза[45]. Он много сделал для распространения идей Союза благоденствия и завербовал в общество очень большое число новых членов[46].

Подобно многим другим членам организации, А. Н. Муравьев рассчитывал, что изменить существующий порядок можно будет силой общественного мнения, «убеждением и благими примерами»[47]. Составленный при участии А. Н. Муравьева устав предписывал членам союза поступать на гражданскую службу, стараться добиться видных постов и быть образцовыми и деятельными чиновниками. Особое внимание общество обращало на воспитание юношества, ставя перед собой задачу вырастить «истинных сынов Отечества», преданных Родине и своему народу. Общество должно было заботиться о «человеколюбивых заведениях» — больницах, сиротских домах, а также о местах, где «страждет человечество», — тюрьмах, острогах, бороться за победу справедливости и искоренение злоупотреблений, способствовать развитию производительных сил страны. Большое место в деятельности общества занимали предположения об освобождении

---

41 *Записки Якушкина*, с. 19.

42 *ВД*, т. 1, с. 307; т. 3, с. 19, 55.

43 Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов.— *ЛН*, 1954, т. 59, с. 618—620.

44 Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 206—207.

45 *ВД*, т. 3, с. 24—26.

46 Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве.— В кн.: Декабристы в Москве. М., 1963, с. 34—41.

47 Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. 2. Иркутск, 1982, с. 185.

крепостных крестьян, о замене абсолютизма представительным правлением. Свои антикрепостнические взгляды А. Н. Муравьев выразил в знаменитом «Ответе сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами...», который сначала был в списках распространен по Москве, а потом через начальника Главного штаба кн. П. М. Волконского был представлен Александру I. Однако император, прочитав «Ответ», лишь раздраженно сказал: «Дурак! Не в свое дело вмешался»[48]. В этом документе А. Н. Муравьев дал горячую отповедь сторонникам крепостного права и разоблачил сущность «патриархального правления» и «отеческой заботы» помещиков, защищаемых в ходивших по Москве записках харьковского помещика В. Н. Каразина и калужского губернского предводителя дворянства кн. Н. Г. Вяземского. Осуждая предложение последнего о создании при царе совещательного органа из представителей дворянства, Муравьев прямо поставил вопрос о необходимости участия в таком совете «всех прочих сословий», т. е. в сущности—о представительном правлении.

Союз благоденствия стремился расширить свое влияние и создать соответствующее «общественное мнение» при помощи руководимых членами общества легальных организаций. Как известно, этим планам не суждено было осуществиться, но А. Н. Муравьев сделал и в этом направлении определенные шаги. Он стал членом «Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения», главнейшая цель которого «состояла в том, чтобы стараться о быстрейшем распространении грамотности в простом народе»[49]. Вместе с М. А. Фонвизиным и Ф. П. Шаховским он делал попытки поставить под контроль Союза благоденствия существовавшее в Москве в 1816—1819 гг. студенческое литературное «Общество громкого смеха». Как видно из воспоминаний его председателя М. А. Дмитриева, Муравьев и Фонвизин по приглашению Шаховского посетили одно заседание, но нашли членов общества «слишком незрелыми»[50].

---

[48] Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 1, с. 222—223 (далее: Трубецкой С. П. Материалы).

[49] Рус. старина, 1878, № 2, с. 214.

[50] *ГБЛ*, ф. 178, № 8184, л. 119 об.; см. об этом подробнее: Грумм-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В. «Общество громкого смеха».— В кн.: Декабристы в Москве, с. 143—149; Житомирская С. В. и Мироненко С. В. Указ. соч., с. 52—54.

Участие Муравьева в делах Союза благоденствия заметно сократилось с осени 1818 г. К этому времени в судьбе Муравьева произошли большие изменения. В октябре он вышел в отставку, но не по «домашним обстоятельствам», как записано в его формуляре, а в знак протеста против «незаслуженного обращения» — ареста по распоряжению царя за ошибки, допущенные унтер-офицерами во время крещенского парада[51]. Дело о его отставке тянулось более полугода — Муравьев подал прошение еще в январе. Несмотря на уговоры начальства и товарищей по службе, Муравьев остался непреклонен, считая, что его оскорбленная честь «не иначе восстановлена быть может, как когда в общем мнении» его «оправдают» (он хотел, чтобы его пригласил остаться на службе сам Александр I)[52]. «Грустно лишиться такого начальника, такого товарища: в Гвардейском штабе все чувствуют сию потерю», — писал И. Г. Бурцов Н. Н. Муравьеву[53]. 25 сентября 1818 г. А. Н. Муравьев женился на княжне Прасковье Михайловне Шаховской (1788—1835). Поселившись в деревне, он все реже и реже общался со своими единомышленниками, а в мае 1819 г. объявил о своем решении выйти из общества и возвратил все хранившиеся у него, как бывшего руководителя Московской управы, документы. Других членов Союза благоденствия А. Н. Муравьев призывал последовать своему примеру — отказаться от участия в тайных обществах и их организации. Такой неожиданный поступок многих возмутил. Встретившись в 1823 г. с С. П. Трубецким, Муравьев говорил ему, что «много потерпел от прежних товарищей за то, что отстал от общества, но нашел утешение в религии, которая теперь его единственное занятие»[54].

Таким образом, инициатор создания первого тайного декабристского общества фактически и первым из декабристов отошел от революционного движения. Эта парадоксальная ситуация вызвала не только возмущение, но и недоумение многих его товарищей. Лица, встречавшиеся с А. Н. Муравьевым после его отставки и женитьбы, единогласно отмечали его необычайную религиозность и

---

[51] Наст. изд., с. 208.
[52] Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 135.
[53] Там же, с. 139.
[54] Трубецкой С. П. Записки, с. 82.

склонность к мистицизму, усматривая в этом и причину охлаждения к делам общества. Некоторые из них даже считали, что в этом повинна жена Муравьева. И. Г. Бурцов писал 7 февраля 1820 г. Н. Н. Муравьеву: «Александр управляем женою, ведущею его в пропасть *мистичества*. Жаль, что славное сердце его не внемлет более советам друзей»[55]. 22 февраля Бурцов снова сетовал: «Жаль, что Александр погряз в мистике»[56]. Такое же мнение о причинах внезапного поступка А. Н. Муравьева сложилось и у И. Д. Якушкина. «Жена его, бывши невестой, пела с ним Марсельезу, но потом в несколько месяцев сумела мужа своего, отчаянного либерала, обратить в отчаянного мистика, вследствие чего он отказался от Тайного общества»[57]. Но вряд ли можно согласиться с этими утверждениями. Прежде всего склонность к мистицизму Муравьев обнаруживал задолго до знакомства с будущей женой. Товарищи нападали на него за это, как видно из дневника его сослуживца по квартирмейстерской части Н. Дурново, еще в 1812 г.[58] П. М. Муравьева, как видно из писем А. Н. Муравьева из Петропавловской крепости, только поддерживала эти склонности мужа[59]. По отзывам современников, П. М. Муравьева была очень умной женщиной с сильным характером. Она пользовалась большим уважением у друзей и знакомых и была кумиром своей дружной и многочисленной семьи (в семье кн. Шаховских было 8 дочерей и один сын). Норвежский астроном, физик и математик Христофор Ганстен, вспоминая о встречах с П. М. Муравьевой во время путешествия по Восточной Сибири, писал: «У нее был ум мужчины, тело женщины и сердце ангела»[60]. Ему вторил декабрист В. Ф. Раевский, живший на поселении в селе Олонках Иркутской губернии и бывший постоянным посетителем дома Муравьевых в Иркутске: «С <...>Прасковьей Михайловной, урожденной княжной Шаховской, я был в самой искренней приязни. Она была крестная мать моей старшей дочери. <...> Нельзя было не уважать этой благород-

[55] Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 164.
[56] Там же, с. 165.
[57] *Записки Якушкина*, с. 20.
[58] Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория).— В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 68.
[59] Наст. изд., с. 249—263.
[60] Hansteen Ch. Op. cit., p. 220.

ной, образованной и добродетельной женщины»[61]. А. Н. Муравьев боготворил свою жену, но вряд ли он, человек с высоким понятием о чести, мог нарушить данное слово и что-то ей сообщить о тайном обществе и своем участии в нем. Не совсем справедлив И. Д. Якушкин, скептически заметивший, что П. М. Муравьева только «бывши невестой, пела Марсельезу». У нее, как и у всех членов семьи кн. Шаховских, обративших на себя внимание III Отделения и находившихся под негласным наблюдением за свои «весьма вольного содержания письма»[62], были довольно стойкие свободолюбивые взгляды. Об этом свидетельствует и поведение П. М. Муравьевой в ссылке, где она вместе с сестрами неутомимо заботилась о декабристах и приехавших с ними женах, и хранящиеся в архиве Шаховских переписанные ее рукой вольнолюбивые стихотворения 1820—1830-х гг.[63]

Не вернее ли корни «отчаянного мистицизма» Муравьева искать в его масонской деятельности? Основные масонские догматы и символические ритуалы давали для этого обильную пищу. Нельзя также забывать, что в эти годы мистические настроения широко распространились и в Европе, и в России.

А. Н. Муравьев оставался ревностным масоном и, как видно из его «Записок», до конца жизни сохранял веру во «всемогущество масонского молотка». Он продолжал масонскую деятельность и после запрещения лож в России в 1822 г. и занимался ей почти так же увлеченно, как несколько лет назад — делами тайных обществ. Говоря о его масонских и мистических увлечениях этого периода, Е. А. Шаховская, сестра декабриста Муханова, жена В. М. Шаховского, шурина Муравьева, не без некоторых оснований писала в 1825 г.: «Этот человек ни в чем не знает меры, — политикой, военным искусством, которыми он занимался раньше, он тоже увлекался до крайности»[64]. Есть некоторые указания на то, что масонские связи А. Н.

---

[61] Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири. Иркутск, 1983, с. 369.

[62] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1830 г., д. 335. В донесении московского обер-полицмейстера, которому поручено было узнать о настроении семьи Шаховских, сообщалось, что ее члены «вольны в своих суждениях» (л. 9 об.).

[63] *ГБЛ*, ф. 336/II, 67. 1.

[64] *ЦГАОР*, ф. 1738, д. 8, л. 3; см. также л. 3 об., 19.

Муравьева действительно могли повлиять на его решение о выходе из тайного общества. Какую-то роль в этом, в частности, сыграл С. С. Ланской, бывший к моменту закрытия лож в 1822 г. провинциальным мастером, т. е. главой целой отрасли русских масонов. Муравьева с Ланским связывала давняя дружба — они еще накануне Отечественной войны 1812 г. почти одновременно были приняты в ложу «Елизаветы к добродетели». После создания Союза благоденствия Муравьев вовлек в него и Ланского. Муравьев настолько доверял своему другу, что разрешил ему скопировать устав организации, иметь который, как правило, могли только члены Коренного совета[65]. Возможно, руководители Союза благоденствия хотели доверить Ланскому вербовку новых членов, которых при приеме было принято знакомить с уставом. Но Ланской очень быстро вышел из тайного общества и, как он рассказывал в 1850-е гг. своему сослуживцу и близкому знакомому Я. А. Соловьеву, «вывел оттуда» и Муравьева[66].

Тем не менее, очевидно, было бы неверно преувеличивать роль Ланского и масонских увлечений А. Н. Муравьева в его решении покинуть Союз благоденствия. Как уже отмечалось, внутри самого масонства действовали представители разных направлений, и в первые годы существования декабристских обществ участие в ложах отнюдь не мешало Муравьеву вести активную революционную деятельность. Разумеется, усиление интереса к мистицизму свидетельствовало об определенных сдвигах в мировоззрении А. Н. Муравьева, но само по себе это обстоятельство вряд ли могло быть решающим, тем более, что из слов, приведенных С. П. Трубецким, явствует, что религия стала «основным занятием» и «утешением» декабриста *после* ухода из общества. По-видимому, решение А. Н. Муравьева имело более глубокие причины.

Участие А. Н. Муравьева, горячего патриота, противника крепостничества и самодержавия, в первых тайных

---

[65] Эта копия, написанная частично рукой Ланского на бумаге с водяным знаком 1818 г., хранится в его собрании масонских рукописей в ГБЛ. См. об этом подробнее: Майкова К. А. Первые декабристские рукописи в Румянцевском музее.— Записки *ОР ГБЛ*, 1975, вып. 36, с. 62—68.

[66] Ланской не привлекался к следствию и суду над декабристами и впоследствии, занимая видные должности, не раз помогал А. Н. Муравьеву и во время ссылки в Сибирь, и во всех его служебных неурядицах.

обществах было вполне закономерным. Но в мировоззрении декабриста этого периода прогрессивные идеи, мысли о необходимости преобразования русской действительности, даже о возможности цареубийства причудливо сочетались с масонскими идеями, склонностью к мистицизму. В первые годы существования декабристских организаций такая двойственность в подходе к осмыслению и оценке явлений окружающей действительности, видимо, не имела существенного значения. Приверженность Муравьева умеренным масонским идеям о возможности улучшить мир путем его морального усовершенствования, влияния на общественное мнение, легальной борьбы с различными злоупотреблениями и нарушениями законности не вступала в противоречие с практической деятельностью Союза благоденствия. При определенных обстоятельствах, в тесном кругу единомышленников, как это было во время Московского заговора, А. Н. Муравьев был способен занимать и гораздо более радикальную позицию. Но этот радикализм Муравьева был недостаточно глубоким, хотя и отражал высшие нормы поведения члена общества. По своим убеждениям Муравьев, видимо, не был стойким, последовательным революционером.

На следствии, характеризуя свои взгляды в период создания первых тайных обществ, Муравьев писал, что «не верил, что цари от бога поставляются; что царства и правления богом учреждаются, а не людьми, что подданные обязаны повиноваться государю и учрежденным властям и правлению, каково бы оно ни было»[67]. Однако, решительно отрицая в тот момент божественное происхождение и авторитет самодержавной власти, Муравьев, очевидно, не шел дальше требования замены самодержавия представительным правлением, конституционной монархией. Этот лозунг, несомненно смелый и прогрессивный в условиях тогдашней России, был принят Союзом спасения и сохранен Союзом благоденствия наряду с другим важнейшим требованием — борьбы за освобождение крестьян. Но Муравьев, как и многие другие члены Союза благоденствия, очевидно, не разделял идей приверженцев «республиканской свободы», имевшихся среди членов организации[68]. Кроме того, при решении проблем, стоявших перед тогдашней Россией, для Муравьева, как и для значи-

---

[67] *ВД*, т. 3, с. 17.
[68] Фонвизин М. А. Указ. соч., т. 2, с. 186.

тельной части членов общества, был наиболее приемлем медленный путь просветительства (для подготовки общественного мнения к будущему революционному перевороту. В атмосфере наметившегося полевения тайного общества, в тот момент, когда встал вопрос о дальнейшей радикализации программы, о переходе на республиканские позиции, Муравьев, как он впоследствии признался Х. Ганстену, все более сомневался в необходимости разрабатывать «сокровенные революционные планы» и пришел к выводу «о невозможности их осуществления в России того времени»[69]. Очень показателен в этой связи разговор А. Н. Муравьева с И. Н. Горсткиным, зафиксированный в показаниях последнего. Горсткин относит его к 1820 г., т. е. к тому времени, когда Муравьев, как отмечалось выше, покинул тайное общество. Сам Муравьев заявил следствию: «В 1820 г. ни встречи, ни разговора с Горсткиным совсем не помню. И меня крайне удивляет, ежели я мог произнесть такие слова. Ибо я с того времени, как раскаялся, господом богом совсем на другие предметы обращен был», — и утверждал, что весь 1820 г. провел в деревне[70]. Разумеется, в интересах Муравьева было скрыть от следствия какие-либо свои контакты с членами тайного общества после 1819 г. Но в данном случае его показаниям, видимо, можно доверять, так как в действительности, судя по обстоятельствам, отмеченным в рассказе Горсткина, их встреча должна была состояться в то время, когда Муравьев только что принял решение о выходе из общества и известие об этом еще не дошло до большинства его товарищей, т. е. не в 1820, а в 1819 г. Итак, Горсткин сообщает, что когда он был «в Москве в отпуску, Александр Муравьев спрашивал меня: «Что у вас делается в Петербурге?» Я ему отвечал, что ничего не знаю и ни с кем сношения не имею и зачем в обществе, не понимаю. На сие он отвечал: «Ваши петербургские хитрят, *отдаляются от настоящей цели* [курсив наш.—*С. Д.*], почему я общество оставляю и советую всем, мною принятым, то же сделать». Убежденный словами Муравьева и его примером, Горсткин также покинул общество[71].

Таким образом, очевидно, к моменту выхода Муравье-

---

[69] Hansteen Ch. Op. cit., p. 211—212.
[70] *ВД*, т. 3, с. 14, 21.
[71] Там же, т. 18, с. 198—199.

ва из общества у него наметились разногласия с петербургским руководством Союза благоденствия по вопросу о целях и задачах деятельности тайного общества. Просветительская программа организации, разработанная при участии А. Н. Муравьева, была для него вполне приемлема, и впоследствии, уже после ссылки, он пытался применить на практике многие идеи первых тайных обществ. Но дальше этого он пойти не сумел, и перспектива перехода к активной борьбе с царизмом, радикальной по методам и целям, должна была оттолкнуть его (как и некоторых других видных, но умеренных деятелей первых декабристских обществ) от движения.

Однако Муравьев покинул Союз благоденствия еще до того, как радикальная программа возобладала, более чем за полгода до знаменитого январского совещания Коренной управы 1820 г., на котором, по словам П. И. Пестеля, «приняли все единогласно республиканское правление»[72], до того, как в тайном обществе снова и всерьез заговорили о цареубийстве. В момент ухода А. Н. Муравьева Союз благоденствия формально еще оставался на прежних позициях. И хотя Муравьев в это время уже мог, конечно, предвидеть дальнейшее развитие событий, неизбежную радикализацию программы Союза, невольно возникает впечатление, что он «опередил события», покинул общество раньше, чем этого следовало бы ожидать. И тут, по-видимому, сыграли роль и некоторые личные обстоятельства декабриста, прежде всего резкое изменение в образе его жизни после отставки.

До ухода в отставку осенью 1818 г. А. Н. Муравьев основное внимание уделял делам службы и общественной деятельности (прежде всего проблемам тайного общества). Жил он на свое полковничье жалование и деньги, не очень регулярно присылаемые отцом, и к нему вполне применимо утверждение С. П. Трубецкого, что «члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместьев»[73]. В дела отцовского имения он, насколько можно судить по сохранившейся переписке, не вмешивался да и не слишком ими интересовался. В среде передовой, патриотически настроенной, проникнутой прогрессивными идеями офицерской молодежи, в тесном кругу единомышлен-

[72] Там же, т. 4, с. 102.
[73] Трубецкой С. П. Материалы, с. 220.

ников сложились благоприятные условия для прихода А. Н. Муравьева в революционное движение. Человек несомненно талантливый, образованный, горячо желавший блага своей Родине и своему народу, Муравьев вполне закономерно сыграл видную роль в создании первых тайных обществ. И есть все основания утверждать, что в первое время после женитьбы А. Н. Муравьев отнюдь не помышлял о продолжительном разрыве с той средой, где у него зародились революционные идеи. Он не только сохранял связи с тайным обществом, но, как явствует из его писем брату Николаю, намеревался вскоре (через год—два) вернуться на службу, хотя и не в гвардию (очевидно, чтобы быть подальше от царского двора)[74]. Но вскоре его увлекли хозяйственные дела, хлопоты по имению, приобретенному в приданое за женой. Письма А. Н. Муравьева этого периода повествуют о семейных радостях, домашних заботах. С середины 1819 г., т. е. примерно с того же времени, когда А. Н. Муравьев заявил о выходе из Союза благоденствия, в его письмах все чаще появляются рассуждения на религиозные темы[75], и отвлеченные философские и религиозные проблемы, волновавшие декабриста и раньше, постепенно занимают в них все больше места. Есть основания утверждать, что в этот период А. Н. Муравьев частично пересматривает свои воззрения не только на деятельность тайных обществ, но и на некоторые другие важные проблемы русской действительности. Очень показательно в этой связи одно из публикуемых в настоящем издании писем Муравьева Е. С. Шаховской. Хотя и написанное позже (13 мая 1827 г.), это письмо, очевидно, отражает и взгляды А. Н. Муравьева начала 20-х гг. XIX в. Советуя теще, как лучше урегулировать вопрос о повинностях крестьян подмосковного имения Шаховских, А. Н. Муравьев рассуждает о сравнительной выгодности барщины и оброка, о том, что оброк — не дань крестьян помещикам, а справедливая плата помещику за землю[76]. Такого рода рассуждения в устах автора антикрепостнического «Ответа сочинителю речи» звучат довольно странно, тем более, что Муравьев, как показала его дальнейшая деятельность, оставался горячим сторонником освобожде-

[74] Наст. изд., с. 210, 212.
[75] Там же, с. 217 и др.
[76] Там же, с. 269.

ния крестьян, при этом с землей. Но, теоретически выступая против крепостного права и искренне желая его отмены в масштабах всей страны, Муравьев, став владельцем имения и занявшись хозяйством, помимо своей воли должен был усвоить некоторые обычные дворянские представления о взаимоотношениях помещика и крестьянина. Разумеется, он стремился облегчить положение своих крестьян, учитывать их нужды (свидетельства такой заботы мы находим, в частности, в его сибирских письмах). Но, вынужденный заботиться о содержании семьи и находясь в сложной материальной ситуации (имение было приобретено в долг и сразу же заложено)[77], А. Н. Муравьев не пытался, да, пожалуй, и не мог пытаться на практике, в собственном имении, осуществить идеи, которые сам он разделял и декларировал.

Семейная идиллия, размеренная деревенская жизнь вместо хлопотной службы, возможность спокойных занятий философией и теологией, поощряемых близкими, а одновременно сократившиеся контакты с членами тайного общества — все это способствовало резкому снижению у А. Н. Муравьева интереса к деятельности Союза благоденствия. Все это (возможно — в сочетании с уговорами С. С. Ланского), видимо, подтолкнуло Муравьева к решению, имевшему, как отмечалось, более глубокие причины.

Хотя Коренная управа Союза благоденствия сообщила А. Н. Муравьеву, что его совет распустить общество исполнен (о чем ему поручено было объявить московским членам), он (вопреки тому, что заключила по этому поводу Следственная комиссия)[78] отнюдь не был «обманут» этим «уверением», поскольку сам сообщил в показаниях, что знал о роспуске Союза благоденствия в 1821 г.[79] Но о дальнейшей деятельности тайных обществ и о подготовке к восстанию после смерти Александра I ему, очевидно, уже ничего не было известно.

Вскоре после восстания, 5 января 1826 г., московскому генерал-губернатору было предписано военным министром А. И. Татищевым «немедленно взять под арест живущего в Москве или близ оной отставного по квартирмейстерской части полковника Александру Муравьева со всеми

[77] Там же, с. 229, 232, 235, 286.
[78] *ВД*, т. 17, с. 125.
[79] Там же, т. 3, с. 21.

принадлежащими ему бумагами так, чтобы он не имел времени к истреблению их», и прислать в Петербург «под благонадежным присмотром»[80]. Это распоряжение было отдано после того, как П. И. Пестель показал на допросе, что Муравьев был в числе основателей первых тайных обществ. Его увезли из дома рано утром 11 января, даже не дав проститься с женой[81]. 13 января А. Н. Муравьева доставили в Петербург на главную гауптвахту, 14 января поместили в Петропавловскую крепость, а 15 января уже допрашивали в Следственном комитете. В своих показаниях он был очень осторожен. Не отрицая очевидных и хорошо известных следствию фактов — своей роли в создании первых тайных обществ и в Московском заговоре 1817 г., Муравьев назвал и около двадцати имен декабристов. Но при этом он перечислил почти исключительно руководящих деятелей тайных обществ — С. П. Трубецкого, П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, братьев Муравьевых-Апостолов и ряд других лиц, которые так или иначе должны были стать известны следствию[82]. Признав, что он «многих принимал» в общество[83], Муравьев, ссылаясь на забывчивость, не упомянул многочисленных рядовых членов Союза благоденствия, хорошо ему известных (например, С. С. Ланского, полковника И. П. Шипова, да и имена И. Н. Горсткина и М. Ф. Орлова появились в его показаниях лишь после того, как прозвучали в вопросных пунктах). Одновременно он пытался приуменьшить значение своей инициативы в создании тайного общества для дальнейшего развития декабристского движения, отмечая, что такая идея зародилась не только у него, что «общество генерал-майора Орлова составилось независимо от нашего»[84], но избегая освещать свою роль в привлечении членов организации М. Ф. Орлова в Союз благоденствия (уже выйдя в отставку и находясь в Москве, А. Н. Муравьев лично принял Орлова в это общество)[85]. Пытался А. Н. Муравьев и несколько приуменьшить значение Московского заговора[86]. Всячески подчеркивая и обыгрывая

---

[80] *ЦГВИА*, ф. 410, д. 293, л. 23.

[81] Дневник кн. Е. А. Шаховской.— Голос минувшего, 1920—1921, с. 104.

[82] *ВД*, т. 3, с. 10.

[83] Там же, с. 6.

[84] Там же, с. 16.

[85] Там же, т. 1, с. 307 (показания Н. М. Муравьева).

[86] Там же, т. 3, с. 10.

неоспоримый факт своего раннего выхода из общества и отсутствие контактов с ним после 1819 г., Муравьев много и охотно писал в показаниях о своем чистосердечном раскаянии, о том, что еще за семь лет до ареста отказался от прежних «заблуждений», «вольно-безумно-думства», выражал христианское смирение (довольно точное представление об этом дают публикуемые в настоящем издании письма А. Н. Муравьева из крепости к Николаю I и к жене). Такое поведение Муравьева на следствии дало затем основание Николаю I значительно смягчить его приговор «в уважение совершенного и искреннего раскаяния»[87]. Но это «раскаяние», видимо, не было столь «совершенным и искренним», как это можно было бы заключить на основе многочисленных деклараций самого Муравьева и в ходе следствия, и после ссылки. Он был вовсе не склонен сообщать многие существенные детали и факты, ссылаясь при этом на давность упоминаемых событий и плохую память. О существовании второй, революционной, части устава Союза благоденствия он сказал только 31 марта после того, как об этом сообщил С. П. Трубецкой. «О сей второй части я не упомянул в первом моем показании потому, — заявил Муравьев, — что она не была ни утверждена, ни принята обществом, а была в виде проекта»[88]. Только после признания А. З. Муравьева о его плане убить Александра I во время приема в Грановитой палате это подтвердил 26 апреля и А. Н. Муравьев[89]. Следственный комитет не во всем доверял его показаниям, сделав 1 февраля 1826 г. заключение: «продолжает отрицаться незнанием»[90]. Хотя Комитет по царскому распоряжению решил «не отсылать к суду» тех, «которые хотя знали вполне цель общества, но отпали от него после закрытия на съезде в Москве в 1821 году»[91], А. Н. Муравьев был предан Верховному уголовному суду. Ему не могли простить, что он был одним из основателей Союза спасения, что принимал самое активное участие в Московском заговоре 1817 г., целью которого было убийство царя, что «приготовлял новых членов и весьма многих привлек в Со-

---

87 Там же, т. 17, с. 232.
88 Там же, т. 3, с. 24.
89 Там же, с. 29.
90 Там же, с. 409.
91 Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки.— Рус. старина, 1898, № 11, с. 350.

юз благоденствия»[92]; что состоял в комиссии, разрабатывавшей вторую часть его устава с сокровенными революционными целями. Верховный уголовный суд отнес Муравьева к VI разряду «преступников» и приговорил к 6 годам каторжных работ. Николай I при конфирмации приговора 10 июля 1826 г. значительно уменьшил наказание, заменив каторжные работы ссылкой в Сибирь без лишения чинов и дворянства. При смягчении приговора было, как отмечалось, принято во внимание и сильное «раскаяние» во время следствия, и ранний уход из тайного общества; какую-то роль сыграли и настойчивые хлопоты родственников.

Местом ссылки Муравьеву был назначен Якутск. Было предписано его «отправить с фельдъегерем, наблюдая, чтобы он ехал в телеге, а не в своем экипаже; буде жена его пожелает с ним ехать вместе, то ей в том отказать, дозволив ей только отправиться за ним вслед»[93]. Увозимого в Сибирь Муравьева жена и родственники встретили на станции Пелла, в 35 верстах от Петербурга. Он, по свидетельству Е. А. Шаховской, «похудел и страшно изменился; от него осталось только четверть того, что он был раньше; черты лица его хранят следы глубокой скорби. Его каземат был тесен и во все время заключения он был совершенно одинок; если же к нему и приходили офицеры из крепости, то вовсе не для того, чтобы его утешить, поддержать, но чтобы передать ему лживые сплетни. Даже священник, их духовник, был агентом государя, шпионом, который испортил жизнь многим доверившимся ему, в том числе и моему брату (П. А. Муханову. — *Ю. Г.*). <...> Невозможно опомниться от того, что приходится слышать о жестокости, злоупотреблениях, бессовестности в Следственной комиссии, Сенат тоже вел себя восхитительно, и, наконец, его величество. Куда же, наконец, скрылось правосудие? Во всяком случае, его не слышно в приговоре, вынесенном нашим несчастным узникам»[94]. Тотчас вслед за мужем выехала в Сибирь с четырехлетней дочкой П. М. Муравьева. Ее сопровождали сестры — княжны Екатерина и Варвара, невеста декабриста П. А. Муханова, которой Николай I так и не разрешил соединиться с лю-

---

[92] *ВД*, т. 8, с. 129.
[93] Там же, с. 355.
[94] Дневник кн. Е. А. Шаховской, с. 108.

бимым человеком под предлогом того, что они были в свойстве: брат Варвары, кн. Валентин Шаховской, был женат на сестре Муханова, Елизавете. П. М. Муравьева догнала мужа только в Иркутске. Он очень просил местные губернские власти разрешить задержаться в городе до весны, так как после тяжелейшей дороги был «весьма слаб и нездоров», а, кроме того, из писем тещи Е. С. Шаховской узнал, что она выхлопотала изменение места ссылки — вместо далекого холодного Якутска он должен был ехать в Верхнеудинск. Но иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер был непреклонен, и Муравьевы, которым из Иркутска разрешили ехать вместе, заняв под большие проценты деньги на экипировку (помог им сделать заем в Иркутской питейной конторе кн. А. Б. Голицына друг Муравьева С. С. Ланской) и с трудом найдя проводников, вынуждены были отправиться в Якутск. Когда путники по невообразимо трудной дороге отъехали от Иркутска более чем на 200 верст, их догнал фельдъегерь, объявивший, что местом ссылки Муравьеву назначен Верхнеудинск[95]. Только в Верхнеудинске Муравьев был освобожден от постоянного и пристального надзора сопровождавшего его в ссылку жандарма. «На следующий день после нашего приезда, — рассказывал Муравьев Х. Ганстену, — я сделал маленькую прогулку по городу. Был прекрасный зимний день, и я весь был наполнен невыразимой радостью, что могу идти, куда мне нравится; однако на каждом углу улицы я поворачивался, чтобы посмотреть, не следует ли за мной мой страж. Никто так высоко не ценит свободу, как те, которые ее лишались на какое-то время»[96]. Арест, крепость, суд, тяжелый путь в ссылку заметно изменили Муравьева. У него еще более усиливаются религиозно-мистические настроения. Он становится очень скрытным человеком, и лишь самые близкие ему люди знали, как велико было его внутреннее смятение и как он мучительно переживал и за себя, и особенно за других декабристов[97]. Прекрасно зная, что вся корреспонденция его семьи проверяется III Отделени-

---

[95] Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 48—49.

[96] Hansteen Ch. Op. cit., p. 216.

[97] Жалуясь теще на свое тяжелое положение, Муравьев писал: «И сравнительно что моя участь в сравнении с другими» (Письмо от 22 апреля 1827 г., *ГБЛ*, ф. 336/II, 17.31).

ем[98], он очень старательно пытался выдать себя за человека, преданного царю за «неизреченные благодеяния его»[99], но в письмах к родственникам и друзьям зачастую прорывалась истина, и становилось известным, что «неизреченные» царские «благодеяния» довели семейство Муравьевых, совершенно запутавшееся в долгах, почти до материальной катастрофы.

В Верхнеудинске Муравьевы жили очень уединенно, тяжело переживая настороженное, враждебное отношение к себе со стороны местных чиновников. А. Н. Муравьев с горечью писал теще 22 апреля 1827 г.: «Всякий меня здесь обегает, боится, удаляется, как от зараженного проказою и чесоткою бегают»[100]. Очень угнетало его и тяжелое материальное положение, необходимость платить огромные проценты по долгам, в том числе — сделанным в связи со ссылкой. Эти обстоятельства, а также стремление быть чем-то полезным заставили Муравьева усиленно хлопотать о разрешении поступить в Сибири на гражданскую службу. 13 апреля 1828 г. он был назначен иркутским городничим. Только суровая необходимость вынудила ссыльного декабриста, отставного полковника Генерального штаба, занять эту должность. «Закрыв алчную и ненасытную пасть желаний, лучше и справедливее нести свой крест молча», — писал он своему приятелю Ланскому в ноябре 1828 г.[101] Однако эти настроения не мешали Муравьеву ревностно выполнять служебные обязанности. Он много сделал для благоустройства города —

---

[98] Недоумевая, почему задерживаются их письма, Муравьев писал теще в июле 1827 г.: «Мы, кажется, ничего такого не пишем, чего бы даже и в газетах публиковать нельзя было». В письме от 3 ноября 1827 г. он повторяет: «Переписка наша, конечно, весьма продолжительными идет путями» (*ГБЛ*, ф. 336/II, 26. 6 а).

[99] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 1 (Письмо Муравьева А. Х. Бенкендорфу от 4 декабря 1826 г.). Отсюда и характерные для многих писем сибирского периода (сохранившихся нередко в цензурных копиях) дежурные фразы о «высочайшей милости», «милосердии монаршем», «благожелательных и мудрых поступках августейшего монарха» (наст. изд., письма 65, 70, 71, 73, 74, 83, 85, 93, 98, 99), явно рассчитанные не столько на самих адресатов, сколько на почтовую цензуру, III Отделение, а в конечном счете — на самого неравнодушного к лести «всемилостивейшего государя», фразы, исчезающие почти сразу же после возвращения декабриста в Европейскую Россию.

[100] Наст. изд., с. 266.

[101] Там же, с. 286.

создал парк для гуляний на берегу Ангары, построил впервые тротуары, составил статистическое описание Иркутска с подробными сведениями о численности населения, его национальном и социальном составе, о состоянии торговли и промышленности (к описанию был приложен план города), надеясь, что это принесет пользу жителям и будет способствовать развитию производительных сил края[102]. Он принял самое активное участие в столкновении иркутской администрации с архиепископом Иринеем и во многом способствовал его удалению из Иркутска. Самую нелестную характеристику Иринея Муравьев, по-видимому, получил от декабриста В. Ф. Раевского, которому немало пришлось пережить по вине этого человека. (Будучи ректором Кишиневской духовной семинарии,Ириней написал не один донос на ланкастерскую школу, организованную декабристами в дивизии М. Ф. Орлова[103].) Много сил потратил иркутский городничий на борьбу со взяточничеством и корыстолюбием, укоренившимися среди сибирского чиновничества. Очень заметно было его стремление брать под свою защиту притесняемых и бедных, за что богатое сибирское купечество, подкупавшее щедрыми взятками полицейских чиновников, очень не жаловало городничего-правдолюбца. Приехавший в Сибирь с секретным поручением из III Отделения жандармский подполковник А. П. Маслов (он должен был посетить те места, где жили сосланные «государственные преступники», для наблюдения «за образом жизни, связями и направлением духа сих людей») доносил А. Х. Бенкендорфу, что иркутская полиция «попечением г[осподина] полковника Муравьева доведена до отличного состояния, основанием оной есть строгое выполнение всех полицейских правил без малейшего стеснения обывателей» и что иногда на нее ропщут богатые купцы, которые «привыкли не находить препон в своих намерениях, им кажется оскорбительным всякое законное требование порядка и подчинения, они ду-

[102] Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 50—51.

[103] Об истории столкновения Иринея с иркутской администрацией см.: Ириней Несторович, архиепископ Иркутский.— Рус. старина, 1882, № 9, с. 561—586; № 10, с. 95—118; Письма А. Н. Муравьева будущему обер-прокурору Синода С. Д. Нечаеву.— Рус. архив, 1893, кн. 2, с. 135—143; Воспоминания В. Ф. Раевского.— Раевский В. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 351, 488.

мают, что богатство их должно во всяком случае быть уважаемо <...>, они сопротивляются, делают разного рода грубости и выходят из должного повиновения»[104].

Хорошо зная, что его образ жизни является предметом самого тщательного наблюдения и местного начальства, и III Отделения (письма семейства Муравьевых по-прежнему тщательно перлюстрировались[105], а в их иркутский дом засылались провокаторы и шпионы — Р. М. Медокс, барон Шиллинг[106]), стремясь добиться возвращения из Сибири, А. Н. Муравьев должен был избегать всех сколько-нибудь компрометирующих его в глазах правительства знакомств и контактов. И тем более ценны дошедшие до нас свидетельства помощи и поддержки, оказанных ряду декабристов Муравьевым и его семьей. Городничий-ссыльный делал вид, что не замечает, как его жена и особенно свояченица В. М. Шаховская помогали им всем, чем только могли. А. Е. Розен вспоминал: «В. М. Шаховская во все время своего пребывания при родной сестре в Верхнеудинске и в Иркутске была неутомимая защитница и утешительница всех наших узников читинских»[107]. Находили приют в гостеприимном доме А. Н. Муравьева жены декабристов, ехавшие к мужьям, переезжавший на новое место поселения декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Декабристов В. М. Голицына, В. С. Толстого, З. Г. Чернышева, отправлявшихся после каторги служить солдатами на Кавказ, переведенного туда же из Иркутского гарнизонного полка декабриста А. Л. Кожевникова А. Н. Муравьев снабдил рекомендательными письмами к своему брату Николаю, ставшему к тому времени генералом и занимавшему видный пост в Кавказском корпусе. Очень помогал А. Н. Муравьев осужденным за участие в Оренбургском политическом кружке В. П. Колесникову и Д. П. Таптыкову. Они рассказывали декабристу В. И. Штейнгейлю, что Муравьев, сам переживший немало, «лучше других умел участвовать в несчастии <...> страдальцев. Он <...> делал для них все, что мог»[108].

---

[104] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп. 1828 г., д. 29, л. 1, 47—48.

[105] Герасимова Ю. И. А. Н. Муравьев и его записки.— В кн.: Декабристы. Новые материалы, с. 150.

[106] Штрайх С. Я. Провокация среди декабристов; *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 97.

[107] Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 275.

[108] Рус. старина, 1882, № 1, с. 159.

Служба городничим очень тяготила Муравьева. Через родственников и друзей он усиленно хлопотал, чтобы его перевели на другое место. П. М. Муравьева просила своего двоюродного дядю гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, чтобы мужа назначили председателем Иркутского губернского правления, что более должности городничего соответствовало его чину, знаниям и нравственным качествам[109]. Но на все представления и просьбы, в том числе и генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского Николай I неизменно отвечал: «рано еще»[110]. Только 11 июля 1831 г. Муравьев был назначен председателем Иркутского губернского правления и оставался на этом месте до осени 1832 г. Пребывание Муравьевых в Иркутске оставило определенный след в жизни города. Оно оказало воздействие на чиновничью среду, для которой не могла пройти бесследно деятельность декабриста, защищавшего правду и справедливость и боровшегося против взяточничества и злоупотреблений. Дом Муравьевых в Иркутске стал своеобразным притягательным центром для тех, кто попал в эти далекие края не по своей воле. Постоянным их гостем был живший на поселении недалеко от Иркутска декабрист В. Ф. Раевский; частенько заходил туда разжалованный в рядовые и определенный на службу в Иркутский гарнизон Н. Н. Фролов, за которого А. Н. Муравьев хлопотал перед своим братом Николаем, прося его помочь переводу несчастного в Кавказский корпус, так как в Иркутске ему «очень худо», ибо привыкли там «смотреть на страждущих с равнодушием и презрением»[111]. Постепенно в дом Муравьева стали заглядывать и местные жители — купцы Д. О. Портнов и В. Н. Баснин, чиновник губернского правления А. И. Турчанинов, врач Р. Ф. Крузе, учителя иркутской гимназии С. С. Щукин, Ю. И. Джулиани и др. У Муравьевых нередко бывали музыкальные вечера — П. М. Муравьева и ее сестры были прекрасными пианистками, сам Муравьев очень недурно играл на скрипке и хорошо пел[112]. По свидетельству X. Ганстена, почти ежедневно бывавшего у Му-

---

[109] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 66 об.— 67.

[110] Там же, л. 78.

[111] Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 245.

[112] См. письма кнж. В. М. Шаховской матери от 3 ноября 1827 г., от 5 ноября 1828 г. (*ГБЛ*, ф. 336/II, 43. 1).

равьевых во время своего пребывания в Иркутске, в их доме велся оживленный обмен мнениями по вопросам литературы и науки. Он отметил, что, несмотря на свое увлечение мистицизмом, Муравьев, прекрасно владевший несколькими иностранными языками и хорошо знакомый с последними достижениями в области математики и естествознания, был интересным собеседником. Очень образованной, живо интересовавшейся успехами науки была и женская половина семьи. В частности, именно по просьбе П. М. Муравьевой Х. Ганстен прочел в их доме лекции по земному магнетизму[113]. Важно подчеркнуть, что благодаря А. Н. Муравьеву к кругу передовых культурных и общественных интересов его семьи были привлечены и другие иркутяне, которых, как это видно из писем декабриста, он мечтал приобщить к выполнению просветительской программы, разработанной в свое время в Союзе благоденствия[114].

25 июня 1832 г. был издан высочайший приказ о переводе декабриста из Иркутска, но не в Европейскую Россию, как он надеялся, а в Западную Сибирь, на место председателя Тобольского губернского правления. Прибыв в Тобольск, А. Н. Муравьев 30 октября 1832 г. был назначен и исполняющим обязанности губернатора и занимал эту должность до 25 января 1834 г. Несмотря на столь значительное служебное положение, он по-прежнему находился под строгим секретным наблюдением; его письма и письма его родственников тщательно проверялись, по всей России был разослан список лиц, с которыми он переписывался[115]. А. Н. Муравьев продолжал непримиримую борьбу против взяточничества и самоуправства чиновничества и оставался человеком с независимыми, стойкими и честными убеждениями, безбоязненно выступая против незаконных распоряжений вышестоящих. Он, в частности, разоблачал деятельность генерал-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, в результате которой в крае укоренились «беспорядки, неустройства, злоупотребления <...>, притеснения, лихоимства и грабительства градских и земских полиции и других мест и

---

[113] Hansteen Ch. Op. cit., p. 218.
[114] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 86—87, 101—102.
[115] Там же, л. 104.

лиц»[116]. Семейство Муравьева продолжало с его молчаливого согласия опекать декабристов, часть которых была поселена в Тобольской губернии. Сам Муравьев тоже делал попытки как-то облегчить их участь. Он сумел помочь выехать из Сибири на родину для устройства семейных дел участнику Польского тайного общества П. М. Мошинскому, жена которого воспользовалась правом, предоставленным Николаем I, и вышла вторично замуж, бросив свою дочь[117]. Однако за хлопоты о переселении декабриста А. Ф. Бриггена из селения Пелыма в южную часть Тобольской губернии III Отделение поставило Муравьеву «на вид неуместность» представления, так как император якобы сам «по собственному милосердному побуждению непрестанно оказывает им (декабристам. — *Ю. Г.*) облегчение их жизни, даже свыше меры, ими заслуженной, не ожидая ни представлений, ни домогательств о сем»[118]. Было сделано ему замечание из III Отделения и за то, что, приехав в Ялуторовск, встречался с «государственными преступниками» — В. К. Тизенгаузеном, А. В. Ентальцевым и А. И. Черкасовым[119]. Новый строгий выговор Муравьев получил после того, как иркутским гражданским губернатором И. Б. Цейдлером были задержаны письма его жены и свояченицы В. М. Шаховской, тайно посланные декабристу П. А. Муханову (письма были спрятаны под двойным дном ящика с семенами, пересылавшимися Муханову по почте)[120]. Несмотря на то, что в письмах, по мнению III Отделения, не содержалось «ничего преступного»[121], а речь шла только о новом проекте хлопот о браке Шаховской и Муханова, правительство решило убрать Муравьева из Тобольска. 21 декабря 1833 г. был издан приказ о его назначении председателем Вятской уголовной палаты на «низшую против прежнего должность»[122]. Страшное горе обрушилось на Муравье-

---

[116] Наст. изд., с. 138.

[117] Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 53.

[118] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 112 об.

[119] Рабкина Н. А. Указ. соч., с. 53.

[120] Переписка III Отделения по этому вопросу опубл.: Сиверс А. П. А. Муханов. Материалы для биографии.— В кн.: Памяти декабристов. Сб. материалов: В 3-х т. Л., 1926, т. 1, с. 194—199.

[121] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 112.

[122] Там же, л. 117.

вых в последние дни их жизни в Тобольске — умерла их горячо любимая, родившаяся в Сибири маленькая дочь Прасковья. П. М. Муравьева так и не смогла оправиться от этого удара. Тяжело заболев после смерти ребенка, она скончалась в Вятке 29 января 1835 г. Родственникам было дано разрешение похоронить ее в подмосковном Иосифо-Волоколамском монастыре. Муравьеву дали четырехмесячный отпуск и позволили сопровождать тело умершей, поставив условие, «чтобы он ни под каким видом не заезжал ни в Москву, ни в С[анкт]-Петербург». Специальный агент следил за его поведением на похоронах[123].

Брат Муравьева Н. Н. Муравьев и двоюродный брат А. Н. Мордвинов (управляющий канцелярией III Отделения) выхлопотали для декабриста назначение в Симферополь председателем Таврической уголовной палаты. Здесь он прослужил с 25 мая 1835 г. до осени 1837 г. и в 1837 г. несколько раз в отсутствие таврического гражданского губернатора выполнял его обязанности[124]. Смерть жены глубоко потрясла Муравьева; он все более и более погружается в мистицизм, усиленно занимается чтением библейских текстов (изучив для этого древнееврейский язык) и переводом сочинений известного шведского мистика и философа Эммануила Сведенборга. Став ревностным последователем идей Сведенборга, Муравьев старался обратить в «истинную веру» и других. Свояченице княж. М. М. Шаховской (1799—1885), которая вела его хозяйство и воспитывала двоих его детей — пятнадцатилетнюю Соню и семилетнего Ваню (в 1842 г. она стала женой А. Н. Муравьева), он подарил копию своего перевода основополагающего сочинения Сведенборга «Учение Нового Иерусалима о вере». М. М. Шаховская писала сестрам 18 ноября 1837 г.: «С нашим несравненным Александром не заснешь; он понукает беспрестанно и других к той деятельности, которой сам возбужден»[125]. В Симферополе он продолжил борьбу за справедливость и законность, что привело его к столкновению с губернскими властями и с гр. М. С. Воронцовым, бывшим в то время генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии. 23 ноября 1836 г. Муравьев писал своему знакомому, протоиерею А. Т. Шиллегодскому, в Вятку: «Выдержал от здеш-

---

[123] Там же, л. 126, 130 а — 130 б.
[124] *ИРЛИ*, Р. I, оп. 17, № 430, л. 7 об.— 10 об.
[125] *ГБЛ*, ф. 336/II, 20. 5.

него губернатора, прокурора и генерал-губернатора такую осаду, что если бы не господь бог помог мне, то я согнан был бы с поприща служебного. На меня нападали за то, что я по долгу звания моего и присяги обличал беспорядки»[126]. Ополчились на Муравьева за его выступление в защиту одного мелкого чиновника при разборе дела, в котором был замешан гражданский губернатор А. И. Казначеев. «На твой счет были накинуты злодейские штуки,— писал декабристу его брат Николай, — в Петербурге распустили слух, что ты с ума сошел, какое пакостное средство вредить человеку или удалить его, когда нельзя сразить истиною»[127]. Воронцов постарался избавиться от беспокойного подчиненного, объявив, что он «неуживчив» и имеет «наклонность к подозрению»[128].

В ноябре 1837 г. А. Н. Муравьев был назначен архангельским губернатором. Ему разрешили по дороге к новому месту службы на некоторое время остановиться в Москве, но запретили приехать в Петербург для получения инструкций из Министерства внутренних дел[129]. По-видимому, правительство считало, что вернувшийся из ссылки декабрист мог вызвать «нездоровый интерес» в обществе.

А. Н. Муравьев произвел очень большое впечатление на М. А. Бакунина, с которым познакомился в Москве. Будущий теоретик анархизма и народничества писал своим сестрам в середине марта 1838 г.: «Я подружился с Александром Николаевичем Муравьевым в настоящем и полном смысле этого слова: мы с ним сошлись в том, что составляет сущность наших двух жизней; разница лет исчезла перед вечной юностью духа. <...> Он — редкий, замечательный и высокий человек»[130]. Это восхищение передалось и друзьям Бакунина, слышавшим от него много

---

[126] В[ерещагин] А. Редкий масон на Вятке тридцатых годов. Вятка, 1899, с. 20.

[127] Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 56.

[128] Письмо гр. М. С. Воронцова к С. Д. Нечаеву.— Рус. архив, 1893, кн. 2, с. 145.

[129] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 135—136.

[130] Бакунин М. А. Указ. соч., т. 2, с. 153. Из писем Бакунина видно также, что он был очень неравнодушен к дочери А. Н. Муравьева Соне; о будущей жене декабриста М. М. Шаховской он писал, что она «очень умная и добрая женщина, разделяющая совершенно образ мыслей А[лександра] Н[иколаевича]» (там же, с. 162).

рассказов о новом знакомом. В. Г. Белинский даже попытался в своей драме «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» создать образ декабриста, через двенадцать лет вернувшегося из Сибири. Прототипом героя пьесы, Петра Андреевича Думского, был А. Н. Муравьев. Но по требованию цензуры Белинскому пришлось изъять из пьесы образ бывшего политического ссыльного П. А. Думского[131].

Только год пробыл Муравьев в Архангельске. 7 июня 1839 г. его уволили с должности «без прошения», запретив даже въезд в Архангельскую губернию. Эта гроза разразилась из-за позиции Муравьева в связи с волнением крестьян села Ижмы Архангельской губернии[132]. Его анализ причин волнения, начавшегося еще в 1833 г. (крестьяне отказывались работать на строительстве дороги из Мезени в Пинегу и размежевывать свои пастбища с ненцами), и предложение только в крайнем случае использовать военную команду не встретили поддержки в Министерстве государственных имуществ и у специально приехавшего в Архангельск флигель-адъютанта Н. И. Крузенштерна. Последний считал, что виной всему взяточничество губернских чиновников. Муравьев, составивший для министра внутренних дел специальную записку, постарался нарисовать в ней подлинную картину положения ижемских крестьян, большая часть которых страдала от своеволия деревенских богатеев, и одновременно защитить губернские власти, отметив, что получали «подарки» и «подношения» приехавшие расследовать волнения чиновники Министерства государственных имуществ[133]. На этот раз Муравьева в его неравной борьбе поддерживал жандармский полковник С. Сорокин, доносивший в одном из

---

[131] Уч. зап. Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского, 1952, т. 31, с. 257—258.

[132] О волнении крестьян см.: Хонькин Д. Н. Волнения ижемских крестьян 1833—1838 гг. Сыктывкар, 1941. К сожалению, Д. Н. Хонькин односторонне и тенденциозно изобразил действия Муравьева, зачислив его в число «лихоимцев и взяточников». Д. Н. Хонькин утверждал, что Муравьев собирался организовать военный поход против крестьян, а заявления о «кротких мерах делал потому, что трусил, боялся за свою шкуру»! (с. 63). Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2-х т. М., 1946, т. 1, с. 209—211; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. документов. М., 1961, с. 328—330, 671.

[133] *ГБЛ*, ф. 336/II, 18. 31.

рапортов, что «губернатор ищет не защиты чиновников, а справедливости, дабы виновные не остались без наказания. Ежели прежде были, вкравшиеся в губернии, непозволительные действия и лихоимство со стороны чиновников земской полиции, то они со вступлением г[осподина] Муравьева в управление губернией пресеклись или пресекаются со всею строгостью»[134].

Попытки А. Н. Муравьева доказать свою правоту, добиться оправдания своих действий в Комитете министров не увенчались успехом. Он поселился в своем имении Ботово и погрузился в хозяйственные заботы, безуспешно пытаясь расплатиться с многочисленными долгами. Не поправило его дел и наследство, полученное в 1840 г. после смерти отца. Доставшееся ему имение Осташево было обременено долгами, которые А. Н. Муравьев принял на себя, он должен был выплатить братьям их часть наследства, и хотя в результате сделался владельцем 1000 душ крестьян, его материальное положение не улучшилось и, может быть, даже осложнилось[135]. Это заставило Муравьева усиленно хлопотать о разрешении вернуться на службу. Лишь в апреле 1843 г. он был причислен к Министерству внутренних дел; став с февраля 1846 г. членом совета министра, он выполнял различные поручения по ревизии отдельных губерний, в сентябре 1848 г. был произведен в действительные статские советники. Но эта служба не удовлетворяла его, и в мае 1851 г. он вновь надел военный мундир, в том же чине полковника, в котором ушел в отставку более 30 лет назад. Его дальняя родственница В. С. Ганенфельдт писала своему брату М. С. Корсакову: «Алекс[андр] Ник[олаевич] Муравьев <...>

---

[134] *ЦГАОР*, ф. 109, IV эксп., 1838 г., д. 126, л. 119—119 об.

[135] Наст. изд., с. 329—330. Н. А. Задонский утверждал, что, «сделавшись после смерти отца владельцем села Осташева, Александр Муравьев, не раздумывая, приступил к освобождению своих крестьян, отводя им земельные угодья, наделяя инвентарем и скотом, помогая обстраиваться на новом месте» (Задонский Н. Тайны времен минувших, с. 18—19). Но это утверждение основано на недоразумении. Приведенные Н. А. Задонским отрывки писем А. Н. Муравьева брату Николаю не дают никаких оснований для подобного вывода. В первом из них речь идет о чисто хозяйственном мероприятии — переселении крестьян на новое место, во втором — об освобождении по просьбе брата Николая небольшой группы его дворовых (видимо, по завещанию отца, что было довольно обычным явлением). В унаследованных имениях А. Н. Муравьев продолжал вести обычное помещичье хозяйство.

поступил в военную службу полковником, все удивляются, но это, может быть, для того, чтобы за долги qu' on ne le mette en prison»[136]. Очень сокрушался о брате Н. Н. Муравьев, беспокоясь, «чтобы силы и здоровье устояли — под 60 лет ему, и отвык он от такой деятельности и суетливой жизни, отвык от верховой езды»[137]. Вскоре на Муравьева обрушилось новое огромное горе. 1 сентября 1851 г., когда он был на маневрах в Москве, в имении Белая Колпь умерла от туберкулеза его горячо любимая дочь Соня. «Бедный, жалкий отец, — писала В. С. Ганенфельдт М. С. Корсакову 14 сентября 1851 г., — <...> Sophie была его утешением во всех трудностях и неудачах жизни, бедный, бедный, каково тяжело будет ему теперь без нее!»[138]

Несколько лет прослужив в Петербурге в Генеральном штабе (в должности члена Военно-ученого комитета), во время Крымской войны в июле 1854 г. А. Н. Муравьев был командирован в Варшаву в распоряжение командования войсками 1-го и 2-го гренадерских пехотных корпусов, а с августа того же года числился состоящим при Главном штабе действующей армии. Находясь в Царстве Польском. по поручению И. Ф. Паскевича он составил «Военное обозрение Галиции в конце 1854 г.», высоко оцененное специалистами[139]. В январе 1855 г. Муравьев был назначен начальником штаба 2-го пехотного корпуса, в марте того же года произведен в генерал-майоры Генерального штаба. Однако службу Муравьева омрачал конфликт с непосредственным начальником, командиром корпуса Ф. С. Панютиным. Он относился к подчиненному предубежденно и предлагал подать рапорт об отставке, говоря: «а то ведь хуже будет, когда Вас к этому принудят. Да к тому же Вы совершенно отстали от дела, Вы ничем не можете заняться, бывши 40 лет в несчастии». Панютин несколько изменил свое отношение к Муравьеву только после лестного

---

[136] «чтобы его не посадили в тюрьму» (франц.)— *ГБЛ*, ф. 137, 84.23.

[137] Там же, ф. 137, 110.16, письмо Н. Н. Муравьева М. С. Корсакову 1 сентября 1851 г.

[138] Там же, ф. 137, 82.24.

[139] *ИРЛИ*, Р. I, оп. 17, № 430, л. 13 об.— 16 об.; Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 58.

отзыва И. Ф. Паскевича о составленном им «Военном обозрении Галиции»[140].

А. Н. Муравьев был участником похода Дунайской резервной армии в Крым в июле 1855 г. и очевидцем последнего этапа Севастопольской обороны, но на боевых позициях находился лишь до 28 июля, когда, получив отпуск, покинул войска. Причиной этого была болезнь декабриста: он почти ослеп и сам не мог ни писать, ни читать, была необходима срочная операция катаракты. В сентябре А. Н. Муравьев был окончательно уволен от должности и продолжал только числиться при Генеральном штабе[141].

Однако эта фактическая отставка продолжалась недолго. В стране назревали перемены. Потерпев поражение в войне, царизм был вынужден искать путей выхода из кризиса, идти на реформы. И А. Н. Муравьев, несмотря на недавнюю болезнь, принялся настойчиво хлопотать о новом месте службы, где он мог бы принести пользу своему народу. В сентябре 1856 г. 64-летний декабрист по протекции своего старого друга С. С. Ланского, ставшего в августе 1855 г. министром внутренних дел, был назначен нижегородским военным губернатором. «В мои годы нужен уже покой, — писал он племяннику А. В. Шаховскому перед отъездом в Нижний Новгород, — но всевышнему угодно, чтобы я еще потолкался в мире»[142]. Декабрист В. Ф. Раевский, посетив Муравьева в Нижнем Новгороде, был поражен его видом. «Если б я не ожидал его, — писал Раевский, — я бы нигде и никак не узнал его. <...> Ко мне вошел старик сухощавый, волосы на голове и усах были совершенно белые, сгорбившись, прихрамывая на одну ногу. Он был развалиной»[143]. Но этот старый и больной человек поражал окружающих своей неутомимой деятельностью[144] и, по словам В. Г. Королен-

---

[140] Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 58.

[141] Наст. изд., с. 336, 341; *ИРЛИ*, Р. I, оп. 17, № 430, л. 17 об.— 18 об.

[142] *ГБЛ*, ф. 336/II, 18. 5, письмо от 19 октября 1856 г.

[143] Раевский В. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 369.

[144] О нижегородском периоде деятельности Муравьева см.: Савельев А. А. Несколько слов о бывшем нижегородском губернаторе А. Н. Муравьеве.— Рус. старина 1898, № 6, с. 609—629, № 7, с. 69—93; Стремоухов П. П. Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев (Из моих воспоминаний).— Рус. старина,

ко, «обнаружил свою личность выразительно и ярко, надолго оставив по себе память в Нижегородском крае»[145]. А. Н. Муравьев считал службу в Нижнем Новгороде своей лебединой песней, ибо сбывалась пронесенная им через все жизненные невзгоды мечта — он принимал участие в отмене крепостного права.

Борьба с нижегородскими крепостниками, стремившимися оттянуть решение крестьянского вопроса, потребовала от Муравьева много времени и сил. Характерно, что местные реакционеры нашли поддержку у М. Н. Муравьева-Вешателя, угрожавшего брату всякими неприятностями, если он будет так настойчиво действовать в этом направлении. Но старый декабрист остался непреклонен. Ему удалось добиться того, чтобы в Нижнем Новгороде был создан один из первых губернских комитетов «по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян», хотя значительная часть дворянства во главе с губернским предводителем Н. Н. Котлубицким всячески пыталась это оттянуть. Речь губернатора на открытии комитета 18 февраля 1858 г.[146] по исходным позициям довольно близка знаменитому «Ответу сочинителю речи...» и проникнута заботой о судьбе угнетенного крестьянства и убежденностью в необходимости его освобождения. С большим удовлетворением речь была встречена декабристами — М. И. Муравьевым-Апостолом, Е. П. Оболенским, находившимся в Нижнем Новгороде Т. Г. Шевченко[147]. Она очень обеспокоила жандармского подполковника А. Н. Коптева, доносившего в III Отделение: «Это возмутительная прокламация, потому что генерал Муравьев <...> предлагает восстановление утраченной свободы прав человека»[148]. Отношение старого декабриста к работе Нижегородского комитета, где развернулась ожесточенная борьба между либеральной и крепостнической группами дворянства, демонстрировало особую, далеко выходившую за рамки гу-

---

1901, № 5, с. 349—361; Ветринский Ч. Указ. соч.; Задонский Н. Указ. соч.; Герасимова Ю. И. Декабрист А. Н. Муравьев в годы первой революционной ситуации.

145 Короленко В. Г. Указ. соч., с. 114.

146 Наст. изд., с. 147—148.

147 Летописи Гос. литературного музея. Декабристы. М., 1938, кн. 3, с. 221, 266, 477; Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1965, т. 5, с. 196.

148 *ЦГАОР*, ф. 109, IV эксп., 1857 г., д. 199, л. 21—21 об.

бернаторских обязанностей, заинтересованность в скорейшем решении крестьянского вопроса.

Поскольку нижегородское дворянство из-за острых разногласий оказалось неспособным оперативно разработать проект «Положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», губернатор сам взялся за перо. Немалую роль в этом сыграло нетерпение самого Муравьева, его стремление лично принять участие в работе над проектом и попытаться придать правительственным положениям, сформулированным в рескрипте Александра II 24 декабря 1857 г. и других документах, более широкое истолкование.

Однако, занимая губернаторский пост, Муравьев вынужден был исходить из официальных правительственных документов, и составленный им проект не отражал его подлинных взглядов на крестьянский вопрос. Хотя сам Муравьев был сторонником освобождения крестьян с землей [149], проект предусматривает лишь выкуп крестьянами усадебной земли[150]. В тот момент дальше этого пойти он не мог — новая программа реформы, предоставившая крестьянам возможность выкупа земельного надела, была принята правительством лишь в декабре 1858 г.

Но в некоторых случаях Муравьев по-своему интерпретировал положения существующих инструкций и циркуляров. Это особенно заметно при рассмотрении прав помещиков по отношению к крестьянам. Так, в главе VIII, формально не оспаривая инструкции, согласно которой на время переходного состояния помещики сохраняли право сдавать крестьян за провинности в рекруты или отдавать в распоряжение правительства для переселения в другие губернии, А. Н. Муравьев прежде всего лишает помещика возможности решить этот вопрос без санкции целого ряда инстанций, в том числе и общинного суда[151]. Он не разрешает помещику сменять должностных лиц, избираемых сельским обществом (ст. 28), мотивируя это в при-

---

[149] Член комитета П. П. Стремоухов писал о Муравьеве, что «мечтою его было — полное освобождение крестьян с землею и с немедленным прекращением всяких к помещикам обязательств» (Стремоухов П. П. Указ. соч., с. 354). Сам А. Н. Муравьев в письме к брату Николаю 5 января 1860 г. прямо называет землю «старинным и естественным достоянием» крестьян (ОПИ ГИМ, ф. 254, ед. хр. 395, л. 54 об.).

[150] *ЦГАОР*, ф. 109, с. а., оп. 3, 1858 г., ед. хр. 1957, л. 41—45.

[151] Там же, л. 39—40 об.

мечании тем, что иначе «неблагонадежный помещик мог бы угнетать по своему произволу»[152]. Чтобы обеспечить беспристрастие уездного присутствия в спорах крестьян с помещиками, Муравьев предлагает назначать его председателем дворянина другого уезда или даже другой губернии[153]. Он стремится защитить крестьян от незаконных поборов и повинностей в пользу помещика[154], попыток помещиков урезать крестьянские земельные наделы[155]. Именно эта черта деятельности губернатора — стремление защитить крестьян от помещичьего произвола — вызывала ярость местных крепостников.

Тем не менее можно отчасти согласиться с И. П. Поповым, который впервые разобрал проект А. Н. Муравьева и характеризовал этот документ как классово ограниченный, умеренно-либеральный[156]. Разумеется, имея возможность изложить свои истинные взгляды по крестьянскому вопросу, Муравьев, видимо, во многом пошел бы гораздо дальше и данного проекта, и окончательно сформулированных правительством и осуществленных в 1861 г. положений крестьянской реформы. Но независимо от этого проект Муравьева отражает, — и довольно ярко, — очень характерную для его мировоззрения идеализацию роли государства и его органов в разрешении многочисленных проблем, стоящих перед Российской империей. Разумеется, проведя на службе несколько десятилетий, он прекрасно знал, что такое русское чиновничество, что собой представляют многие представители правящей верхушки. Тем не менее на протяжении всей своей непростой служебной карьеры, постоянно вступая в конфликты с непосредственными начальниками, Муравьев, очевидно, верил, что правительство может и должно положить конец злоупотреблениям, не понимая, что они порождены самой

---

152 Там же, л. 17.

153 Там же, л. 20 об.—21.

154 Там же, л. 23 об.—24, 25—25 об., 49 об.—50.

155 Там же, л. 13—13 об.

156 Попов И. П. Из истории либерального движения в Калужской и Нижегородской губерниях в годы подготовки и проведения реформы 1861 г.— В кн.: Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII—XIX вв. Рязань, 1974, с. 33—43, 51—56. Между тем Н. А. Рабкина, видимо не знакомая с текстом проекта, утверждала, что в нем «губернатор был за немедленное освобождение с землей и без выкупа» (Рабкина Н. А. Указ. соч., с. 57).

системой страны. Надежды А. Н. Муравьева на то, что правительство осознает нужды народа, казалось, осуществились. Была начата подготовка крестьянской реформы, сам он занял ответственный пост и боролся с крепостниками, используя авторитет предоставленной ему власти. По-видимому, в этот момент он был твердо уверен, что, как он сформулировал это в самом проекте положения, в отношениях между помещиками и крестьянами «правительство становится посредником между обоими сословиями, что неминуемо должно иметь последствием успокоение обеих сторон»[157]. (Такого рода иллюзии в период подготовки реформы в сущности разделяли в той или иной степени многие прогрессивные общественные деятели, включая А. И. Герцена.) Согласно проекту Муравьева, помещик терял всякое право на личность крестьянина, и многие положения проекта призваны помешать помещику обращаться с крестьянами по-старому. Но одновременно создавался довольно громоздкий административный аппарат, подчиненный в конечном счете губернатору, т. е. в данном случае самому автору проекта, аппарат, призванный удержать крестьян в повиновении распоряжениям правительства по крестьянскому вопросу.

Проект был направлен на рассмотрение С. С. Ланского, но министр не разрешил А. Н. Муравьеву передать его в комитет, мотивируя это тем, что по вопросу устройства и улучшения быта крестьян уже составлена правительственная программа и издаются соответствующие циркуляры[158]. Несмотря на эту неудачу, Муравьев продолжал принимать самое активное участие в подготовке крестьянской реформы и, поддерживая либеральное крыло нижегородского комитета, как мог, препятствовал разработке крепостнического проекта нижегородских дворян, стремившихся провести реформу с самыми минимальными для себя потерями. «Говорят о Муравьеве, — доносил секретный агент III Отделения 14 июля 1859 г., — что нижегородское дворянство весьма его не жалует <...> за образ мыслей его относительно свободы крестьян. Говорят, что если б от него зависело, то он не только завтра, но сегодня бы всех их выпустил на волю! Это будто бы тамошние крестьяне очень хорошо знают, а потому и ви-

---

[157] *ЦГАОР*, ф. 109, с. а., оп. 3, 1858 г., ед. хр. 1957, примеч. 8 (л. 21).

[158] Чебаевский Ф. И. Указ. соч., с. 89.

дят в нем сильную заступу»[159]. «Не жаловали» нижегородские крепостники губернатора и за его отношение к жалобам крестьян, и за его циркуляры земской полиции, в которых нашли отражение мечтания старого члена Союза благоденствия о возможности с помощью «образцовых чиновников» добиться победы справедливости и искоренения злоупотреблений. Вскоре после приезда в Нижний Новгород Муравьев приказал известить население, что будет принимать просителей «во всякий час дня с утра до ночи, не исключая воскресенья и праздников»[160]. Он неукоснительно выполнял это обещание и даже принял одного просителя, прервав свой обед, о чем сразу же стало известно в III Отделении[161]. 28 ноября 1858 г. появился губернаторский циркуляр, запрещавший применение «строгих и *крутых* мер» по отношению к крестьянам и их содержание в полиции «по воле владельцев за пьянство, нерадение и подобные сему маловажные поступки»[162]. Хотя III Отделение, куда поступил рапорт полковника Коптева о «вредности» этого распоряжения, настаивало на отмене циркуляра, Муравьев отказался это сделать (он разослал разъяснение о циркуляре только по Нижегородскому уезду). Он ссылался на то, что за деятельностью уездной полиции трудно осуществить бдительный надзор и что отмена циркуляра «даст более средств к утеснениям крепостных людей при заметном стремлении владельцев извлечь как можно больше выгод из имений»[163]. Основываясь на крестьянских жалобах, губернатор добился того, что было взято в опеку имение крупнейшего нижегородского вотчинника С. В. Шереметева, стремившегося накануне отмены крепостного права извлечь побольше выгод из своих владений и допустившего ряд злоупотреблений помещичьей властью[164]. Это событие увеличило популяр-

159 *ЦГАОР*, ф. 109, с. а., оп. 3, 1859 г., д. 3224, л. 80—80 об.
160 *ГБЛ*, ф. 336/II, 24. 2 б. Письмо М. М. Муравьевой от 24 июля 1857 г.
161 *ЦГАОР*, ф. 109, с. а., оп. 3, 1859 г., д. 3214, л. 60.
162 Там же, IV эксп., 1857 г., д. 255, л. 3 об.
163 Там же, IV эксп., 1859 г., д. 114, л. 28 об.
164 См. об этом: Снежневский В. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее.— В кн.: Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Нижний Новгород, 1898, т. 3, с. 57—86; Савельев А. А. Указ. соч.— Рус. старина, 1898, № 7, с. 79—83; Герасимова Ю. И. Декабрист А. Н. Муравьев в годы первой революционной ситуации, с. 170.

ность Муравьева среди крестьян. По отзывам современников, крестьяне говорили, что такого губернатора «у них не бывало» и что они мечтают, «чтобы подолее он у них оставался и был бы всегда здоров»[165].

Крестьянская реформа разочаровала декабриста. Прочитав манифест 19 февраля 1861 г., он, по свидетельству помощника управляющего Нижегородской удельной конторой бар. Г. О. Розена, заплакал и сказал: «Бедные крестьяне»[166]. Мнение Муравьева резко отличалось от либерального славословия реформы, развернувшегося на страницах газет и журналов. Напомним, что, например, либерал С. С. Громека назвал мартовскую хронику в «Отечественных записках» «современной радостью России» и восхищался тем, что «операция эта свершилась тихо и спокойно» [167].

Деятельность губернатора по реализации реформы еще более озлобила нижегородских крепостников. Особенное негодование вызвал у них появившийся незадолго до манифеста циркуляр Муравьева земской полиции от 28 января 1861 г., порицавший полицейские методы «поддержания порядка» и призывавший разрешать всякие недоразумения с крестьянами «кроткими мерами и убеждениями»[168]. Губернский предводитель дворянства П. Д. Стремоухов писал 4 марта 1861 г. шефу жандармов гр. П. А. Шувалову, что циркуляр «составляет предмет всех разговоров и толков как в обществе, так и на базарах. *Дворянство в высшей степени раздражено*». За этот циркуляр, «который всполошил исправников», министр внутренних дел по требованию императора сделал Муравьеву замечание[169]. Постоянные жалобы поступали в Петербург на Муравьева и от свитского генерала кн. А. И. Шаховского, приехавшего в Нижний Новгород для помощи в проведении реформы. Он вторил донесениям жандармского полковника Коптева, губернского предводителя дворянства Стремоухова, утверждая, что земская полиция, пара-

---

[165] *ГБЛ,* ф. 336/II, 3. 4.

[166] Стремоухов П. Д. Указ. соч., с. 355.

[167] Отечественные записки, 1861, № 4, с. 27.

[168] Наст. изд., с. 148—152. «Палки да розги, розги да палки, дранье и таскание за бороду, биение по зубам, вот однако ж, за некоторыми исключениями, обыкновенный язык земской власти»,— с горечью отмечал в этом циркуляре Муравьев (там же, с. 149).

[169] *ЦГАОР,* ф. 109, с. а., оп. 3, 1861 г., д. 1213, л. 1.

лизованная губернаторским циркуляром, решает все вопросы «в ущерб помещикам» и что губернатор отказывается принимать энергичные меры, заявляя, что *«не допустит, чтобы народ наказывали»*. «Образ внушения крестьянам их обязанностей, — писал А. И. Шаховской, — весьма вредный. *Губернатор и его чиновники упрашивают крестьян исполнять свои обязанности, просят это сделать для него»*[170].

Нижегородских крепостников и солидарных с ними представителей чиновничье-бюрократических кругов раздражал весь образ действий Муравьева по управлению губернией. Пересуды вызывали такие его поступки, как отдача под суд «за упущения и беспорядки» в полном составе Нижегородского уездного суда[171], усиленные хлопоты за Т. Г. Шевченко, которого в Нижнем Новгороде догнало предписание, запрещавшее ему въезд в столицы и требовавшее возвращения к месту ссылки в Оренбург[172], внимание, оказанное возвращавшимся из Сибири декабристам (М. И. Муравьеву-Апостолу, И. А. Анненкову, С. Г. Волконскому, С. П. Трубецкому, П. Н. Свистунову), которых сердечно принимали в доме губернатора[173]. Дворянские сочинители—авторы «Муравиады», «Сибирского кота», «Были-небыли, да не выдумки» и других памфлетов[174] злорадно намекали на большие долги губернатора, безрезультатность его борьбы со взяточничеством, обвиняли живших в его доме сестер покойной жены — М. М. Муравьеву, Е. М. и К. М. Шаховских, их племянницу П. М. Голынскую в том, что они вмешиваются в служебные дела, раздают родственникам «доходные места», принимают подношения[175]. Но главным было другое: памфлеты обвиняли губернатора в антипомещичьих настроениях, в потворстве крестьянам, стремлении уравнять сословия. Припоми-

---

[170] Там же, ф. 109, IV эксп., 1861 г., д. 216, л. 12, 25 об.— 26.

[171] Там же, ф. 109, с. а., оп. 3, 1858 г., д. 1212, л. 4—4 об.

[172] При увольнении Шевченко с солдатской службы ему не было объявлено это запрещение. А. Н. Муравьев разрешил ему остаться в Нижнем Новгороде и добился отмены этого распоряжения (Ист. вестник, 1907, № 5, с. 338—340).

[173] *ГБЛ*, ф. 336/II, 24. 1, 24. 2 а, письма М. М. Муравьевой сестрам от 18—19, 20, 26 декабря 1856 г., от 18, 21 января, от 11, 21 августа 1857 г.

[174] *ЦГИА*, ф. 982, оп. 1, д. 96, л. 15—20, 63—63 об., 64—68; Рус. старина, 1897, № 9, с. 539—549.

[175] В противоположность мнениям нижегородских злопыхателей,

ная прошлое Муравьева, они даже приписывали ему намерение «в крестьянах бунт разжечь кровавый»[176].

Разумеется, враги А. Н. Муравьева сильно преувеличивали, и нижегородский губернатор, конечно же, не был революционером. В период подготовки и проведения реформы он занимал позицию на левом крыле либерального дворянства, отчетливо сознававшего необходимость решения крестьянского вопроса. Защищая крестьян от помещичьего произвола, стремясь добиться максимально возможного в условиях правительственной реформы учета их интересов, губернатор-декабрист тем не менее отнюдь не ставил вопроса о полном уничтожении помещичьего землевладения, был склонен к поиску компромиссных решений, способных в той или иной степени удовлетворить и крестьян, и помещиков. Однако нижегородские крепостники верно уловили главное: впервые глава административной власти в губернии вместо того, чтобы употребить эту власть в интересах помещиков, стремился использовать ее для защиты интересов крестьянства. Такая позиция А. Н. Муравьева резко выделяла его из толпы чиновников всех рангов, осуществлявших правительственную программу реформы рука об руку с консервативным дворянством, привлекала к декабристу пристальное внимание общественности.

Во всех поступках Муравьева — в защите крепостных крестьян, в непримиримой борьбе со взяточничеством и самоуправством чиновников, в стремлении всюду насаждать гуманные начала, в заботах о просвещении простого народа и облегчении судьбы «всех страждущих» — даже антагонисты губернатора видели его верность идеалам далекой молодости, подчеркивая в памфлете «Муравиада», что

Не выдохся до старости
В нем якобинский дух[177].

После отставки в апреле 1861 г. С. С. Ланского и назначения министром внутренних дел убежденного консер-

---

хорошо знавшая сестер Шаховских писательница Е. И. Раевская (1817—1900) писала: «Более светлых личностей во всех отношениях трудно было сыскать. До глубокой старости они сохранили ясный ум, бесконечную доброту и образованную любознательность» (Раевская Е. Из памятной книги.— Рус. архив, 1883, кн. 1, с. 293).

[176] Рус. старина, 1897, № 7, с. 87.

[177] Там же, № 9, с. 557.

ватора П. А. Валуева уход А. Н. Муравьева с губернаторского поста стал неизбежен. Свою роль сыграли здесь не только постоянные доносы и жалобы, но и резко отрицательный отзыв о его деятельности ревизовавшего губернию министра юстиции гр. В. Н. Панина. Панин (последовательный защитник помещичьих интересов) считал, что вместо Муравьева следует назначить «другого начальника губернии, который бы, руководствуясь в делах служебных не своими личными воззрениями, но долгом служебным, привел бы в надлежащее устройство взаимные отношения помещиков и крестьян»[178]. Осенью 1861 г. Муравьеву пришлось оставить свой пост.

Негодование крепостников вызвал помещенный в «Московских ведомостях» отчет о прощальном обеде, данном губернатору в здании городской думы (губернский предводитель дворянства Стремоухов отказался предоставить для обеда зал дворянского собрания), на котором среди гостей было несколько бывших крепостных[179]. В газетах «Московские ведомости» и «Наше время» появились протесты против речи бывшего губернского предводителя дворянства Н. П. Болтина, отметившего особые заслуги Муравьева в подготовке крестьянской реформы и в защите крестьян от помещичьего произвола[180]. Некоторые протесты, например макарьевского помещика Н. С. Толстого, распространялись по губернии в списках[181].

В то же время группа передовых, либерально настроенных нижегородцев устроила подписку, чтобы составить особый капитал на стипендию имени А. Н. Муравьева в Московском университете для воспитанников Нижегородской гимназии[182].

Эта борьба мнений вокруг А. Н. Муравьева и его деятельности в период первой революционной ситуации явилась убедительным свидетельством необыкновенной прочности, жизненности и актуальности пронесенных декабристом через все испытания антикрепостнических, свободолюбивых идей.

Высочайшим приказом 16 сентября 1861 г. Муравьев,

---

[178] *ЦГИА*, ф. 908, оп. 1, д. 604, л. 24—25.

[179] Моск. ведомости, 1862, 11 янв., № 11.

[180] Там же, 13 февр., № 34; Наше время, 1862, 7 марта, № 50; 5 мая, № 95.

[181] *ЦГИА*, ф. 982, оп. 1, д. 96, л. 104—113.

[182] *ГБЛ*, ф. 208, д. 99, л. 24—24 об.

за несколько месяцев до этого (в апреле) произведенный в генерал-лейтенанты, был назначен сенатором в один из московских департаментов Сената[183]; фактически это была почетная отставка. В Москве он много времени уделял работе над своими воспоминаниями, знакомство с которыми убеждает, что Муравьев с чувством глубокого уважения и любви относился к друзьям своей молодости — декабристам и во многом сохранил верность их взглядам и идеалам. Но дни старого декабриста были уже сочтены. Он скончался 18 декабря 1863 г. в возрасте 71 года и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. Уже после смерти А. Н. Муравьева в «Сенатских ведомостях» было опубликовано определение Московского окружного суда, объявлявшее его несостоятельным должником[184]. Так долги, всю жизнь преследовавшие декабриста, не оставили в покое и его прах.

Отношение лучших людей России к основателю Союза спасения, неутомимому борцу против крепостного права и всех его проявлений в общественной жизни страны выразил А. И. Герцен, подчеркнув, что А. Н. Муравьев «до конца своей длинной жизни сохранил безукоризненную чистоту и благородство»[185].

Настоящий том — первый опыт специальной публикации выявленных материалов А. Н. Муравьева. Значительная их часть издается впервые.

В первом разделе книги помещены отдельные сочинения и так называемые деловые бумаги А. Н. Муравьева. Это прежде всего сохранившиеся части автобиографических записок декабриста, содержащие ценные данные об истоках формирования мировоззрения передовых офицеров, будущих членов тайных обществ, накануне и в первый период Отечественной войны 1812 г. Два документа — «Ответ сочинителю речи...» и речь на открытии Нижегородского губернского комитета 19 февраля 1858 г., проникнутая заботой о судьбе угнетенного крестьянства, характеризуют отношение декабриста к крепостному пра-

---

183 *ИРЛИ*, Р. I, оп. 17, № 430, л. 18 об.—19 об.
184 Сенатские ведомости, 1869, 21 янв.
185 Герцен А. И. Указ. соч., с. 51.

ву и показывают, что до конца жизни А. Н. Муравьев оставался его страстным и убежденным противником.

Записка «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии» (1833) и циркуляр земской полиции Нижегородской губернии 28 января 1861 г. — наиболее характерные образцы официальных документов, вышедших из-под пера Муравьева, которые дают представление о его служебной деятельности и попытках на практике осуществить установки Союза благоденствия по борьбе с чиновничьими злоупотреблениями и с нарушениями законности.

В томе публикуется также 125 писем А. Н. Муравьева. Это только часть довольно значительного эпистолярного наследия декабриста. Меньше всего сохранилось писем Муравьева, написанных до ссылки. До настоящего времени выявлено 29 писем за 1812—1814 гг. супругам В. А. и А. М. Бакуниным (родственникам Муравьева, родителям М. А. Бакунина), 56 писем (1810, 1816—1825 гг.) к брату Н. Н. Муравьеву, 3 письма (1820 г.) к свояченице В. М. Шаховской, не датированное письмо (около 1820 г.) к теще Е. С. Шаховской, письмо (1818 г.) к Н. Н. Шереметевой, 5 писем к жене П. М. Муравьевой из Петропавловской крепости и написанное там же письмо императору Николаю I. Но хорошо известно, что во второй половине 1810-х гг. А. Н. Муравьев писал товарищам по тайным обществам С. П. Трубецкому, братьям Колошиным, семье героя 1812 г. генерала Н. Н. Раевского, с сыном которого А. Н. Раевским сдружился во время заграничных походов[186]. По-видимому, после подавления восстания декабристов, когда во многих дворянских особняках в каминах и печах жгли опасные для владельцев документы, были уничтожены и эти письма А. Н. Муравьева. Биограф М. А. Бакунина А. А. Корнилов, изучавший в имении Прямухино его семейный архив, предполагает, что «наиболее значительная и интересная» часть писем декабриста «несомненно истреблена в 1826 году ввиду тревог и переполоха, произведенных последовавшими после 14 декабря арестами в кругу лиц, близких к семейству Бакуниных»[187].

В настоящий том вошла большая часть эпистолярно-

---

[186] *Записки Якушкина*, с. 16; *ГБЛ*, ф. 336/II, 12.3; наст. изд., с. 202.

[187] Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915, с. IX.

го наследия А. Н. Муравьева этого периода (64 из известных нам 96 писем). Не публикуются только отдельные письма с незначительным информационным потенциалом (к супругам Бакуниным, брату Николаю и Е. С. Шаховской) и наполненные мистическими рассуждениями на тексты Апокалипсиса письма к В. М. Шаховской.

Публикуемые письма — бесценные свидетельства о героических буднях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов против Наполеона, они отражают активную жизненную позицию передового офицерства, не мирившегося с аракчеевскими порядками в стране, деятельность Священной артели, сыгравшей важную роль в дальнейшем развитии декабристского движения. Хотя большинство писем 1816—1819 гг. адресованы брату, человеку, близкому А. Н. Муравьеву по своим общественно-политическим взглядам и настроениям, в них нет прямых упоминаний о создании и деятельности Союза спасения и Союза благоденствия. Но по общему колориту писем, по сформулированному в них отношению к происходящему их следует отнести к числу важных источников, позволяющих полнее судить об истории первых тайных обществ. Письма 1820—1826 гг. дают возможность не только выявить определенные сдвиги в мировоззрении А. Н. Муравьева и охарактеризовать его поведение во время следствия, но и сделать ценные наблюдения о ряде событий русской жизни того времени.

Вторая, большая часть сохранившихся писем А. Н. Муравьева написана уже после приговора Верховного уголовного суда и относится к его пребыванию в ссылке, а затем на службе в Сибири, в Вятке, Симферополе, Архангельске, Нижнем Новгороде и в других местах. Письма адресованы в основном брату Н. Н. Муравьеву (246 писем)[188], членам многочисленной семьи кн. Шаховских (233 письма)[189], а также иркутскому купцу В. Н. Баснину и его родственникам (30 писем)[190].

Письма этого периода к другим лицам — к отцу Н. Н. Муравьеву, к брату Андрею Муравьеву, к супругам Лан-

---

[188] Об общем количестве писем А. Н. Муравьева к брату Н. Н. Муравьеву см.: Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 6.

[189] *ГБЛ*, ф. 336/II, 17. 30, 31 35, 36; 18. 1. 2 а, 2 б, 5; *ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, 21.

[190] *ОПИ ГИМ*, ф. 469, ед. хр. 36.

ским, к семье Голынских, с которыми А. Н. Муравьев регулярно переписывался[191], до сих пор в основном не выявлены. Известны только два письма Муравьева отцу (одно в подлиннике, а одно по перлюстрационной копии, присланной в III Отделение). Только по перлюстрационным копиям известны отдельные сибирские письма А. Н. Муравьева к С. С. и В. И. Ланским, к знакомому по масонским ложам гр. М. Ю. Виельгорскому, к сослуживцу по Иркутску А. И. Турчанинову, иркутскому купцу Д. О. Портнову[192].

Письма А. Н. Муравьева этого времени, адресованные разным лицам, несмотря на различия в тональности, в степени откровенности и доверительности, зависевшей от взаимоотношений между декабристом и его адресатом, имеют много общего и нередко содержат сходную информацию. При отборе писем для публикации мы принимали во внимание их информационный потенциал, степень известности, стремясь при этом шире представить круг адресатов декабриста, отразить важнейшие события его жизни, его оценки важнейших общественно-политических событий и явлений в жизни тогдашней России. Созданию объективной оценки личности А. Н. Муравьева призвана способствовать публикация нескольких его писем к «сильным мира сего» — императору Николаю I и А. Х. Бенкендорфу, к которым он вынужден был обращаться с разнообразными просьбами и со словами благодарности за «неизреченные милости», а также к нижегородским губернским предводителям дворянства Н. Н. Котлубицкому и П. Д. Стремоухову (они вносят любопытные штрихи в портрет губернатора-декабриста). Большая часть писем А. Н. Муравьева публикуется впервые.

В приложении впервые публикуется весьма необычный документ — запись сна А. Н. Муравьева 27 ноября 1818 г. Своеобразие этого источника не уменьшает его ценности для характеристики мировоззрения декабриста в тот период, когда медленно назревало его решение о выходе из тайного общества. Запись позволяет уловить,

---

[191] О регулярной переписке с отцом и братом Андреем декабрист упоминает в письмах к брату Н. Н. Муравьеву (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 229, 238). Она, как и переписка с Ланскими и Голынскими, была взята на учет III Отделением (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 104).

[192] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119.

как причудливо сочетались в сознании Муравьева критическое отношение к тогдашней русской действительности (недаром в этом сне появляется «военный генерал», стоящий во главе женского монастыря, при этом «пьяный и недостойный»), и страх потерять жену (причудливые, темные коридоры монастыря, ожидание встречи), и любовь к ней, и своеобразные мистические настроения (появление умершего тестя кн. М. А. Шаховского, который благословляет брак дочери). При этом следует отметить, что интерес к снам очень характерен для А. Н. Муравьева[193], да и для многих его просвещенных современников (вспомним передававшийся из уст в уста рассказ о сне А. С. Грибоедова, предшествовавшем созданию «Горя от ума»), а записи снов воспринимались как своеобразные литературные произведения.

В основу публикации были положены сохранившиеся подлинные материалы или (в случае с письмами Н. Н. Муравьеву-Карскому) современные научные издания. Тексты публикуются в соответствии с обычными правилами передачи исторических источников, применяемыми в серии «Полярная звезда». В издании не воспроизводятся приписки, сделанные к некоторым письмам А. Н. Муравьева членами его семьи и знакомыми[194]; не оговариваются они и в примечаниях, за исключением двух приписок декабриста Петра Колошина. Комментарий имеет целью пояснить читателю места текста, непонятные без привлечения дополнительных данных, встречающиеся в тексте имена, упоминания об исторических событиях, указать допущенные автором неточности в освещении или оценке фактов и событий. При работе над ним, разумеется, учитывались комментарии к предшествующим публикациям этих документов. Как правило, это специально не оговаривается, за исключением тех случаев, когда комментирование потребовало специальных сложных изысканий или когда оценка предшествующего комментатора имеет принципиальное значение.

---

[193] См. его пересказ сна в письме к В. А. и А. М. Бакуниным от февраля 1813 г.— наст. изд., с. 167—168.

[194] Они принадлежат П. М. Муравьевой (наст. изд., письма 38, 70, 81, 93, 99, 101), М. М. Муравьевой (письма 113, 120, 122, 124), В. М. Шаховской (письмо 101), П. И. Колошину (письма 37—38) и Д. О. Портнову (письмо 98) и носят преимущественно характер приветствий.

Работа над данным томом документальных материалов была начата доктором исторических наук Юлией Ивановной Герасимовой, посвятившей много лет изучению жизни и деятельности А. Н. Муравьева и его документального наследия. Ю. И. Герасимова в основном наметила состав тома, скопировала в архивах и рукописных собраниях Москвы и Ленинграда значительную часть хранящихся там материалов декабриста, осуществила обширные выписки из других документов, представляющих интерес для биографии Муравьева. Ю. И. Герасимовой принадлежит и первый вариант предисловия, положенный в основу предисловия к настоящему изданию. Однако завершить работу по комплектованию тома помешала безвременная кончина Ю. И. Герасимовой в 1982 г. Собранные ею материалы, черновые заметки, выписки, копии документов были переданы в ЦГАНХ СССР, где образуют в настоящее время личный фонд Ю. И. Герасимовой.

По поручению академика М. В. Нечкиной труд Ю. И. Герасимовой завершил кандидат исторических наук С. В. Думин. Осуществление этой задачи стало возможным прежде всего благодаря помощи дирекции и сотрудников ЦГАНХ СССР, создавших благоприятные условия для разбора и обработки материалов Ю. И. Герасимовой, благодаря постоянной помощи и поддержке многих лиц, проявивших живое участие в судьбе данного тома и способствовавших скорейшему окончанию работы над ним. Мы пользуемся случаем выразить глубокую благодарность академику М. В. Нечкиной, доктору исторических наук Е. Л. Рудницкой, директору ЦГАНХ В. В. Цаплину и сотрудникам этого архива, старшему научному сотруднику ОПИ ГИМ И. С. Калантырской, сотрудникам отдела изобразительных материалов ГИМ, работникам Государственного архива Горьковской области, ИРЛИ АН СССР, Отдела рукописей ГБЛ, Отдела рукописей и редких книг ГПБ, ЦГАОР, ЦГВИА, ЦГИА, а также О. А. Туркестановой, оказавшей большую помощь в завершении подготовки рукописи тома к печати.

Ю. И. Герасимова
С. В. Думин

СОЧИНЕНИЯ

ЗАПИСКИ

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ]

<...> и от руки, глазомерно наносить на бумагу все достопримечательные предметы, как-то: горы, леса, реки, мосты, болота и тому подобное.

Упражнение это, весьма занимательное* и крайне поучительное для офицеров**, потому что, образуя военный взгляд и глазомер, составляет одно из важнейших*** достоинств военного человека, и в особенности полководца, к несчастию, выпало нам не на лето, в благоприятную погоду, но на осень и часть зимы 1810 года[1], и мы должны были окончить это дело в январе этого же года, а потому оно сделано было торопливо и без надлежащего внимания. Нас снабдили прогонами, подорожными, астролябиями и, дав надлежащие инструкции, отправили из Петербурга в конце сентября. Новость дела, приятное и доверенное служебное поручение, дорога, разъезды, могущие встретиться случаи — все это очаровывало меня, и я с восторгом, хотя при чрезвычайной денежной скудости, выехал на перекладной в сопровождении слуги моего Владимира Дроздова, сопровождавшего меня впоследствии и в Сибирь, где он умер[2].

Прибыв в Киев, я представился тогдашнему генерал-губернатору гр. Милорадовичу[3]; осмотрел в весьма короткое время город, но не был тогда ни в Печерском монастыре, ни в знаменитых пещерах, ни в киевских соборах, во-первых, потому, что спешил к делу, которое должно было начаться с Житомира, а во-вторых, потому, что эти

* Первоначально написано: «замечательное».
** Первоначально: «молодых офицеров».
*** Первоначально: «великих».

предметы вовсе меня не интересовали, хотя и утверждают, что в этих пещерах покоятся мощи св[ятых] угодников; я не доверял подобным басням и впоследствии утвердился в убеждении, что такие явления невозможны, ибо невозможно, чтобы награда угодника состояла в нетленности материального его тела. Я видел своими глазами и осязал своими руками нетленное тело в Ревеле *герцога де Круа*[4] и в Митаве злодея графа *Бирона*[5], людей развратнейших и презрительнейших; тела их сохранились по особым физическим и химическим причинам. Поклонение же, воздаваемое печерским так называемым святым, в высшей степени отвратительно, противно духу христианства и божеской заповеди, повелевающей — *не творить себе кумиров и не поклоняться им!* К сожалению, много подобного лежит в основании греко-российской церкви, равно как и в римско-католической, что внутренно отвращает от них благоразумных и истинных христиан.

Прибыв в *Житомир*, бедный губернский город Волынской губернии, и осмотрев окрестности, я нашел местность неровную, способную служить военною позициею, снял ее астролябински на план и поехал далее в *Бердичев*, большое торговое местечко, преисполненное жидами, у которых в руках вся торговля не только местная, но и значительной части юга. Тут в первый раз видел я способ вербования, принятый во многих европейских государствах: казистого молодого человека, какого бы он звания ни был, но поведения легкого и развратного, заманивают полковые вербовщики в трактир, поят его допьяна, уговаривают его вступить в военную службу, льстят его и поют ему в сопровождении нескольких плохих музыкантов песни, возбуждающие его чувства; до слуха моего дошла такая песнь вербовщиков уланов:

Пристань, пристань до уланы,
а уланы добры паны,
ку[р]тка бела, кивер черной,
Хлопец годный и моторной!

Пьяному дают немного денег, надевают на него военный мундир, берут с грамотного подписку и напитками усыпляют его. Утром, проснувшись, он видит себя одетым, окруженным товарищами, и как ни отговаривается от службы, но уже уводится под арестом в полк, ежели добровольно идти не хочет, и уже солдат на службе. Ни просьбы родственников, слезы жены и детей уже не ува-

жаются,— он солдат окончательно и в воинском строю теряет личную свободу и подвергается всем последствиям военной службы.

Конечно, это случается не со всеми вербуемыми без исключения, многие идут по своим собственным расчетам и желанию, но другие вербуются вышеупомянутым способом[6].

В *Бердичеве*, произведя то же самое, что и в Житомире, я отправился за тем же в местечко *Махновку*, откуда пришлось мне ехать проселком через с. Погребища Киевской же губернии, и должен был остановиться ночевать в этом селе, принадлежащем старику гр. Ржевусскому; узнав о моем приезде, т. е. о приезде офицера, имеющего казенное поручение, он просил меня остановиться на ночь в его богатых палатах. У графа было приятное семейство, очень разговорчивая жена, и в то время находился у него тайно в отпуску сын его Henri Ржевусский, молодой человек моих лет, адъютант императора француз[ского] Наполеона I[7]. Познакомив меня со всем своим семейством и присутствующими, между которыми был его архитектор, граф, рекомендуя его мне, сказал: «Monsieur à force de faire des colonnes est devenu Pilier»* (его фамилия). Усмехнувшись и познакомившись с г. Pilier, приятным** человеком, я был приглашен к вечернему чаю и к ужину. Гостей было довольно, и общий разговор не умолкал. Сын графа, Henri, довольно сурово глядел на меня и завел разговор о разделе Польши, причем сказал в пылу: «L'Impératrice Catherine est une paire de fesses»***.[8] Оскорбленный такою неуместною выходкою, я отвечал: «D'autant plus de honte de se laisser soumettre par elle»****. Отец его, видя, что дело идет не к добру, а к раздору, стал унимать сына и извиняться за него, так же как и графиня, но я намерен был***** кровью омыть эту обиду, нанесенную моему правительству, и после ужина вызвал Henri на поединок. Вошед в свою комнату, в верхний этаж, я стал приготовляться к бою, у меня, кроме сабли, ничего не было. Вскоре пришел и Henri, а за ним вслед

---

* Строя колонны, месье стал столбом (в оригинале игра слов: фамилия архитектора по-французски означает «столб».— *СД.*).

** Первоначально: «очень любезным».

*** Императрица Екатерина — ж.. (ф р а н ц.).

**** Тем позорнее позволить ей себя подчинить (ф р а н ц.).

***** Первоначально: «положил себе».

старик граф и графиня, и умоляли меня оставить это дело без последствий. Henri пробормотал несколько слов извинения, ссылаясь на свою горячность, и мы протянули друг другу руку примирения. Тут мы познакомились короче, и он оказался очень любезным юношею. Родители его убедительно просили меня не разглашать о тайном отпуске и пребывании в доме их сына, я сдержал данное слово доселе и с тех пор никогда более с ним не встречался, хотя мы в одно время жили в Петербурге. Обласканный семейством старика, я на другой день утром отправился далее на его лошадях до 1-й станции *.

Отсюда я отправился в Липовец, Винницу, потом в Литин, Летичев, Менджибож, города и местечки Волынской и Подольской губерний[9], в которых производил также наблюдения и съемки. Мне особенно понравилась крайняя западная оконечность порученного мне участка — местечко Менджибож, по замку и прекрасной местности оного. В 1855 году, когда я был начальником штаба 2-го пехотного корпуса, я опять во время Крымской войны проезжал чрез это местечко и с удовольствием вспомнил старину и первое свое посещение. Но Менджибож не был еще последним местом тогдашнего порученного мне участка, я разъезжал еще по разным городам и местечкам Волынской, Подольской и Киевской губерний; был в *Умане***, в котором находится великолепный сад графов Потоцких, называемый *Софиевка;* сад этот виден только когда в него входишь; он стоит весь в обширном овраге и заключает в себе всевозможное великолепие, принадлежащее садам: много различных больших деревьев, каскады, гроты, мосты, в высшей степени изящные[10]. В то время, когда большая часть нашей кавалерии размещена была по дешевизне кормов, стоял в *Умане* Ахтырский гусарский полк, которым командовал полковник Илларион Васильевич Васильчиков, с которым я тогда познакомился, потом, во время войны 1812 г., служил некоторое время под его начальством, когда он был уже генерал-майором, а впоследствии, будучи уже председателем Государственного совета, он по старой памяти оказал мне великое одолжение, о котором упомянуто будет в своем месте[11].

---

* Далее зачеркнуто: «и кажется мне, что это случилось между Киевом и Житомиром».

** Так в подлиннике.

Во время сего четырехмесячного странствования происходили со мною многие неожиданные встречи, разные случаи, из которых я теперь уже многих не помню и расскажу только об одном, который по разительности своей остался у меня в памяти. Приехав вечером в одно местечко, отвели мне холодную* квартиру у жида; был уже декабрь, снегу довольно и холодно. Не захотел я оставаться до утра на такой квартире, потребовал по отпускному листу обывательских лошадей, с трудом добыл их и уселся с слугою своим Владимиром и вещами своими в небольшие сани с жидом кучером сам третей. Поехали по степи, вдруг сделалась сильная метель; ветр и ночь провожали нас. Спустя несколько времени, как обыкновенно в подобных случаях, мы сбились с дороги, и увеличившаяся метель страшно грозила нам,— снег валил сверху и горами застилал нам дорогу, так что мы несколько раз завязали, должны были выходить из саней и вытаскивать беспрестанно их и лошадей. В это время около нас пробежал большой волк; тут мой Владимир испугался до того, что громко взвыл и, охватив обеими рукам свою голову, начал в отчаянии с плачем и рыданием кричать: *«пропала моя головушка! пропала моя головушка!»*. Хотя и смешна показалась мне эта сцена, но тут уже было не до смеха: надобно было вытаскивать сани, понуждать лошадей и самого возницу жида, который также крепко обробел. Наконец мы как-то и куда-то выбились и, медленно подвигаясь сами не зная куда, очутились у въезда того же местечка, откуда выехали часа два тому назад, и промерзшие воротились опять на ту же самую холодную квартиру, где в студеной комнате пробыли до утра, обогреваясь над принесенной жаровней с раскаленными углями.

Были и другие обстоятельства, но тех я в подробности уже не помню. Мало знакомился я с польскими панами потому, что имел преимущественно дело с их конторами и что многие из самих господ были в это время в отсутствии; в конторах же и на фольварках я снабжал себя временно планами и картами, которыми руководствовался для своих съемок.

Между разными встречами познакомился я в одном местечке с семейством городничего полковника Вейса, которого я впоследствии застал уже полицмейстером в

---

* Первоначально: «негодную».

г. Вильно*. Семейство это сделалось в России известным по красоте дочери его, за которой в Вильно волочилось много офицеров и которая** вышла замуж за генерал-адъютанта князя Трубецкого[12]. Наконец, окончив совершенно данное поручение, я отправился чрез Сквиру в Киев, куда прибыл, когда польские дворяне и их управляющие съезжались на известные контракты. Это было в конце декабря и начале января 1811 года[13]. Пробыв самое короткое время в Киеве, я на почтовых поехал в Петербург. Тут надобно было перечертить набело свои планы, что производилось не на дому, а в Главном штабе, который к тому времени окончательно был отстроен и отделан. Съехались и прочие партии, и все мы каждый день собирались для работ в чертежную. Многие из товарищей во время поездки моей на юг были произведены в прапорщики. Общество наше состояло из весьма порядочных людей русских и немцев и, хотя все мы были в дружеских между собою отношениях, тем не менее немецкая партия мало-помалу отделилась от русской, так что обе стороны стали собираться отдельно каждая и работать в особых местах больших чертежных зал; однако же все мы сходились вместе и не переставали быть в лучших товарищеских расположениях. Здесь представляется вопрос: отчего происходило такое между нами разделение и по какой причине замечается оно еще в сильнейших размерах вообще повсюду и доныне между русским и немецким обществом?

Я видел опыты, делаемые увеличивающим в миллион раз стеклом над каплями проточной и стоячей или болотной воды порознь и потом вместе в общем их смешении, и замечал, что множество инфузорий, движущихся в сих каплях, различествующие формами, по качеству воды, живут, однако, довольно спокойно между собою в своей природной капле, но как скоро эти две разнородные капли сливаются в одну, то начинается между инфузориями той и другой борьба на смерть, конечно, весьма непродолжительная как по краткости жизни их, так и по тому, что они*** скоро от жара лампы погибают.— Мы замечаем, что тот же закон, которым управляются так называемые бесконечно малые, правит и окружающими нас животными, между коими некоторые породы истребляют другие.

* После слов: «которого я» зачеркнуто «в начале 1812 года».
** Далее зачеркнуто: «тогда же».
*** Первоначально: «сами ратующие».

Полагаю, что один из законов, которым правится род человеческий,— закон народности—есть выражение того же самого, которым управляются поименованные существа, с тою только разницею, что люди, находясь не под одним общим влиянием духовного мира, состоят еще под особым влиянием господа, влагающего в сердца их взаимную любовь; потому люди не так разительно представляют в действиях своих силу закона животных пород, который, впрочем, есть закон коренной, естественный, для всех общий и которым разнородные породы держатся и сохраняют свою особенность и характеристику. Закон этот, смягченный в человеке, принимает иной раз вид отрицательный, выражающийся простым безвредным удалением одной народности от другой, доколе одна не предпринимает наступательного на другую действия: тогда подавляемая народность восстает и защищает человеческие свои права и народное существование. Что говорю в отношении к целым народностям, то относится к особенности каждого человека, носящей в сжатом* виде всю ту народность, к которой он принадлежит и от которой происходит. Притом нельзя не обратить внимания и на то, что чем невежественнее и грубее народность, тем вторжения таких племен яростнее и губительнее, примером служить могут вторжения варваров в [...]** веке в Европу и монголов в [...]** в Россию[14]. Замечательно и то, что первоначальные успехи*** грубой материальной силы и невежественное давление ее **** на народности, стоящие на высшей перед нею степени образования, превращаются, наконец, в торжество подавленных, которых нравственная сила преодолевает грубую силу невежества и***** обращает победителей в побежденных. Так дух рано ли, поздно ли, но *наверное* восторжествует над материею и грубой ее силой, в каких бы видах она ни представлялась.

Между шутками нашими мы, русские, поддразнивали наших товарищей немцев домашним будто бы чтением одного указа царя Алексея Михайловича: «Учали нах[о]дити на царство наше разные еретики и немцы; и мы,

---

* Первоначально: «в малом».
** Пропуски в подлиннике.
*** Первоначально: «торжество».
**** Первоначально: «нашествие».
***** Далее зачеркнуто: «нравственно».

собра свои иереи, архиереи и думные люди, положили: оных (таких-то) детищ немцев в нашу царскую службу не принимати, селить их на черной речке и считать их на черной сотне»[15]. Указ этот кто-то из наших, кажется Колычев[16], нашел, но, сколько мне известно, он не находится в собрании законов, хотя действительность его несомненна. Добрые товарищи немцы подсылали послушать наше чтение и с некоторым неудовольствием отходили, но ссоры между нами никогда не происходили.

Недолго продолжались такие занятия и обычной образ жизни в Петербурге: надобно было порядку сему нарушиться неприятным для меня образом. Жил я зимою во флигеле у дяди Н. М. Мордвинова[17], вел жизнь неукоризненную; по клевете или по другим причинам, мне неизвестным, неожиданно отец приехал из Москвы и стал уверять меня, что я избаловался, что меня нужно исправить; мало того, он отправился немедленно к кн. П. М. Волконскому[18], доверием которого вполне пользовался, обвинил меня в том же, выпросил для меня месячный отпуск в Москву, и через несколько дней я с ним туда отправился. Мы заехали наперед в *Сырец*[19], где провели 3 дня в обществе пьяного соседа, Петра Семеновича Муравьева[20], ездившего каждую зиму в Москву покупать кучерские кафтаны и конную сбрую; после его не в высшей степени нравственного угощения выехали на большую Московскую дорогу и скоро прибыли в Москву. Тут застал я внутренность дома и семейство совсем изменившимися; преобладание низкого слоя женского пола заступило место прежней строгости нравов и обхожденья[21]. Я очень обрадовался двум братьям своим, оканчивающим курс наук, особенно душевно обрадовался моему любезному брату Николаю, с которым мы были ближе по летам и понятиям[22]. Занятия по математическому обществу шли с успехом[23]; между членами оного познакомился я с достойными впоследствии товарищами — Иваном Григорь[евичем] Бурцовым[24], Михаилом, Петром и Павлом Иванов[ичами] Колошиными[25] и еще с некоторыми другими; сблизился с почтенным домом Колошиных. Таким образом, маленький круг моего знакомства увеличился, я провел время приятно и никаким неудовольствиям от отца не подвергнулся; он, конечно, признал свою ошибку, ни одного раза ни в чем мне не противоречил и меня не упрекал, и к концу отпуска я отправился в Петербург, заехав дорогою Новоторжского уезда в с. Прямухино,

имение Александра Михайловича [Бакунина], весьма умного и образованного человека, за которого вышла замуж двоюродная сестра моя Варвара Александровна Муравьева. Эта поездка доставила мне случай коротко и дружески познакомиться с мужем ее, с которым я оставался в постоянной переписке[26]. Этот нежданный отъезд из Петербурга, при незаслуженном оклеветании перед начальством, не имел на службе никакого дурного для меня последствия. Кн. Волконский продолжал меня любить, и по возвращении моем началась опять прежняя служба и прежняя жизнь.

В чертежной был над нами, молодыми офицерами, поставлен начальник работ, весьма почтенный и достойный человек, капитан Павел Якимович Сулима. Следуя каждый день за работами нашими, он ласкал особенно меня и стал приглашать к себе. Беседуя о разных предметах, он наводил разговор на предметы нравственные и, заметив во мне некоторое, хотя туманное, о них понимание и удобоприемлемость, указал на удобнейшее, по мнению его, средство нравственного усовершенствования, на то, чтобы уклоняться от пустых и суетных светских бесед и пристать к такому обществу*, которое поощряло бы к самопознанию, занятиям серьезным и общечеловеческим чувствам и мыслям. Это вкратце содержание наших бесед, которые так пришлись мне по сердцу, что я сблизился с Сулимою, он же познакомил меня с некоторыми другими лицами, советы коих я вполне ценил. Наконец все эти разговоры привели меня к масонству, и я просил этих нравственных друзей ввести меня в Орден свободных каменщиков (масонов)[27].

Вечно благословляю господа бога за открытие мне масонства, сего предохранительного средства к удалению от зла, сего переходного способа к улучшению себя и приближению к Истине**, сего учения, возжегшего в душе моей стремление к нравственно высокому. Конечно, не в самом начале развилось во мне это стремление: поступление мое в орден слишком близко совпадало с начатием войны 1812 г., также и занятия служебные и домашние не допускали меня воспользоваться знакомством и наставле-

* Первоначально: «к тайному обществу».

** Первоначально: «сего переходного способа к улучшению себя, сего предохранительного средства к познанию Истины».

ниями нового круга, в который я вступил; но стремление это сохранилось до удобнейшего времени.

Меня приняли в первую степень масонскую *учеником*, в Петербурге в ложе *Елисаветы к добродетели*. На дверях ложи при самом входе начертаны были слова: Nosce te ipsum! Речение великого Пифагора[28] Γνοσυ σε αυτον*. Многознаменательное речение это, свидетельствующее о важности условия, с которым я вступал. Действительно, *познать себя* обязывает основательно и глубоко осмотреть весь духовный состав свой, убедиться в собственном безобразии сравнительно с тою целью, для которой создан был человек вначале, разоблачить сперва грубые, потом скрытые страсти, гнездящиеся в уме и воле** и представляющиеся при свете истины в виде отвратительного клуба, сплетенного из бесчисленного множества эхидных змей, из коих каждая ищет себе пищи, выражаясь каким-нибудь нестройным ощущением и вредом как вне, так и внутри человека, что самое и служит ей пищей и укреплением. Их так бесчисленно много, этих губительных страстей, что каждую порознь истребить невозможно, не познав и не поразив наперед оживляющую всех господствующую страсть, до которой также добраться нельзя без прилежного и постоянного наблюдения за собою и удержания страстных порывов и без *познания самого себя****. Когда человек приступает к сей трудной работе, то при свете божественного учения он на опыте познает, что без помощи господа не в силах поразить эту адскую гидру, и тогда только прибегает к молитве о помощи, и помощь дается ему, и он приобретает господство над собою, и устраняется то зло, которое препятствует ему сделаться истинным человеком.

Великим мастером при моем вступлении был Егор Андреевич Кушелев[29], вводителем — Сулима. Тут в первый раз познакомился я с гр. Михаил[ом] Юрьеви[чем] Виельгорским[30] и Сергием Степа[новичем] Ланским, незадолго до меня поступившим в масоны[31]; познакомили еще с некоторыми другими, из коих Петр Сергиев[ич] Кайсаров[32], служивший тогда в Почтовом департаменте, дан был мне

---

* Познай самого себя (л а т. и г р е ч.).

** Первоначально: «в духе и воле».

*** Первоначально: «до которой также добраться нельзя без *познания самого себя*, требующего беспрестанного упражнения в наблюдении за собою и удержания порыва оной».

в рукововодители; ему поручено было изъяснять мне те обряды, которые надо мною при приеме совершаемы были и произвели надо мною глубокое впечатление. Торжественно был я принят в такое время, когда запрещение, наложенное императрицею Екатериною на масонские ложи, еще не было снято и официальные собрания братьев не дозволялись[33]. Один только обер-шенк гр. Григорий Ивано[вич] Чернышев[34], племянник покойного фельдмаршала гр. Чернышева[35] и отец Натал[ии] Григ[орьевны] Муравьевой[36],— быв великим мастером ложи, продолжал от времени до времени в Петербурге масонские свои работы, причем принимал и новых членов, между которыми, кажется мне, приняты были и гр. Виельгорский и Ланской.

Граф удержал за собою это право особенною находчивостью: однажды вечером, во время масонских работ при запертых дверях в ложе, *брат страж* по порядку известил великого мастера, что некто просится в собрание; гр. Чернышев велел узнать, кто он, и, удостоверясь, что это был полицмейстер, посланный верховною властью, велел, не нарушая и не изменяя порядка собрания, впустить его в ложу; отдав ему обычную у масонов честь, как лицу правительственному, граф обратился с места своего к нему с приглашением принять участие в занятиях собрания, прося его довести до сведения правительства все то, что он увидит и услышит. Полицмейстер сел, и работы продолжались по введенному порядку. После закрытия ложи и расхода братьев нежданный гость объявил, что он ничего противного правительству и добрым нравам не заметил, и, как видно, довел о том до надлежащего сведения, и Чернышев продолжал беспрепятственно председательствовать в ложе своей, до официального дозволения открыть опять масонские ложи, что случилось уже при императ[оре] Алексан[дре] в конце 1811 года[37].

По прошествии установленного времени, кажется по истечении 9 месяцев со дня принятия моего, я повышен был, со всеми положенными обрядами, во вторую степень, т. е. в *товарищи*[38], в которой открывались мне новые нравственные истины, но краткость времени для прилежных занятий воспрепятствовала мне глубоко вникнуть в значение оных. Я по временам посещал новых своих братий, из которых некоторые уже поименованы, и всеми ими дружески был всегда принят.

Многие, не зная учения масонского иначе, как чрез

пустые книги* и нескромной болтливости**, осуждают и осмеивают орден за то, между прочим, что не все члены его суть глубокомысленные ученые или философы, и особенно за то, что не все устраивают жизнь свою по правилам, которые сами признают святыми и мудрыми. В ответ спрошу: много ли христиан живут по-христиански, и не видим ли мы между единоверными нашими воров и злодеев не только в необразованном слое народа, но и в самом образованном обществе и даже в самих учителях церкви? Справедливо ли осуждать христианскую религию за уклонение от нее и за действия совершенно ей противных, именующихся чадами ее? Посему и осуждать, порицать и насмехаться над орденским учением, не имея о нем правильного и ясного понятия, порицать его по делам некоторых членов его я признаю неосновательным и даже предосудительным.

Жаль, что в 1822 году, еще при импер[аторе] Александре I, по внушению графа Аракчеева[39] и известного Новгородского Юрьевского монастыря грубейшего и невежественного архимандрита Фотия[40], ложи были опять закрыты, и лучшее юношество*** наше вновь лишилось средств образовать нравственность свою и стало подобно бродящему стаду без пастырей, предаваясь всем увлечениям необузданных страстей и неосновательных и ложных учений и систем; многие из них, не будучи подстрекаемы примерами других, впали в беспечность и равнодушие к идеалам и общественному благу, что, без сомнения, входит в цель самодержавной власти, равно как и развращение народа, дабы властвовать над бессмысленными подданными и заставлять их без рассуждения повиноваться его прихотям, но тем не менее**** унижать достоинство человека[41].

Вскоре после поступления моего в орден я познакомился чрез посредство Сер[гея] Апо[ллоновича] Волкова[42] с родным дядею его Родионом Александр[овичем] Кошелевым[43], весьма, как говорили, набожным человеком, который был в переписке с знаменитым Сведенборгом[44]. Впоследствии, когда я принял учение сего последнего, признав его вполне истинным, я старался чрез С. А. Волкова получить

* Первоначально: «чрез вздорные книги».
** Так в подлиннике.
*** Первоначально: «и благородное».
**** Так в подлиннике.

письма Сведенборга, но Волков отозвался тем, что после смерти дяди своего он все бумаги его сжег. Не веря такому варварскому поступку, я продолжаю отыскивать эти драгоценные останки великого избранника господа и пророка новой церкви.

Служебные мои занятия продолжались по-прежнему, к тому присоединились домашние учебные, по части военных наук. Дядя мой Н. А. Саблуков[45], о котором упомянуто было в первой части, поощрял меня к чтению военных писателей, в числе которых появилось в то время сочинение Жомини «Traité des grandes opérations militaires[46] я вытвердил почти наизусть; читал с особенным увлечением комментарии Юлия Цесаря[47], войны maréchal de Saxe[48] и изучил почти все, что в то время по военному искусству известно было. Все это услаждало меня и разжигало во мне чувство *славолюбия*, обогатив ум мой познаниями, для меня необходимыми. Я особенно много обязан Н. А. Саблукову поощрением к военно-литературным занятиям: он постоянно снабжал меня подобными книгами из своей библиотеки, которая потом, по назначению его, перешла отчасти ко мне.

В течение зимы 1811 год[а] приезжал в Петербург отец мой с братом Николаем, которого определил на службу также в Генеральный штаб. Брат отлично выдержал экзамен и скоро произведен был в прапорщики. Оставался еще в Москве третий брат мой Михаил, который особенно изучал и усовершенствовался в математике.

Когда дядя Никол[ай] Михай[лович] с семейством уехал летом в деревню, то, с согласия его, перешли мы из флигеля в самый дом, где часто посещали нас дальние родственники наши Матфей и Сергий Ивановичи Муравьевы-Апостолы, одних с нами лет, приехавшие с матерью своею из Парижа, где воспитывались. Прекрасные, благородные и ученые молодые люди сии после войны вошли в состав политического общества, о коем будет говорено в своем месте. Мы с ними проводили время отчасти в чтении и научных беседах, отчасти же в дружеских разговорах. Характер двух братьев был различен: Матфей был веселый и приятный товарищ, Сергий же сурьезный; первый определился в Семеновский полк*, а второй в Корпус путей сообщения, который в то время только что начал возни-

* Первоначально: «в Академию наук».

кать и стал в соперничество с Корпусом колонновожатых[49]. Тогда для основания сего Института выписан был из Франции генерал Betancour[50] с несколькими учеными генералами и офицерами; он и положил прочное основание сему заведению. Нас, офицеров, часто приглашали на экзамены в Институт путей сообщения, равно и на наши экзамены приглашаемы были офицеры и от них.

Французское шарлатанство и хвастливость уверили Волконского, что нас, русских офицеров Генерального штаба, надобно снова учить первым началам математики, а потому чрез Бетанкура и по рекомендации его выписан был с этой целью из Франции весьма ученый капитан comte Falcland[51] и принят в нашу службу по Генеральному штабу. Нам всем приказано было ходить в классы слушать лекции г[осподина] Фальклана, что крайне всех нас обидело, и очень понятно: потому что, если некоторые из наших и не знали науку, как профессор, приготовившийся учить других, то подобное педагогическое знание не было для них нужно. Они очень исправно знали то из математики, что практическому офицеру *необходимо*, что впоследствии и доказали на самом деле, потому мы сетовали на Волконского за такое постыжение нашего мундира, и когда нас всех, молодых офицеров, обязали ходить в классы к Фальклану, то мы положили между собою всячески тому сопротивляться и довести Фальклана до исступления во время классов. Мы столько наговорили ему колкостей, один из нас вызвал его даже на поединок, но он не пошел, столько спорили с ним и противились его лекциям, что он, уже чахоточный, заболел и вскоре потом умер, чем и кончились унизительные для нас лекции.

Очень коротко познакомился я с живущим от меня недалеко в кавалергардских казармах поручиком того же полка Михаилом Федоровичем Орловым, человеком весьма ловким и достойнейшим, великолепной наружности и большого образования, начитанности и красноречия[52]. Он был воспитанник известного Abbe Nicole[53]. Часто ходил я к нему беседовать и фехтовать, и мы на эспадронах бились до синих пятен. Орлов был силы необыкновенной, не только физической, но и умственной. Мы часто встречались с ним в разных случаях нашей жизни, и он всегда оправдывал в глазах моих то высокое мнение, которое я о нем себе составил. Странно мне, что под вечер жизни его и

после перенесенных невзгодий житейских он показался мне ниже того, чем был сначала.

Посещал я с братом Николаем часто адмирала Н. С. Мордвинова[54], который и сам и семейство его нас очень любили. По воскресениям бывали у него маленькие собрания, на них танцовали. В один вечер брат Николай, быв еще колонновожатым, заспорил о нашей службе с г[осподином] Михайловым, довольно близким к дому хозяйки и женихом сестры* славного впоследствии партизана Фигнера[55]. В этом споре Михайлов сказал брату, что *если*, как он слышал, *какой-то офицер Генерального штаба не сумел набросить летучий мост на реку, то что же после того колонновожатый?* Николай рассердился и тут же на месте дал ему пощечину. Это произвело большой шум в зале, и одна из барынь, смеясь над Михайловым, сказала: «Je l'ai vu et entendu, ce soufflet a été bien appliqué»**. Родной брат Фигнера, гусарский офицер, находился на этом же вечере и понуждал битого Михайлова вызвать брата на поединок, но тот струсил, тогда я, подойдя к Фигнеру, объяснил ему, что как брат Николай еще юнкер, то с ним драться нельзя,— и я вместо его принимаю поединок с ним — Фигнером, который тотчас согласился.— Так дело до утра и осталось. Такое происшествие в доме адмирала было ему и семейству его крайне неприятно, и он старался замять оное, так чтоб и слух о том не распространился по городу. На другой день утром приехал к нам Семен Никола[евич] Корсаков[56] вместе с Фигнером и от имени Николая Семеновича просил прекратить эту неприятную историю. Фигнер согласился назвать Михайлова *подлецом*, а мне более ничего не оставалось, как помириться с Фигнером***; и я его более нигде не встречал. Брат Николай несколько времени не ездил в дом Н. С. Мордвинова, но потом все обошлось по-прежнему, и он опять стал посещать его[57].

В продолжение зимы прибыли из Москвы еще двое Муравьевых — Артамон и Алексан[др] Захаровичи, они сблизили нас с родителями своими Захаром Матвеевичем и Елисаветою Карловною, людьми добрыми, ласковыми

---

* Первоначально: «и женатого на сестре».

** Я это видела и слышала, эта пощечина была хорошо дана (франц.).

*** Первоначально: «а мне более ничего не оставалось, как помириться с Фигнером, который казался прекрасный человек».

и простыми; мы часто у них бывали. Из этих двух вновь приехавших дальних родственников старший — Артамон — вступил в колонновожатые и впоследствии* вместе с братом своим был адъютантом у фельдмаршала князя Барклая де Толли, родственника их по матери; потом он вошел в состав политического общества и умер в изгнании в Сибири; брат же его Александр ничем от весьма обыкновенных людей не отличился и умер в звании кавалерийского дивизионного командира[58].

К осени 1811 г. окончательно устроен был Корпус колонновожатых. Меня и брата Николая перевели в дом Главного штаба, который в то время [был] еще домом Кушелева, и сделали нас дежурными офицерами и преподавателями математики в корпусе, что мы до самого отправления в поход исполняли с должным прилежанием. За новыми этими занятиями времени оставалось у нас уже менее, в чертежную мы ходить перестали, будучи облечены в почетное звание ближайших начальников над молодыми людьми, вступившими и вступающими в корпус. В продолжение отправлений нашей должности много встречалось и смешных, и странных, а иной раз и грустных обстоятельств, о которых не упоминаю отчасти потому, что забыл уже подробности их, а отчасти потому, что они стоят особого внимания.

Уже близко к концу года приехал из Москвы опять отец и привез с собою меньшого брата моего Михаила и искреннего нашего приятеля Михаила Иван[овича] Колошина. О том, с каким блеском брат Михаил выдержал экзамен, уже сказано; он беспримерно скоро, недели через три после экзамена, произведен был в офицеры, Колошин же принят в колонновожатые; в этом чине он пошел в поход и умер во время войны 1812 [г.] в г. Вязьме, где мы его и похоронили. Брат Михаил также немедленно получил место преподавателя высшей математики и астрономии, постоянно жил с нами и до самого начала войны продолжал ежедневно свои лекции, ему было тогда от роду 15 лет.

Отец возвратился в Москву, где из отставного подполковника принят был в военную службу полковником по случаю открывавшейся тогда войны. Выше сказано было, что кн. Урусов[59] оставил ему по духовному завеща-

---

* Первоначально: «впоследствии перешел в кавалергарды».

нию все богатое свое имение. Перед тем как отцу опять вступить в службу, старик, не имея никакой опоры, кроме его, со слезами уговаривал его оставаться при нем, подтверждая свое завещание в пользу его, но отец, убеждаясь современными обстоятельствами, что настало время защищать Отечество, и увлекаясь природною склонностью к войне, несмотря на то что трех сыновей уже поставил на службу,— отказал огорченному 83-летнему старику, оставил его, вступил в службу и скоро отправился в Нижний Новгород начальником штаба к графу Петру Александ[ровичу] Толстому, формировавшему там ополчение из нескольких губерний вместе[60]. Негодуя на сей его поступок и в старческой тоске своей, кн. Урусов переделал духовное завещание, чем лишил хорошей части своего имения; со всем тем, однако, благоразумный, хотя оскорбленный, старец все-таки оставил ему много, очень много!

Жили мы трое очень умеренно в Петербурге, потому что с малолетства были уже к тому приучены и тем не тяготились и потому, что средства наши были крайне ограниченны, получая тогда очень малое содержание от отца, который почти сам ничего не имел, и старик кн. Урусов неохотно давал деньги, особенно после некоторой размолвки с ним о вступлении против его воли в службу; это, конечно, было причиною и тому, что во всю войну 1812—1813 год[ов] отец уже совершенно ничего нам не посылал на содержание, и мы принуждены были довольствоваться одним весьма скудным жалованием и довольствовались им и долгов не наделали, хотя нужда наша была чрезвычайная и крайнейшая.

Наступил знаменитый 1812 год. Ожидалась война с французами, и не только с одними ими, но со всею Европою. Войска со всех концов империи двинулись к границам. Умы во всей России, особенно же в обеих столицах, были в высшей степени взволнованы и возбуждены; сердца всех военных пламенели встретиться и сразиться с неприятелем. Дух патриотизма без всяких особых правительственных воззваний* сам собою воспылал. Ненависть к французам и к иностранцам вообще развилась во всей ее силе между русскими и оставила глубокие корни в современниках; многие из них, дожившие доныне, ощущают какое-то отвращение к иностранцам, и особенно к францу-

* Далее зачеркнуто: «и возбуждений».

зам, которое умеряется только усилием над самим собою, но при первом удобном случае проявляется в различных видах. Глубоки и сильны впечатления юности! Это отвращение выразилось еще в Петербурге частыми столкновениями между гвардейскими офицерами и членами французского посольства, которые, надмеваясь блистательными подвигами импер[атора] Наполеона I, держали себя очень гордо перед нами. Трудно описать, в каком все были одушевлении и восторге* и как пламенно было стремление к войне не одних только офицеров, но и солдат. Всем хотелось отмстить за Аустерлиц, Фридланд и за неудачи, которыми мы в прошедших войнах постыжены были**[61]. Сам император Александр, видя такое настроение, доселе либеральный реформатор, готовивший освобождение от крепостной зависимости, распространитель просвещения учреждением новых университета и гимназии и помышляющий о конституции для России, сам он воодушевляется, оставляет свои правительственные преобразования, пылает желанием славы воинской, указывающей ему на славу европейского избавителя, если б ему удалось спасти Отечество от готовящегося нашествия и уничтожить исполинскую мощь завоевателя Европы, сам он, сознавая непобедимую силу духа, овладевшего его царством, Александр решился на непримиримую брань с Наполеоном. Жребий брошен! Континентальная система стала постепенно быть нарушаема, русские гавани начали открываться для торговли[62], при этой быстрой перемене политики из Петербурга потянулось постепенно множество иностранцев, которых русские от души презирали и убегали; дух иноземный, подавлявший до того времени русскую народность, развеялся — дышать стало легче, вся Россия ожила, встрепенулась и взялась за оружие на кару угнетателей и освобождение подавленных народов!***

---

* Первоначально: «одушевлении и раздражении».

** Первоначально: «и от неудач, которым прошедшие войны нас подвергнули».

*** Первоначальный текст от слов: «Сам император Александр»: «Сам Александр, видя такое настроение, доселе либеральный реформатор, готовивший освобождение от крепостной зависимости, распространение просвещения, учреждение нового университета и гимназии, помышляющий о конституции, сам он оставил свои великие правительственные преобразования, воспылал желанием славы воинской, указывающей ему на славу европейского избавителя, если ему удастся спасти Отечество от готовящегося нашествия и унич-

И мы, юноши*, в тесном и душном жилище нашем в Главном штабе одушевились общим и торжественным чувством, забыли свои нужды и с восхищением получили повеление передать свои занятия другим и самим отправиться в *Вильно*, где была главная квартира 1-й Западной армии, которою предводительствовал военный министр Барклай де Толли, по мнению моему, великий муж во всех отношениях.

Незадолго до отъезда нашего, на том же дворе, где жили мы, помещался знаменитый граф Михаил Михайлович Сперанский, молодой, но гениальный советник императора Александра I, правая рука его по готовящимся преобразованиям, чем и навлек на себя недоброжелательство и зависть невежественных сановников и почти всего дворянства. Этот необыкновенный человек в одну ночь нечаянно, по повелению Александра, был схвачен и отвезен в Пермь. Император, убежденный в его невинности и совершенной чистоте намерений, против воли принес его в жертву общему мнению**[63]. Так в некоторых случаях силен этот рычаг, что движет сердцами властителей, вопреки даже воле их и убеждений! В ту же ночь схвачен и увезен был Магницкий![64]

Наконец, собравшись с скудными нашими средствами, простиравшимися на всех трех до семисот рублей ассигнациями в год, братья Николай, Михаил, Михаил Колошин и я, в сопровождении наших слуг, мы восторженные отправились в конце февраля 1812 г. в *Вильно* на почтовых, а где их не было, что очень часто случалось за огромным числом отъезжающих,— на обывательских. Захотелось нам посетить наперед отцовское имение *Сырец*, лежащее почти на пути в 15 верст[ах] от г. *Луги*. Мы прибыли туда через два дня и посетили соседа, Петра Семеновича Му-

---

тожить противную силу завоевателя Европы, сознавая силу духа, овладевшего его царством, Александр решился на непреоборимую брань с Наполеоном: Alea jacta est! [«Жребий брошен»— лат.]. Континентальная система окончательно нарушена, гавани наши открылись для торговли, французские и другие посольства, кроме английского, стали выезжать из <России> Петербурга, за ними потянулось множество иноземцев, дух иноземный, подавлявший доселе русскую народность, рассеялся, и вся Россия ожила, встрепенулась и взялась за оружие на кару угнетателей и освобождение подавленных народов!»

* Первоначально: «маленькие люди».

** Зачеркнуто: «и зависти».

равьева, в д. *Радговцах*, в 4 вер[стах] от Сырца. Там было обыкновенное помещичье угощение: чай, варенья, вино и крестьянские песни и пляски. Сам П. С. Муравьев, напившись допьяна, несколько раз падал на пол и, между прочим, назвал Колошина калмыком, чем он обиделся, но после с пьяным хозяином помирился, и мы уже поздно ночью воротились домой; на другой день отдан был нам визит, и угощение наше было скромное. В *Сырцах* осматривали мы все памятники нашего младенчества, сами только что вышедшие из этого возраста, но уже приобщившиеся к миру и делам его, мы с особенным чувством вспомнили нашу юную старину. Пробыв трое суток в деревне, мы отправились далее по назначению.

Ехали мы тихо по недостатку на станциях лошадей; для того же, чтобы не слишком запоздать в дороге, ехали днем и ночью. Для общего нашего облегчения в одно время от хлопот мы устроили между собою очередь: очередной должен был, следуя вместе со всеми, ехать впереди и заготовлять лошадей. Подъехав в Псковской губернии к реке *Великой* ночью, очередным был брат Николай. Мы остановились, брат пошел пешком осмотреть переправу; вдруг услышали мы впереди отчаянный крик брата: «тону, тону!» Выскочив из сеней, мы увидели себя на берегу реки, с которой мост был снят и даже сваи вынуты, так что остались в тонком уже льду как бы не замерзшие проруби, указывающие на места, где прежде были сваи. В одно из этих водяных отверстий, за темнотою для нас невидное, среди реки попал нечаянно брат Николай, осматривая дорогу; погрузившись всем телом, он стал тонуть и призывать к себе на помощь. Я, а за мною слуга наш Петр Семенов Дамаскин первые бросились стремглав напрямик по голосу по льду, который беспрестанно под нами ломался, и мы, частью проваливаясь, частью же по льду. успели до Николая добраться. Он уже был по горло в воде и, потеряв силы, решительно бы утонул. Я ухватил его за воротник, сам стоя на льду, и стал вытаскивать его, но усиленною тяжестью своею и его продавил кусок тонкого льда и сам ногами попал в воду, туловищем же удержался на льду в сидячем положении. Тут подоспел Дамаскин, маленький ростом и легче нас, и стал, вероятно, на крепчайшее место; тогда мы общими силами вытащили уже изнемогающего брата из воды на лед, на котором отдохнув несколько, все трое осторожно и в некотором друг от

друга расстоянии пошли назад к берегу, где стояли наши сани. Подходя к берегу, увидели в воде брата Михаила и Колошина, под которым лед на мелком месте подломился — оба они усиливались выйти из воды; общими силами мы все выбились из реки и добрались до наших повозок, решившись до рассвета отложить переезд чрез реку. Но до того надобно было обсушиться и согреться, потому что мы и всё на нас замерзло. Мокрые и озябшие, мы отправились пешком в ближайшую деревню за версту в сторону, где обсушились, переоделись, напились горячего чаю и провели ночь, наградив Петра Семенова десятью руб[лями] ассиг[нациями] за подвиг его и удачу[65].

Дальнейшее путешествие наше до места совершилось благополучно, но с большими хлопотами для получения лошадей и сопровожденное довольно забавными случаями. Мы прибыли в *Вильно*, где отвели нам квартиру по желанию нашему всем вместе в Рудницкой улице, входящей в Большую *Немецкую*. К нам присоединились чрез несколько дней Н. Е. Лукаш[66] и Н. Д. Дурново[67], и мы, таким образом, до раскомандирования в разные места продолжали в общей артели жить вместе.

Начальником Главного штаба был на то время ген[ерал]-лейт[енант] Н. И. Лавров[68], а ген[ерал]-квартирмейстером ген[ерал]-май[ор] Мухин[69], к ним явились мы и ожидали приказаний. Мы пробыли таким образом почти 3 месяца в Вильне до открытия войны, жили весело, но скромно, посещали некоторых знакомых, из которых ближайший ко мне был Кавалергард[ского] полка поручик М. Ф. Орлов, приятный и добрый товарищ. Он скоро был сделан адъютантом кн. Пет[ра] М[ихайловича] Волконского и был им употребляем по труднейшим делам, которые всегда исполнял с желаемым успехом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Война 1812 года

Как цель этих записок не есть подробное описание военных действий, для чего нужны были бы данные, которых я не имел, то, что более относится ко мне и участию моему в делах военных, то пишу с точки зрения совершенно особо личной. Что я сам знал, видел, чувствовал и слышал, что сделалось мне известно из рассказов основательных людей, о том только и могу писать с достоверностью,

о многом же, весьма интересном как в отношении политическом и военном, так и в отношении разных личностей, многое не доходило до моего сведения, кроме неверных слухов, потому и воздерживаюсь от передачи того, чего я положительно не знаю. Впрочем, столько есть уже описаний этой знаменитой войны, спасшей Россию и Европу, что излишне было бы повторять всем известное.

Войска наши были разделены на две армии: первая и вторая западные. Первою начальствовал военный министр Барклай де Толли[70], главная квартира коего была в *Вильно*, и армия его состояла из 5-ти армейских пехотных корпусов, гвардейского и 3-х кавалерийских, всего не с большим из 110 000 человек; второю предводительствовал кн. Багратион[71], главная квартира которого была в *Волковыске**. Армия его состояла из 2-х пехотных корпусов и 1-го** кавалерийского, всего до 45 000*** человек. Атаман Платов[72] с несколькими казачьими полками стоял впереди в Белостокской области. 3[-я] резервная обсервационная армия под предводительством генерала Тормасова[73] до 45 000 человек расположена на Волыни****, главная квартира ее в Луцке[74]. Против нее шла Австрийская армия***** под командою князя Шварценберг[а][75], который во всю войну действовал вяло. Против нас шел искуснейший в мире полководец — Наполеон с 600 000 европейского войска[76]. Такая и ни от кого не скрытая несоразмерность сил могла бы устрашить Россию и воинство ее, испугать Александра,— но ни у кого не дрогнуло сердце, все с жаром стремились к скорейшей встрече с неприятелем, все горели желанием с ним сразиться.

Александр, заключив дружественный союз с Англией, Швецией и Испанией, прибыл в Вильно в конце апреля****** с огромною своею главною квартирою, состоящею из начальника Главного ее штаба кн. Волконского, много генерал- и флигель-адъютантов, дипломатами и иностранцами, между которыми были сумасбродные проектеры *Пфуль*[77], *Вольцоген*[78] и другие. Множество канцелярий и прислуга наводнили город, и начались разного рода интри-

---

* Первоначально: «в Слониме».
** Первоначально: «всего одного».
*** Первоначально: «около 50 000».
**** Первоначально: «стояла в Луцке».
***** Первоначально: «Австрийский кор[пус]».
****** Первоначально: «кажется, в мае».

ги до такой степени, как впоследствии говорил мне бывший в то время виленским губернатором Александр Степанов[ич] Лавинский[79], что главнокомандующий Барклай де Толли, человек честный, благородный и холодный, часто приходил от того в отчаяние: проекты за проектами, планы и распоряжения, противоречивые друг другу, все это, сопряженное с завистию и клеветою, нарушали спокойствие главнокомандующего, что более или менее отзывалось на его подчиненных[80].

Первоначальный план военных действий состоял в том, чтоб идти вперед и сосредоточиться в Пруссии, но быстрое движение Наполеона вперед разрушило оный[81]. Барклай, лучше других предвидя, что нам придется вести сначала войну оборонительную, послал офицеров вплоть до Москвы для избрания заблаговременно разных военных позиций, для чего в числе других был послан Генер[ального]штаба полковн[ик] Мишо[82]. Как военный министр, он заранее приступил к заготовлению магазинов и военных запасов внутри государства, по предполагаемым путям к отступлению, что, несмотря на благоразумную предусмотрительность его, при всеобщем стремлении к борьбе с неприятелем, набросило на Барклая крайне для главнокомандующего невыгодную тень: общее мнение армии выразилось об нем, как о немце-изменнике; за этим естественно последовало недоверие к нему и даже ненавистное презрение овладело всеми и довольно громко выражалось. Но Барклай непоколебимо продолжал свои распоряжения с тою же настойчивостью. Дивиться надобно твердости характера сего полководца!

По совету Фуля* устраивался укрепленный лагерь на Двине, под г. Дриссою, что стоило поэтому много денег и труда. Непонятно, как мысль об устройстве этого лагеря могла кому-либо прийти; во всяком случае, эта мысль несообразна была ни с намерениями главнокомандующего, ни с намерениями самого Наполеона, который направлялся на Москву, как на сердце России, а не на Петербург, дальний край ее**[83].

Пока мы были в Вильне, издано было знаменитое учреждение большой действующей армии, по которому устроены были немедля все военные власти[84]. Учреждение

---

* Первоначально «Volzogen».

** Первоначально: «дальную страну ее», «страну ее» зачеркнуто, добавлено: «украину ее», в дальнейшем исправленное на «край ее».

это и до сих пор служит основою управления войсками во время войны и, за некоторыми небольшими изменениями, осталось почти то же самое. По нему сделаны были тот же час все новые назначения. Лавров из начальников Главного штаба сделан был командиром гвардейского пехотного корпуса, которого вместе с гвардейскою кавалериею главный начальник был в[ел]. кн. Константин Павлович. Начальником Главного штаба 1[-й] армии сделан был генерал маркиз Паулуччи[85], генерал-квартирмейстером оставался временно ген[ерал]-майор Мухин, генерал-интендантом ст[атский] сов[етник] Канкрин, что впоследствии был мин[истром] финансов[86]. Какое место в армии занимал г[осподин] Десанглен, о котором будет говорено после, не знаю; кажется, что он служил в тайной полиции[87]. Я встречался с ним в продолжение войны, но коротко знаком с ним не был. Офицеры, пребывавшие в Вильне, разосланы были по своим местам и полкам, братья Николай и Михаил и Петр* Колошин прикомандированы были к штабу гвардейского корпуса, т. е. к в[ел]. к[н]. Константину Павлов[ичу], я же прикомандирован был к главной квартире состоять временно под начальством Толя[88].

В это время прибыл в Вильно к императору Александру генерал-адъютант Наполеона граф Narbonne[89], посланный от него с ultimatum, состоящим в протесте против указа о торговле в декабре 1810 г.[90] и требовании прекращения оной с Англиею. Хотя Александр, не хотевший более видеться с французским послом графом Lauriston[91], принял, однако, ненадолго графа Narbonne и, выслушав его, раскрыл перед ним карту России, сказал ему: J'ai pour moi l'espace et le temps»** и объявил, что нет места в обширном его государстве, которого бы он не стал защищать, скорее чем согласиться на постыдный мир, и не положит оружия, пока хотя один иностранный воин останется в России. Narbonne, убедившись в твердой и непреложной воле Александра вести войну оборонительную, уехал в Дрезден, где тогда находился император французов, окруженный двором и ласкательствами европейских государей, и окончательно в том же убедил Наполеона, но

---

* «Петр» написано Муравьевым ошибочно; речь идет о Михаиле Колошине.

** За меня пространство и время (франц.).

который немедля выступил в поход против нас с тремя огромными армиями: одною, которою предводительствовал сам, другою — под командою брата своего Иеронима, короля вестфальского[92], и третьею — под начальством виц[е]-короля Италии Евгения[93].

Император Александр имел постоянно в виду показать России и Европе, что не он, а Наполеон начинает войну, он же только защищается, и что вторжение французов было внезапное, даром что уж с 1810 г. делались в России нужные приготовления к отвращению нападения сего, писались и рассматривались многие проекты о ведении войны, ожидал потому последнего мгновения, чтобы войти с Наполеоном в переговоры. 12 июня Александр не мог не знать, что французы уже переправляются через *Неман* в Ковне, со всем тем, однако, в ночь, на 13[-е] он поехал на бал к Беннигсену[94] в имение его Закреты в 4 верс[тах] от Вильно. Многие оставшиеся в главной квартире офицеры, в том числе и я, были на этом бале в большом бальном параде, т. е. в белых по тогдашней форме штанах, чулках и башмаках. Около 11 часов вечера государем получено было верное известие о переправе Наполеона*, что старали[сь] скрыть от присутствующих, и в первом часу ночи 13 числа госуд[арь] оставил бал и отправился в город, за ним все разъехались. День 13[-го] был употреблен на приготовление к отступлению. Импер[атор] призвал тогда генерал-адъютанта Балашева[95] и велел ему ехать к Наполеону. Балашев отправился 14[-го]. Вместе с ним был послан адъютант кн. Волконского, упомянутый выше Орлов. Пока Балашев ездил к Наполеону, Орлов оставался во французском авангарде под начальством маршала Davoust[96]. Орлову поручено было тайно высмотреть состояние французских войск и разведать о духе их. Наполеон, пригласив ген[ерала] Балашева к обеду, между разговором спросил его: «Il n'y a pas de route de ce pays, indiquez-moi le chemin de Moscou». Балашев остроумно отвечал: «Sire, tout chemin mene a Rome, Charles XII a pris celui de Poltava»**[97]. В то же время за большим обедом у Davoust Орлов, сидя в некотором расстоянии от маршала, подшучивал над французскими офицерами, подпускал им раз-

---

* Далее зачеркнуто: «в Ковне».

** Нет [карты] дорог этой страны, укажите мне московскую дорогу. <...> Государь, все дороги ведут в Рим, Карл XII выбрал Полтавскую дорогу (франц.).

ные колкости, что производило неудовольствие, действовало между ними, не могущими устоять против остроумия Орлова. Маршал, узнав это, рассвирепел и, ударив кулаком по столу, гневно и громко, обращаясь к Орлову, закричал: «Fi, monsieur l'officier, que dites vous là?»* — Орлов немедля громко отвечал ему, ударив так сильно кулаком по столу, что затрясся стол и застучали приборы**: «Fi, m-r le maréchal, je m'entretien avec ces messieurs!»*** Такая нежданная и смелая выходка привела всех присутствовавших и самого лютого маршала**** в удивление и молчание. Стали перешептываться между собою и спокойно после обеда разошлись. Чрез несколько дней Балашев с Орловым воротились уже в лагерь под Дриссою, где Орлов донес, что вся дорога от Вильно до Дриссы покрыта трупами французских кавалерийских лошадей, насчитанных им примерно до 800; таким образом, армия Наполеона еще без боя начала разрушаться от одних переходов, жара и неимения достаточного продовольствия.

Государь выехал из Вильно 14-го в Свенцяны. Вслед за ним двинулся туда же весь вагенбург армии[98], который был поручен моим попечениям в отношении к пути-следованию; и как он состоял из огромного количества слуг, денщиков, нестроевых чинов, повозок и разных экипажей, принадлежащих множеству лиц, входящих в состав главной квартиры и съехавшихся в нее, то от скорости выступления и множества повозок происходили не раз замешательства и беспорядки в следовании оного, особенно потому еще, что неприятель шел близко и по пятам, потому полковник Толь находился при выступлении его. Через три дня, однако, весь вагенбург, претерпев немалую нужду в продовольствии всякого рода, потому что до Свенцян не было сделано никаких заготовлений, благополучно прибыл на место, и все повозки и экипажи разошлись по своим местам и хозяевам, так что он с того времени в порядке занял свое место в армии. Слуга мой Владимир, попавший с моим вьюком также в общий обоз, отстал от меня, и я принужден был в течение этих трех дней при исполнении

* Фи, господин офицер, что вы там говорите? (франц.).

** Далее зачеркнуто: «и закричал».

*** Фи, господин маршал, я беседую с этими господами (франц.).

**** Первоначально: «Такая отважность привела всех и самого свирепого маршала».

служебных обязанностей сам ходить за своею верховою лошадью, сам убирал и кормил и ее и себя самого кое-чем, что на первый раз очень было мне трудно.

Подходя с вагенбургом к *Свенцянам*, я во время проливного дождя укрылся рогожей, в этой одежде ехал верхом и встретил государя, который, беспокоясь об опасности, которой подвержено было такое беспорядочное множество повозок и людей с необходимыми для всех вещами, выехал совершенно один навстречу. Он остановил меня и, улыбнувшись, видя мое странное одеяние и меня самого в пыли, обратившейся от дождя в грязь, спросил о вагенбурге; я, сбросив [с] себя свою грязную рогожистую хламиду, отвечал, что он весь идет за мною вслед; и действительно, голова оного уже показывалась. Прибыв в Свенцяны, а оттуда в *Видзы*, по исполнении своего поручения с большою радостью я увиделся опять с братьями; но недолго пробыл я [с] ними. Гвардия немедленно ушла наперед, а за нею все войска и главная квартира, при коей я находился, направлены были на укрепленный лагерь под Дриссою, и каждая часть оных постепенно заняла место в этом лагере. Багратиону послано было приказание немедля соединиться с 1[-й] армиею, но стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что это было невозможно, обе армии были уже разделены французскими корпусами, и это соединение ближе *Смоленска* сделалось уже немыслимо, да и в Смоленске можно было армиям соединиться потому только, что кн. Багратион искусными движениями и сражениями задерживал где только мог французов под командою Иеронима, короля вестфальского, медлящего в своих распоряжениях и движениях, за что и был Наполеоном удален от звания главноком[андующего] своею армиею и подчинен маршалу Davoust, чем он оскорбленный уехал в свою столицу. Наконец искусный вождь и неустрашимый и неутомимый кн. Багратион форсированными маршами обошел французов и, предупредив их, соединился с 1[-й] армиею под Смоленском.

Нельзя не удивляться тому, как Наполеон, столь опытный и прозорливый в выборе людей, назначил главнокомандующим одной из своих армий неспособного брата своего Иеронима, короля вестфальского, на которого возлагалось самое важное, самое решительное поручение разобщить наши армии и не давать им соединиться, что, без сомнения, имело бы чрезвычайный вес в пользу франц-

зов в этой войне. Так ошибиться могут люди дюжинные, которые не имеют ясного понятия об истинном достоинстве человека, но руководствуются по слабости характера и тупоумию одними происками и приличиями. На таком основании достаточно человеку, лишенному всяких достоинств, но достигшему разными неправдами до степени фельдмаршала, почитаться и быть способным вести войну с успехом; довольно другому, хитростию, пронырством* и лестью достигшего звания министра, чтобы вверить ему кормило государства. Можно бы при виде его воскликнуть: A quels maitres, grand dieu livrez vous l'univers!**, если бы вместе с тем не успокоиться непреложною истиною, что все эти деятели***, как правители, так и подвластные, суть не что иное, как орудия в руках провидения, орудия, которыми оно располагает и заставляет их, совершенно для них несознательно, достигать той цели, которая сокрыта в судьбах божественного порядка. Наполеон, его ошибки и несчастная участь, постигшая его огромное войско, вполне доказали эту истину.

Еще по сию сторону Вильно****, недалеко от города, были довольно жаркие стычки между казаками нашего арьергарда и французскими авангардами, в одной из них взят был в плен раненый адъютант Наполеона гр. Segur. Это не тот, который написал известную книгу «Histoire de la grande armée», их было три брата[99].

Состоя при главной квартире, я должен был чередоваться с прочими офицерами Генерального штаба в дежурстве у начальника Главного штаба маркиза Паулуччи, который меня совсем до того не знал. Однажды утром, когда сменил товарища, я как дежурный вошел к нему, и он неизвестно с чего вдруг грозно сказал мне: *«Я вас расстреляю!»* Я спросил его о причине, ибо только что поступил и никаких мне в этот день приказаний еще не дано было. Он отвечал, что был очень недоволен сменившимся дежурным, и вдруг, видно, опомнившись, спросил о моей фамилии, я отвечал — *Муравьев.* На это он очень ласково сказал, что знает моих родственников, уважает их, просит меня обедать, и во весь день был со мною очень

---

* Первоначально: «кляузами».

** Каким властителям, великий боже, вручаешь ты вселенную! (франц.).

*** Первоначально: «сумасбродные деятели».

**** Первоначально: «Вислы».

вежлив. Сменившись, я более с ним не встречался, оставшись о нем того мнения, что он человек неугомонный и необыкновенно вспыльчивый.

Вступив в лагерь под Дриссою, все, имеющие хотя малые познания в военном деле, скоро убедились не только в невыгодности его устройства, ибо широкая Двина, на которой три понтонных моста в тылу и местные укрепления так низки, что неприятель с ближайших высот на пушечный выстрел мог видеть все, что в нем происходило, но и во вреде от пребывания в нем в отношении стратегическом, ибо в то время, в которое всякой день был дорог для цели скорейшего соединения с 2-ю армиею князя Багратиона, стоянка в этом лагере давала время Наполеону окончательно отрезать нас от этой армии и уничтожить ее своими огромными силами, что неминуемо и случилось бы, если б упомянутая непростительная ошибка* короля вестфальского не спасла ее. Импер[атор] Александр, Барклай и все мыслящие и соображающие умы скоро в том убедились: иностранец Фуль совершенно лишился доверия государя, и более во всю войну о нем уже не слышно было[100].

Наполеон, преследуя нас малыми силами, спешил обогнуть наш левый фланг, и мы, простояв в лагере несколько дней, выступили из него по дороге к *Полоцку*[101]. Пред выступлением гр. Витгенштейн[102] с 1[-м] корпусом отделен был от 1-й армии и оставлен в Белоруссии для прикрытия пути к Петербургу**; мар[киз] Паулуччи послан в Ригу для защиты сего города***. На место его начальником Главного штаба армии сделан был ген[ерал]-майор Алек[сей] Петр[ович] Ермолов[103], а на место Мухина генерал-квартирмейстером полков[ник] Толь.

Ермолов был артиллерийский генерал, весьма умный, красноречивый, образованный, решительный и предприимчивый, искусный вождь, любимый всеми подчиненными; но он не терпел немцев и был противного с главнокомандующим мнения: он не признавал отступления необходимым и желал скорее соединиться с Багратионом с целью общими силами напасть на французов, разбить их и начать войну наступательную; и как такой взгляд на воен-

---

* Первоначально: «неловкость».
** Первоначально: «для охранения Петербурга».
*** Первоначально: «сего важного города».

ные действия был противен видам Барклая, то Ермолов во всю войну сильно лично против него действовал, почитая его изменником или, по крайней мере, неспособным находиться в числе русского воинства. Эти убеждения Ермолова скоро перешли в понятия всех почти русских генералов и лучших офицеров и коснулись даже простого ратника, который с пренебрежением отзывался о главнокомандующем, называя его не *Барклай де Толли, а болтай да и только*[104]. В высшей степени вредно для войска такое расположение армии, и если б любовь к Родине, которой угрожала опасность, не проницала все сердца, то главнокомандующему, действительно не сближавшемуся ни с офицерами, ни с солдатами и никогда с ними не говорившему, невозможно было бы удерживать их в том примерном порядке и устройстве, в котором совершалось наше отступление, при котором в жаркое лето и беспрерывных переходах не было ни больных, ни отсталых и все без исключения постоянно нетерпеливо жаждали скорее сразиться с неприятелем. Но государь любил Ермолова и, кажется, не без намерения оставлял его при Барклае, которому [он] был до крайности неприятен.

Толь был также весьма образованный воин, хотя еще молодой. Он был тяжел* в обращении с старшими, но приятен с подчиненными. Он разделял, кажется, взгляды и того и другого, но умел себя держать благоразумно и заслужить уважение всех.

Меня прикомандировали к гвардейскому пехотному корпусу, и я опять до Смоленска был соединен с братьями; мы все трое очень тому радовались, ибо, независимо от бывших наилучших нравственных между нами отношений, по крайне скудным нашим материальным средствам нам легче стало содержаться, нам, нуждающимся постоянно во всем, даже в дневном пропитании[105]. Лошади наши получили корм и были подкованы, и мы сами пришли в состояние иметь похлебку, картофель с сухарями, а иногда даже и чай, чего порознь иметь было трудно, особенно мне одному при плохом моем слуге Владимире Дроздове.

Мы отступали медленно и в большом порядке к Полоцку; арьергард наш легко был преследован французским авангардом. Из Полоцка императ[ор] Александр с окружающими его отправился в Москву[106]. Проездом через

---

* Первоначально: «груб».

Смоленск он созвал тамошнее дворянство, изложил ему положение России, и оно вызвалось выставить 20 000 и более воинов. Из Смоленска государь приехал в Москву, где воззваниями своими возбудил народ и дворянство и сделал распоряжение, по вызову дворянства, о поставке ратников в виде ополчения как по Московской, так и по нескольким ближайшим губерниям по 10 человек со 100 душ, что должно было составить в одной Московской губернии до 80 000 ратников. Сделано было распоряжение о составлении 3 округов ополчения*. Петербургским, или вторым**, с прилегающими губерниями командовал Кутузов, только что приехавший из Молдавии, где заключил самый выгодный для нас мир с турками[107]. Московским, или первым***, с губерниями — гр. Марков[108], третьим, или Нижегородским, с губерниями командовал гр. Толстой[109], при котором начальником штаба был отец мой. Пробыв несколько дней в Москве, государь уехал в Петербург.

Из Полоцка, также в порядке и всегда готовые к бою, отступили мы к Витебску. Дивиться должно тому, что не было у нас ни больных, ни отсталых, так были одушевлены все войска без исключения, но ропот сильный был слышен между офицерами и генералами, оттого что все желали грудью встретиться с неприятелем, но притом все должны были отступать. Нельзя также не дивиться твердости характера Барклая де Толли, который, несмотря ни на что, хладнокровно продолжал свой план отступательной войны, которую, вопреки всем, признавал необходимою.

Под Витебском армия наша расположилась в большом порядке на бивуаках и, простояв тут несколько дней в готовности встретить неприятеля, выслала усиленный свой арьергар[д] под командою гр. Остермана[110] под с. Островну. Остерман, быв сильно атакован французами, не мог удержать свое расположение; на другой день послан к нему в подкрепление ген. Коновницын[111], который местами одерживал верх над неприятелем, но по несоразмерности сил также не в состоянии был разбить их. Находясь в команде у ген. Лаврова и предвидя, что гвардия будет

* Здесь поставлены автором в подлиннике выносные знаки, указывающие на вставку в тексте, но соответствующих знаков и вставки на полях рукописи нет.

** Первоначально: «первым».

*** Первоначально: «вторым».

несколько времени стоять без действия, я, горя желанием видеть сражение, выпросил у Лаврова позволение съездить до вечера в сражающийся арьергард у Островны. Прибыв первый раз на поле сражения и стоя у нашей батареи, несколько времени не распознавал свое войско от неприятельских: вдали неприятельские линии пехоты казались мне черными заборами, а эскадроны кавалерии представлялись в виде вверх обращенной гребенки. Но, пристально всмотревшись, я наконец постепенно стал различать все войска; потом начал сравнивать расположение их на поле с планами сражений на бумаге, где все представляется в прямых линиях и регулярно; на месте же я заметил, что хотя и есть общее сходство с чертежами на бумаге, но местоположение неровностью своею препятствует правильному расположению, и все части войска как наших, так и неприятельских соображаются с выгодами местности, сохраняя вообще только общее расположение. Все, что я видел и чему научился в этом кровопролитном сражении, меня в высшей степени восхитило. Мы после огромных с обеих сторон потерь несколько отступили в должном порядке, и я вечером, радуясь всему, что видел, воротился к своему месту в лагерь гвардейского корпуса под Витебском.

Барклай де Толли, получив известие от Багратиона, что армия его и Платов с казаками идут к Смоленску и могут беспрепятственно соединиться с 1[-й] армиею, выступил в виду всего французского войска со всею нашею армиею 15 июля в величайшем порядке по дороге к Смоленску фланговым движением налево, прикрывая этот марш передовым отрядом гр. П. П. Палена[112], который с необыкновенным мужеством и искусством совершил свое дело с полным во всех отношениях успехом, выдерживая и отражая все нападения французов и подвергаясь опасности быть отрезанным от армии.

Коль скоро мы вышли из Витебска, город сей немедленно был занят самим Наполеоном. Тут он созвал совет из ближайших к нему генералов, государственного своего министра и друзей и объявил им намерение зимовать в Витебске. Когда все почти одобрили его намерение, тогда он, одумавшись, сам заколебался и увлеченный мыслию блеснуть перед целым светом скорою и несомненною победою и занятием Москвы, где он уверен был, что заключит выгодный для себя, а для нас постыдный мир, вдруг

отменил все сделанные им распоряжения к пребыванию в Витебске, дал противные тому приказания и велел всем войскам продолжать свое наступление. Это, вопреки первого внушения и мнения и советов благоразумия, есть вторая великая ошибка Наполеона, у которого армия уже значительно уменьшилась от недостатков продовольствия и фуража, зноя, скорых маршей и сопровождающего с этим* уныния. Провидение, видимо, и заранее готовило его падение; он был ослеплен мечтами и обыкновенными своими удачами, он не знал ни России, ни духа народа ее, ни одушевления наших войск, которые, не равняясь пламенной храбрости французов, превосходят их непоколебимою стойкостью и упорством в обороне; они, предводимые своими начальниками, всегда держались донельзя, никогда не отступали с бегством, но всегда в порядке и полном послушании у своих командиров. Это неведение и самонадеянность погубили Наполеона и французское войско.

Хотя армия наша отступала в чрезвычайном порядке, но у всех на душе лежало тяжкое чувство, что французы более и более проникают в Отечество наше, что особенно между офицерами производило страшный ропот. Кстати приведу здесь экспромтом сочиненные по этому поводу на подходе к Смоленску ехавшим рядом со мною гусарским офицером Дмитрием Александровичем Давыдовым[113] стихи, выражающие совершенно мнение и состояние духа образованной части нашего войска.

Les ennemis s'avancent à g[ran]ds pas
Adieu, Smolensk et la Patrie,
Barclay toujours évite les combats
Et tourne ses pas en Russie.
N'en doutez pas, car de son grand talent
Vous ne voyez que les prémices.
Il veut, dit-on, changer d'un instant
Tous ses soldats en écrévisses! **[114]

Это вполне выражало общее мнение всех офицеров, но при всем этом порядок повсюду сохранялся неизменный. С

* Так в подлиннике.
** Враги продвигаются быстро вперед.
Прощай, Смоленск и Родина.
Барклай все еще избегает сражений
И обращает свой путь в глубь России.
Не сомневайтесь в нем, ибо его великого таланта
Вы видите лишь первые плоды.
Он хочет, говорят, превратить в одно мгновенье
Всех своих солдат в раков (франц.).

тем вместе вражда наша к французам ежедневно возрастала и озлобление наше против них было невыразимо.

Гвардейский корпус направлен был по кратчайшему пути, по большой дороге к Смоленску. Пришед в *Рудню*, верст 50 не доходя Смоленска, мы вдруг, неизвестно мне по какой причине, получили приказание идти немедля на г. *Поречье*, лежащий влево в сторону[115]. Начальник штаба гвардейского корпуса полковник Дмитрий Дмит[риевич] Курута[116], друг Константина Павловича, позвал меня и брата Николая к себе и, объявив это новое распоряжение, приказал немедленно взять пионерную роту капитана Геча[117] и вместе с нею на рысях следовать перед корпусом по дороге к Поречью, исправлять и строить мосты, где надобность встретится. Мы тотчас же поехали отыскать Геча с ротою, которую подняв, тут же рысью пустились по указанной проводником дороге. Вместе с командировкою нашею велено было Кавалергардскому и Конногвардейскому полкам выступить за нами: был уже поздний вечер. Пройдя версты 3, мы открыли сломанную плотину и мост на небольшом ручье, неглубоком, но с крутыми берегами. Геч сейчас развел огонь и принялся устраивать переправу, по которой весь корпус с кавалериею и артиллериею должен был проходить. Вдруг под полночь настигли нас гвардейские кирасиры, и командовавший ею* глупый и бестолковый генер[ал] Депрерадович[118], видя, что мост еще не готов, стал кричать и шуметь. Сколько мы и Геч ни уговаривали его успокоиться и подождать немного, обещая, что скоро готов будет мост, но он по чрезвычайному тупоумию своему продолжал шуметь и особенно бранить Геча, который, при разведенном огне закурив трубку, спокойно, но торопливо продолжал достраивать переправу. Нетерпение до того взяло Депрерад[овича], что он, не хотев долее дожидаться, велел Кавалергардскому полку идти прямо чрез ручей. Спуск и подъем с обеих сторон были круты и не обделаны, и ручей глубины аршина в два, многие офицеры и солдаты попадали с лошадей при спуске и ручей перешли почти вплавь, что очень было трудно для тяжелой кавалерии в кирасах; я также с Николаем переправились вплавь и на другой стороне сошли с лошадей и сели в кустарнике поблизости ручья и дороги, откуда мы слышали все ругательства, посылаемые

---

* Так в подлиннике.

капитану Гечу, который хладнокровно продолжал свою работу. Погодя немного присоединился к нам адъютант Депрерад[овича] Бутурлин[119], и мы избегли таким образом гнева и брани Депрерад[овича], преспокойно просидели в кустах, пока оба кавалерийские полка не переправились. Когда они двинулись вперед и мост был устроен, Николаю вздумалось попугать Депрерадовича. Он отлично голосом, лицом и движениями перенимал* Констан[тина] Павлов[ича], который строго требовал, чтобы офицеры на походе были на своих местах, что при этом случае исполнять было невозможно. Дело было ночью; брат Николай с двумя будто бы своими адъютантами, мною и Бутурлиным, поскакал обгонять полки, и мы оба за ним. Поравнявшись с офицерами, он, переняв голос вели[кого] князя, стал кричать: «под арест, под арест, офицеры, по своим местам!» Так продолжал он, проскакав и мимо Депрерадовича, и мы доскакали до села, где назначен был первый переход.

К утру приехал и вел[икий] кн[язь], и Курута, и весь корпус по исправленной уже дороге пришел и расположился лагерем. Хотя такой поступок и подвергал нас, особенно Николая, опасности, если бы он открылся, но мы спокойно утром явились к Куруте как ни в чем не бывало. Явился также к велик[ому] князю Депрерадович с испуганным, встревоженным и виноватым лицом с рапортом вполголоса. Конст[антин] Павл[ович]), удивясь его смущению спросил его: «*Что с тобою сделалось?*» Он отвечал: «*Виноват, ваше высочество! Вы заметили и гневались и приказали арестовать за то, что офицеры не были при своих местах, но по трудности переправы это не было возможно*». Тут вел[икий] кн[язь], догадавшись, что Депрерадовича одурачили, сделал, однако, ему выговор за неисправность его на походе, а между тем поручил Куруте разузнать, кто бы мог над ним подшутить, и не брат ли Николай, потому что он знал его искусство перенимать его. Курута дал слово, что ни брату и никому ничего худого не будет, и после некоторого запирательства брат сознался, и это забавное дело счастливо сошло ему и нам с рук[120].

Пробыв один день на этом ночлеге, корпусу приказано было воротиться и опять идти к Смоленску, куда гвардия и целая армия пришли 20 июля и расположились лагерем по правому берегу Днепра.

---

* Первоначально: «передразнивал».

Между тем кн. Багратион, приближаясь к Могилеву, чрез который намерен был идти для соединения с 1[-й] армиею, узнав, что город сей занят уже французами под командою маршала Davoust, сделал отличный маневр, которым обманул французов: он велел изготовить переправу чрез Днепр пониже Могилева, а Раевскому[121] с Паскевичем[122], впоследствии счастливым, но бестолковым фельдмаршалом, приказал идти прямо на Могилев. Это движение вызвало из Могилева весь корпус французов, который встретил наши войска при с. Салтановка. Двое суток продолжалась с нашей стороны сильная атака, которая при всей опытности и неустрашимости Раевского и храбрости войск его была, разумеется, неудачна, потому что все неприятельские войска чрезвычайно в превосходных силах встретили его; но в это время Багратион со всею 2[-й] армиею успел переправиться чрез Днепр и, притянув к себе сражающихся Раевского и Паскевича, переправил и их и атамана Платова с казаками и потом беспрепятственно со всею своею армиею пошел на соединение с нами в Смоленск. Сам Багратион опередил свои войска и 21 июля прибыл в Смоленск, где немедля поехал к Барклаю де Толли, который встретил его в шарфе и со шляпой в руках. Тут происходило объяснение между обоими великими мужами, из которых Барклай превосходство[ва]л военною образованностью и познаниями, Багратион же старшинством и чрезвычайною в военном искусстве опытностью, доказанною уже со времен Суворова, коего он был любимцем[123]. Багратион, приняв в уважение, что Барклай последний получил приказания императора и состоял в звании военного министра, согласился подчиниться Барклаю и действовать по его распоряжениям, сохраняя, однако ж, начальство над 2 армиею. Это обстоятельство разрушило надежды всех наших генералов и всех офицеров, которые единодушно не терпели Барклая, были в восторге от Багратиона по огромной его репутации и великим неоспоримым его достоинствам; сколько Барклай, обезображенный ранами, был холоден, молчалив и сух со всеми, столько Багратион обладал искусством говорить с войском, был со всеми подчиненными дружелюбен и приветлив. В особенности же огорчились тем русские истинные патриоты Ермолов, Раевский, Дохтуров[124], Коновницын, атаман Платов, Васильчиков, Тучковы[125] и все влиятельные лица, негодовали на сей оборот дела, первый же в

особенности имел по званию своему право писать к государю, вместе с великим кн[язем] Константином Павловичем, выражая ему свое горе и свои опасения.

Очень вскоре после уступки Багратиона своего законного права командовать обеими армиями было при гвардейском корпусе у вел[икого] кн[язя] домашнее собрание и совещание генералов* об этом важном обстоятельстве, вследствие которого он внезапно вскричал: *«Курута, поезжай со мною!»*— и вскочил на лошадь. За ним последовали его адъютанты и я, как на этот день дежурный при нем. Поскакали мы за ним к Барклаю и застали его в открытом сенном сарае, откуда он осматривал местность и отдавал приказания. День был жаркий, мы около полудня прискакали к Барклаю и слезли с лошадей. Констан[тин] Павл[ович] без доклада взошел к нему со шляпой на голове, тогда как главнокомандующий был без шляпы, и громким и грубым голосом закричал на него: *«Немец, шмерц*[126]*, изменник, подлец; ты продаешь Россию, я не хочу состоять у тебя в команде. Курута, напиши от меня рапорт к Багратиону, я с корпусом перехожу в его команду»*, и сопровождал эту дерзкую** выходку многими упреками и ругательствами. Все мы присутствующие это видели и слышали. Барклай, расхаживая по сараю, услышав брань, в первое мгновение остановился, посмотрел на велик[ого] князя и, не обращая более внимания, ничего не отвечая, хладнокровно продолжал ходить взад и вперед. Констан[тин] Павл[ович], натешившись бранью и ругательством и не получив ни слова в ответ, сел опять на лошадь и поехал домой, и мы за ним; дорогою он с насмешкою говорил: *«Каково я этого немца отделал!»* Но часа через два по возвращении и неожиданно получил от Барклая де Толли конверт с предписанием, сдав корпус Лаврову, немедля выехать из армии***. Я сам видел в тот же день велик[ого] князя в коляске, отправляющегося в Петербург с довольно спокойным**** видом. За ним поехали еще некоторые другие лица из

---

* Первоначально: «был при гвардейском корпусе у вел. кн. совет из генералов».

** Первоначально: «странную».

*** Первоначально: «Часа через два по возвращении и неожиданно получает от Барклая конверт с предписанием в 24 часа выехать из армии».

**** Первоначально: «веселым».

приближенных к государю[127]. Такой смелый поступок главнокомандующего зажал на время рот у его противников, которые сделались несколько осторожнее, но продолжали его ненавидеть, потому что они, жалея о России, уступаемой неприятелю без сопротивления, все без исключения хотели дать Наполеону отпор и перейти в войну наступательную, Барклай же продолжал делать распоряжения к отступлению, что раздражало всю армию. Нельзя, однако, не удивляться такой твердости главнокомандующего, всеми ненавидимого и всеми подозреваемого в измене, и в такое время, когда судьба России зависела от него и когда гениальный Наполеон с огромными силами теснил его отовсюду. Восхищаюсь таким характером и почитаю его истинно великим и подобным знаменитым древним мужам Плутарха![128]

Простояв несколько дней в Смоленске, [мы] выступили из него обратно на встречу неприятеля по дороге, по которой пришли, потому что Наполеон показывал вид, как будто хотел дать нам сраженье, обходя наш правый фланг, чего он давно добивался. Мы с своей стороны порадовались этому намерению Барклая, который вместе с Багратионом и оба согласились вместе наконец встретить неприятеля*; но Наполеон вдруг стал стягивать свои силы на наш левый фланг, что особенно открылось преследованием значительною частию своей кавалерии под командою короля неаполитанского Мюрата[129] отступающей небольшой дивизии генерала Неверовского[130] из Красного в Смоленск. Это отступление покрывает честию Неверовского и количеством слабое, но духом геройское войско его, состоявшее из одной пехоты и во все время наступления защищавшееся густыми кареями,— так что сильный неприятель не мог пробить их, несмотря на совершенное утомление наших, к которым знаменитый Раевский послал из Смоленска на выручку подкрепление. Таким образом Неверовский покрыл себя неувядаемою славою как в глазах наших, так и в глазах неприятеля, который отдает ему вполне заслуженную справедливость.

Отношения между главнокомандующими были натянуты, и Багратион неохотно соображался с требованиями

---

* Первоначально написано: «потому что Наполеон показывал вид, как будто хотел дать нам сраженье, и оба главнокомандующие согласились вместе встретить его». При исправлении автором стиля слова «и оба» и «его» ошибочно оставлены незачеркнутыми.

Барклая, потому что сам был противного с ним мнения. Смоленск отстаивать было невозможно, имея в виду огромную армию французов, готовящуюся отрезать нам переправу чрез Днепр и путь к Москве; однако все нападения неприятеля на город были с успехом отбиты, но город был зажжен, и пламень охватил почти все строения; ужасно было видеть положение жителей, вовсе не ожидавших занятия оного неприятелем[131]. Все из него в отчаянии выехали и бежали, даже самые окрестные селения опустели и преданы были пламени, жители их скрылись в леса до того времени, как открылась народная война, столь сильно участвовавшая в погублении французских войск. Раевский и Дохтуров, защищая предместья города, дали время обеим армиям собраться к Смоленску, 2-й идти вперед по дороге к Москве, а 1-й вслед за нею по тому же пути, переправясь чрез Днепр в Соловьеве. Таким образом, Наполеон остался опять позади нас и занял обращаемый в пепел Смоленск, а войска наши с неимоверною скорбью оставили сию древнюю твердыню, сей первый русский город и с поникшими главами и растерзанными сердцами отправились по Московской дороге.

Мы пошли через Дорогобуж и в Вязьме похоронили Михаила Колошина, умершего горячкою. Войска наши повсюду жгли все города и селения не только по дороге, но и в некотором от нее расстоянии по сторонам, так чтобы французов лишить всех способов покоя. Местные жители повсюду бежали из своих домов, укрывались в лесах, оставляя в них только старых, малых и больных до осеннего времени, к которому всякий чем мог вооружался для нападения и уничтожения неприятеля.

Под Вязьмою Курута позвал нас, трех братьев, и объявил, что нас раскомандировывают по разным местам. Это ввергнуло нас в глубокую печаль, и мы, получив каждый свое назначение, собрались у большой дороги около лесу, сели в канаву и все трое горько скорбели об этом ударе, который кроме взаимного расставания сопряжен был с крайним лишением всех средств к несколько удобному существованию, потому что от отца мы во всю войну не получали ни известий, ни денег, а должны были содержаться одним скудным жалованием, отчего средства к жизни крайне делались стеснительными. Мне, уже по желанию моему, досталось быть во время отступления при арьергарде, брат Николай оставлен был при гвардейском

корпусе, а брат Михаил прикомандирован был к главной квартире, вследствие сего мы со слезами простились и рассеялись по своим новым местам.

Прибыв в арьергард под Вязьмою, явился я к генералу Коновницыну, который им командовал, и к отличнейшему и достойнейшему Генерального штаба полковнику Гавердовскому, который заведовал у Коновницы[на] всем без исключения[132]. Тут я считал себя счастливым, что уже всякий день при отступлении находился пред неприятелем и во всех с ним стычках и сражениях, что продолжалось до того времени, как я занемог и должен был оставить армию в конце ноября, приближаясь к Березине[133]. Арьергард наш терпел величайшую нужду в продовольствии, ибо идти по следам 120 000-й нашей армии, где все было по дороге и по сторонам разорено и сожжено, поставляло нас в совершенную невозможность воспользоваться чем-либо для продовольствия, не оставалось даже соломы для биваков и дров для разведения огня. Мне случалось однажды два дня оставаться совершенно без всякой пищи, с услаждением насытился кусочком свиного жира, который один казак достал из-под потника своего коня. Кусок этот был покрыт лошадиной шерстью. Не я один был в такой нужде, но и многие другие штабные, не получавшие правильной раздачи сухарей, да и весь арьергард вообще очень нуждался, потому что не полагали, что отступление продолжится так далеко внутрь государства, и потому заготовлений было очень мало. Думаю, однако, что я более многих страдал от голода, потому что не имел денег для покупки кое у кого и где только мог сухаря, продовольствия же из запасов после отступающей армии мы вообще получали очень мало, и, кроме собственных средств, кормиться было почти нечем. Если бы я не был с молодых лет приучен довольствоваться, не гнушаясь, всякою пищею, то в высшей степени труден был бы для меня этот поход. Тут я на опыте узнал, какой вред наносит молодому воину прихотливость и гадливость, к которым теперь приучаются юноши. Не в свое время умыться, утереться полотенцем не совсем чистым, не часто переменять белье, разрывать [?] мясную пищу и есть руками, пить из невзрачной кружки или посуды, не лишенной дурного запаха, ложиться не раздеваясь и спать на сырости или в грязи, под дождем или в курной избе, наполненной тараканами и другими гадами, и тому подобные военные

обыденные необходимости отталкивают их от службы и исполнения своих обязанностей или делают их неспособными для пользы, которая от них ожидается, потому что они приучены к так называемому конфорту и изнежены своим воображением и привычками. Я же со своей стороны, забывая все неудобства, радовался близости моей к неприятелю, которого ежечасно видел пред собою, и горе мое о претерпеваемых недостатках тем рассевалось.

Генерал П. П. Коновницын, командовавший арьергардом, был человек добрый, искусный и храбрый, одушевленный своим положением. Он имел полную доверенность к Гавердовскому, который действительно был начальником арьергарда, ибо ничего без его согласия не предпринималось и ни в чем ему не отказывалось. При нашем же арьергарде находился полковник Сеславин[134], человек с отличными военными достоинствами, но не имевший в то время никакой особой команды, он был очень дружен с Гавердовским, который имел редкую способность всякий вечер диктовать вдруг и в одно время приказы для движения и боя на следующий день семи и более полковым адъютантам и ординарцам, приезжавшим за приказаниями. Он был славный воин во всех отношениях. Жаль, что мы лишились его в сражении под Бородином, где, кажется, он должен быть убит, ибо тела его не нашли, и он пропал без вести и в плену у французов не нашелся.

По выступлении из г. Вязьмы, который мы со всех сторон зажгли, армии направились на Гжатск и, не доходя сего города, расположились у Царева-Займища, место, признанное Барклаем де Толли чрезвычайно крепким и удобным для встречи неприятеля. Не все, однако, разделяли это мнение. Так как взаимное недоброжелательство между главнокомандующими усиливалось, всеобщий ропот на Барклая доходил до чрезвычайности, и все начальники и подчиненные ненавидели его, то государь, сообразуясь с общим мнением, но вопреки своего собственного, назначил знаменитого Мих[аила] Ларио[новича] Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, возведя его в степень светлейшего князя. Кутузов, осыпанный благословениями всей России и сосредоточивший в себе надежды всего государства, прибыл чрез Гжатск в Царево-Займище[135]. Тут генер[ал] от инфантерии Милорадович привел также формированный им в Калуге резерв до 15 т[ысяч] пехоты и до 1000 кавалерии. С прибытием князя Ку-

тузова вся армия внезапно ожила. Торжествен был приезд его; все сердца воспрянули, дух всего войска поднялся, все ликовали и славили его, и многие восторженные лица благодарили господа бога за этот залог спасения Отечества.

Кутузов, сделав генерала Беннигсена начальником Главного штаба обеих армий, осмотрев расположение войск, вскоре велел обеим армиям медленно отступить на выгоднейшую позицию при с. Бородине, где решили сразиться с неприятелем. Войска прошли чрез Гжатск, Колоцкий монастырь и расположены были 22 августа при с. Бородине, где присоединилось к ним из Московского ополчения до 7000 человек и от Смоленского за 3000. Барклай остался главнокомандующим 1[-й] армиею, под главным начальством Кутузова, а Багратион продолжал командовать 2[-й] армиею, также под Кутузовым.

Здесь не лишне привести один случай тонкости Кутузова: все знали, что он при покорении Крыма был ранен и что пуля, вошед в висок, вышла в переносье, повредив несколько наружный вид глаза; от этого носился слух, что он будто худо видит: такое мнение ему хотелось, да и непременно нужно было, опровергнуть. Для того он заблаговременно тайно послал* несколько казаков к опушке леса расстоянием от дороги с лишком за версту. В этом же месте, недалеко от Царева-Займища, мог бы показаться смелый неприятельский разъезд. Вместе с тем Кутузов сам ехал шагом верхом по большой дороге, окруженный всем огромным своим штабом и многими генералами и офицерами, любопытствовавшими и видеть его, и насладиться присутствием столь многолюбимого и уважаемого своего полководца. Но вдруг Кутузов остановился, стал смотреть на едущих людей по упомянутой опушке и спросил: *«Кто бы это мог быть?»* Приближенные начали уверять, что это неприятельские разъезды, но он, пристально посмотря, отвечал: *«Нет, это казаки, пошлите справиться»,*— и продолжал спокойно путь свой. Вскоре посланные адъютанты воротились, удостоверяя, что это действительно казаки, а не французы, и с того времени сомнение о слабости зрения главнокомандующего исчезло. Вот как действует уместная хитрость, долженствовавшая иметь столь благоприятные и полезные последствия.

Под Гридневым 22 августа удалось мне в первый раз

---

* Далее зачеркнуто: «ночью».

быть действующим лицом с саблею в руках, ибо я во всю войну не имел ни пистолетов и никакого другого оружия, кроме одной сабли, которою я ловко владел, действующим лицом, говорю, в отражении кавалерийской атаки, которую французы произвели на нас. В этой атаке оба фронта, расскакавшись один против другого, встретились, и, доскакав на пистолетный выстрел, оба начали перестреливаться, после чего мы сделали напор, и французы обратили к нам тыл и ускакали, мы же с полверсты преследовали их. Тут ранен был Сеславин пулею в ногу. Большею частию все кавалерийские атаки представляют этот вид и исход; редко случается, чтоб оба фронта врубались друг в друга. В ночь на 23 число арьергард наш после жаркого дела отошел в ночь к Колоцкому монастырю. Поутру рано открылось нам великолепное зрелище всей огромной французской армии, построенной в боевой порядок и спускающейся против нас по покатости горы перед монастырем. Но это необыкновенное зрелище скоро обратилось для нас в смертоносную битву. Усиленный неприятельский авангард наступил на нас стремительно, а мы шаг за шагом, с большим уроном, уступая свою местность, принуждены были постепенно и в порядке отступить и, находясь беспрестанно в огне, должны были к вечеру соединиться и войти в состав главной армии, уже построенной в боевой порядок на новом месте, при с. Бородине, и так как арьергард наш был весь соединен с большой армией и расположился на назначенном ему месте, что я перестал состоять при Коновницыне, я должен был явиться к Барклаю де Толли, главнокомандующему 1[-й] армии, и состоять уже при нем во все продолжение сражения*.

24 августа Наполеон сильно атаковал занятые нами селения перед самым позицием** нашей армии, с кровопролитием с обеих сторон занял их, и мы в порядке должны были отступить от них ночью и занять свое место в главной нашей армии[136].

25 августа был день покоя, для нас и для французов, день торжественный, в который обе неприятельские стороны готовились к ужаснейшему бою на следующий день. Кое-где, вдали и впереди, слышна была пушечная пальба,

* Первоначально после слов: «и состоять уже при нем» следовал текст: «К армии присоединились Московское и Смоленское ополчения в числе до 10 000 человек, годные только к уводу пленных».

** Так в подлиннике.

и, по словам некоторых, это были картечные выстрелы, пускаемые, собственно, на лицо Наполеона, объезжавшего и осматривавшего расположение своего войска и нашего, где это возможно ему было. В этот день он издал приказ по своей большой армии, которым возбуждал свое войско к решительному на нас нападению на следующий день. Этот гениальный полководец везде был сам, лично и деятельно готовил свои войска к кровопролитному сражению. Мы, с своей стороны, были довольно покойны; наши главнокомандующие Барклай и Багратион объезжали и поверяли также свое расположение и переставляли, где нужно оказывалось, разные части своих войск. Но разительно было расположение духа обеих сторон: неприятель, возбуждаемый прокламациями своего вождя, *разложил* большие огни, упивался чем кто мог и кипел против нас яростью; наши же, напротив, также озлобленные на французов и готовые наказать их за нашествие на Отечество наше и разорение, ими причиняемое, воздерживались, однако, от излишества в пище и питье, которого было у нас много поблизости от Москвы, и молили бога о подкреплении их мужества и сил и благословении в предстоявшей отчаянной битве. Кн. Кутузов велел по нашим линиям пронести икону божией матери, спасенную войсками из Смоленска. Повсюду служили пред нею молебны, чем возбуждалось религиозное чувство в войсках, которые на этот день уподоблялись несколько пуританам Кромвеля, если б чувство это не осквернено было идолопоклонством; но милосердие господне отделяет в невежественных приношениях ту часть, которая упадает в чашу заблуждения, от искреннего предания себя воле божией и живого упования на всесильную помощь свыше; всемогущий домовладыко повелевает развеять плевелы по воздуху и принимает доброе зерно в житницу свою![137]

Я видел эту ужаснейшую сечу, весь день присутствовал на ней, был действующим лицом, употребляем был Барклаем де Толли, при котором весь день находился, и, исполняя его приказания, видел и убедился в том, что без помощи свыше невозможно было 110 000-му войску не только устоять, но во многих местах дать победительный отпор разъяренному нападению 140 000-ной армии, такой, какова была неприятельская, предводительствуемая самим Наполеоном[138].

На следующий день, 26 августа, в 5 часов утра нача-

лась эта неслыханная битва, это сражение, эта сеча, превосходившая все, что вообразить можно. Главнейшая атака неприятеля происходила весь день на левый наш фланг, когда как мы, кажется, первоначально ожидали ее с правого[139]. В центре, где стоял Барклай против самого с. Бородина, французы заставили нас перейти на нашу сторону ручья Колочи, причем убито и ранено много офицеров гвардейского егерского полка, не упоминая уже о нижних чинах; но мы, усилившись, опять прогнали их за этот ручей. В это же самое время на всей нашей линии кипело ужасное побоище. Бой пехотный, ручной, на штыках, кавалерийские атаки, артиллерийский непрерывный огонь, подобный ружейному батальному, так что выстрелы из орудий с обеих сторон не прекращались во весь день ни на минуту. Убитые и раненые падали с обеих сторон, по ним скакали орудия и кавалерия и давили раненых; груды, горы убитых лежали на пространстве четырех верст. Барклай, при котором я находился, сам искал смерти, и почти все офицеры, при нем состоявшие, были убиты и ранены. Находясь в сильнейшем огне, получил я известие от проскакавшего Хомутова[140], что брат мой Михаил, находящийся при Беннигсене, или совсем убит или жестоко ранен, потому что Хомутов видел, как и он и лошадь его упали[141]. Хотя мне и совестно было оставить Барклая и свое место, но, увлечен братскою любовью и видя, как по лежавшим не только убитым, но и раненым ездят орудия и как давят их ногами и люди и лошади, я, в надежде сыскать и спасти Михаила, решился с этой целью на время отпроситься у Барклая. Он немедля отпустил меня, и я опрометью поскакал в сильнейший огонь, который тогда производился на батарее Раевского; дорогой встретил я раненого кн. П. И. Багратиона, которого несли несколько человек, он посмотрел на меня с страдальческим видом и, беспрестанно оглядываясь, принимал живейшее участие в ужасном кровопролитии и особенно в своих войсках, которых сильно теснили французы*. Тщетно повсюду искал я брата; я не нашел среди убитых и раненых и с сжатым сердцем должен был воротиться к Барклаю; это было между 11 часов утра и 2 часами пополудни.

---

* В подлиннике первоначально: «которые сильно теснили французов», в слове «которые» последняя буква автором зачеркнута, над нею надписана буква «х», соответствующего исправления в слове «французов» не сделано.

Воротившись к Барклаю, стоящему в центре, я увидел близко от себя главнокомандующего кн. Кутузова, пешком, в сюртуке, белой фуражке, с шарфом и андреевской лентою через плечо. Место его во время сражения было близ д. Горки, по Московской дороге. Мимо его проходили пехотные полки, несущиеся скорым, почти беглым, шагом с правого фланга на левый и на Раевского батарею, где ужасная происходила резня, особенно с того времени, когда ранен был Багратион, о котором говорят, что он до раны, находясь еще на батарее и видя чрезвычайную храбрость, с которою наступали французы, будучи отражаемы смертоносными картечными выстрелами, ударил несколько раз в ладони, воскликнув: «bravo! bravo!». Так сильно кипело в нем военно-поэтическое чувство, что он не мог удержаться от отдачи справедливости даже врагам. Когда войска наши на левом фланге, ослабев, начали подаваться назад, будучи теснимы превосходными неприятельскими силами, Кутузов, усматривая это, распорядился подкрепить это опаснейшее место; но, несмотря на то, люди против огромных сил не могли удержать нашего левого фланга в том виде, каков он был при Багратионе, и к вечеру сгоревшее село Семеновское занято было французами[142], которые утвердились на этом месте и в ближайших окрестностях на нашем левом фланге, так что мы принуждены были уступить часть этого места: центр же наш и правый фланг оставались на своем месте, и даже ночью, когда Кутузов дал приказание устроить опять расстроенные корпуса и дивизии и полки с намерением вновь на следующий день атаковать на этом месте неприятеля, мы заняли опять батарею Раевского, из которой французы должны были выйти[143]. Наполеон же, у которого вся армия была в сражении, кроме одной гвардии тысяч до 20 000*, также не решился атаковать нас по причине чрезвычайного расстройства всех его войск, так же как и у нас, ибо потеря с обеих сторон была убитыми и ранеными до 80 000 человек и до 32 000 лошадей[144].

У нас вся армия была в деле, кроме худо вооруженного ополчения и казаков Платова, который очень неохотно, как видно, принимал участие в этом ужасном и смертном побоище. Казаки вообще очень вяло действовали в тот день, тогда как могли бы произвесть важную диверсию на левом неприятельском фланге[145]; но это, может быть, про-

---

* Так в подлиннике.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СЕЛЕ БОРОДИНЕ 26 АВГУСТА 1812 Г. (ФРАГМЕНТ).
Гравюра с картины П. Гесса. 1830-е гг. *ГИМ*

изошло оттого, что Платов временно* причислен был к армии Барклая, к которому все питали ненависть, в особенности же казаки, потому что они более нас еще ненавидели немцев. Сколько знаменитых и славных генералов наших и отличных офицеров было убито и ранено в сей ужасной битве! Из них могу упомянуть только о некоторых, более мне известных: убиты были и потому без вести пропали Тучков I, гр. Кутайсов[146], полковник Гавердовский; ранены — кн. Багратион, при защите своих флешей на левом фланге, Ермолов, при знаменитом отнятии им у французов Раевского батареи, которая после многих неприятельских атак переходила из рук в руки. Тут Ермолов необыкновенною распорядительностью и чрезвычайным мужеством выгнал неприятеля и отнял у него нашу батарею. Еще очень много других известных лиц пало и у нас и у французов; подробно об них упоминается в описаниях Бородинского сражения, в котором с 5 часов утра до 9 вечера более 1000 орудий с обеих сторон ядрами,

* Первоначально: «на этот день».

картечами и гранатами разносили смерть между сражающимися, не говоря уже о более 200 000 ружей и других оружий и штыков, со зверством необыкновенного исступления наносивших смерть на близком расстоянии и в рукопашном бою.

Ошибок, по мнению моему, было довольно с нашей стороны; первая и важнейшая была та, что мы, не ожидая, надлежащим образом не приготовились к отпору отчаянной атаки главных сил неприятельской армии на наш левый фланг, который был ключ нашей позиции. Другая: близость расстояния линии от линии, отчего неприятельские ядры долетали до двух гвардейских полков — Преображенского и Семеновского, стоявших в резерве и которые без выстрела с их стороны потеряли много народа. Наконец, третья: малая подвижность верховного главнокомандующего Кутузова, стоявшего во все время у дер. *Горки*, откуда и давал свои приказания, не обнимая зрением всего поля сражения[147]. Конечно, доколе командовал Багратион на левом фланге, Кутузов мог на него совершенно положиться, но по ранении его, казалось бы, что надеяться единственно на храбрость войск и посланных им подкреплений в столь важном и отдаленном месте — было слишком малозаботно. Дохтуров, заступивший место Багратиона, как ни хорош, но не Багратион.

Когда настала ночь, я опять отправился уже пешком на Раевского батарею, где и около которой лежали страшные груды мертвых и раненых, коих ужасный стон раздирал душу; отправившись с целью отыскать брата Михаила, но не нашед его, я, утомившись до чрезвычайности, лег тут отдохнуть на землю, подле одного раненого, заснул немного и, проснувшись, застал соседа уже мертвым; брата же не нашел. В это самое время, рассказывали мне после, что казаки на аванпостах убили двух едущих верхом русских офицеров, Муханова и Окунева, говоривших между собою по-французски. Казаки в темноте ночи приняли их за французов и закололи их пиками своими[148].

На рассвете возвращаясь к Барклаю, мне кто-то сказал, что брата везут раненого на крестьянской подводе к Москве; я сейчас отпросился у Барклая довезти его до Москвы и, получив позволение, поехал верхом с вьюком своим догонять раненого Михаила, которому еще не было 16 лет. Отъехав несколько верст, уже за Можайском, я догнал его и, обрадовавшись взаимно, я взял его под свой

присмотр и подал ему нужную по возможности помощь. Через два дня доехали мы до Москвы. Дорогою он рассказывал мне, как он был ранен: находясь при Беннигсене, на батарее Раевского, где был огонь ужасный, лошадь его убило ядром в правое плечо, ядро вылетело сквозь лошадь и задело ему левую ногу, с которой вершка на четыре в длину сорвало на ляжке мясо, не раздробив, однако, кости, бросило на землю, о которую он ударился головой и лишился на время памяти. Беннигсен, говорят, посмотрел на него и сказал: «C'est dommage, c'était un bon officier»*— и собирался ехать далее, но в это самое время Михаил пришел в себя и, увидя Беннигсена, сказал ему: «Mon général, faites moi emporter»**. Беннигсен сейчас приказал отнести его на перевязочный пункт, откуда он уже отправлен был на крестьянской подводе, к счастью, осташевской[149].

Прибыв в Москву, я немедля послал за искусным там проживавшим французским хирургом-оператором Jomar', который, осмотрев рану, нашел ее уже зараженную антоновым огнем, почему он срезал всю уже почерневшую кожу, сделал в ране крест-накрест два глубоких прореза и перевязал ее. После этой перевязки, сопряженной с ужасною болью, у брата сделался сильный жар, так что я опасался за жизнь его и пригласил знакомого нам профессора университета и славного доктора медицины Матфея Яковлевича Мудрова осмотреть больного и взять его на свои руки для доставления в Нижний Новгород[150], где находились отец и кн. Урусов. Мудров взялся, сам уезжая туда же, и 1 сентября, за день*** до вступления неприятеля, я, собрав всевозможные денежные средства, отправил с ним брата сильно больного; проводил его до Владимирской заставы, проехал с ним версты две и со слезами простился с ним не на живот, а на смерть, ибо он был в опаснейшем положении, с сжатым сердцем возвратился домой и скоро отправился искать места уже в Москве, потому что разные части войск уже проходили чрез нее, направляясь по Рязанской дороге, и беспорядки в городе уже начались, что выражалось пожарами в разных местах и чрезвычайным загромождением улиц, как прохождением разных команд, так и уходом****

* Жаль, это был хороший офицер! (франц.).
** Генерал, прикажите меня унести (франц.).
*** Первоначально: «31 августа, за 2 дня».
**** Первоначально: «бегством».

и отъездом жителей, ибо всякий спешил убраться как можно скорее, чтобы не попасться в руки неприятеля, стоящего уже близ самых застав с стороны запада.

В несколько дней пребывания моего с раненым и больным братом моим Михаилом в Москве узнал я о скорбном происшествии, случившемся с дальним моим родственником, почтенным Никитою Михайловичем Муравьевым. Он был тогда юношею лет 16-ти, проживал в Москве с матерью своею вдовою Екатериною Федоровною, женою известного Михаила Никитича Муравьева[151]. Пылая желанием защитить свое Отечество принятием личного участия в войне, он решился явиться к главнокомандующему Кутузову и просить у него службы. Избрав для сего единственное к достижению своего намерения [средство], он достал карту России и по неопытности имел при себе особую записку, на которой находились имена французских маршалов и корпусов их; снабдив себя этими сведениями, он тайно ночью ушел из дому и пошел по направлению к Можайску. На дороге перехватили его крестьяне, боявшиеся шпионов, и, связав его, повезли в свой земской суд. Сколько Никита ни объявлял о себе и своем положении, они ничему внять не хотели: его связанного повезли в Москву к главнокомандующему столицею жестокосердному графу Ростопчину[152], который до справки велел посадить его в яму. Дорогой, когда вели его туда, увидел его гувернер швейцарец m-r Petra, которому, говорящему с ним по-французски, не только не отдали, но разъяренный народ, осыпав обоих бранью, повел их в яму, называя их шпионами. Petra, как-то вырвавшись из толпы, побежал к Екатер[ине] Федор[овне], которая сейчас же бросилась к г. Ростопчину, умоляя его о возвращении ей ни в чем не виноватого сына; но граф сначала ничего ни слышать, ни знать не хотел и отказал ей, не уважив материнских ее слез. Продержав таким образом юношу два дня в яме и сделав нужные о нем справки, хотя он коротко знаком был с богатым и известным их домом и хорошо знал все семейство, наконец приказал выпустить его из ямы и возвратить матери. После сего они скоро уехали также в Нижний Новгород, т. е. почти в одно время с раненым братом Михаилом; но так были сами напуганы, что, торопясь, не оказывали ему никакой дорогой ни помощи, ни внимания[153].

Этот случай доведен был впоследствии до сведения императора Александра, так ему понравился, что через

два года он приказал Никиту Муравьева принять в службу прямо офицером в Генеральный штаб[154].

В это же самое время, видя, что всё выезжает из Москвы, и зная на опыте, что ни мы, ни французы ничему пощады не дают, что у нас принято за правило жечь все строения, дабы неприятель ими не воспользовался, [я] велел в доме кн. Урусова, где мы стояли, снять со стен великолепные шпалерные обои (gobelins), которые украшали одну залу и которые, говорили, известный французский вор Cartouche украл из Versailles и продал[155]. Эти шпалеры велел я положить в подвал, и они сохранились невредимы, но князь Урусов за эту предусмотрительность сердился на меня, говоря, что если бы я их оставил на стенах, то в доме его, конечно, стоял бы постоем какой-нибудь французский маршал и дом сохранился бы. Но дом этот и без того не сгорел, а горели одни только сараи и часть конюшни; домашняя же церковь нашлась по уходе французов осквернена разными похабными надписями и выражениями.

В доме оставалось еще несколько стариков, которые при вступлении неприятеля все разбежались; одного же из них — старика повара Евсея Никитина — я взял с собою и с ним телегу и лошадь для своих вещей.

Москва была в это время в страшном и отчаянно грозном положении: высший класс, постигая, что столица будет оставлена нами, и видя, что из присутственных и казенных мест все укладывается и вывозится, принял по возможности свои меры и заблаговременно уезжал из города; низший же класс доверял ежедневным печатным объявлениям главнокомандующего столицы гр. Ростопчина, который удерживал народ в городе, ободряя его в ожидании будто бы сражения под Москвою, в котором народ должен был принять живое участие и для того вооружиться. Все эти противоречивые распоряжения производили разные толки, беспорядки, волнения, многих ввергали в уныние, других же приводили в ярость; народ был вообще в подозревающем и гневном состоянии духа, что выразилось над совершенно невинным сыном купца Верещагина, которого хитрый Ростопчин обвинил в измене, предал народу, а народ тут же разорвал его на части. Это сделал Ростопчин, чтобы во время суматохи, произведенной этим варварским поступком, самому скрыться от народа и тайно уехать из города[156]. Он был деятелен, горд, умен, хитер и без всякой

жалости жертвовал другими для себя, обманывал всех для достижения своих целей.

Московские жители, узнав о приближении наших и неприятельских армий, догадались наконец, что Москву защищать не будут, и почти все собрали что могли из имущества своего и начали оставлять город. Дворянство, купечество и вообще все сословия обоего пола с детьми и грудными младенцами потекли черными реками во все заставы, кроме Драгомиловской, Пресненской, Тверской и Бутырской, по всем направлениям вовнутрь России. Невыразимо тяжко было видеть это как бы погребальное всеобщее шествие, сопровождаемое плачем, рыданием и громким воем. Отчаянно больные только и до 7000 безнадежных раненых, привезенных с поля сражения, дети воспитательного дома и иностранцы, сосредоточенные на Кузнецком мосту, оставались на своих местах. Прочие все — кто как, с кем и чем мог уходил, тащился, уезжал, бежал из Москвы, оставляя на произвол судьбы то, что захватить не мог, и тех, с которыми никогда бы не расстался!

Но возвратимся к военным действиям: армия наша после Бородина в самом расстроенном* положении отступила к Можайску, и французский авангард шел за нею. Неприятель не менее нас был в расстройстве, тем не менее, как он был многочисленнее, то мог продолжать свои действия против нас[157].

Бородинское сражение хотя не почиталось нами за победу, но мы не могли также считать себя побежденными, потому что правый наш фланг оставался на прежней позиции и даже ночью занял опять отбитую у нас Раевского батарею, и вместе с тем французы в ту же ночь несколько отступили. В Петербурге же по донесению главнокомандующего сражение это признано было за одержанную победу, чем оно действительно и было в отношении нравственном, ибо дух наших войск сильно поднялся, вследствие чего Кутузов сделан был фельдмаршалом, получил 100 000 руб. ассиг[нациями] награждения, многие генералы получили ордена и чины, также и офиц[ер]ы, я же по малозначительности своей получил 4[-ю] степень Анны на шпагу.

Арьергард наш был после сражения вверен казачьему атаману Платову, но как он действовал вяло, то за два

---

* Первоначально: «жалком».

перехода до Москвы начальником арьергарда сделан был Милорадович. Наконец уже близко стен Москвы, в деревне Филях, в 3 верстах от города, фельдмаршал, видя слабое состояние расстроенной армии нашей, в которой со всеми подкреплениями оставалось не более 70 000 войск, и крайне невыгодную местность под Москвою, местность, пересеченную глубокими оврагами, собрал военный совет, на котором по большинству голосов положено было пройти чрез Москву, предоставив неприятелю занять ее без боя; нам же перейти к югу*, чтоб удержать сообщения с плодородными южными областями нашими, из которых мы могли бы получать продовольствие и подкрепления[158]. На этом совете много было разных мнений: Барклай хотел отступить по направлению к Владимиру, за что была у него горячая и бранная ссора с Беннигсеном, хотевшим, вопреки здравого смысла, не отдавать Москвы без боя, что окончательно уничтожило бы всю нашу армию, некоторы[е] хотели, не проходя чрез Москву, идти на Воробьевы горы, а оттуда отступить по Калужской дороге. Кутузов же, выслушав всех и не открыв свое мнение, решился пройти чрез Москву на Рязанскую дорогу и к исполнению сего немедля дал приказ, к чему тотчас же приступлено было, и все войска в возможном порядке двинулись через город, и во многих местах Москва запылала.

Только что возвратясь с проводов брата, я в общей суматохе не скоро нашел своего места**, которое было до Бородина в арьергарде; нашед его наконец, я сперва явился к Милорадовичу. Раевский же и Васильчиков состояли под его начальством, командуя разными частями оного, и я явился и к тому и к другому. Тут застал я брата Николая, Генерального штаба прапорщика Л. А. Перовского***[159], П. И. Мессинга, Юнга[160] и с ними вместе находился во всех делах после Москвы до Тарутинского лагеря. В первый вечер Раевский и Васильчиков остановились с своими войсками в деревне Вязовке, а Милорадович, искусно и мужественно с ними вместе отстояв Москву от

---

* Первоначально: «нам перейти на Борисовскую дорогу», «на Борисовскую дорогу» автором зачеркнуто и над строкой написано: «по направлению к Рязани и Калуге», снова зачеркнуто и заменено «к югу».

** Так в подлиннике.

*** Первоначально: «Тучкова».

ускоренных движений неприятеля, остановился в Панках, на Рязанской же дороге.

Вступление Наполеона в Москву 2 сентября, по рассказу очевидца, происходило так: заняв квартиру на предместье близ Драгомиловской заставы, он вышел к заставе, с большим нетерпением ожидая какой-то мнимой депутации из сенаторов, дворян и купечества, которые будто бы должны были выйти к нему навстречу с ключами города. Видя, что ожидание его не сбывается, он долго ждал, перекладывая с большим волнением свой платок из кармана в карман, и наконец подозвал несколько мужиков, стоявших без шапок и смотревших* на него, разиня рот, и спросил их через переводчика: «*Что ж депутация с ключами Кремля?*» Мужички со страхом отвечали: «*Что депутации, батюшка чарь*** никакой нет и что из Москвы все выехали, да и ключей-то нет, что Кремль не запирается и открыт всегда*»***. Тогда Наполеон очень рассердился и продолжал молча смотреть на Москву. Затем**** он приказал позвать Méthivier[161], который сопровождал его и был при нем дежурным: «Où est le médecin Russe? Point de députations!» Méthivier пожал плечами. «Conduisez moi au Cremlin»*****. Méthivier пошел вперед пешком, провел его со свитою от Драгомиловской заставы, по Арбату, ввел его в Кремль и во дворец[162]. Пожар в это время сильно распространялся, так что в Кремле опасно было остановиться. Наполеон с гневом спросил: D'où viennent ces tourbillons de flammes et ce vent terrible?». Méthivier не без трепета отвечал: «Quand la flamme est violente, l'air se raréfie, l'équilibre de l'air est rompu et le vent doit nécessairement survenir». Наполеон, рассердясь, отвечал ему: «Allez vous en»******,— и с того времени он его более не видал. Этот последний разговор с Наполеоном рассказывал мне сам Méthivier, когда мы пришли в 1814 г. в Париж. Недолго пробыл Наполеон в

---

* Первоначально: «зевавших».

** Так в подлиннике.

*** Первоначально: «для всякого».

**** Первоначально: «На другой день утром».

***** Где русский врач? Никаких депутаций! <...> Проводите меня в Кремль (франц.).

****** Откуда берутся эти вихри пламени и этот ужасный ветер? <...> Когда пламя очень сильно, воздух разрежается, равновесие воздуха нарушено и непременно должен возникнуть ветер.<...> Подите прочь (франц.).

Кремле и чрез несколько дней выехал в Петровский дворец, где оставался, пока огонь несколько не утих.

В деревне Вязовке, по Рязанской дороге, где мы в 6 верстах от Москвы провели первую ночь, виден был ужасный пожар столицы, которая горела вся, и не одно страшное зарево освещало нас, но и самый всепожирающий огонь раздирал наши сердца. Около 12 часов ночи мы расположились спать в избушке, как вдруг вбегает наш старый повар Евсей Никитич и, сорвав с себя колпак, что осветило его большую лысину, громким голосом закричал: «Га! Га! Га! Мать пресвятая богородица!» — поворотился и, побежав к лошадям и телеге, увел их в поле. Мы расхохотались при виде этого карикатурного лица и, заметив, что вся деревня наша горит, остались, однако, в покое, как пожар не достиг нашей избы. Тут мы вышли во двор и в поле отыскивать своих лошадей, но ни Евсея, ни лошадей, ни телеги не нашли до утра. Равнодушие наше к опасностям пожара происходило от привычки видеть эти явления всякий день, начиная от Смоленска, Евсею же это было ново, притом он испуган был московским пожаром. Мы принуждены были греться у бивачного огня. Лошади наши нашлись под утро, и мы, состоя при арьергарде, опять приготовились к ежедневным, кровавым столкновениям с неприятелем, который шел по пятам нашим по Рязанской дороге; арьергарду же, которым командовал Раевский, а под ним кавалериею генерал-адъютант Васильчиков, приказано было отступать медленно, задерживая как можно неприятеля, пока армия переходила чрез Москву-реку, по Боровской переправе на Москве-реке по Рязанской же дороге, и поворотила вдруг и вкруте на Подольск, чтоб удачно совершить это искусное, внезапное, никому заранее не известное фланговое движение и стать на старую Калужскую дорогу, откуда она угрожала неприятельским сообщениям. Прекрасное движение это, положившее основание постепенному уничтожению французской армии, совершилось чрезвычайно успешно; Наполеон, упоенный занятием Москвы, не положил ему никаких преград, авангард же его, под главным начальством неаполитанского короля, следовал за нами до поворота нашего по тому же направлению к Подольску и сражался с нами всякий день и целый день. Поворотив вслед за армией, Раевский с чрезвычайным умением скрыл свое отступательное движение на Подольск, для сего он нарядил несколько казачьих

полков, чтоб завлечь французов по дороге к Рязани. Неприятель действительно был этим обманут и, следуя за казаками, уверен был, что вся наша армия отступает на Рязань. Дни два он шел за ними, потом, догадавшись, что его обманули, воротился опять за нами, но Кутузов достиг уже своей цели. Мы же в арьергарде с утра до ночи на всем пути бились с неприятелем, между прочим имели порядочное дело под *Дубровицами*, имением гр. Мамонова[163], и достигли до Чирикова, где на нас напал польский корпус Понятовского[164]. Тут Милорадович с подкреплением принял главное начальство над арьергардом: Понятовский был отбит. Потом проходили мы чрез с. Вороново гр. Ростопчина, который сам зажег великолепный дом свой, оставив надпись на стене. Таким образом мы в течение одной недели достигли до главной армии, которая около половины сентября остановилась прочным лагерем при с. *Тарутине* на реке Наре[165]. Неприятельский же сильный авангард расположился по старой же Калужской дороге в д. Винкове, верстах в 15 от Тарутина. Тут и мы и французы простояли до двух недель без боевых встреч.

В это время армия наша усиливалась новыми артиллерийскими припасами и казачьими полками; она снабжалась обильным продовольствием и в сравнении с перенесенными трудами пользовалась даже некоторою роскошью во всех отношениях. Всякий день и весь день была в армии ярмарка. Из Калуги и других южных губерний приезжали торговцы, и хотя все продавалось дорого, так что, напр[имер], за один белый хлеб платили по 2 руб. ассигнациями, но все-таки можно было пользоваться этим лакомством, конечно, редким для небогатых офицеров. Музыка играла у нас весь день, французы, напротив, страдали от голода, недостатка фуража и от всяких нужд: они видимо слабели, тревожились со всех сторон нашими партизанами, которые отбивали у них транспорты с порохом и оружием, разбивали и уничтожали приходящие к нему подкрепления и выведывали все как в его лагере, так и в самой Москве. В особенности отличались партизаны Давыдов[166] и Фигнер, который несколько раз переодетый был в Москве и в французском лагере, все узнавал и уведомлял фельдмаршала, истребляя вместе с тем неприятеля, где только мог, и повсюду вооружая против него крестьян, которые страшно французам вредили.

Все это сопровождалось с обеих сторон жестокостями.

Французы, фуражируя по деревням, производили неслыханные в нашем веке жестокости: они мучали беззащитных крестьян, баб и девок, насильничали их, вставляли им во все отверстия сальные свечи и вещи, терзали их, наругавшись ими; оскверняли церкви и раздражали народ до такой степени, что и им при удобных случаях не было пощады. Их привязывали к дереву и стреляли в них в цель, бросали живых в колодец и живых зарывали в землю, говорили, что *грех умерщвлять, пускай-де умирают своею смертию.* Одним словом, всех произведенных с обеих сторон ужасов описать невозможно. Люди сделались хуже лютых зверей и губили друг друга с неслыханною жестокостью. Народная война под Москвою со всеми своими ужасами ежедневно усиливалась и разгоралась и дошла до такой степени, что неприятель ежедневно [терял] множество убитыми и пленными.

Такие тяжкие для Наполеона обстоятельства заставили его желать и искать мира; но никаких косвенных о том предложений император Александр не принимал[167]. Это понудило Наполеона обратиться к Кутузову, к которому он написал письмо, прося его принять на переговоры своего генерал-адъютанта гр. Лористона. Кутузов согласился, и кн. П. М. Волконскому, находящемуся тогда при фельдмаршале, поручено было привести его. Я тогда был при аванпостах, верстах в шести от Тарутина. Кн. Волконский, приехав, привез с собою дрожки для Лористона, посадил его и велел мне ехать верхом с ним. Лористон приехал к фельдмаршалу в Тарутино, куда выдвинуты были войска, в походном параде устроенные; весело было в лагере: музыка играла, песенники пели. Лористон вошел к Кутузову, и вот в сокращении что между ними происходило существенного. Фельдмаршал, надевший во всю войну в первый раз свой мундир, принял его с печальным видом, однако же при звуке музыки, песнях и в виду многочисленного, свежего и веселого нашего войска. Лористон приносил ему жалобы на встречаемые французами препятствия при фуражировке и предлагал ему от имени Наполеона мир. Фельдмаршал отвечал, что он этому помочь не может. «Voyez,— говорил он,— dans quel état de délabrement nous nous trouvons; je vous assure (другие: je vous jure par mes cheveux gris), que je demande sans cesse à l'empereur de faire la paix, mais il ne consent à

rien»*. Лористон, конечно, понял эту горькую насмешку и предложил ему написать письмо к импер[атору] Александру, которое Наполеон берется доставить государю; но Кутузов не согласился и послал в тот же день особого курьера стороной в Петербург, прося государя отнюдь на мир не соглашаться. Потом Лористон предлагал на время переговоров — перемирие. Кутузов также не согласился на официальное перемирие, но под рукою пущен был о нем слух по войскам. Таким образом, гр. Лористон, не получив никакого удовлетворения, уехал, далеко не уверенный в том, что будто мы не имеем с чем вести далее войны**. Этого-то Кутузову и хотелось[168].

В это время в первый раз увидел я английского генерала Wilson, хотя говорят, что он уже был у нас даже под Смоленском и уехал из армии в Петербург в одно время с в[ел]. к[н]. Константином Павлович[ем]. Этот г. Wilson жил вместе с дядею Никола[ем] Алек[сандровичем] Сабльуковым, который также явился к нам в армию в генеральском мундире. Wilson везде бывал, все знал и знаком был, по словам его, со всеми знаменитостями тогдашнего мира. Он был со всеми начальниками очень фамильярен, всё критиковал, всем недоволен, всем подавал советы, но не все его слушали. Он уверял, что подает советы и самому фельдмаршалу, но едва ли сей умный и опытный начальник следовал им, чем Wilson был очень недоволен, будучи английским при нем агентом; зато он заочно позволял себе осуждать и бранить фельдмаршала. Словом, этот господин, по мнению моему, был прямой шарлатан; русские его вообще не любили, потому что он во все вмешивался, не имея на то никакого права, но пользовался вместе с тем каким-то покровительством нашего двора[169].

Простояли мы около двух недель довольно покойно. Партизаны наши продолжали ловить неприятельских фуражиров, отбирать у них транспорты и уничтожать приходящие отряды на подкрепление. Все крестьяне в окрестностях Москвы были в полном восстании против

---

* Видите, в каком расстройстве мы находимся; уверяю вас (другие: клянусь своими седыми волосами), что я беспрестанно прошу императора заключить мир, но он ни за что не соглашается (франц.).

** Первоначально: «гр. Лористон, не получив никакого удовлетворения, уехал в полном уверении, что мы будто не имеем с чем воевать».

французов, что ознаменовалось страшными с обеих сторон бесчеловечно-зверскими жестокостями, такими, каким многие, кроме свидетелей, не стали бы верить. Наконец, около конца сентября случилось в присутствии моем любопытное происшествие, имевшее последствия решительные. Состоя при авангарде во всю наступательную войну, я случился на аванпостах вместе с казачьим генералом гр. Орловым-Денисовым[170] и казачьим подполковником Сысоевым[171]. Мы около 11 часов утра сидели вместе на самых передовых постах и пили чай. День был прекрасный. Между нами и неприятелем была версты на две небольшая плоская возвышенность, закрывавшая от нас расположение французского лагеря. По обеим покатостям этой возвышенности стояли с одной стороны наши, а с другой — французские пикеты. Вдруг видим мы, что на эту возвышенность поднимается с неприятельской стороны огромная конная толпа, впереди которой находился Murat, король неаполитанский, командующий всем неприятельским авангардом. Обратив пристальное внимание на этот неожиданный поезд в продолжение еще предполагаемого перемирия, видим, что Murat, один, отделясь от своей свиты, выезжает вперед на прекрасной белой лошади, разодетый, в парадном мундире с золотом и длинными белыми перьями на треугольной шляпе. Он въехал на возвышение и, взведя свою зрительную трубу, стал оттуда рассматривать расположение наших войск. Мы все трое с негодованием вскричали в один голос, что это неслыханная смелость и дерзость, и вдруг Сысоев закричал своему ординарцу: «Лошадь!» Сейчас подвели ему черкесскую его серую лошадь, и он, невооруженный, с одною нагайкою в руках, вскочил на нее и помчался к Мюрату, который сначала не заметил его, но в довольно уже близком расстоянии, услышав топот скачущей во всю прыть лошади, успел отворотить зрительную трубу и в то же самое мгновение, обратив лошадь, понесся во весь дух назад к своей свите, от которой он был расстоянием почти на версту. Сысоев на своем резвом горском коне догонял его, подняв вверх нагайку, которою намеревался ударить его. В этом обоюдном скаковом движении находились они около пяти минут. Картина была восхитительная! Два отважных и храбрых витязя, оба на прекрасных борзых конях совершенно различных пород, но оба чрезвычайно резвые: один витязь — король в великолепной одежде на богато убранном коне—

во всю лошадиную мочь ускакивает, другой — в простой казачьей куртке — догоняет его, стоя на стременах и держа над его спиной нагайку, которою чуть было не нанес ему удара, но королевская свита, видя опасность своего повелителя, скоро поспешила подскакать к нему на помощь, и Сысоев один принужден был остановиться и, мало-помалу весьма тихо отступая, грозил королю нагайкою и ругал его как умел казак по-французски. Воротившись к нам, храбрый Сысоев подробно рассказал, как он чуть было короля не ударил и все то, чему мы сами были свидетели.

С полчаса после сего явился к нам французский генерал парламентером и спросил командующего авангардом. Гр. Орлов-Денисов, который, командовав только передовыми постами, послал меня к барону Корфу[172], командовавшему передовым авангардом. Проехав с час времени, я отыскал Корфа, покойно расположенного в деревне, и рассказал ему все виденное. Он послал меня к Милорадовичу, командовавшему всем авангардом; отыскав его в главной квартире в Тарутине, я все рассказал по-французски, потому что Милорадович на этом языке спросил меня, зачем я прискакал. Слышав это фельдмаршал из-за двери своей избы, отворил ее и спросил меня: «Qu'est-ce que c'est, mon cher, qu'est-ce que c'est? racontez-moi cela». Я также рассказал ему все подробно по-французски же, и он, обратясь к Милорадовичу, сказал ему: «Mon cher général, allez, je vous prie, chez le roi de Naple et faites bien mes exuses à sa majesté de ce qu'un cosaque, un ignorant a osé le poursuivre et lever la main sur sa majesté. Priez-le de pardonner cela à un barbare! Mais dites aussi de ma part à Сысоев, que si une autre fois il se présente l'occasion de le prendre — qu'il le prenne!»*

Я очень доволен тем, что успел описать это любопытное происшествие, о котором не упомянуто ни в какой военной истории, ибо, кроме гр. Орлова-Денисова, самого Сысоева, меня и наших ординарцев-казаков, никто сего не видал, и как вскоре затем начались военные действия, то

* Что это, мой дорогой, что такое? Расскажите мне об этом. <...>Мой дорогой генерал, прошу вас, поезжайте к неаполитанскому королю и передайте его величеству мои извинения за то, что казак, невежда, посмел преследовать его и замахнуться на его величество. Попросите его простить это варвару! Но скажите также от меня Сысоеву, что если в другой раз представится случай захватить короля, пусть берет его! (франц.).

мало о том говорили. Всякий был занят своим делом, которое для каждого становилось гораздо труднее наступающею зимою, с новым оборотом войны, требовавшей от всякого усиленной деятельности. На другой день после сего чудесного события, в котором королевская гордость спасала свою спину от нагайского удара казака, Беннигсен, Милорадович, Ермолов и вся высшая знать с своими адъютантами и штабами, в лучших парадных одеждах и на лучших лошадях, выехали за несколько верст вперед к аванпостам и дали знать Мюрату, что поезд сей послан от фельдмаршала к нему с извинением за нечаянно постигшую его тревогу. Вследствие сего неаполитанский король, окруженный своею разновидною и разноцветною свитою, выехал к нам навстречу. Съехавшись, разговоры продолжались около полутора часа; в них, по передаче Милорадовичем отзыва фельдмаршала, французская сторона объясняла свое неудовольствие за нарушение будто бы перемирия (которого, однако, не было), постоянное пленение их фуражиров, за действия наших партизан и проч[ее]. Наши ответы были уклончивы и насмешливы, потому что мы уверены были в превосходстве наших сил и в ежедневном ослаблении неприятеля. Конец разговоров этих не только не удовлетворил неприятеля, но возобновил между обеими сторонами вражду, что скоро потом и выразилось на самом деле. Разъехались, и наша армия, усиленная, устроенная и довольствуясь большими запасами, немедленно стала готовиться к наступательным действиям, которых так давно с нетерпением ожидали, и Наполеон с едва отдохнувшими войсками, томившимися голодом и нуждами, почти без кавалерии и с худой артиллериею готовился уже оставить Москву и сблизиться с своими сообщениями.

В самом начале октября заговорили в главной квартире о наступлении, но Кутузов все ожидал большего ослабления неприятеля, происходящего от ежедневно увеличивающихся нужд его и потерь. Наконец 5 октября сделана была боевая диспозиция по проекту Толя. 6-го назначено было нападение на французский авангард, для чего посланы были в обход с нашего правого фланга несколько корпусов и впереди их гр. Орлов-Денисов с казаками. Движение это поручено было Беннигсену, но разные интриги, которых всегда и повсюду бывает много, повредили сему предприятию и делу. Произошло опоздание в марше гр. Остер-

мана*, невыполнение в точности диспозиции некоторыми дивизионными начальниками, отчего обходящие войска много опоздали**, гр[аф] же Орлов-Денисов, атаковав своевременно, не был поддержан и потому не мог нанести неприятелю ожиданного вреда; однако взял у него много пленных и пушек и внезапностью своего движения привел весь лагерь его в смятение. С фронта командовал сам Кутузов и повел нас ночью на 6 октября, так что мы пришли к рассвету с возможною тишиною и молчанием к неприятельской позиции, которая была уже оставлена, и французы, бросив ее, поспешно отступали, чтоб не сказать — *бежали*. Таким образом неприятель был совершенно сбит со всех частей своей позиции, много взято у него пленных, много пушек, обоз; досталась нам вся главная квартира его, где мы нашли в королевской кухне на вертеле кошек, приготовленных к обеду его и начальников.

Говоря об этих подробностях, не лишне будет упомянуть и о смешном случае, происшедшем в этот день с глуховатым командиром гвардейского корпуса генерал-лейтенантом Н. И. Лавровым. На походе к неприятелю сделан был гвардии привал, и Лавров громко прокричал: «*Ложись!*» Все легли. Вдруг из авангарда скачет маркитантская повозка, и трепещущий в ней маркитант кричал во все горло: «*Сторонись! Сторонись!*»—Глухому командиру послышалось: «*Становись*», и он прокомандовал: «*Становись!*» Весь корпус встал в ружье. Прошло с полчаса, и, видя, что к такой тревоге нет причин, Лавров спросил у адъютанта: «Кто прокричал *становись?*» и получил в ответ, что маркитант кричал: «*сторонись!*» «*Слышу, что адъютант, — да чей адъютант?*» Ему подтвердили, что не адъютант, а маркитант. На это смущенный Лавров воскликнул: «Так бы ты и говорил. *Ложись!*»,— и все опять легли. Много других смешных анекдотов рассказывают об этом очень глуховатом, но притом ученом и добром старике.

До Тарутинского сражения бывший главнокомандующий Барклай де Толли выехал из армии[173]. Он для всех был как бельмо на глазу, как фельдмаршалу, который его не любил, потому что он продолжал пользоваться располо-

---

* Далее зачеркнуто: «Толстого».
** Первоначально: «часа два опоздали».

жением государя и был тайным для него судиею и явным препятствием его соображениям* <...>

ОТВЕТ СОЧИНИТЕЛЮ РЕЧИ О ЗАЩИЩЕНИИ ПРАВА ДВОРЯН НА ВЛАДЕНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ, ПИСАННОЙ В МОСКВЕ АПРЕЛЯ 4-ГО ДНЯ 1818 ГОДА, ДРЕВНЕМУ РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНИНУ, СТАРЦУ, СЛУЖИВШЕМУ В ВОЙСКЕ И СУДЕ, ВЕРНОПОДДАННОМУ ГОСУДАРЯ[1], ОТ РОССИЯНИНА

Милостивый государь!

С великим прискорбием вижу, что святые слова Христа Спасителя: «Пророк в своем отечествии чести не имать»[2] не сбываются, а, напротив, большая часть сограждан наших прославляют пророка и слова его. Сие самое заставляет меня несколько усомниться в справедливости пророчества.

Мудрено бы мне было сказать, кто я; ибо мое имя ничем не известно в Отечестве. Любовь к правде — вот все мои титла и права. Полагаю их достаточными, чтобы защищать ее пред всеми моими согражданами.

В воззвании малороссийского военного генерал-губернатора дворянству особенно примечательны слова: «Но сии отеческие попечения ваши да не будут подвержены кратковременности жизни человеческой. Оснуйте и на будущие времена благоденствие чад и внучат ваших! По местным познаниям вашим изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы обеспечить их благосостояние и на будущие времена, определив обязанности их» и проч[ее][3]. В воззвании сем нахожу один только недостаток: прибавить бы должно в самом конце: *«и обязанности ваши»*.

Впрочем, что может быть и справедливее, и согласнее с законом божиим желания обеспечить благосостояние, собственность и даже жизнь себе подобных? Что более определяет истинную любовь к Отечеству, как не попечения о благосостоянии сограждан? Что более приложит чести должностному члену, особенно же такого рода чиновнику, как князь *Репнин*, старания улучшить тяжкую долю сословия, составляющего самую 7-ю часть народа русского, прокормляющего и обогащающего всю Россию, сословия,

* Фраза не закончена.

дающего самое большое число защитников Отечеству?

Да воздадим хвалу и благодарение всевышнему за то, что благость его приуготовила наконец сердца некоторых сограждан наших к принятию спасительных лучей света христианства, света любви и правды! Распадается наконец чудовищное здание предрассудков; толстые готические стены поколебались в самом их основании; мрачные оного чертога погреба освещаются светом истины. Хвала тебе, царю российскому, отверзающему преддверие храма правосудия!..[4] Во храме сем закон — священная книга, надежда русских!..

Вы, м[илостивый] г[осударь], превозносите сословие дворянское, приводя на память подвиги его, награждения, жалованные ему царями, преимущества, ему дарованные, и прочая. Дворянство есть, конечно, самое просвещенное сословие в России и больше прочих оказало услуги Отечеству; но если нынешним дворянам гордиться заслугами предков своих, то да возьмут они на себя и постыдные оных деяния. А как сын не облекается стыдом отцовским, то не должен величаться и его добродетелями. Всякий сам по себе обязан любить Отечество и быть ему полезным.

Трудно, весьма трудно говорить о тесных узах, связывающих дворянство и престолы!.. Вы пишете: «Щедрость царей есть единый источник» и проч[ее][5]. Ужасная мысль! Вопреки святого правосудия, за какие-то мнимые услуги, за рабскую приверженность... Простите, м[илостивый] государь! Я сего понять не могу!

Чем же жаловали дворян? «Поместьями, дающими законное право»... Законное право (!!!) пользоваться, чем же? Землями и трудами своих крестьян и располагать их участью! Если это право законное, что же беззаконное? Скажите: в каком столетии, в каком благополучном граде сие начертано? Мудрено поверить, чтобы в Москве, 4-го апреля 1818 года. Желательно, чтобы, по крайней мере, 3 дня ранее[6], или в 1818 году до р[ождества] Хр[истова]. Описываемый вами дворянин не есть защитник престола: он раб, готовый ради личных выгод исполнить все хорошее и худое, все полезное и вредное; он не ищет ничего, кроме удовлетворения своих страстей и желаний; он служит ради единой пользы своей, «в законном» невежестве своем не признавая прав человеческих. Он не постигает смысла правительства. Его правда — суета; богатство — властитель

грозный. Он раб всенижайший; вельможа днесь, он завтра червь. Не защитник он престола, нет! Защитник своей личности, своего сребролюбия!

Но истинный дворянин, прямой боярин, защитник законов и престола тот, который постигает, что правительство — власть законная; что она блюдет о спокойствии и пре[у]спеянии государства, о благоденствии и благополучии народа; тот, который не почитает законным правом своевольно, себя ради, располагать собственностью, трудами, участью, особою себе подвластных. Ему известны права людей, ибо он сам человек. Сей-то дворянин действует и служит не для выгоды личной, но для пользы общей. Он готов ежечасно Отечеству себя на жертву принести. Дарованные награждения за услуги не влияют на праведное его сердце. Величайшая ему награда — уважение соотечественников. Он может быть в гонении, но тверд, как дуб столетний; великодушный в счастии несчастлив быть не может; он всегда велик, выше и ниже себя никогда не бывает. В самом гонении быть не престает защитником престола и законов, ибо правду защищает. Таковы были: князь Пожарский [7], князь Долгорукий [8] и малое число им подобных.

Так, я с Вами согласен: Россия, по обширности своей, не может управляться совершенно одинакими законами с прочими империями, королевствами и республиками Европы. Истина сия разительна. Но, государь мой, ваше *патриархальное правление* никуда не годится и столь же неудобоприлагаемо к России, как и ко всем образованным обществам. Не нужно сие доказывать: есть такие в нравственном мире неоспоримые истины, что стараться образованного человека в оных уверить доводами было бы смешно. Хорош тот патриарх, который покупает, торгует, продает себе подобных, меняет людей на собак, на лошадей; закладывает и уплачивает ими свои долги; вопреки воле их употребляет на свои удовольствия, прихоти; расторгает браки и часто, весьма часто, удовлетворяет ими гнуснейшие свои страсти! Довольно!.. Упаси боже от таковых патриархов! В Африке и Америке начинают чувствовать сие беззаконие и стараются прекратить оное [9], а мы, россияне, христиане именем, в недрах Отечества нашего имеем защитников сей постыдной, сей богопротивной власти!

Вы говорите о добрых помещиках, о том, каковы они все быть должны. Дворянство, конечно, обязано Вас бла-

годарить за столь выгодное о нем мнение. Но в семье не без урода, а в большом семействе много уродов, и чуть ли не больше таковых, нежели добрых людей. Впрочем, сравнение Ваше помещика с отцом семейства кажется мне ошибочно. Отец семейства печется исключительно о благе детей своих; он достоянием и спокойствием *действует* для блага их и воспитания; оттого он и любим быть может; и тут отеческая власть его действительно простирается только до совершеннолетия. Помещик же блюдет о своих выгодах, прежде нежели о благе рабов своих; он своему спокойствию, своему достоянию приносит в жертву и благосостояние своих рабов. Отношение совершенно обратное. Самый хороший помещик тот, который не более взыскивает с крестьян, как что ему необходимо нужно; самый же дурной отец семейства ничего, кроме почтения, не требует. Почему сии два состояния сравнивать нельзя и не должно. Впрочем, сия речь всячески рассматриваема быть может: всякий по-своему видит и понимает ее. Она прения только рождает бесконечные. Причина тому следующая: где между сословиями нет законов, где своеволие и сила, неволя и слабость, там нет и постоянного блага, нет размера, по коему можно бы наверно определить, что правда, что неправда; там и помещики, и крестьяне один другому противопоставляют свои пороки, свои страсти, свои добродетели, свои выгоды; словом, общая сия борьба похожа на приступом взятый город: всякий тащит, что попало; кто больше взял, тот и прав. И потому желательно для блага России, чтоб отношения владельцев и подвластных были основаны на твердых и незыблемых началах; а как государь, по-видимому, до сего достигнуть желает, то способствовать благотворным видам его есть наша обязанность.

Вы, кажется, опасаетесь, чтоб не приняли какого иностранного образца в сем важном подвиге, и единственно желаете устранения некоторых злоупотреблений. Не дай боже худого! Не дай боже иноземного, если оно может из русских сделать немцев! Но законы природы не больше принадлежат немцам, чем русским; они всеобщие. Евангелие писано для всех людей. Первоначальные истины принадлежат тем, кои ими пользоваться умеют. Назвать же их подражаниями потому, что они введены в других народах прежде, нежели у нас, есть заблуждение; ибо истины сии существовали прежде народов, прежде веков; образование их вводит, невежество изгоняет.

Государь мой! После справедливой и красноречивой похвалы Вашей дворянству за спасение Отечества в 1812 году сожалею, что вслед за оной хвалите и за то, что ни единая измена, ни единое предательство не помрачили чести имени русского. В России нет изменников: таковых торжественно в церквах проклинают; хвалить за то, что не сделали худого, есть излишне. «Неужели еще друзья человечества» и проч[ее][10]. О старец, старец! Ты ли произнес? Что седины твои? Как!.. «Вольность есть идол чужеземных слепцов! Вольность рождает своеволие, буйство, разврат, ниспровержение всех властей!».. Все сие, по-твоему, слова однозначащие: «Изыдите, оглашеннии, изыдите!»[11].

Я удивляюсь, м[илостивый] г[осударь], что Вы, который столько восстаете против вольности, Вы сами взяли вольность писать, когда Вас никто не спрашивал; Вы сами подаете мнение и сами восстаете против вредного и излишнего умствования. Почему Вы, которые пользуетесь своими способностями, хотите лишить других сего небесного дара? Какие предполагаете [различия] между вредными и излишними умствованиями и полезными и неизлишними? Мне кажется, что Ваши умствования суть вреднее моих, потому что основаны на выгодах одного малочисленного сословия и на угнетении другого, по крайней мере, во сто раз большего: Вам же, вероятно, покажется противное. Кто из нас прав, кто виноват?

Вы, восстающие против вольности, сами же упоминаете о собрании в одной из столиц представителей дворянства?[12] По какому праву пользоваться Вам сим преимуществом, когда сами хотите отказаться от собственного самовластия Вашего, и почему не должны в сем собрании участвовать и все прочие сословия? Непостижимо, как можно с таким восхищением говорить о собрании представителей и в то же время оскорблять *вольность* и противиться сообщению мыслей!

Выхваляя дворянство и средства, коими оно управляет рабами своими, Вы говорите, между прочим, о *щедродательных правилах*, но какие *щедродательные* сии *правила*, совершенно противуположные истине, *свободным постановлениям?* In his tu se libera *, ибо наряду с ними можно поставить *щедродательные правила*.

Вы называете химерическими постановлениями те, кои

* В таком случае освободись сам (лат.).

в пользу 35 миллионов делаются; те, кои обеспечат их собственность, их благосостояние, их бытие; те, кои умножат просвещение, образование нравов, увеличат промышленность, усовершенствуют хлебопашество, образуют внутреннюю торговлю, умножат богатства, увеличат народонаселение; те, наконец, кои выше всего согласны с правилами веры христианской. Вы называете их химерическими, потому что с младенчества привыкают у нас повелевать и взыскивать самовластно; обращаться же человеколюбиво не потому, что так должно, а иначе нельзя, но для того, что добрый нрав мог еще воздерживать от зла... Но, м[илостивый] г[осударь], не все люди одинаковы. Можете ли Вы за наследников Ваших поручиться? И что тогда подданным в щедродательстве Вашем?

Вы ссылаетесь на время и от него ожидаете счастливых перемен... Но ведь и время наступило! Вы приведете в пример противному несколько раз назад случившихся происшествий в пользу Ваших мыслей; я же обязуюсь, по крайней мере, столько же привести и против Вас.

Самое уменьшение уверенности дворянства в вековечном его достоянии, основанном на беспрекословном расположении имуществом и особою крестьянина, хотя, по словам Вашим, и удерживает его от иных новых приобретений, предприятий и заведений, не есть ли, в самом деле, сознание в несправедливости власти, в незаконной собственности его? Собственность есть то, что само собою, по собственной своей воле, отложиться не может; собственность никто отнять не может; один человек собственности лишиться может; двухсот тысяч вдруг лишить оной невозможно. Как же скоро одним желанием можно было и в* собственности вселить охоту к оставлению своих хозяев и хозяев удержать от обыкновенного употребления собственности, то она, воистину, есть не что иное, как мнимая, на заблуждении, невежестве и презрении прав человеческих основанная. И потому благодарение тому, кто слепцам открывает глаза, кто невольникам оковы расторгает! Хвала и тому, кто добровольно слагает с себя власть незаконную!

Теперь, м[илостивый] г[осударь], осталось мне изъявить Вам, как одному из первых сограждан моих, подвизающихся на *благо общее*, великую мою благодарность, яко член великого семейства россиян. Я вправе сие сде-

* В подлиннике ошибочно: «из».

лать: мнения могут быть различны и даже совершенно одно другому противоположны; но *обнародованием* их приносится существенная польза, ибо возбуждаются чувства и порождаются новые мысли. Желательно только, чтобы глаголющие руководимы были духом истины и любви к Отечеству. Мысль о собрании представителей дворянства хотя и кажется мне не полною, однако клонится к лучшему и потому уже прекрасна. Позвольте мне еще сказать свое мнение насчет настоящих происшествий. Ум человеческий, подобно всему, что имеет начало, имеет различные эпохи: он возрастает и получает образование, соразмерное обстоятельствам, слабеет и совершенно упадает по обстоятельствам же. Но главное его свойство в том состоит, что, получив однажды направление к образованию, трудно или, лучше сказать, невозможно его остановить, а наипаче вспять обратить, разве каким-либо необыкновенным переворотом в физическом мире: нашествием варваров, моровою язвою, продолжительною войною и тому подобными бедствиями. Оставшиеся от таковых ужасов, приведенные в уныние, терпящие всякие насилия и нужды, слишком угнетаемы судьбою, чтобы помыслить о вящем, о высшем благе. Коль же скоро все утихнет, уравновесится, они отдохнут, и положение их привычкою сделается сносным, то благороднейшая часть человека паки* возносится, парит к предназначенному ей самим творцом совершенству. Потому да *воздержимся мы от уклонения его от предпринятого им пути*, ибо сие есть дело, во-первых, неправедное, во-вторых, невозможное, влечет за собою и треск столь сильный, что мы неминуемо сами жертвою будем нашего сопротивления. Напротив того, станем ему способствовать всеми нашими силами, направим его ко всему высокому и Отечеству полезному. Да руководствует им и нами прекрасная вера наша и любовь к добродетели! Сверх того, есть еще правило, весьма в политике важное, коему благоразумие следовать повелевает: *то позволять, то препятствовать — нельзя.*

Мысль о свободе более всего следует сему ходу разума нашего. Кто оной вкусил, тот от нее никогда не откажется; кто об оной услышал, тот за нею погонится, достигнет своей цели, и — горе противящимся!..

Не должно полагать, что начавшийся во Франции пе-

---

* паки (архаизм) — снова, опять.

реворот в 1789 году имел другие причины, кроме притеснений и преимуществ дворянского и духовного сословий над народом. Ежели бы при первом созвании Генеральных штатов дворянство и духовенство добровольно сложило с себя готические феодальные свои преимущества[13], которые, впрочем, несравненно слабее были преимуществ и власти дворянства в России, то народное негодование, подобно пружине, сильно натянутой, очень бы ослабилось и не произвело потоков крови и тех ужасов, кои теперь должны бы нам служить наукою и предосторожностью. Конечно, вмешались тут многие посторонние причины: разврат, буйство; безверие, безнравственность многих посторонних особ, всего народа вообще, и политические виды европейских держав были действующими лицами в ужасах французского переворота. Но вот достаточный пример, которого мы, конечно, избежим, если пожелаем и будем благоразумны.

Государь, которого Вы сами столь справедливо превозносите, конечно, отстранит нарушителей спокойствия от участия в сем подвиге. Бразды правления в его руках и средства его велики. Мы на мудрость его и правосудие полагаться должны.

Хотя я Вам и неизвестен, однако, милостивый государь, дорожу Вашим добрым о себе мнением и не желал бы, чтобы Вы сочли меня за так называемого *якобинца*. А дабы некоторые *щедродательные* члены публики нашей не могли, по щедрости своей, наделить меня сим названием, сущим пугалищем всякого честного человека, то я и уверен в прозорливости Вашей; но полагаю лучшим сказать коротко, в чем состоит различие мнений наших.

Вы желаете, чтобы отношения помещиков и крестьян не изменялись и чтобы правительство отклонило некоторые токмо злоупотребления; я желаю, чтобы отношения владеющих и подвластных совершенно были определены справедливым, непременным, постоянным законоположением, основанным на законе божием, следовательно на сущей правде, законоположением, которым Россия возводилась бы на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ И ЗЛОУПОТРЕБИТЕЛЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Тобольск, 12 декабря 1833

Милостивый государь!

Удовлетворяя желанию Вашему, имею честь уведомить о состоянии управления и положении дел Тобольской губернии. Все сведения сии составлены из разных событий и многих официальных документов, которые по знакомству моему с управляющим губернией, статским советником Муравьевым, я имел случай видеть.

По прибытии г[осподина] Муравьева в Тобольск, вступил он по званию своему в управление губернией после председателя Казенной палаты Троцкого[1], который сам управлял оною недолго после бывшего председателя губернского правления Кирил[л]ова[2]; а сей также временно управлял после смерти состоявшего в должности гражданского губернатора Сомова[3], управлявшего оною только четыре месяца. Сии столь частые перемены управляющих губерниею, особенно председателей, были причиною тому, что всякий из них в ожидании настоящего хозяина отлагал важнейшие дела до определения его и с видимою вялостию держал в руках своих бразды правления. Слабое управление естественно сообщилось всему составу общего губернского управления и разлилось на все округи губернии, отчего в оных многие части пришли в большое расстройство.

Состоявший при Главном управлении Западной Сибири чиновником особых поручений надворный советник Кованько**[4], воспользовавшись совершенною и неограниченною доверенностию к себе генерал-губернатора Западной Сибири, генерал[а] от инфантерии Вельяминова 1-го[5], и руководимый собственными видами и собственною пользою, еще при состоявшем в должности губернатора Нагибине[6] начавший показывать властолюбие и силу свою, воспользовался слабостью означенных правителей и действительно похитил у них то из власти губернаторской, чем начальник губернии может быть страшен для злонамеренных подчиненных своих, чем одним он может их удержать в пределах долга и закона и чем, напротив, он

---

* Помета карандашом рукою неустановленного лица: «Убрать».

** Человек без способностей к службе, но хитрый и коварный. (Примеч. А. Н. Муравьева.)

может поощрять — усердных и достойных чиновников. Он отнял у них законом данное право определять и увольнять чиновников, преследовать зло, награждать заслуги и довел их до такого униженного состояния, что они во всяком деле, заключавшем в себе некоторую важность, должны были предварительно прибегать к Ковапьке (не к генерал-губернатору) за словесным разрешением и исполнять в точности все его приказания *.

Вот в каком положении г[осподин] Муравьев принял Тобольскую губернию 30 октября прошлого 1832 года. Находя, что столь ни с чем не сообразное положение дел несовместимо ни с присягою его, ни с честью, ни с званием начальника губернии,— он поставлен был в необходимость вступать в законом определенные права оного; отчего не мог избегнуть неминуемых неудовольствий с главным своим начальником, употребляемым Кованькою орудием и твердым оплотом всех своих намерений.

Обратив внимание собственно на ответственности его лежащую часть управления, именно, на беспорядки, неустройства, злоупотребления, растрату казенного имущества, притеснения, лихоимства и грабительства градских и земских полиции и других мест и лиц, под могучим щитом Кованьки безбоязненно совершающиеся, он за сие понес гнев и гонение генерал-губернатора и терпел оные дотоле, доколе они касались одного его; когда же стали касаться службы его императорского величества, когда хотели чрез него превращать суд и правду, когда стали преследовать и угнетать честнейших и ревностнейших к службе чиновников,— тогда долг его был и есть, как верноподданного, жертвовать даже собою, развивая все права начальника губернии, чтобы удержать весы правосудия; тогда молчать — было бы прямое преступление.

Я уверен, милостивый государь, что, прожив в Тобольске несколько времени, Вы скоро собственным опытом сами убедитесь в истине всего сказанного выше; если же Вам будет угодно, то и многие доказательства, на официальных документах основанные, могут быть по требо-

---

* Что самое Главное управление Западной Сибири находится и поныне в тех же самых отношениях к Кованьке и состоит под игом его, несмотря на высочайшее повеление, по коему он еще в сентябре м[еся]це переведен на службу в С[анкт]-Петербург, о том считаю излишним распространяться, как о непринадлежащем до моего предмета. (Примеч. А. Н. Муравьева.)[7]

ванию Вашему к Вам доставлены на собственное Ваше рассмотрение. Ныне же имею честь сообщить Вам только краткое описание известных мне беспорядков и злоупотреблений, против коих, к несчастию, управляющий губернией лишен способов принимать деятельные меры, ибо генерал-губернатор предписаниями своими столько ограничил действия начальника губернии в отношении к искоренению зла, что весьма трудно, если не во всем невозможно приступать к открытию и преследованию оного. Сие столь важное обстоятельство и пламеннейшее желание г[осподина] Муравьева, чтоб управляемая им губерния почувствовала благодетельное влияние высшего правительства, побуждает его не скрывать ни от кого, а тем менее от Вас, милостивый государь, бедственного положения оной; и он без сомнения весьма счастлив был бы сам открыть Вам те язвы ее, к исцелению коих отняты у него врачества. Самоотвержение верноподданного есть то правило, которому он следует в службе,— и единственная цель его есть — достижение возможного добра.

По волостным правлениям[8]:

Волостные писаря, хотя выбираются обществами и утверждаются начальником губерний, но часто и в некоторых уездах исправниками от должностей своих устраняются; на место их исправники назначают других по своему выбору, не уведомляя о том губернское начальство, если они не удовлетворяют незаконных налогов земской полиции, по незаконным сборам с крестьян денег. Многие из писарей, на коих должны быть утвержденные приговоры обществ, по нескольку лет исправляют должности свои без сих приговоров, единственно по воле и распоряжениям исправников.

Писаря сии должны платить исправникам положенную на них в год сумму, так что они сами остаются почти без жалованья и принуждены пополнять недостатки свои незаконными поборами с крестьян, с которых сверх положенного им жалованья берут деньги за прописку пашпортов, видов, одобрений, обязательств и проч[его] и чинят им сверх того различные притеснения; в иных же волостях берут для сего и двойное жалованье. Но крестьяне не смеют жаловаться исправнику на писаря, а высшему начальству на исправников, потому что сии определяются генерал-губернатором в противность закона и состоят под

особым покровительством Ковапьки, не допускающего никого и никаких просьб до генерал-губернатора, кроме тех только, которые не могут вредить ему и тем лицам, коим он не без видов покровительствует.

Сии обстоятельства сделались особенно известны г[осподину] Муравьеву в нынешний объезд его по некоторым округам губернии; и он по оным начал уже производить следствия; но он не надеется на полный успех по всеобщей боязни к Ковапьке и различным устращиваниям его насчет следователей[9].

По земским судам[10]:

Большею частию земские заседатели никуда не годятся, а служат только к обременению уездов; они, которые должны бы определяться гражданским губернатором с утверждения генерал-губернатора, определяются вместо того генерал-губернатором непосредственно и без всяких представлений от начальника губернии и также состоят под особым покровительством Кованьки.

Г[оспода] заседатели вообще при следствиях чинят главнейшие свои злоупотребления, стесняя при оных крестьян вовсе бесполезными мерами, собирая большое количество обывателей без нужды, устращивая некоторых, освобождая других и проч[ее], и все сие за деньги и за суммы, весьма для поселян тягостные; одним словом, невозможно исчислить всех их изворотов, и нет ни одного случая, где бы полиции сии при малейшей возможности чем-либо воспользоваться от обывателей — пропустили бы оный.

Вообще земские суды, кроме березовского и обдорского отделения, сверх отягощения обывателей служат еще и к умножению издержек казенных; потому что члены оных во многих местах под чужими именами участвуют в различных торгах и казенных подрядах, крестьянам предоставленных, как-то: в обывательской гоньбе, в провиантских поставках и проч[их], имея, вопреки закона, собственные свои хлебные запасы; для сего они возвышают цены на хлеб, поставляя произвольные справочные цены; так равно и на торгах имеют большое влияние[11].

По дошедшим о сем сведениям до г[осподина] Муравьева, особенно по Ялуторовской округе, он приказал производить о том следствия; но будет ли в том должный успех, поручиться не может, по причине вышеписанного страха к

устращиваниям и уже понесенным им тягчайшим от генерал-губернатора по сему случаю оскорблениям.

Земские полиции делают еще различные налоги на перевозы; отчего проезжающие крестьяне подвержены произвольному сбору денег от перевозчиков, долженствующих, в свою очередь, платить земской полиции за право перевоза.

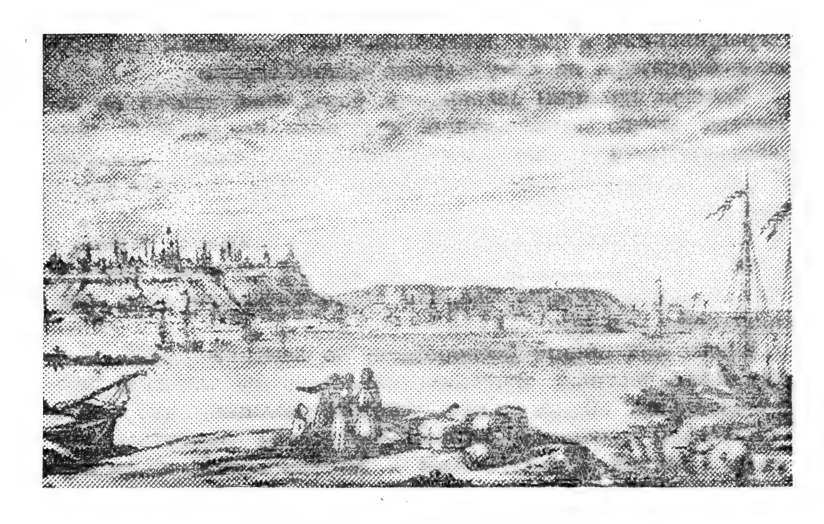
Следствия, производимые земской полицией, большею частию весьма неисправны, особенно те, по коим замешаны богатые крестьяне или где следователи имели в виду какие-либо выгоды.

Кроме сих общих беспорядков по земским судам, есть еще много частных, описание коих было бы слишком продолжительно; общим словом сказать должно, что они в Тобольской губернии составлены весьма неудачно, особенно Тарский, Тюкалинский и Ялуторовский, и преимущественно пред всеми прочими сей последний, коего глава исправник Жулебин[12] есть любимец Ковальки, по родственным связям его с откупщиком Мясниковым и с управляющим Приказом о ссыльных Поповым[13]. Сей исправник, не опасаясь ничего, считает себе все позволенным.

По градским полициям:

Тобольская градская полиция, долженствующая служить примером благочиния и устройства для всех таковых же в губернии,— напротив того, служит примером всего худшего, что только вообразить можно. Потачка воровству и грабительству, распутное поведение полицейских чиновников, притеснения жителям, лихоимства, укрывательства беглых и несправедливости всякого рода, что свидетельствуется документами и событиями, составляют характеристику Тобольской градской полиции, начальник которой тобольский полициймейстер надворный советник Алексеев, находясь под особым покровительством Ковальки и пользуясь особенною доверенностию генерал-губернатора, состоит вне и выше всякого суда и взыскания; если Вы, милостивый государь, потребуете доказательств, то можно их доставить к Вам формально и при официальных документах[14].

Тюменская градская полиция, коей бывший глава городничий *Кузнецов*[15], состоящий также под особым покровительством Ковальки и тобольского полициймейстера, показывая собою пример распутства и безнравственности,

ВИД Г. ТОБОЛЬСКА ОТ ИРТЫША
Гравюра Блашке. 1-я половина XIX в. *ГИМ*

привел дела тюменской полиции в такой беспорядок, что нет никакой возможности без особой комиссии разобрать хаотическое смешение оных, особенно в отношении к денежным делам. Находясь ныне по уголовному делу под следствием, он замещен тобольским частным приставом *Сахаровым*[16], не менее его развратным, нетрезвым, порочным и вовсе несведущим в делах. Таким образом, сей значительный город в губернии, по торговым своим отношениям и богатству имеющий преимущество пред самым губернским городом, отдан, так сказать, в расхищение чиновнику, которого в Тобольске называли *денным разбойником* и который в Тобольске усовершенствовался во всех проделках сего состояния.

Прочие градские полиции, кроме курганской, которой начальник из военных и, по-видимому, человек хороший[17], более или менее носят на себе отпечаток тобольской полиции; и хотя гораздо в меньшей мере, не менее того причастны к тем же злоупотреблениям.

По окружным судам:

Злоупотребления в сих местах гораздо менее и реже, чем в земских судах; хотя и в них личные виды составля-

ют перевес в некоторых делах. Но как в Тобольской губернии, кроме Тюмени, дел гражданских весьма мало, а самое большое производство есть уголовное, и то над ссыльными, то члены окружных судов редко имеют случай воспользоваться деньгами; тем более, что незаконный и стеснительный сбор оных предварительно уже совершается при самих следствиях в градских и земских полициях.

По окружным управлениям:

Из трех окружных начальников во всей губернии исправляющий должность *тюменского* Нестеров[18] есть человек основательный и чиновник надежный. *Тарский* Вязмин[19] состоит под сильным влиянием своего городничего, человека хитрого и злого; а *ишимский* Барташевич[20] вовсе не способен к своей должности. Они также имеют свои выгоды от местных жителей, однако в несравненно меньшей мере, чем градские и земские полиции.

По губернским присутственным местам:

Губернское правление по кругу своего действия не соответствует цели своего учреждения. Оно действует слабо, передав большую часть законом определенной власти своей Общему губернскому управлению, потому что легче испрашивать разрешений, слагая с себя ответственность, нежели принимать на себя оную. Больших злоупотреблений в оном нет, кроме некоторых частных снисхождений, с законом несогласных, делаемых от времени до времени в угождение Кованьке. Один из членов оного, надворный советник *Жилин*[21], руководствуясь всегда долгом и присягою, часто принужден под предлогом болезни уклоняться от подписки журналов во избежание гонений от Кованьки за несогласие исполнять незаконные его требования и неправильные распоряжения Главного управления. Исправляющий должность председателя оного статский советник Серебренников[22] есть чиновник, знающий порядочно дело свое, но слишком гибкий, боязливый и действующий по влиянию г[осподина] Кованьки и — сверх того — не всегда чисто.

Экспедиция о ссыльных, составляющая 4[-е] отделение губернского правления, находится в довольном беспорядке по счетоводству и управлению ссыльными. Советник оной, надворный советник *Ильин*[23], почти открыто пользуется от них деньгами, за что неоднократно обращал на себя

негодование своих товарищей; но он женат на сестре вышепоименованного тобольского полициймейстера Алексеева!

Приказ общественного призрения производит малозначащие дела свои в довольном порядке, но худо печется о исправности своих заведений.

Казенная палата[24] есть то из губернских мест, в котором, по кругу и обширности действия, могут производиться и производятся величайшие и всякого рода злоупотребления. Место сие служит Коваsucceeding ньке главным насосом, чрез который он вычерпывает деньги от таких лиц и из таких мест, которые остались бы для него, иным образом, неприступны, и потому Казенная палата пользуется особенным его покровительством, которым, в свою очередь, закрываются все незаконные действия ее. Председатель оной, статский советник *Троцкий*, человек глупый, тупой, не имеющий никакого понятия о делах, состоит в безусловном повиновении у Ковальки и не забывает самого себя, когда может получить прибыль от делопроизводства и от людей всякого звания. Советник хозяйственного отделения, надворный советник *Каргапольцов*[25], есть оптовый и мелочный взяточник; ни одно перечисление, ни один спор о землях и прочее по его отделению без денег не разрешается. Он же, будучи и членом Рекрутского присутствия, есть в оном главный производитель дел и главный лихоиматель, для чего имеет своих агентов, уже обычных к сему производству. Каргапольцов имеет также большое влияние на всю палату по всем ее отделениям. Прочие ее члены более или менее участвуют в подобных же делах. Советник контрольного отделения *Захаров*[26] вместе с Каргапольцовым управляют всею палатою.

Все действия Казенной палаты клонятся совершенно к растрате казенного имущества как по винокурению, разного рода торгам и поставкам, так и по возвышению цен на хлеб, и сие происходит отчасти по весьма худой ее распорядительности и отчасти по очевидному намерению к набогащению себя на счет казны. Она сверх того допустила величайший беспорядок в счетоводстве душ и подушных и по другим частям оказывается весьма неисправною.

Губернский суд есть место, занимающееся преимущественно уголовными делами над ссыльными. Дел гражданских производится в оном весьма мало. Большая медленность по делам уголовным допущена в нем; отчего арестанты очень долгое время содержатся в острогах.

Председателю оного, статскому советнику *Кукуранову*[27], должно бы употребить более деятельности и прилежности в решении дел.

Приказ о ссыльных, хотя и место не губернское, но как особое учреждение в губернии, непосредственно от губернатора зависящее,— должно бы состоять, как определено законом, под особенным его надзором; несмотря на то, ниже на подтверждение Сибирского комитета, генерал-губернатор поручил надзор за оным губернскому прокурору и губернским стряпчим и предписаниями своими устранил управляющего губернию даже от ревизии сего места, исполненного столь многими злоупотреблениями, беспорядками, лихоимством и притеснениями, что число случаев к оным определить невозможно; поелику ежегодно проходит чрез руки Приказа несколько тысяч ссыльных, ищущих выгоднейшего назначения за собственные свои деньги, и несколько тысяч платьев даются им от казны Приказом о ссыльных, выдающим и деньги подрядчикам за сию одежду.

Место сие, расходующее в год до 60 тыс. руб., управляется надворным советником *Поповым*, родственником откупщика Мясникова и, следовательно, другом Коваңьки; над ним по сему самому законы недействительны и взыскания невозможны. Сей Попов есть человек мстительный, злой и корыстолюбивый.

Г[осподин] Муравьев при начале управления своего застал членов оного на самом деле преступления, донес о том формально генерал-губернатору, но получил за сие такой от него оскорбительный ответ, что уже не может продолжать исправлять злоупотреблений оного и должен был оставить оные в продолжающемся их виде. Сию переписку можно иметь официально; впрочем, теперь зло в Приказе несколько уменьшилось, хотя все еще слишком вопиюще.

По острогам:

Почти все остроги по Тобольской губернии находятся в весьма худом положении по тесноте и неудобству своих помещений. В них также допускаются смотрителями многие неисправности, и в Тобольском остроге более против прочих; но как сей состоит под ведением полицеймейстера Алексеева, то исправление оных сопряжено с большими затруднениями.

О постройке новых острогов производится переписка.

Вы, милостивый государь, прочитав сей главный очерк важнейших злоупотреблений в Тобольской губернии, безбоязненно совершающихся, с описанием лиц, оные производящих, конечно, с удивлением воскликнете: что же делает управляющий губернией? Как может он допускать подобные беспорядки? На сие имею честь ответствовать: г[осподин] Муравьев уже неоднократно принимался за исправление многого из упомянутого выше зла; но всякий раз без исключения встречал такие препоны, к преодолению коих он был не в силах. Все зло сие и все злоупотребители находятся под непосредственным покровительством известного уже Вам г[осподина] Кованьки, и сей чиновник, похитивший неограниченную доверенность генерал-губернатора, заставляет его противодействовать всем мерам, принимаемым г[осподином] Муравьевым к уничтожению зла и водворению порядка, и сие таким образом, что управляющий губернией, претерпевая всякий раз от генерал-губернатора величайшие оскорбления в самых обидных и бранных выражениях и чрез стеснительные действия его высокопревосходительства, приводится в совершенную невозможность продолжать начатое! Все сие может быть доказано официальными документами. Более сего, по сведениям, получаемым из Петербурга, ему известно, что генерал-губернатор оклеветал его даже пред высшим правительством! После сего что может сделать при таких обстоятельствах г[осподин] Муравьев? И если высшее правительство ему не поможет и не заступится за него, то он не только ничего не может к истинной пользе службы его императорского величества, но и самая служба его и самое постоянное усердие к оной и к исполнению долга своего подвергнуты величайшей опасности от ужасной на него вражды и клеветы, генерал-губернатором взведенной![28]

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою, Вам известный*

* Вместо подписи в подлиннике черта.

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Милостивые государи!

По соглашению с г[осподином] губернским предводителем дворянства комитет для составления проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян, комитет*, которому государь император оказывает столь высокое доверие, вместо предположенного 20 числа открылся** ныне 19-го февраля, в день восшествия на престол монарха, который, как восходящее солнце России, благотворными лучами своими являет миру утреннюю зарю ее*** обновления и возрождения[1]. Можно ли избрать более приличный день для начала такого собрания, которое сосредоточивает в себе надежды царства****, надежды Отечества, надежды 25 000 000***** обоего пола братьев наших, ожидающих возвращения утраченных ими прав гражданской жизни и достоинства человека? Милостивые государи! Испытайте высокое призвание ваше, не посланные ли вы того, в руках которого сердце царево, чтобы осуществить слова, им изреченные******: «Отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето господне приятно»*******. И если так, то помыслите, на какую высокую степень вы между людьми поставлены! Не сходите же со степени сей, не давайте житейским расчетам, необходимым для дела вашего, перевеса над благом преданных великодушию вашему: выше сих******** расчетов стоят расчеты нравственного быта нашего — и вот ваше призвание!

Я сказал — нравственного быта нашего*********; да, милостивые государи, вопрос этот бесспорно поставит нас на высшую степень нравственного просвещения, возвысит нравственное достоинство того сословия, коему суждено раз-

---

* В списке С. П. Трубецкого слово «комитет» отсутствует.
** У Трубецкого: «открывается».
*** У Трубецкого слово «ее» отсутствует.
**** У Трубецкого: «царевы».
***** У Трубецкого: «350 тысяч».
****** У Трубецкого: «произнесенные».
******* У Трубецкого далее: «(Лука, IV, 18—19)».
******** У Трубецкого: «всех».
********* У Трубецкого: «вашего».

решить его самоотвержением и сознанием* прав человечества! Из числа тех, коих вещественный быт предполагается устроить, есть столь довольные своим состоянием, что лучшего не желают. Честь и благодарение их владельцам! Однако не одна ли это случайность? Вам же предоставлено оградить от произвола и положить основание не случайности, а незыблемости. Но как достигнуть сего, если взирать на человека, как на одну** производительную силу, подобную силе других животных? Как достигнуть сего, если не воззванием к жизни тлеющего под пеплом чувства человека, если не развитием вольного труда? Тогда только на разумные, а не произвольные требования отзовутся соответственные им производительные силы, не мертвые, как ныне, но живые, прямо человеческие! Итак, одушевите необходимые вещественные расчеты уважением к потребностям истинно человеческим, выдайте человеку то, что подобает человеку, и вы оправдаете*** доверие царя, ожидание России и, смею сказать, дивное явите Вселенной, устремившей на вас взоры свои. Тогда труды ваши обратят на главы ваши благословение господне, благословение рода человеческого, и вы, как зародыш правды и любви в Отечестве нашем, как первенцы в деле его возрождения, внесете имена ваши в книгу жизни России.

ЦИРКУЛЯР ЗЕМСКОЙ ПОЛИЦИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1861 ГОДА

В своде законов изд[ания] 1857 г., т. II, Общ[ее] губ[ернское] учрежд[ение], IV прод[олжение], в дополнение к ст[атье] 2526 изображено: «В случае, когда избранные дворянством и утвержденные в должностях своих земские исправники выбудут из сей должности за смертию, или переходом в другую службу, или увольнением в отставку, а также если они будут уволены от оной по суду или по распоряжению начальства (ст[атья] 9537 по прод[олжению] IV, № 2), предоставляется губернаторам к исправлению должности исправников назначать от правительства лиц совершенно благонадежных, под личною губернаторов за

* У Трубецкого: «сожалением».
** У Трубецкого слово «одну» отсутствует.
*** У Трубецкого: «и оправдайте».

выбор их ответственностию, с утверждения каждый раз министра внутренних дел».

Это определение высшего правительства побудило меня войти с вами, милостивые государи, в соглашение по некоторым предметам, касающимся до ваших обязанностей, а следовательно, и до меня, ибо мы связаны друг с другом ответственностию.

Цель нашего назначения есть — доставление людям, вверенным нашему управлению, возможного благосостояния, что тесно сопряжено с обязанностью защищать обижаемого, заступаться за вдову и сироту, ограждать невинного от притеснения, охранять тишину и спокойствие, наставлять на прямой путь уклоняющихся и преследовать зло, в каком бы виде оно ни являлось, невзирая ни на какое лицо. Все это мы должны исполнять по званию христианина и гражданина.

Вникая в чрезвычайную важность такого призвания, невольно возбуждаются вопросы, в которых необходимо дать себе правильный отчет, а именно:

Может ли с успехом преследовать зло человек, сам к тому злу причастный? Как стал бы он направлять на прямой путь уклоняющегося, если б не пользовался его доверием? Как стал бы он охранять тишину и спокойствие, если б вместо употребления нравственной силы внушения и убеждения он находился в тех же отношениях к подведомственным лицам, в каких состоит укротитель зверей к своему зверинцу? Палки да розги, розги да палки, дранье и тасканье за бороду, биение по зубам — вот, однако ж, за некоторыми исключениями, обыкновенный язык земской власти! Язык этот наводит, правда, временный трепет, но никак не сознание и убеждение в вине; без сознания же и убеждения одни наказания для примера мало приносят пользы, а раздражают и ожесточают.

Притом надобно принять во внимание, что упоминаемый выше укротитель успевает в своих жестокостях потому, что имеет дело со зверями, тогда как человек-правитель обязан действовать на подобных же людей.

Какое может подвластный иметь уважение к начальнику, если он увидит, например, что начальник его, в противность закона, входит в сделки с подчиненными по подводной, дорожной и другим повинностям, притом содержит лошадей числом менее положенного и качеством худших, за остальных же делает с крестьян произвольные поборы;

или — что при дорожных сделках мосты проваливаются, гати и дороги непроходимы и что, при проезде значительных особ, крестьян высылают на исправление этих мостов, гатей и дорог, за которые они отдали уже свою часть найма? — Не справедливо ли могли бы крестьяне те подобного начальника [почесть]* за такого же грабителя, как и своего брата мужика, уличенного в грабеже, с тою лишь разницею, что признали бы в лице начальника — грабителя привилегированного и сильнейшего, в лице же мужика — грабителя слабейшего?

То же самое должно сказать и в отношении к другим поборам, каковы, например: получаемое даровое продовольствие на въезжих квартирах, собирание куриц, яиц, баранов и других съестных припасов с подведомственных крестьян, требование от них помочи в пользу свою, в подражание помещичьему праву над своим крепостным населением, равно и прием подарков и денежных благодарностей за избавление их от каких-нибудь взысканий или работ, и многое еще тому подобное. Может ли при таком нравственном растлении существовать уважение и доверие младшего к старшему, подчиненного к начальнику? Кроме одного страха и естественной родящейся от того хитрости для искуснейшего совершения и сокрытия преступления, в подчиненном к начальнику никакого человеческого чувства вместиться уже не может. Если же нет доверия, то и удерживать массы в порядке нет возможности.

Итак, милостивые государи, изобразив в общих чертах отвратительную картину корыстолюбивых деятелей и обыкновенных отношений земской власти к подведомственным ей людям, я нужным считаю предложить вам некоторые соображения, клонящиеся к изменению этой безобразной картины, если б она действительно существовала; причем объявляю, что я признаю все вышеупомянутые, так называемые позволительные, доходы, преступными и корыстными; преступными, потому что закон их осуждает; корыстными, потому что производятся в ущерб чужой собственности и чистою совестью отвергаются. Кроме того, подобные отношения могут неблагоприятно отозваться при предстоящем преобразовании. Все это вместе приводит меня к следующим соображениям:

Пока в отношениях с подчиненными начальствующие

---

* Пропущенное слово восстановлено по смыслу.— *С. Д.*

добровольно не отложат сословные преимущества свои и не изменят взгляды на вверенных законному их управлению крестьян, заслуживающих нашего уважения, потому что они люди, пока начальствующие не будут поставлять себя на их место и вникать в их нужды, дотоле ни те, ни другие понимать друг друга не будут.

Пока орудия кары, которые употреблять должно в крайних только случаях, не заменятся языком снисходительного внушения и терпеливого вразумления, преодолевающего даже непонятливость простых людей, дотоле невозможно приобресть их доверие.

Вообще же пока начальник не будет служить примером честности, бескорыстия и правдолюбия, дотоле не приобретет он уважения и любви подчиненных, без которых придется действовать грубой силою, часто без ожидаемого успеха*.

В заключение обязываюсь сказать вам, милостивые государи, что как я отвечаю за вас перед правительством, так равно и вы должны отвечать передо мною за все ваши действия, и как некоторые из вас остаются на своих местах по выборам дворянства, другие же назначаются мною, то я решительно требую от первых:

а) Если бы кто из них вошел в какие-либо сделки с подрядчиками, по подводной ли повинности, по подорожной ли или по какой б то ни было другой,— немедленно от всего этого отказаться, довольствуясь содержанием, законом положенным исправнику, с добавлением к нему пособия, также законом вновь определенного. Иначе если кто из прежних г[оспод] исправников не согласен отказаться от упомянутых сделок и поборов и изменить обращения своего с крестьянами, то советую ему заблаговременно просить увольнения от должности, потому что я бдительно за каждым следить буду, и если узнаю, что приказание

---

* Конечно есть случаи, вызывающие строгость: но прежде чем прибегать к ней, надобно вооружиться терпением, испытать все средства убеждения и внушения, обращаясь преимущественно к так называемым вожатым, которые во всяком обществе, на какой бы степени оно ни стояло, руководствуют массою. Этих-то вожатых надобно вразумлять, и как они сметливее и настойчивее прочих, то, убедившись внушениями, лучше могут передать их толпе и утишить возникающее волнение, но так как они вместе с тем должны и отвечать за все общество, то в случае безумного упорства их можно подвергать взысканию, разумеется тогда только, когда требуемое от них справедливо и законно. (Примеч. А. Н. Муравьева.)

мое нарушено, то нарушитель немедленно будет удален от должности.

б) Совершенно отказаться от получения какого бы то ни было содержания от винного откупа, как противного чистоте нравственной, так и вредного для службы; ибо кто от другого получает плату, тот обязан ему и служить. А как местные стеснительные действия винного откупа возможны, то само собою разумеется, что получающие от него содержание обязываются ему потворствовать и стеснять других единственно для пользы его. Предупреждаю, что и за этим я особенно следить буду.

От вторых же, назначаемых мною, ожидаю службы, вполне сообразной с вышеизложенными моими требованиями, тем более, что все эти требования основаны на законах, и что я при определении их лично каждому предварительно сообщаю свой взгляд на вышеупомянутые предметы, на что никто из них возражать не может иначе, как с отказом от занятия должности исправника.

И тем и другим поручаю объявить эти наставления членам и служащим в земских судах и в особенности становым приставам, которые вследствие добавочного по заслугам содержания могут жить безбедно и свои обязанности исправлять рачительно. Если же вы, г[оспода] исправники, откроете между ними таких, которые не хотят отстать от прежних худых и вредных своих навыков, то поручаю вам предложить им оставить службу и затем представить мне на место их других, благонадежных чиновников, совершенно согласных на мои предложения.

При точном исполнении этих условий я надеюсь, милостивые государи, что мы уживемся и что служба наша обратится на истинную пользу края, высочайше вверенного заботам и попечениям нашим. Мне лестно будет служить с такими товарищами, которые вместе со мною стараться будут удовлетворять требованиям совести и доверию правительства.

ПИСЬМА

1

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург, 24 февраля 1810 г.]

Любезные братцы.

Мне очень приятно было видеть из ваших писем, что вы все в добром здоровье; также с великим удовольствием* увидел я Софью и Андрея[1], они выросли; Софья уже читает без складов.

С моей службой делается совсем не то, что в Москве предполагали; вместо статской она военная, что мне чрезвычайно приятно; хотя она военная, но она не фрунтовая, что мне также приятно, ибо могу служить в очках, одним словом, скажу вам, что я вступлю в новую школу, для водяных и сухопутных сообщений учрежденную[2]

Но я должен кончить** здесь мое письмо, ибо меня зовут к дядюшке[3], прощайте, любезные друзья, обнимаю вас всем сердцем и пребуду навсегда вашим искренним другом.

Александр Муравьев.

P. S. Прошу свидетельствовать мое нижайшее почтение дедушке[4].

2

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург, 24 февраля 1810 г.]

Мы сегодня [в]вечеру получим твое письмо, любезный Николинька, я его с нетерпением ожидаю. О моем помещенье скажу тебе, что оно еще не решено, может быть,

---

*«также <...> удовольствием» написано над зачеркнутым: «Мне очень приятно было видеть».

** «кончить» написано над зачеркнутым «оставить».

буду я служить в колон[н]овожатых, чего очень желаю. Вы скоро увидите папиньку, он хочет ехать отсюда во вторник в ночь, если ничего ему в том не помешает.

Ты увидишь из сего письма, что я теперь пустился в свет, ибо сего дня буду обедать у Родивон Александровича Кошелева. За сим прощайте, любезные братцы, обнимаю вас всем сердцем и пребуду навсегда вашим другом.

Александр Муравьев.

Прошу свидетельствовать мое нижайшее почтение дедушке.

Мой поклон господину Дегиенну *[1].

3

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург, 28 февраля 1810 г.]

Я начинаю письмо сие с радостным для меня известием; дядюшка Дмитрий Михайлович[1] теперь только приехал от генерала, занимающего место Сухт[е]лена[2], и говорит, что меня принимают в колон[н]овожатые, что мне можно будет служить в очках и что если я студент Московского университета, то чрез полгода буду офицером. Папинька завтра меня представит сему генералу, и я думаю, что немедля буду записан в сию столь желанную службу. За сим прощайте, любезные братцы, пребуду вашим другом.

Александр Муравьев.

Свидетельствуйте мое нижайшее почтение дедушке. Мой поклон господину Дегиенну *.

4

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург, 3 марта 1810 г.]

Наконец, любезные братцы, я вступил в военную службу и принят колон[н]овожатым[1]; теперь дожидаюсь мундира и иду к присяге. Мне обещал шеф произвести меня в офицеры чрез шесть месяцев, что будет первого сентября. Он видел мой ат[т]естат, рассматривал все мои чертежи и был так доволен этим, что сказал: с такими познаниями непременно будете офицером чрез шесть ме-

---

* Последняя фраза в подлиннике по-французски.

сяцев. Дабы вы могли себе представить меня в мундире, то сделаю вам описание оного: панталоны лосиновые, сапоги со шпорами; зеленый кафтан с черным воротником; шляпа с черным пером; портупей сверх кафтана и шпага с темляком и еще трость и перчатки. Сей мундир очень красив. Моя должность состоит в том, чтоб рисовать пером и чертить, дежурить; иногда колон[н]овожатые также ездят на большие парады. Сегодня у нас будет сборище изрядное, ибо Софии Мордвиновой[2] рождение; за сим прощайте, любезные братцы, будьте здоровы, засвидетельствуйте мое нижайшее почтение дедушке, mes compliments à Monsieur Deguienne*, пребуду навсегда вашим другом;

Александр Муравьев.

Если вы увидите святейшее семейство[3], кланяйтесь ему от меня, скажите им, что я на военной службе, несмотря на свою близорукость**.

5

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург]. Понедельник, 14 марта 1810

Любезный брат Николай.

Получил я твое письмо от 7 марта, оно мне очень приятно было. Я до сих пор никакой работы по своей службе не произвожу, но думаю, что скоро начну, ибо завтра пойду в нашу колон[н]овожатую чертежную.

Я вчера узнал от одного гвардейского артиллерийского офицера, что у них производят чрез три или четыре месяца в офицеры, только надобно выдержать экзамен; для того советую тебе, братец, так как батюшкино намерение, кажется, тебя туда записать, советую тебе прилежать, чтоб после хорошего экзамена быть тебе как можно скорее офицером. Хотя мне только шесть месяцев быть портупей-прапорщиком, но, право, как ни говори *хорошо*, все что-то унизительного есть; вытягиваться пред всяким офицером, а если сего не сделаешь, то подвергаешься быть взяту под караул. Это есть участь всех мне равных, иные не только шесть месяцев, но даже три, четыре года остаются в сем чине***.

---

* Мой поклон господину Дегиенну (франц.).

** Последняя фраза в подлиннике по-французски.

*** Далее зачеркнуто: «Я сам».

Я буду ходить на учение, дабы уметь командовать и знать маневры, потому что нас, колон[н]овожатых, употребляют в больших парадах.

Экой, Миша, ты какой, совсем ко мне не пишешь, я ни духу ни слуху о тебе не имею. Ты, братец, меня за Осиповского и за Ейлера[1] променял, я от тебя сего не ожидал*.

Николай, я советую тебе не писать таких насмешливых писем, дядя и тетя[2] читают их, и они очень недовольны этим. Пожалуйста, не делай этого — это портит мнение о тебе. Ты заимствуешь многое от твоего скверного *Николая Петровича*[3]. В твоем последнем письме было что-то о *Котлубитском!* Ну, зачем ты написал, что он *соленой огурец;* ты не знаешь, что тетя была расстроена этим целый день и совершенно справедливо сказала: какую боль причинило бы это нашей дорогой матери, если бы она была жива.

Я не упрекаю тебя, дорогой Николай; я действительно люблю тебя всем сердцем; я говорю это для твоего же добра.

М[уравьев].

Напомните обо мне господину Дегиенну и сообщите мне, как он себя чувствует? Мое почтение князю**[4].

6

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург]. Понедельник, 21 марта 1810 года

Послушайте, братцы; неужели нет у вас минуты свободной, чтоб ко мне писать; вить я на вас так рассержусь, что не буду вам покровительствовать, когда вы вступите в службу; вы знаете притом, каков я во гневе своем, вы знаете, что я непримирим, мстителен, злопамятен; а теперь еще и пуще, когда у меня шпага с темляком да перо на треугольной шляпе; да еще притом трость в руках. Да и Волкову-то скажите, что хотя он мне и дядя двоюродной[1], но чтоб он остерегался. Особливо ты, под-

---

* Два следующих абзаца в подлиннике по-английски: «Николай Петрович», «Котлубитский», «соленой огурец» написано по-русски.

** Две последние фразы в подлиннике по-французски и написаны на полях.

лый математик; ну что ты записался в профессоры да меня позабыл? А? Ну, что ты молчишь?

Сделайте одолжение, любезные братцы, пишите ко мне; вы не поверите, как мне приятно от вас получать письма. Окажите мне сим свою дружбу; отделите какую-нибудь часть вашего свободного времени, чтоб ко мне писать. Не забудьте вашего брата, который вас искренно любит; и не вселите в него той мысли, что как скоро он с вами разлучился, то вы его из памяти потеряли; я вить не чужой, пишите, что хотите, что думаете *; но на что вам сие говорить, вы все это знаете.

Вот, братцы, я и угрозы, и просьбы употребил; теперь не пишу к вам, пока не напишете ко мне; за сим прощайте, пребуду навсегда вашим искренним другом.

Александр Муравьев.

P. S. Лизанька[2] целует Николеньку в обе щеки и в рот.

Саблуков[3] сказывал, что Едуар[д][4] после великой бури, в которую чуть не потонул, наконец приехал в Штокгольм **.

7

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Петербург]. Понедельник, 28 марта 1810

Любезный брат Николай.

Я и не думал к тебе писать сего дня, будучи так занят службою. Притом я все должен ходить пешком[1], что*** от[н]имает у меня много времени. Но, кончив свое дело хорошо и удовольствовавши своего начальника, доволен я сам собою и употребляю свободное свое время, чтобы отвечать на твое письмо, которое мне очень приятно было. Сколь вы счастливы, что**** учитесь дома и верхом ездить, и фехтовать, я хотя сие чрезмерно и желаю, однако ни способов, ни времени не имею сие исполнить. Я теперь всячески стараюсь отличиться от моих товарищей, и сия мысль меня чрезвычайно занимает, мне хочется быть произведенным в офицеры, не по моему аттестату только, но по отличию, и еще прежде, нежели в шесть месяцев, ежели можно.

* В оригинале: «думайте».
** Последняя фраза приписана на первой странице вверху.
*** Далее зачеркнуто: «заставля».
**** Далее зачеркнуто: «можете».

Мне также чрезвычайно хочется тебя видеть, но я думаю, не прежде сие* сбудется, как через год.

Скажи батюшке, что тот колонновожатый, которому я перевел прошение, уже меня благодарил сегодня; говоря: *г[осподин] Муравьев*, вы меня сделали офицером. Я очень рад, что мое красноречие такое счастливое действие произвело.

За сим прощайте, любезные братцы, обнимаю вас обоих всем сердцем и пребуду навсегда вашим искренним другом.

Колонновожатый Муравьев.

P. S. Семену Николаевичу [2], Николаю Петровичу, Волкову и Дегиен[н]у** кланяйся от меня.

8

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

[Петербург]. Понедельник, 11 апреля 1810

Извините меня, любезные братцы, что я к вам не пишу порознь, мне недосуг, вы можете мне в том поверить. Так, любезный брат Николай, чувствую нашу разлуку, как ты, но что же делать; правда, сколь приятно будет опять увидеться, но долго до сего времени.

Скоро и вам двум откроется поле славы и мы будем все трое служить Отечеству до последней капли крови, услышат враги имя *Муравьевых* и устрашатся!.. В той книге, по которой все в мире происходит, в книге судьбы, сказано, что мы своими услугами возведем Отечество на высочайшую степень совершенства. Братья, не унывайте, что год?.. что три года?.. Вы не увидите, как они протекут.

Ты говоришь, любезный Миша, что я время очень весело провожу, так, мне не скучно, но чтоб было весело, также не могу сказать.

Конечно, приятно заниматься, но имея работу, которая требует рассудка, а я часто то делаю, что почти всякий дурак сделать может. Скажи, как тебе понравится, когда тебе дадут подробную карту целой губернии, дабы над каждой деревней назначать число домов, обязанных

---

* Далее зачеркнуто: «случится».

** Фамилия Дегиенна первоначально написана по-французски, затем зачеркнута и написана по-русски.

постоем для войск. Мне сия работа кажется очень скучною и притом продолжительною; другое дело, когда зададут что-нибудь из фортификации, тогда весело.

Благодарю вас, любезные братья, за ваши посылки, я их получу в четверг. Все сии вещи мне очень нужны — чувствительно вам за оные благодарен.

Читая последние письма ваши, любезные друзья, был я тронут, видя, сколь вы ко мне привязаны; и тогда пришли ко мне всякие печальные мысли в голову, вспоминая о прошедшем и думая о будущем.

За сим прощайте, любезные друзья, обнимаю вас всем сердцем, мне, право, недосуг к вам писать, а если вы не верите, то я буду божиться, как Эсипов на экзамене *, и пребуду навсегда вашим искренним другом.

Александр Муравьев.

P. S. Мое почтение святому семейству, скажите мне, когда оно рассчитывает пуститься в путь. Мой поклон Корсакову [1] и Николаю Петровичу, также как и господину Дегиенну, скажите ему, что я благодарю его за письмо, но что у меня действительно нет времени ему написать.

А. Муравьев **.

9

Н. Н. и М. Н. МУРАВЬЕВЫМ

Петербург***. Понедельник, 25 апреля 1810

Завидую, любезные братцы, завидую вашему благополучию; вы едете в деревню, там будете **** практиковаться в фортификации, в снятии планов на скорую руку, вы будете ездить верхом, вы занимаетесь математикой; все сие было бы для меня чрезвычайно нужно, но не имею ни времени, ни способов сие исполнить.

Попросите батюшку, чтоб он вам купил книгу, которую мне советовали купить и которая, кажется, очень нужна для офицера, который действует рассудком, а не так, как сии фрунтовые куклы.

При сем вам прилагаю ее титло по-немецки, ибо Николай Назарьевич [1] присоветовал мне так ее купить. Сия книга переведена на рус[с]кий язык *Гогелем* [2] и стоит десять рублей. Я думаю, что она находится и в Москве.

---

* В подлиннике: «экзаменте».

** Постскриптум и подпись в подлиннике по-французски.

*** В подлиннике ошибочно: «Москва».

**** Далее зачеркнуто: «обучаться».

У нас совсем не так учат полевой фортификации, как у вас. Если кто из учеников ее не знает и сам трудиться не будет, то и знать ее не будет. Все наши чертежи состоят в одной только батарее, которую я один только начертил, а все другие скопировали, иные даже прокалывали насквозь, как рисунок, другие же сквозь стекло рисовали *.

Поблагодарите господина Дегиенна за его память обо мне и за совет относительно очаровательных уроков, которые он мне дал; передайте ему мои приветствия и скажите, что я написал бы ему, если бы у меня было время.

Напомните обо мне господину Ато **.

Прощайте, мои дорогие братья, может быть, я долго не буду писать вам, потому что я сильно занят, но не забывайте меня из-за этого.

Я ваш лучший друг навсегда.

Александр Муравьев.

P. S. Прошу вас, дорогой Мишель, поблагодарить кн[ягиню?] *** Катерину Павловну ****[3] за ее память и сказать ей, что я ей чрезвычайно благодарен, и выразить ей мое нижайшее почтение, как только вы ее увидите.

10

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С[анкт]-Петербург. Понедельник, 13 июня 1810

Любезный братец Николай.

Давно, очень давно я к тебе не писал, ибо мне некогда было, но теперь нашел я часок свободный, которым пользуюсь, чтоб увещевать тебя учиться прилежно. Я теперь сам по себе чувствую, сколь все, чему я учился, мне полезно, ибо я отличен от всех прочих моих товарищей, мои начальники меня любят, и я имею их доверенность; везде, где ни был употреблен, исполнял свою должность с честью; мог ли бы я сие сделать, если б не имел нужных познаний? Для сего советую тебе, любезный братец, если хочешь отличиться в службе, советую тебе, старайся всеми

* Далее до конца письма в подлиннике по-французски.

** В подлиннике: «Hato».

*** В подлиннике: «princesse», что может переводиться и «княгиня», и «княжна».

**** «Катерина Павловна» в подлиннике по-русски.

силами приобресть те познания, которым тебя * батюшка хочет научить, старайся утешать его своим прилежанием, пускай он увидит, что труды его, беспокойство, имение не даром пропадают, [п]ритом же **

Сей час получил ордер немедля бежать в Михайловский замок [1], дабы оттуда идти на съемку Волковой деревни, для маневр.

Александр Муравьев.

11

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Нижний Новгород, 24 декабря 1812***

Сколько удовольствия, сколько радости испытал я, дорогой кузен, получив ваше письмо, тем более, что оно явилось как бы по вдохновению свыше, ибо я опасался, что мое письмо не дойдет до вас, а если даже вы его получите, то оно не настолько вас заинтересует, чтобы вы сразу же мне ответили; посылая письмо, я доверился случаю. Но теперь я понял свое заблуждение! Вы снизошли до того, чтобы уведомить меня, что желаете узнать, что со мной приключилось, вы говорите даже, что уже полюбили меня; полный признательности за всю вашу доброту, я умолкаю, так как не нахожу более слов, чтобы выразить мои чувства.

Так как вы хотели, чтобы я сообщил, что привело меня в Москву, я долгом своим почитаю рассказать вам об этом.

Вам знаком, конечно, образ жизни, который ведут в армии, а особенно в авангарде, где я долгое время находился. Труды, усталость, дурная пища, скверное жилье, сырость довели меня до того, что в октябре месяце я заболел лихорадкой, которая с каждым днем все больше меня ослабляла; усилению болезни способствовал и суровый климат. Я служил начальником штаба в разных отрядах; служба моя была такой утомительной, что я больше не в состоянии был ее выполнять. Однако удовольствие презирать смерть брало верх над моей болезнью; и в один из дней, когда я со шпагой в руке участвовал в преследовании врага, ядро пролетело так близко от меня и так

* В подлиннике ошибочно: «которые тебе».

** В подлиннике фраза не закончена.

*** Подлинник по-французски.

сильно меня контузило в правый бок, который тотчас распух, что я вынужден был слезть с коня; я пешком потащился за нашей кавалерией, живо преследовавшей французов; я хотел еще насладиться зрелищем того, как под ударами правосудия падают и погибают эти враги рода человеческого, истребляемые русскими храбрецами. Наступила ночь, я остановился там, где был разбит наш ночной лагерь; совершенно усталый и больной, я прилег на снегу возле огня, с нетерпением ожидая моей повозки, моих людей и моих лошадей; напрасная надежда — моя повозка не появилась, и впоследствии так и не удалось узнать, что с ней случилось. На следующий день я дотащился до главной квартиры, где меня осмотрели; штаб-лекарь заявил, что мне необходим отдых и что вследствие этого должен я покинуть армию, что я со слезами на глазах и исполнил. У меня было с собой еще немного денег, которые я истратил на покупку лошадей и кибитки, так что осталось у меня всего имущества — всегда сопровождавший меня слуга[1], кибитка, три лошади и ни единой копейки. Дорогой, чтобы прокормить себя и слугу, я продавал одну за другой своих лошадей. Я не имел даже шубы, чтобы согреться; грязнейший мундир составлял все мое одеяние. Вы прекрасно понимаете, что путешествие мое было не из приятных. Прибыв в Калугу и уже проделав путь в 550 верст, я, не имея самого необходимого, продал свою третью лошадь, что и дало возможность оплатить поездку на почтовых до Москвы. Там я узнал, что мой отец, будучи начальником штаба ополчения, насчитывающего 70 000 человек, уже выступил в поход. Я почувствовал себя тогда одиноким и больным. Поэтому я и написал вам письмо, на которое вы и кузина соблаговолили мне ответить. На всякий случай тогда же я написал в Нижний Новгород * и к счастью для себя узнал, что отец мой еще не уехал. Он тотчас же прислал мне все необходимое для поездки к нему из Москвы. И теперь я в кругу своей семьи, с отцом и с братом Михаилом, который с августа лечится от раны. Он был ранен в знаменитой битве при *Бородине*, около Можайска **; ядро убило под ним лошадь и сорвало ему мякоть с левого бедра. Он, впрочем, уже ходит, но хромая и с косты-

* «Нижний Новгород» в подлиннике по-русски.
** «Можайск» в подлиннике по-русски.

лем. Мой брат Николай находится в армии. Что касается меня, то моя контузия совершенно прошла, но лихорадка осталась, и я полагаю пробыть здесь с Михаилом до весны. Отец мой скоро уедет, и мы останемся одни. Вот точный отчет обо всем, что со мной произошло; простите меня за многословие, за мой стиль и за ту скуку, которую они на вас нагнали; распространяться о моем забавном приключении побудила меня благосклонность, которую вы и моя кузина проявили ко мне в вашем письме.

Теперь, кузина, я обращаюсь к вам и умоляю вас во имя прежней дружбы не сетовать на своего кузена за чувства, внушенные уважением к вам, и за надежду, может быть, тщетную, что в редкие минуты, когда у вас нет лучшего занятия, вы хоть изредка, хоть иногда вспоминаете обо мне. Кузина, будьте моим ходатаем перед господином Бакуниным и попросите его, чтобы он разрешил мне иногда писать к нему. Что касается сделанного вами любезного предложения одолжить мне денег, то скажу вам, что хотя мой дорогой отец, как вы знаете сами, не Крез [2], поэтому я немного нуждался, но так как я не испытываю больше нужды в самом необходимом, то благодарю вас за вашу доброту. Так как вы одинаково любите всех трех братьев, поберегите эти деньги для Николая, который сейчас в армии, может быть, ранен и, может быть, находится в более плачевном состоянии, чем то, в котором я находился. Представьте себе свое удовольствие, когда вы поможете ему; представьте себе слезы признательности и радости этого славного юноши, когда он встретит вашу благодетельную руку, отвращающую боль, нищету, смерть и возвращающую его в Отечество. Умоляю вас, кузина, сохраните то, что вы мне предлагали, до тех пор, пока я не смогу сообщить вам новости о Николае.

Я кончаю на этом мое письмо и прошу вас, мой дорогой кузен и кузина, не забывать вашего преданного кузена

Александра Муравьева.

12

Москва, февраль 1813*

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Где те благие обещания,
Что Дружба некогда внушила?

* Подлинник на франц. яз.

Где те прелестные послания,
Что милость ваша мне сулила?

NB. Рифма не для зрения, но для слуха.

И в самом деле, прекрасная кузина, потерпите, что я буду называть вас этим именем, напоминающим мне о счастливом прошлом! Но, оставив вам вашу красоту, а мне — мое прошлое, продолжим о том, что я хотел вам сказать. В самом деле, говорю я, не знаю, чему приписать молчание моей любезной кузины. Почта прибыла, для меня писем нет; я дважды посылаю на почту и, уверенный, что получу известия от вас, привожу в бешенство почтмейстера, почтальонов и т. д. Но это ни к чему не привело — из Прямухина* писем нет. Я надеюсь, однако, что это не продлится долго и что вы ответите, по крайней мере, на это письмо.

Если бы я принялся рассказывать вам о своем скучном путешествии, о моих приключениях, это бы никогда не кончилось; но, между прочим, знайте, что я совершил *кражу;* вы видите, что откровенен с вами, что я чистосердечно исповедуюсь вам в своих грехах, но кому бы я сказал о них, если не вам! Однако, чтобы оправдаться, начну с самого начала. Итак, знайте, что *необходимость*, мать всех злоупотреблений, эта гнусная мамаша, заставляющая людей есть лошадей, кошек, крыс, мышей, и, наконец, людей, заставила вашего кузена украсть табаку на четыре трубки у одного проезжающего, встреченного на третьей почтовой станции от бывшей столицы герцогства Ольденбургского [1]. По счастью, этот добрый человек не заметил этого, иначе я отправился бы прямо на виселицу. Но не лишайте меня за это вашего расположения, ибо я сам отпускаю свой грех; вы знаете, какую крайнюю нужду в табаке я испытывал, расставаясь с вами.

И в пище нужда,
И нужда в *табаке*, } —— Это должно рифмоваться**.
Равнозначны всегда
Для такого, как *я*, } ——
И, быть может, табак
Мне нужней, чем еда!

Я повторяю: поэзия моя ни для зрения, ни для слуха; вам остается решить, затрагивает ли она ваше сердце.

* «Прямухино» в подлиннике по-русски.
** В оригинале «рифмуются» слова «tabac» и «moi».

Тогда я присвою себе звание *основателя новой поэзии*.

Я не знаю, что меня рассмешило; я смеюсь, думая, что вы смеетесь, читая эту пачкотню. Поскольку вы приказали мне, любезная кузина, сообщать вам о состоянии моего здоровья, я объявляю вам, все еще смеясь, хотя и очень серьезно, что сегодня провел дьявольскую ночь. Мне казалось, что меня терзают сразу 36 000 адских существ. Я ощущал себя в лапах сатаны и всей его шайки; между тем пес Цербер[2] обнимал меня очень нежно, очевидно зная о решительной склонности, которую я испытываю на земле к его племени. На меня набросились также три ведьмы, и думаю, что они предпочли бы воздержаться от повторного визита ко мне, ибо я принял их очень плохо, о чем свидетельствует то, что я пишу вам руками, еще дымящимися от их крови,— или моей, что более соответствует истине; ибо я встретил их несколькими хорошими ударами, а по правде говоря, я должен был порядком удариться о стену, так как ободрал себе руки. После этого приключения я внезапно проснулся, зажег свечу, набил трубку *краденым табаком*, с нею провел три с половиной часа, читая в ночной тишине подземную фортификацию Музе[3], чтобы научиться подводить подкопы под крепости; но бьюсь об заклад, что я никогда не буду подводить подкопы так хорошо, как дьявол подвел подкоп под меня этой ночью.

Держу пари, что, читая это письмо, вы смеетесь, что мой дорогой кузен смотрит на мою дорогую кузину и говорит ей: «Но наш кузен Александр сошел с ума, у него горячка, он мелет вздор»... И тогда моя дражайшая кузина, моя добрая и любезная кузина, чтобы оправдать меня, скажет, держась за бока от смеха: «Но как же не сойти с ума, когда вмешивается дьявол? Как не схватить горячку после объятий Цербера? Как не молоть вздор, оказавшись более свирепым, чем ведьмы?» — Что касается меня, то у меня к вам единственная просьба: немного восхищения моей отвагой, проявленной в таких тяжелых обстоятельствах, и мужеством, благодаря которому я вспоминаю об этом со смехом, а не со слезами. Но я был очень польщен оказанной мне честью: в то время, когда большая часть смертных по своей воле отправляется в ад, оттуда пришли специально *за мной*. Кузина может теперь со смехом сказать: «Александр, вы были во власти демо-

на». Но шутки в сторону,— это был только сон, и я не нахожу в нем ничего чудесного.

Кстати, хорошая новость: брат Николай пишет мне из Петербурга, что скоро прибудет в Москву; мы ждем его с часу на час. Он пробудет здесь недолго и отвезет Михаила в Петербург.

Боже мой, дражайшая кузина и дорогой мой кузен, когда же я получу письма от вас? Только они одни способны поддержать меня в частые минуты печали; только они обладают свойством облегчать боль, которую я терплю ежедневно. Врач только что сказал, что надеется поставить меня на ноги в три недели. И скоро я отправлюсь искать славы и смерти на поприще чести.

Не хотите ли, дорогая и любезная кузина, чтобы я рассказал вам, как проходит мой день?

С трубкой табаку | Утром, в пять часов, я встаю, с 5 до 8 занимаюсь осадой и обороной военных укреплений.
Между 8 и 9 просыпается Михаил, и я наслаждаюсь беседой, сопровождаемой чаем. С 9 до полудня — чтение военных книг о кампаниях великих полководцев. С полудня до 2 — сочинения Вольтера, Руссо, Вольнея, Локка, Лейбница, Фридриха II, Ньютона, Вольфа[4] (не всех одновременно, разумеется).

С 2 до 3 — славный обед.

С 3 до 4 — преимущественно трубка.

С 4 до 6 — веселое или грустное, но легкое чтение.

С 6 до 7 — чай и метафизический диспут.

С 7 до 8, до 9, до 10,— трубка, музыка и споры, так что готовы друг другу вцепиться в волосы!

С 10 до 11 — ужин, размышления без споров.

С 11 до 12 полуночи — мечтания.

С 12 до 5, ночью,— сон или бессонница.

Это самое точное описание.

Дорогая кузина, по крайней мере, вы скажете, что я человек слова; все, что я вам обещал, будет исполнено; сегодня посылаю вам только приключение барона и кавалера[5]. Квартет Рода[6], аранжированный для клавесина, вы скоро получите; над ним я сейчас работаю; за ним последуют вскоре сонаты Фильца[7], книга по физике, не включающая математики. Вы получите также письма Эйлера[8]

к одной немецкой принцессе. Кажется, это все, что я намеревался вам доставить. И, кроме того, вы будете завалены моими письмами; вы скоро скажете мне: не будьте так невыносимы, оставьте меня в покое, вы мне надоели.

Не забудьте же, кузина, засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне свекрови вашей[9] и напомнить обо мне мадемуазель Марии[10]; я прошу ее, несмотря на ее святое личико и возвышенные принципы, в память обо мне засиять всеми цветами радуги; и особенно много пусть будет розового цвета. Крепко обнимите прелестную Любиньку *[11], миниатюру ее матушки, и не забудьте моего братца священника[12]. Прощайте, дорогой кузен, прощайте, любезная и дорогая кузина, и, пожалуйста, не забывайте

Александра Муравьева **.

13

В. А. БАКУНИНОЙ

Москва, 24 февраля 1813***

Из-за этой проклятой масленицы, когда все почтальоны перепились, я получил ваши письма от 16-го только вчера вечером, тогда как еще позавчера они могли бы быть у меня, но я все равно радовался им, только еще больше, потому что ожидал дольше. Ах! Если бы почтальоны знали, что они привозят мне из *Прямухина* **** не письма, но *основу моего существования*, они, хотя бы из чувства милосердия, поторопились бы доставить мне утешение. Сколько благодарности должен я выразить вам, дорогая и любезная кузина, за ваши спасительные советы, а вы еще просите у меня прощения! Как же мне не быть тронутым этим? Вы же беспрестанно проявляете свою дружбу ко мне, и вы же спрашиваете меня, хорошо ли вы поступаете, предоставляя мне доказательства этой дружбы! Ах! не мне это решать. Я так счастлив, что эта Дружба, столь дорогая для меня, смогла сохраниться доныне, и позвольте мне в свою очередь спросить вас: хорошо ли будет поддержать себе подобного у края пропасти, в которую он упал бы без этой поддержки? Я полагаюсь на ваш ответ, и ваше решение будет и моим.

---

* «Любинька» в подлиннике по-русски.

** К письму приложено шуточное стихотворение на франц. яз.

*** Подлинник на франц. яз.

**** «Прямухино» в подлиннике по-русски.

Маленькое замечание, чтобы мне не ломать больше голову над неким противоречием в вашем прелестном письме: вначале вы говорите, что мадемуазель Мария уехала навестить соседку, а в конце выясняется (я очень хорошо это понял, несмотря на все ваши старания скрыть это от меня), что она диктует вам слово в слово то, что она хотела бы передать мне. Соблаговолите объяснить эту загадку. А если мадемуазель Мария действительно благоволит думать обо мне, засвидетельствуйте ей мою признательность, если же нет, я умоляю ее об этом<...>*

Вот что мне осталось прибавить к трем куплетам, которые уже находятся у вас. Обещанная музыка Роде вся аранжирована для пианино, но я не могу испробовать ее на клавесине и боюсь, как бы там не оказалось ошибок, которые мне стыдно было бы показать Эрато[1].

Царица Муз! Есть ли у вас письма Эйлера? я могу их вам прислать. Я сделал все возможное, чтобы получить сонаты Фильца, но тщетно. Я укажу вам другой путь для их приобретения. У моей петербургской тетушки[2] находятся эти сонаты, принадлежащие нам; если вы заберете их у нее и оставите у себя, это будет мне вдвойне приятно. Сонаты прелестны, и если я буду иметь счастье вновь увидеть вас, мы исполним их вместе.

Я надеюсь, что вскоре вы не преминете известить меня о приезде моей дорогой тетушки в Баковкино**[3]

Что сказать *Любиньке* за то, что она научилась произносить мое имя? я думаю, ничего, только нежно ее поцелуйте. А ее матушку, мою дорогую кузину, я благодарю и прошу верить в искреннюю преданность

Александра Муравьева.

P. S. Мое почтение милостивой государыне свекрови вашей и господину Бакунину.

14

В. А. БАКУНИНОЙ

Москва, 27 февраля 1813***

Не так легко, как вы думаете, любезная кузина, отбить у меня охоту писать вам, я ведь сказал, что буду атако-

---

* Далее в оригинале следует окончание шутливого французского стихотворения, приложенного к предыдущему письму.

** «Баковкино» написано по-русски.

*** Подлинник на франц. яз.

вать вас с каждой почтой; так я и сделаю; извольте разразиться гневом, бросить, не читая, мои письма в огонь, предать меня дьявольской анафеме, послать меня к черту, и т. д. ... и т. д. ... и т. д.

Посмотрим теперь, какими проклятиями будет встречено это письмо; но вы, я думаю, должны хоть немного поощрить мою твердость и бесстрашие; но хвалить самого себя самонадеянно и бессмысленно; предоставляю вам вознаградить мою аккуратность по своему усмотрению. Мне осталось пробыть здесь только 12 дней, затем я уезжаю в армию. Хотя я пламенно желаю отправиться туда, признаюсь, однако, что покидаю Москву с сожалением; несмотря на свое одиночество, я провел здесь немало приятных минут. С тех пор, как уехали мои братья, я ни с кем не вижусь, не покидаю своих двух комнат. Доказательством может служить то, что я отрастил бороду и из-за болезни стал похож на одного из тех старых сумасшедших, которых держат в убогих домах, и, ослепленные своим расстроенным рассудком, они воображают себя кем-то значительным в глазах тех, кто содержит их там. Несмотря на это я (как все сумасшедшие, которых обуревает воображение), я мысленно переношусь в круг тех, кого я люблю, я беседую с ними, угадываю их ответы, несколько раз я даже хохотал. Гораздо чаще, чем вы думаете, я бываю в Прямухино*. Иногда в обществе Локка я учусь познавать себя, изучая сердце человеческое в себе самом, я усваиваю принципы поведения, я примеряю мои наблюдения к людям вообще, и особенно к моим начальникам, ибо чаще всего имею несчастье быть с ними в плохих отношениях, я читаю военные книги, которые интересуют меня чрезвычайно; но когда я заглядываю в мое будущее, я теряюсь и отчаиваюсь, потому что, когда я спрашиваю себя: *кем ты будешь на земле?* — моя душа мне отвечает:

Ничтожный человек, ведомый честолюбием,
Посредственный, но тщеславный, своим страстям подчиненный,
Фортуна навсегда откажет тебе в руке своей,
Ты будешь забыт людьми на земле.

Это пророчество, как вы понимаете, не доставляет мне радости, и я поступаю так, как поступаю сейчас, т. е.

* «Прямухино» написано по-русски.

я бросаю все это, так как иначе оно могло бы завести меня слишком далеко.

Прощайте, моя любезная и дорогая кузина, засвидетельствуйте мое почтение милостивой государыне свекрови вашей, господину Бакунину и мадемуазель Марии и поцелуйте вашу Любиньку.

Александр Муравьев.

15

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Москва, 1—3 марта 1813*

Терпение!

1 марта 1813

Я никогда так не радовался! Я смеюсь, я бегаю, я хожу, я прыгаю, я сажусь, я встаю, я хочу говорить, выразить мою радость вслух, одним словом, я уже не знаю, чего я хочу. Я желал бы, чтобы вы разобрались в путанице моих мыслей и моих действий, я убежден, что это доставило бы вам удовольствие. Вообразите — я только что получил сразу два письма от вас и письмо от моих братьев, вложенное в ваше. О, неожиданное счастье! Я непрерывно читал и перечитывал их, я прочитал ваше первое письмо три раза, письмо моих братьев два раза, ваше второе письмо — пять раз, и все это менее чем за четверть часа, я их, говоря по-дружески, проглотил. Сказать, что я благодарю вас, что я крайне признателен вам, это слишком мало, это лишь стомиллионная часть того, что я чувствую, ни в одном языке нет слов, достаточных для этого, но я надеюсь, что язык сердца заменит мне язык разума и что мое сердце объяснит меня лучше, чем я сам.

Мои мысли в невыразимом хаосе, я столько должен вам сказать, но все это так перепуталось у меня в голове, одно стремится быть высказанным раньше, чем другое, наперебой напрашиваясь мне на ум, что я не знаю, право, что мне делать и с чего начать.

Ближайшая почта отправляется только в понедельник, а сегодня суббота, и время позволяет отложить это до того момента, когда я смогу говорить разумнее. В ожида-

* Подлинник на франц. яз.

нии этого я перечту ваши письма, а завтра, поздоровавшись с вами вновь, я буду изъясняться понятнее.

2 марта 1813
Воскресенье

Добрый день, прекрасная и добрая кузина, добрый день, мой добрый и дорогой кузен! Вчера я не сказал вам столько, сколько хотел, хотя говорил много, и сегодняшний день избрал для того, чтобы выразить вам мои чувства столь же совершенно, как я сделал бы это вчера, если бы благодарность так легко было выразить словами.

Я думаю, кузен, что вы хотели меня приятно удивить, говоря в начале вашего письма, что моя прекрасная кузина не пишет мне, чтобы потом я убедился в противоположном; я очень благодарен вам за это! Но знайте, что мое заблуждение было не столь продолжительно, как вы этого желали, потому что, едва прочтя первую фразу, я быстро перевернул листок, чтобы убедиться в вашей хитрости. Я по достоинству оценил письмо моей дорогой и любимой кузины, но как вы могли еще думать обо мне, когда прелестная Любинька* больна, этого я понять не могу. Итак, вы всегда будете словно высшие существа рядом с нами, смертными, как благодетельные гении, которые, хотя и исполнены божественности, но не перестают заниматься нами. В своем письме вы говорите о *добром гении;* уж не вы ли, по счастью, являетесь им для меня? Другого я не знаю, и если я приму вашу систему двух начал, или *дуализм*, то конечно же именно вы должны быть моим *светлым ангелом*. Впрочем, убедитесь сами в совершенном сходстве между *вами* и *моим добрым гением*, и я надеюсь, что вы согласитесь тогда назвать меня: *мое подопечное животное*. Вы сами, поскольку доброго гения у вас быть не может, внушили мне мысль найти вас, когда я отправлюсь в армию, задолго до того, однако, как вы это сами сказали; но поскольку *гении* не вникают в подробности, бесконечно мелкие для них и бесконечно важные для нас, мой (или *вы*, что одно и то же) не принимает во внимание того, что по земле путешествуют не так, как по небесам; что здесь, внизу, питаются не так, как в воздухе; что у людей добродетель не может служить единственным одеянием, как это принято в его

---

* «Любинька» в подлиннике по-русски.

сферах, и что, наконец, я — не *дух*, а всего лишь *человек*, который, может быть, вопреки своему желанию, привык к *духовному образу жизни;* но что бы ни случилось, я обещаю вам, что если однажды я стану *гением*, то, разумеется, вашим; в ожидании этого не равняйтесь со мною и называйте меня *вашим подопечным животным.*

Дорогой кузен, я никогда не говорил, что *молить бога* и надеяться, что он услышит благоразумные молитвы, — заблуждение. Совсем напротив, я думаю, что именно *свыше* мы должны ожидать *всего хорошего* и *всего плохого;* я говорю *всего плохого*, потому что одно и то же может не быть приятным лично для нас, но в то же время быть благом для общества, я думаю, что *богу*, создавшему нас свободными, угодно иногда управлять нашей волей в своих *бесконечно мудрых* целях, направленных ко всеобщему благу. Всемогущий творец может заниматься как великими, так и малыми делами; не мог ли он внушить вам желание молиться, чтобы, услышав ваши просьбы и возвратив здоровье вашему ребенку, уверить вас в его *беспредельном милосердии* и его участии к своим созданиям? Вот мое мнение, кузен, и если оно не соответствует вашему образу мыслей, я взываю к вашей терпимости и прошу вас просветить меня. По моему мнению, главный принцип — это *делать для других то, что мы хотели бы, чтобы было сделано для нас*, и если я впадаю в заблуждение, я делаю все возможное, чтобы исправиться. Поскольку мы говорим сейчас о том, что касается всех нас так близко, я позволю себе задать моей любезной кузине несколько вопросов в связи с молитвой, с которой она обращалась к *господу,* — покарать ее, но сохранить дочь. Если вы верите, что *бог бесконечно добр*, можете ли вы считать его в то же время *злым?* И когда вы приписываете ему *мстительность*, не унижаете ли вы его? Если вы думаете, что *бог справедлив*, осмеливаетесь ли вы считать его *несправедливым?* Следовательно, молитва, с которой вы обращаетесь к нему и которая оскорбляет его, вместо того, чтобы быть ему угодной, это не молитва, а только заблуждение материнской любви! Еще раз — *снисхождения! Терпимости!* Если я ошибаюсь, исправьте мою ошибку! Я умоляю вас об этом! Дорогая кузина, упрекавшая меня в неверии, теперь вы утешены и удовлетворены. Чистосердечно признаюсь, что не могу вам предложить ничего другого!

Это, конечно, очень смешно, когда *подопечное животное* осмеливается читать мораль *своему гению*, когда *создание* отваживается учить своего *создателя* и когда *школьник* имеет дерзость порицать своего *учителя;* но если я рассуждал *по-животному*, мой *светлый ангел* признается, что и он не говорил, как *гений*. Впрочем, всякая ошибка извинительна для *животного* и непростительна для *существа совершенного!* В каком храме, у каких алтарей должен я принести жертву, чтобы укротить ваш праведный гнев? Я выбираю святыню муз, куда мне случалось несколько раз попадать через черный ход.

Простершись ниц пред гением моим,
Прошу, чтоб в сердце даровал прощенье мне;
В том сердце, для благодеяний предназначенном,
Откуда, может быть, теперь я изгнан
За то, что дерзок был и откровенен!
Творящий благо! Ты всего превыше! —
Взгляд состраданья пусть благоволит
На нас направить гений твой, и пусть
Своею добротою поразит
Он смертного, который так страшится,
Что, потеряв тебя,— все потеряет!

Довольно ли уже или я должен продолжать? говорите, приказывайте, что должен я сделать, чтобы получить прощение?

Я, однако, раскаиваюсь в своем сравнении и сейчас исправлю мою ошибку, весьма неучтиво прогнав своего мопса и приказав ему никогда не возвращаться, чтобы не напоминать мою тетушку [1].

Спокойной ночи, дорогая и любезная кузина, спокойной ночи, дорогой кузен.

3 марта 1813

Понедельник

Как чувствует себя очаровательная дочь моего доброго гения? Начните ваше письмо с ответа на этот вопрос. Затем скажите мне, что больше не сердитесь на меня за мою вчерашнюю дерзость; я обещаю вам, дорогая, любезная, прекрасная и добрая кузина, никогда больше не делать вам таких замечаний; забудьте также историю мопса и моей тетушки.

И кару, вызванную мною,
Отважною моею болтовнею
И глупостью моей огромной,
Сурово сам себе назначу.

Мой дорогой кузен, меня оставили мои ночные видения, не поручив меня, однако, вместо этого попечению Морфея[2]. Я весьма желал бы, чтобы месье, которому угодно было обещать появление у меня жира, помог мне хоть немного заполнить пустоту между кожей и костями; но я отношусь к этому более пирронически *[3], чем к чему бы то ни было. Больше всего я желаю возвратиться к тем, кто меня любит; но так как в одной из своих прокламаций я обещал вам осаду и штурм, то ожидаю подкреплений от моих могучих союзников, королей Николая и Михаила[4], чтобы добиться контрибуции от Лидии[5] после взятия ее столицы. Простите мою дерзость!

Мадемуазель Марию, поверившую все ее грехи духовнику, что отнюдь не обогатит последнего, умоляет принять искренние поздравления некто, обремененный грехами, но не являющийся при этом священником.

Я не отваживаюсь больше обращаться к *моему доброму гению* до тех пор, пока *он* не простит меня, боясь вызвать у него неудовольствие; если бы он был для меня столь же доступен, как и прежде, я попросил *его* бы передать мое почтение милостивой государыне *его* матушке, поцеловать Любиньку ** и поверить всем чувствам, внушенным Дружбой и робостью *его* грустному животному

Александру Муравьеву.

Я надеюсь, что, прочтя до конца это письмо, вы громко скажете: *Конец и богу слава!**** Никогда больше я не стану надоедать вам так долго.

Еще одно слово. Я вспоминаю, что в своем последнем письме сообщил вам, что уеду около десятого числа этого месяца. Теперь обстоятельства не позволяют сделать этого раньше пятнадцатого.

16

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Москва, 13 марта 1813****

Я читал «Комментарии» Цезаря, когда получил ваше письмо от 9 марта, в котором вы обрушились на меня сильнее, чем это сделал *Цезарь*, когда наголову разгромил

---

* Т. е. скептически.— *С. Д.*

** «Любинька» в подлиннике по-русски.

*** «Конец и богу слава» в подлиннике по-русски.

**** Подлинник на франц. яз.

короля германцев *Ариовиста*[1]. Никогда этот великий человек не одержал такой славной победы над варварами, какую вы, дорогой кузен, вашими разъяснениями и доводами одержали над невежественным варваром-московитом! Я благодарю небо, даровавшее мне такого учителя, как вы! Соблаговолите же позволить мне удостоить вас этого титула, который я осмелился вам присвоить. Однако я желал бы, чтобы вы воздали мне должное, убедившись, что мой рассудок еще воспринимает доводы, что ваши рассуждения способны помочь мне отличить истину от лжи; это доказывает, что я ждал только случая, чтобы обратиться к истине; разумеется, лучшего случая я никогда бы не нашел. Еще одна просьба к вам: не удивляться, что я мог в такой важной материи, как религия, столь стремительно изменить точку зрения, и не приписывать мне недостаток характера и твердости. Так как у меня еще не сформировался устойчивый взгляд (в чем вы можете убедиться, перечитав мое письмо от 2-го марта[2], где я умолял вас просветить меня в моих сомнениях), я балансировал между различными доктринами и придерживался той, где наиболее смутной была идея бога, создавшего меня; и когда открытый мне вами свет истины поразил меня, когда я примирил бога с разумом, я был словно ослеплен. Он тотчас же разоблачил построения философов, справедливо отметив эгоизм и гордыню, присущие им, как вы верно заметили, и показал простоту вашего утешения; я выбрал его, так как оно должно способствовать моему настоящему и будущему счастью; вот мои резоны; должны ли вы теперь обращать меня и делать христианином? Слава вам! Если мое обращение может быть вам приятно, то позвольте мне со своей стороны воздать дорогому кузену Почет, Уважение, Вечную Признательность и безграничную преданность!

С особенным нетерпением я ожидал, любезная кузина, известия о выздоровлении прелестной Любиньки; я поздравляю вас с этим от всего сердца; и если, как говорит мой кузен, она обязана этим молитвам, конечно же это следует приписать ее родителям. Я чистосердечно раскаиваюсь перед вами за мою глупость, которая вас так ужаснула; религия наша предписывает прощение и милосердие к тем, кто нас обидел. Я смею надеяться, что вы забудете мою ошибку. Простите меня! Не сердитесь больше на меня за это!

Я кончаю мое письмо, полностью раскаиваясь в прошлом моем заблуждении и, припадая к подножию креста, перед которым дерзаю молиться, я прошу *отца человеков* сохранить для меня сердца тех, кого я люблю, кто мне дорог, тех, которые являются моими благодетелями!

Александр Муравьев.

P. S. Дорогая кузина, вы говорите мне о собаке и о женитьбе; сегодня я не могу обсуждать эти вопросы, так как потрясен внезапным изменением, произведенным во мне вашими письмами.

17

В. А. БАКУНИНОЙ

Москва, 14 марта 1813*

Спасибо, спасибо, дорогая и любезная кузина, я с признательностью принимаю ваши советы; спасибо за определение счастья, сделанное в вашем письме от 8 марта; оно совершенно соответствует моему образу мыслей, и именно по этой причине я никогда не буду счастлив. Ибо, как вы справедливо говорите, счастье действительно в удовлетворенности ума и спокойствии души; как же ум мой может быть удовлетворен, если я сознаю свою неспособность? Может ли моя душа хоть мгновение быть спокойной, когда я, одержимый честолюбивыми мечтами и горячей жаждой славы, не имею надежды достичь того, к чему я стремлюсь? Вы видите, кузина, я искренне вам признаюсь, что честолюбие направляло большинство моих действий; никому я не говорил об этом; вам я обязан открыться в ответ на вашу дружбу.

Но оставим на время эту скучную материю, чтобы в свою очередь и вам доставить некоторое удовольствие; я надеюсь на это, так как, по-видимому, знаю, что вас интересует больше всего: я скажу вам откровенно, что в этот день, когда я вам написал, что очень болен, у меня был кризис; ибо вот уже неделя, как я поправляюсь, да так, что и вообразить себе этого не мог. Я чувствую себя больным лишь изредка, мои мундиры стали мне так узки, что с одним, уже полностью для меня непригодным, я должен был расстаться, а другой расширить, насколько это было возможно. Я удивляюсь сам столь внезапному изме-

* Подлинник на франц. яз.

нению, и по быстроте, с какой оно произошло, судите о степени моего изумления. Если хотите — это ребячество, но скажу вам, что в несколько дней я стал чувствовать себя прекрасно. Ваше пророчество, дорогая кузина, исполнилось. Лишь одно меня печалит: я еще не знаю, смогу ли заехать к вам по дороге в армию; я ожидаю петербургской почты, она должна прибыть завтра, и в четверг я это вам сообщу. Вы хорошо знаете, что я всей душой хотел бы приехать в *Прямухино* *, как только я освобожусь отсюда, чтобы увидеться с вами. Если я замечу хоть малейшую к тому возможность, то я решительно исполню это желание, в противном случае, если отъезд в Пруссию лишит меня счастья увидеться с вами, я объясню вам причину этого в последнем письме.

Что касается женитьбы, дорогая кузина, то неужели вы советуете мне жениться по здравом размышлении? Пусть черт меня возьмет, если вы когда-нибудь увидите меня женатым. Вы можете советовать мне это, если хотите, но знайте же, что я женюсь не раньше, чем завоюю Турцию и убью султана. Моя собака испрашивает у вас аудиенции и только что продиктовала мне то, что хотела вам передать. Я присоединяю ее послание к этому письму. Будьте здоровы.

Александр Муравьев.

P. S. Я не надеюсь уже получить ответ на это письмо, так как я выезжаю 22 или 23 марта.

18

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

С[анкт]-Петербург, 1 апреля 1813**.

Я начинаю свое письмо, объявляя вам, моя дорогая и любезная *сестра* и мой дорогой *шурин*, что моя бывшая тетя Варвара Михайловна[1] не желает больше называть меня иначе, как сыном, и приказала мне называть ее *матушкой*, таким образом, мы сделались более близкими родственниками, о чем я очень долго мечтал; если вам требуются доказательства, получите их не от меня, а от матушки, потому что хотя я подсказал ей эту мысль, но не по моему побуждению меня назвали вашим братом.

* «Прямухино» написано по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

Приказы матери священны, и я с бесконечным удовольствием подчинился им.

Как видите, нам трудно отвечать за то, что произойдет с нами; так, я полагал остаться здесь всего несколько часов, остаюсь же на неделю, потому что уеду в армию только 3 или 4 числа этого месяца. Если вы получили мое первое письмо отсюда и если вы на него ответили, я должен непременно получить ваш ответ.

Я негласно заключил мирный договор с моим дядей и теткой[2] и ежедневно бываю у них!!!

Не удивляйтесь этому, часто приходится делать *хорошую мину при плохой игре*. Я вынужден, прерывая мои московские занятия, делать заранее намеченные многочасовые визиты некоторым двоюродным дедушкам и бабушкам и посвящать занятиям часть ночи, чтобы возместить потерянное и понапрасну растраченное днем время. Все письма доставлены по адресам. Госпожа Варвара Ивановна Бакунина[3] передала мне письмо для фельдмаршала, не думайте, однако, что там речь идет обо мне. Сегодня я зайду к супруге фельдмаршала[4], чтобы попросить у нее распоряжений для ее мужа. Если с помощью двух этих писем можно будет привлечь князя *Кутузова* *, я, вероятно, воспользуюсь этим, чтобы остаться при нем. Я надеюсь, что дорогой мой шурин нынче чувствует себя хорошо, ибо оставил его, уезжая, уже выздоравливающим. Что касается меня, то мое здоровье в цветущем состоянии. Я видел Лизу[5], но почти не говорил с ней, потому что меня позвали к госпоже *Олениной*[6], которая некогда была в числе самых *жестоких гонительниц*, и с досады при виде особы из этой шайки я не сумел сказать ничего, кроме *да* и *нет*. Я быстро отвернулся от достопочтенной дамы и очень быстро уехал ... Прощайте, дорогая сестра и дорогой брат, я напишу вам еще раз отсюда и много раз из армии.

Александр Муравьев.

---

* «Кутузов» в подлиннике по-русски.

19

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Шяуляй, уездный город *Виленской* губернии, в 126 верстах от границы, 11—12 апреля 1813*

11 апреля 1813

Не удивляйтесь, дорогая и любезная кузина, что я проделываю за день такие короткие расстояния; дороги скверные, лошади отвратительные, а люди еще глупее, чем я. Пусть разобьют мне голову, но я поистине не сумел бы найти тому причину! Однако, боясь наскучить вам своими философскими рассуждениями об уме ливонских, курляндских и *особенно польских* крестьян, я займу вас рассказом о нынешнем моем положении, надеюсь, что он заинтересует вас больше.

Сообщу же я вам, что оказался в несколько затруднительном положении, из которого постараюсь, хоть и с трудом, выпутаться. Казенные деньги, которые я получил на проезд до границы, были выданы по старым почтовым расценкам, которые в настоящее время существуют лишь в самых древних и, по-видимому, не везде известных регламентах; к тем деньгам, что я уже получил, мне необходима вдвое большая сумма; по этой причине, для меня довольно неприятной, я истратил на *прогоны*** те немногие деньги, которые у меня имелись, и, прибыв сюда, оказался в неподвижном положении, то есть мне больше не на что ни двигаться вперед, ни возвращаться назад. Не думайте, однако, что я сокрушаюсь по этому поводу, отнюдь нет, напротив, у меня есть на это средство, и, веря, что меня постоянно освещают *два солнца из Прямухина****, я надеюсь найти способ выпутаться из беды. Мне кажется, что я слышу, как мой дорогой шурин советует мне, и дорогая сестра одобряет это, — важно и грубо поговорив с *господином городничим*****, пустить ему пыль в глаза и заставить дать мне то, чего мне недостает. Завтра я примусь за дело и сообщу вам, осуществится мой проект или нет.

Должен еще сообщить вам, что в Литве бунт, который продолжается до настоящего времени, но который должен

---

* Подлинник на франц. яз.

** «прогоны» написано по-русски.

*** «Прямухино» написано по-русски.

**** «городничий» написано по-русски.

быть усмирен расстрелами; священники созывают *народ* в леса, чтобы вырезать всех находящихся в губернии евреев, русских и немцев, и их жертвами стали многие проезжающие; среди заговорщиков находится более 100 польских дворян[1]. Прощаюсь до завтра. Это письмо, как и все последующие, будет пронумеровано, и так как я послал вам одно письмо из-под Риги[2], то это получит № 2.

Александр Муравьев.

12 апреля. Когда я говорил вам, что силой добьюсь у городничего своего, то не ошибся. Доказательством тому служит то, что у меня есть теперь средства, чтобы отправиться дальше. Прощайте, дорогая и любезная сестра, думайте иногда обо мне.

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Александру Михайловичу *Бакунину*. В Торжок. А оттуда прошу доставить сие письмо в село его: *Прямухино* *.

20

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Ковно на Немане, № 03, 13 апреля 1813**

Сегодня — великий день для христиан[1], и, следовательно, для меня тоже; если бы только не одно неприятное происшествие, приключившееся со мною. Идя здесь по очень грязной и очень скользкой городской мостовой, я оступился и хотя не упал, вывихнул правую ногу; и хотя я сделал все, чтобы ее как можно лучше вправить, я терплю мучения и буду страдать еще больше в дороге; я не могу задержаться ни на один день, потому что депеши, мне порученные, очень срочные. Вы можете поверить, что эта неприятность не изменила моих планов. Будь что будет, сегодня вечером я решил ехать в *Кенигсберг*, и оттуда я напишу вам снова, дорогая сестра и прекрасная кузина!

Если даже вы, любезная сестра и дорогой шурин, не желаете вспоминать обо мне, мои письма заставят вас

---

* Адрес написан по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

делать это время от времени. Не знаю только, получаете ли вы их; это уже третье письмо, которое я вам пишу после отъезда из Петербурга. Я думаю, что ваша дорогая матушка уже у вас, поцелуйте ей от меня руку и скажите, что когда со мной приключаются вещи, подобные сегодняшней, я еще более живо, чем обычно, вспоминаю ее нежную заботу обо мне во время моей ужасной московской болезни; скажите ей, что слезы признательности выступают у меня на глазах, когда я думаю об этом.

Я буду проезжать теперь *сквозь огонь и воду*, если можно так выразиться, потому что по ту сторону Немана в Герцогстве Варшавском[2] очень часто случаются грабежи, а так как я должен буду ехать ночью, то готовлюсь к нападению грабителей и убийц. С вывихнутой ногой из такой истории трудно выпутаться. Я опасаюсь не столько за себя, сколько за возложенное на меня поручение к начальнику Главного штаба всех армий[3], ибо тот, кто рисковал своей жизнью в двадцати трех сражениях[4], способен ею рискнуть и в подобной стычке. Но не беспокойтесь, я дам о себе знать сразу же, как только опасность будет позади. Прощайте, мой дорогой шурин и моя любезнейшая сестра и прекрасная кузина. Прощайте, вспоминайте меня.

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Александру Михайловичу *Бакунину*. В Торжке. А оттуда прошу доставить сие письмо в село его: *Прямухино* *.

21

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Кенигсберг, 18/30 апреля 1813, № 4**

Итак, я наконец в земле обетованной, я прибыл в этот знаменитый *Кенигсберг*, где я за невероятное счастье почитал прожить один день, и что я вижу? Мои ожидания обмануты в высшей степени, и ничего более! Я не заметил ни единого здания, достойного внимания, ни единой улицы, где могут проехать в ряд три экипажа, не увидел ничего из того, что привлекает в некоторых наших маленьких русских городах; одним словом, Кенигсберг — это

* Адрес написан по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

второй *Торжок*, не во гнев вам будь сказано, грязный, нерегулярно застроенный, темный, старый, безобразный, населенный немцами, которые не понимают ничего из того, что я им говорю; это отвратительно, страшно, ужасно!

Эти проклятые, эти архипроклятые прусские почты меня сильно утомили; вопреки своему желанию я приучился к терпению, так как эти отвратительные почтальоны невообразимо медлительны; они останавливаются в каждом кабаке и пьют свой проклятый *шнапс;* и таким образом они делают лишь от 6 до 7 верст в час. Что неприятно, нельзя заставить их ехать быстрее несколькими ударами палки; иначе, клянусь, я заставил бы их позабыть свой *шнапс* на некоторое время. Одно приятно для русского в Пруссии, что пруссаки принимают его с распростертыми объятиями. На нас смотрят здесь, как на освободителей страны, и обходятся с нами соответственно. Ваш *император Александр* любим здесь столь же, как и в России, его имя, с добавлением слов *великий, великодушный, добрый* и *дорогой*, повторяется в тысячах криков радости и признательности. Когда я проезжал через несколько прусских деревень и здешних городов, меня останавливали и спрашивали новостей о нем; я торопился ответить, и все вопрошавшие удалялись, благодаря меня и крича: *Виват Александр Великий!**

Я думаю, что через 10 дней прибуду к армии, в *Дрезден;* если я найду оказию, то напишу вам еще до приезда туда. Я говорю об оказии, а не о почте, ибо мой кошелек заметно похудел и его содержимое свелось почти к *нулю*, а отправить письмо в Россию стоит слишком дорого.

Моей больной ноге уже гораздо лучше, но без костылей я пока могу передвигаться лишь с трудом.

Прощайте, дорогая и любезнейшая сестра и дорогой шурин; я постоянно напоминаю вам о себе, потому что мне уже известны ваша дружба и ваша доброта.

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Александру Михайловичу Бакунину. В Торжке. А оттуда прошу переслать сие письмо в село его *Прямухино***.

---

* Выделенная фраза в подлиннике по-немецки.

** Адрес написан по-русски.

22

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

(Ланген-Бюлов). Деревня в окрестностях *Рейхембаха*, в Силезии, № 11 от 5/17 июля 1813*

Я прерываю наконец очень длительное молчание, к которому принужден был обстоятельствами. Я прерываю его, чтобы напомнить о себе моим богам-покровителям, которыми я пренебрегал вопреки своему желанию.

Не сердитесь на меня, ради бога, дражайшая сестра и дорогой брат, что я ничего не писал вам так долго; вы знаете, что такое война, там почти никогда не бываешь свободен. Последнее мое письмо было написано из лагеря под *Гольдбергом* в Силезии, я не знаю даже, дошло ли оно до вас; я не могу отвечать и за судьбу этого; и поистине случайность, что я пишу вам, время чудес прошло, ныне происходят только обыкновенные вещи, и, следовательно, отнюдь не удивительно, если это письмо подвергнется участи, которой подвергаются обычно письма.

Я не осмеливаюсь требовать от вас отчета о вашем здоровье, будучи убежден, что это письмо никогда не найдет ответа. В вашем письме от 24 апреля, которое я давно получил и на которое я ответил, вы говорите, дорогой брат, что у вас был нарыв и у маленькой Вариньки**[1] очень сильный кашель; я умоляю вас, ради бога, найдите средство дать мне знать, как теперь обстоят дела.

Что касается меня, то скажу, что чувствую себя очень хорошо; я прикомандирован к пятому армейскому пехотному корпусу. Я обитаю в 3 верстах от города *Рейхембаха*, где находится главная квартира армии, и в 2 верстах от замка *Петерсвалььдау* — штаб-квартиры государя; так как я совершенно один и предоставлен самому себе, я провожу время перемирия довольно грустно. Не имея с собой ни единой книги, я раскопал один проклятый роман, который вам, конечно, известен; это *Дельфина;* он помогает мне так или иначе убивать время; я зевал несколько раз, читая его, иногда читал с интересом, но мне не нравится в этой книге то, что она чересчур длинна; и я думаю, что я сыграл бы мою роль гораздо лучше, чем *Лео-*

* Подлинник на франц. яз.

** «Варинька» написано по-русски.

не, герой романа, потому что я давно уже женился бы на *Дельфине* и убил бы *мадам де Вермон*[2].

Когда же мы увидимся вновь, дорогая сестра, когда же мы вновь встретимся! Ах, как я вздыхаю об этом! После моего прибытия в армию я получил только чин поручика и золотую шпагу с надписью *за храбрость*[3]; но у меня нет еще *георгиевского креста!* Увы, я сильно опасаюсь, что случая заслужить его больше не представится!

Прощайте, прощайте, дорогая и любезная сестра, прощайте, дорогой мой брат, примите уверения в самой совершенной дружбе и в самой искренней привязанности и, если это возможно, пишите мне.

Александр Муравьев.

23

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

(Ланген-Бюлов), № 12, 6/18 июля 1813*

Я хотел уже отправить вам письмо, которое вы только что прочли, когда мне сообщили, что я упустил уже возможность передать его курьеру; я счел поэтому, что у меня есть еще время побеседовать с вами подольше.

Вы, дорогая сестра, которая интересуетесь моей судьбой, и вы дорогой брат, который проявляете некоторый интерес к тому, что касается меня, я прошу вас об еще одном доказательстве вашей доброты ко мне. Отец мой писал мне из *Житомира* **, что у него два раза подряд были приступы горячки, язвы обеих ног и что он с трудом оправился от болезни; не могли бы вы сообщить мне новости о нем? Уже две недели подряд я не получаю его писем, я не знаю, чувствует он себя хорошо или еще болеет; у меня нет никакой возможности написать ему и получить о нем известия; прошу вас по-дружески взять на себя труд узнать, что с ним теперь, где он, как себя чувствует? Боже мой, как я боюсь за его жизнь! Какое несчастье для нашей бедной семьи, если оправдаются мои опасенья. Бога ради, дорогие мои благодетели, не скрывайте от меня ничего! Пересылайте мне ваши письма всегда через полковника, адрес которого я вам послал из Петербурга, это наиболее надежный способ доставить мне их.

Мне известно, что князь Урусов умер, что он завещал

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Житомир» написано по-русски.

моему отцу часть своего состояния, что отец мой намеревался поехать в Москву, чтобы вступить в права наследства; если он предпринял это путешествие, будучи совсем больным, как, видимо, он намеревался, то я очень за него опасаюсь!

Если же, напротив, отец мой чувствует себя хорошо, если он в Москве и дела его в хорошем состоянии, напишите ему, что мы, все три брата, чувствуем себя очень хорошо, что Михаил поехал в *Теплиц* на воды, чтобы полечить свою рану, но что из-за дороговизны здешней жизни мы полностью опустошили наши кошельки, что от небольшой суммы денег, имевшейся у нас при отъезде в армию, почти ничего не осталось. Но не говорите ему об этом, если вы не будете уверены, что дела его обстоят очень хорошо; в противном случае абсолютно не касайтесь этого последнего вопроса; ценою лишений, не столь уж и суровых, по правде говоря, мы еще протянем как-нибудь с тем немногим, что у нас осталось. Дорогая сестра, я поручаю мою просьбу прежде всего вам, которая достаточно хорошо знает моего отца. Хотя я чувствую, что злоупотребляю вашей добротой, спрошу вас однако: что бы вы предприняли на моем месте?

Мне по очереди досаждают печаль и скука, и я признаюсь вам, что предпочитаю первую последней, потому что, когда я думаю о моей родине, о вас, о моем отце, о наших домашних делах, и к минутам горечи примешиваются иногда минуты скорби; но когда я скучаю, я ни о чем не думаю и ни о чем думать не могу. Находясь в России, я не понимал, что такое *тоска по родине;* я полагал, что больной такого рода есть лишь *мнимый больной*[1], но я вижу теперь, как я ошибался; это сильнейшая *болезнь души,* которая со временем неизбежно влияет и на тело; тогда не хочется ни развлекаться, хотя бы и представился случай, ни появляться в обществе из опасения быть слишком заметным; тогда остается закрыться в своей комнате и, не имея других занятий, предаться черным мыслям, которые тебя удручают. У меня теперь лишь одно желание: пусть или будет заключен мир, или война возобновится еще пуще[2]. В последнем случае ее тяготы займут мой ум и тело и заставят меня забыть о моих огорчениях и моем одиночестве, и в поисках славы я отправлюсь, так сказать, топить в своей и в чужой крови воспоминания, которые печалят меня теперь.

Прощайте, дражайшая и любезнейшая сестра, прощайте, дражайший брат, вспоминайте обо мне и ответьте на мое письмо.

Александр Муравьев.

P. S. Я прошу вас, дорогая сестра, поцеловать за меня руку моей дорогой матушки [3] и сказать ей, что в следующий раз я сам попытаюсь выразить ей свою признательность. Передайте мое почтение милостивой государыне вашей свекрови и напомните обо мне мадемуазель Марии. Что касается *Любиньки*, приласкайте ее, как только можете.

24

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

(*Ланген-Бюлов*) в окрестностях *Рейхембаха*, в Силезии. № 12[1], 9/21—12/24 июля 1813*

9/21 июля 1813

Я не удивился бы, ощущая в себе потребность писать вам, беседовать с моей любезной сестрой и моим дорогим братом; для меня ничего не было бы естественнее этого; но эта потребность так жива, так отчетлива, что я не могу думать ни о чем другом, кроме вас; соблаговолите поэтому, почтенные мои друзья, любезно выслушать мою скучную болтовню.

Я начну с вас, дражайшая и любезнейшая сестра, я хочу заставить вас признаться, что в вашем прелестном письме от 9 апреля, которое я недавно получил, вы были неправы по отношению ко мне. В порыве дружбы вы советуете мне — я напомню вам — *не рисковать своей жизнью!* Думаете ли вы, сестра, полагаете ли вы, что этому совету можно последовать? И какое мнение составили бы вы обо мне, если бы я действительно поступал так, как вы мне приказываете? И не стыдно ли вам было бы называть меня своим братом, если бы я вернулся с войны, показав себя трусом! Ужасная мысль! И это ваш приказ, которому я должен был бы подчиниться! Разумеется, это не тот путь к счастью, который вы наметили бы для меня. Вы, несомненно, ошиблись, вы не то хотели сказать мне, простите, что я противоречу вам так дерзко; в конце вашей фразы недоставало только слова *понапрасну*, и все было бы по-другому; но о сказанном выше я готов был бы

---

* Подлинник на франц. яз.

продолжить спор, ибо, ни в чем не имея успеха, я желал бы для себя единственного счастья — пасть на поле боя с оружием в руках. Я не претендую также более на то, что вы называете счастьем; дражайшая сестра, уверяю вас, я не гоняюсь больше за ним; я целиком предоставляю себя случаю, ничего не желая, ничего не предвидя, и прилагаю все свои моральные и физические силы, чтобы исполнить мой долг, и ожидаю только последнего удара, который прекратит мое существование.

Случается, однако, и даже очень часто, что я воображаю, будто я перенесен к моим друзьям, в Прямухино *, я вспоминаю о том, как был там два раза, я представляю себе, что нахожусь там, и слабый луч надежды зарождается во мне, но, увы, он скоро меркнет, этот луч счастья, луч минувшей радости, которая, быть может, не вернется больше! Ах! отец, отец; сообщите мне, дорогая сестра, сообщите известия о нем! В моем последнем письме я изложил вам причину моего беспокойства на его счет.

10/22 июля 1813

Я не могу удержаться, мои дорогие и почтенные друзья, чтобы не писать вам ежедневно, простите мне эти единственные утехи моего сердца; я не могу сейчас быть счастливым без них. Вот уже очень долго у меня нет ничего от вас, каждый день я езжу в штаб-квартиру, чтобы узнать, нет ли какого-нибудь курьера из Петербурга, но все надежды мои напрасны; другие получают письма, а я, несчастный,— не получаю ничего! Боже мой, неужели меня со всех сторон преследуют огорчения! Не случилось ли что-нибудь с вами, не больны ли вы, дорогие друзья, я не знаю, чему приписать ваше молчание; не забыли ли вы меня?— нет, я не верю,— простите мое сомнение, вы не будете столь жестоки! Почему же тогда вы не пишете мне?

11 июля. После ужина

Я мало написал вам вчера, так как мне помешал мой брат. Он вдруг совсем неожиданно приехал из *Теплица* в Богемии, где лечился на водах; рана его уже несравнимо лучше, и он легко садится на лошадь. Вы не можете себе представить, сколько радости доставляет мне его возвращение, когда я думаю, что я не совсем одинок, как рань-

---

* «Прямухино» написано по-русски.

ше; еще бы письма из Прямухина *, и я, думаю, умер бы от радости; но нет, эти письма заставляют себя очень долго ждать, и кто знает, получу ли я их. Спокойной ночи.

12/24 июля 1813

Я посылаю вам, дорогая сестра, своего рода дневник; этот дневник необходим мне, потому что мне недостаточно думать о вас, мне нужно, чтобы вы это знали; иначе мне казалось бы, что у меня есть какие-то тайны, которые я от вас скрываю. Я только что написал нашей матушке письмо, которое прошу вас ей передать. Я пребываю сейчас в совершенной праздности, что менее всего отвечает моим желаниям; лишь ум мой я заставил немного потрудиться, читая «Эмиля» Руссо [1]; я восхищался замыслом автора, его стилем, его идеями, но слабый мой разум заставлял меня время от времени замечать там мельком противоречия и софизмы; уверяю вас, что если бы я не читал «Опыт о человеческом разуме» Локка, я позволил бы восхитительному Руссо увлечь меня. Но книга Локка — преграда против софизмов. Если бы разделяющее нас расстояние не являлось тому препятствием, я позволил бы себе задать моему дорогому брату еще несколько вопросов, и уверен, что он не отказал бы мне в помощи, поскольку в занятиях необходим руководитель, как покровитель необходим в свете, а покровитель мой, конечно, является и превосходным учителем.

Но пора уже заставить себя замолчать, пора позволить вам отдохнуть от той скуки, которую я на вас навеял!

Итак, дорогая сестра, поцелуйте за меня *Любиньку* и скажите ей, что это от меня, и заставьте ее произнести при этом слово *Саса;* я очень боюсь, что она его уже забыла; в этом нет ничего удивительного, ибо, как вы знаете, когда чем-то долго не занимаешься, оно легко забывается. Я прошу мадемуазель Марию принять уверения в моем почтении, а вас, дорогая сестра, прошу передать мое почтение милостивой государыне свекрови вашей. Я заканчиваю мое письмо просьбой, чтобы вы и мой дорогой шурин вспоминали

Александра Муравьева.

P. S. Привет от меня *Сергею* [2].

---

* «Прямухино» написано по-русски.

25

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Цобертен, возле Теплица в Богемии, 6/18—9/21 сентября 1813*

6 сентября 1813

Я возвращался сегодня утром около полудня после боя, случившегося у нас в авангарде, возвращался, думая, как обычно, о моих друзьях, которые, как я полагал, меня совершенно забыли, и оплакивал это несчастье... По дороге мне объявляют, что в штабе для меня есть письмо, и я, пустив мою лошадь галопом, мчусь во весь опор; наконец я на месте, я бегу, я лечу в военную канцелярию и там получаю письмо, и вы прекрасно знаете, чье, — письмо из *Прямухина*** от 8 августа и от 10 августа! Боже! Какая радость! Письмо от моих друзей, от дорогих моих друзей, от моей сестры, от моего брата! Вы можете себе вообразить, что чувствовал я, читая их,— словами это невозможно выразить!

Раскаяние, сожаления,— все бесполезно! Никакого прощения моей сестре, никакого прощения. Если бы я был в состоянии упрекать вас, я осыпал бы вас самыми жестокими упреками, и я способен на это, я должен это сделать, потому что, простив, рискую быть забытым снова. Я знаю вас, сударыня! Красивыми словами вы думаете искупить шесть месяцев моих жестоких страданий! Полноте, кузина! Я судил о вас совсем иначе. Но я лишь теряю время, говоря вам это, потому что я уверен, и я имею право так думать, что вы, читая эти строки, смеетесь надо мной; действительно, насильно мил не будешь, и я не могу заставить равнодушных думать обо мне.

И снова вам, дорогой брат, обязан я мгновениями счастья, которыми наслаждался сегодня утром; это вы много раз напоминали кузине, что нужно мне написать. С каждым днем увеличивается моя признательность, и я уже не в состоянии вознаградить вас по достоинству.

8/20 сентября

Я у ваших ног, дорогая сестра, я сам прошу у вас прощения за упреки, высказанные позавчера в этом письме! Я сказал лишнее, я признаю свою вину! Но это ваш супруг, мой дорогой брат, тому причиной; это он раскрыл

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Прямухино» написано по-русски.

мне ваши тайные помыслы, объяснив, что лишь какая-то смешная лень, чтобы не сказать *равнодушие*, была причиной вашего длительного молчания. Но не говорите ему, что я его в чем-то обвиняю, потому что он уладил все наилучшим образом. Я боюсь этого грозного и дорогого друга! Но не тогда, когда он защищает себя самого, ибо он никогда не подаст мне повода нападать на него, а когда он берет под защиту вас. Итак, я соглашаюсь со всем, что вам угодно, я в страхе, я прошу прощения. Вы невиновны, вы правы,— я виноват, но пишите мне, ради бога!

Мое письмо прервалось из-за рекогносцировки, которую мне поручили вчера, и я вернулся целым и невредимым, и пули меня не трогали, ибо я знаю теперь, что дражайшие мои друзья думают обо мне. У меня нет еще никаких новостей о моем отце, и я ожидаю их от вас с огромным нетерпением; я не знаю, где он, что он делает; как видно из вашего письма, он не может быть в Москве, вследствие чего дело о наследстве князя Урусова пойдет очень плохо. Если мы сделаем там ложный шаг, то будем совсем разорены, так как наша деревня под Петербургом[1] сгорела, и мы вынуждены теперь жить только сегодняшним днем. Но что будет, то будет, я подчиняюсь своему жребию.

Вы так добры, дорогой брат, что интересуетесь моими делами и данными мне поручениями к генералу Беннигсену. Письмо ваше к нему находится еще у меня, потому что он еще не прибыл в нашу богемскую и саксонскую армию. Вы можете быть уверены, что как только я его увижу, я не упущу возможности вручить ему это письмо, и, не прогневайтесь, не столько ради вас, сколько ради себя.

Если мое письмо матушке доставило ей сколько-нибудь удовольствия, я сожалею, что не могу сегодня сделать того же из-за недостатка времени; пока же прошу вас, дорогая сестра, передать ей мое почтение, равно как и милостивой государыне свекрови вашей.

Мадемуазель Мария, вероятно, не хочет больше думать обо мне; я тщетно старался напомнить ей о себе, я тщетно свидетельствовал ей свое почтительное поклонение, все напрасно; кажется, я больше не властен заставить ее покраснеть! Ах, разлука, разлука!

9/21 сентября

Я хотел послать вам несколько частных писем, напи-

санных из французской армии разными офицерами их друзьям и родственникам во Францию; эти письма были взяты у одного перехваченного курьера, но я не смог достать ни одного экземпляра, хотя сделал все, чтобы их получить; я полагаю, что они скоро будут опубликованы в России, советую достать их, потому что они довольно интересны[2].

Ну, дорогая моя сестра, заключим мир и не сердитесь больше на меня за то, что я сказал вам 6 сентября относительно вашего молчания; я признаюсь, я виноват, но поставьте себя на мое место и скажите, что чувствовали бы вы, что бы думали и писали, если бы вас позабыли по нерадивости.

Я ожидаю новых удовольствий от ваших писем, которые вы мне обещали; я умею ценить эти минуты счастья, и если дорогие мои друзья желают, чтобы я вкусил его, это полностью в их власти. Прощайте, мои благодетели.

Александр Муравьев.

26

В. А. и А. М. БАКУНИНЫМ

Малюзе (или Лан), 3/15 апреля 1814*

Итак, дорогие мои друзья, я в 11 лье от Парижа, не знаю, то ли это сон, то ли явь, правда лишь, что я все-таки был в Париже и оставался бы там, если бы ... если бы дукаты падали нам с неба!

Война закончилась, к счастью для человечества, но к несчастью для меня, ибо я не имею Георгиевского креста! Увы, его получили все остальные, и почему его не получил я?

Наш августейший император, властелин из властелинов, первый человек нашего столетия, в Париже. Он в этой надменной столице, он распоряжается Европой и всем миром. Прежний тиран Франции, Бонапарт,— теперь Бонапарт и никто больше, он удален, опозорен, презираем всеми и только что увезен русскими в место своего изгнания, на *остров Эльбу*[1]. Во Франции будет царствовать *Людовик XVIII*. Династия Бурбонов снова на троне[2]. Равновесие в Европе восстановлено, и, может быть,

---

* Подлинник на франц. яз.

будет достигнут всеобщий мир[3]. До настоящего времени история не знала примера подобной революции! И кому обязаны люди всем этим? *Императору России! России! Варварам Севера* (этим именем звали нас раньше французы).

Вот в двух словах, дорогие друзья, наше нынешнее положение и положение сегодняшней Европы; я не говорю о том, как принимают во Франции Александра, которого называют *великим* и *великодушным*,— французы легкомысленны, но добры и признательны! Крики *«Да здравствует император Александр!»* звучат во всех уголках Франции, и поклонение его величеству в этой стране так сильно, что французы сожалеют, что он не может быть *их королем*[4].

Могли ли мы год назад, когда я был у вас в Прямухино *, надеяться увидеть то, что мы видим! Хотя для меня, разумеется, не было бы большего счастья, чем быть рядом с моими друзьями, моими покровителями, одним словом, с вами, но я признаюсь, что я счастлив теперь! Мой уважаемый и дорогой кузен, вы, которому открыты все тайники человеческого сердца, поймете, конечно, душу солдата и можете представить, что я должен испытывать в такую минуту. Но тем не менее (как волка ни корми, все в лес глядит)** вернемся на некоторое время в Россию, чтобы потом начать новую кампанию.

До настоящего времени я довольно удачно исправлял службу квартирмейстера; всегда чувствовал себя чудесно, избежал ранений, только лошадь моя в одном деле была ранена четырьмя пистолетными пулями. И когда я говорил вам, что я несокрушим, то это следовало воспринимать дословно! Я, как вы видите, совершил *очень сентиментальное* путешествие по Европе[5], и вы должны надеяться, что увидите меня очень благоразумным и образованным!

Если бы, как я уже говорил, на меня пролился вдруг золотой дождь, я предпринял бы небольшую образовательную поездку в Англию, чтобы оттуда вернуться в лоно моей семьи, то есть в Прямухино***. Но я сомневаюсь, что это случится. *Человек предполагает, а бог рас-*

---

* «Прямухино» написано по-русски.

** Поговорка написана по-русски.

*** «Прямухино» написано по-русски.

полагает. Я рассчитывал отправиться в Турцию, а попал во Францию[6]. Я думаю поехать в Англию, а окажусь в Америке! Но что несомненно,— где бы я ни был, я приеду в Торжок, а оттуда до вас не так далеко! О, мне не терпится обнять дорогих моих друзей! Пожить у них! Увидеть моих братьев, мою сестру[7] и забыть на время военные тяготы. Я думаю, что отец мой будет в России скорее, чем я. Он до сих пор осаждает *Гамбург* и тратит время на то, чтобы заставить *маршала Даву* и компанию сдохнуть с голода![8]

Если бы я имел известия из Прямухина, я был бы счастлив еще более! Но в тамошнем краю не держат слова, и обитатели *Прямухина**, забывая об ужасах войны во Франции, забывают и своих друзей. Мой брат Николай чувствует себя очень хорошо, он в Париже[9]. О кузене моем Александре Полторацком я не знаю ничего, кроме того, что он в окрестностях *Суассона*[10]. Вы знаете, что Константин Маркович был взят в плен; он, наверно, должен был уже возвратиться к своим соотечественникам, ибо война окончилась[11].

Прощайте, мои дорогие друзья; если вы и забыли меня, то я всегда думаю о вас.

Александр Муравьев, капитан и кавалер.

27

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Июля 15-го дня 1816 года

Любезный брат Николай, из письма, которое пишу к батюшке, можешь ты видеть, в каком я нахожусь положении, пожелай со мною вместе наискорее мне из оного выйти, ибо ничего в свете несноснее не знаю; доктора как будто отказываются меня лечить, и я похож на утопающего и не видящего вокруг себя помощи[1]. Помнишь ли, любезный Николя, когда ты тонул в пролубе в реке Великой?[2] — то представь себе тоже, что ты чувствовал, пока не подали тебе помощи, с той** разницей, что твое было в настоящем, а мне в продолжительном будущем.

Все твои препоручения исполнил, елико мог: письмо

---

* «Прямухино» написано по-русски.

** Далее зачеркнуто: «отменой».

к Мише[3] в самый день моего приезда послал в Петербург*; деньги же не прежде как послезавтра отправятся туда же. Я сие препоручил Назару[4], ибо завтра рано поутру отправляюсь в *Воронеж*, откуда дам о себе известие с означением места, куда ко мне адресовать письма.

Муханова[5] письмо отдал человеку его, но из сего вышло мало толку; ибо вместо златошвея или златошвейки привели ко мне купца из города, торгующего эксельбантами и эполетами очень мерзкими, как обыкновенно в рядах то бывает. Однако не теряй надежды, я нашел прекраснейший серебряный эксельбант и эполеты, присланные из Петербурга у *Нигри*, что на Тверской против главнокомандующего; но эксельбант сей стоит 225 рублей; признаюсь, что дорого, но зато прекрасно, именно в твоем вкусе; есть у него еще другие попроще и хорошие, однако мало; товары же сии получает он из Петербурга от златошвея *Колбы*, что на Невском проспекте против Аничковой гауптвахты. Вот все, что я мог найти касательно эполетов и эксельбантов.

Насчет шития на воротники скажу тебе, что в одном только месте нашел златошвейку, других никак не мог найти, потому что сим рукоделием в Москве мало занимаются, а вышивают одни только церковные уборы. Сия златошвейка называется *Шамбель*, она живет: *на Тверской, у Газетного переулка, близ Университетского пенсиона, в доме бывшем Салтыкова, ныне купца Лаврова.*

Я видел ее работу золотом, кажется мне, что она довольно искусна; впрочем, мудрено судить, пока не увидишь нашего воротника ее работы; однако она берется по данному ей рисунку золотому в неделю вышить такой же точно серебряный воротник. И для того, я думаю, что ты без хлопот можешь ей заказать два шитья для ежедневного подержания, и один или два хороших закажи в Петербурге. Золотые же воротники сбывай с рук здесь: ухо на ухо не променяешь, но половину цены возьмешь. Серебряные же точно то же стоят, что и золотые, с малою разве разницею[6].

Если б ты мог, то верно бы поблагодарил меня за труды и скорое исполнение препоручений, но твои благодарения меня не догонят.

---

* Написано над зачеркнутым «Москву».

Затем прощай, любезный брат Николай, из Воронежа получишь от меня письмо.

Александр Муравьев.

28

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Воронеж. Июля 20-го дня 1816 года

Любезный брат и друг Николай, посоветовавшись здесь с искусным врачом Высоцким, о котором ты, я чаю, слышал от Миши много доброго, решился я не ездить на Кавказ, ибо время тамошнего пользования уже протекло, а поеду прямо в Крым. Завтре отправляюсь на *Харьков*, оттуда в *Перекоп* и в *Симферополь*, куда прошу тебя адресовать все твои письма на мое имя с написанием внизу: *Покорнейше прошу оставить письмо сие на почте до его прибытия в сей город;* ибо я неоднократно буду проезжать чрез оный, а если даже буду жить на водах в Козлове, то так учрежду, чтоб мне все письма туда присылали. Прошу тебя, любезный брат, пиши ко мне почаще и особенно давай о себе известия и адресы, по которым бы к тебе писать можно было. И в моем, и в твоем положении весьма нужны частые воспоминания о друзьях, без того нападет хандра и умрешь со скуки.

Я пишу к батюшке длинную диссертацию об Элснере [1], прочитай ее, так посмеешься, а не хорошо, так поправь!

A que machi la nostri раззорени Артели? — Погорели brulati, no mondi хóди шатáи! Счасти chérchi, ниц не нахóди но tempi, време, не теряй, a lérui прилежни, и дрýги ýчи;—о Артели, Артели—uni, inseporabili; Italiani, Antonoletfi, amanti, filletti, жолти платоки, amaranti Burtzoviý, продай и créati brillanti, и Артели набогащаи! — о члени, membri, chéri, драгоценни!*[2]

Подсоби, любезный Николай, батюшке в отделании начисто плана Суханова, я уверен, что оный сильное бу-

---

* В шутливых русско-итальянских фразах А. Н. Муравьева русским словам придано «итальянское» звучание. Приблизительный их перевод: «Что делает наша разоренная Артель? Погорела, погорела, по миру ходит, шатается! Счастья ищет, ничего не находит, но времени, времени не теряет, в учении прилежна и других учит; о Артель, Артель — единая, неделимая;... желтые платки, любезный Бурцов, продай сделанные бриллианты; и Артель обогати! — о члены, члены, дорогие, драгоценные». Слова «Italiani, Antonoletti, amanti, filletti» введены, вероятно, для усиления «итальянского» колорита.

дет иметь влияние на князя, и как он ни прям и справедлив, не должно забывать, что он человек! Батюшкина слава зависит от сего экзамена. Дай бог, чтоб оный удался! И тогда всем нам хорошо будет [3].

Когда-то мы увидимся, любезный Николя, я думал, на кавказских водах, выходит, что нет; года через два или через три, не прежде; твои дела тогда устроятся, ты оженишься, и все пойдет ладно. *Терпи казак — атаман будешь!* Сия пословица есть неоспоримая истина; все по ней ежедневно сбывается [4].

Прощай, милой друг и брат, люби меня по-прежнему и не забывай.

Александр Муравьев.

Обороти лист:

P. S. Я забыл тебе сказать, что не только Еловой сад [5] показался мне гораздо меньше, но даже в Москве Василий Ушаков с лишком на четыре вершка понизился; не знаю, отчего сие происходит, от того ли, что у меня вогнутые стекла очков, или от другой какой причины?

29

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Село *Сак*. Августа 5-го дня 1816 года

Любезный брат и друг Николай.

Наконец приехал я в Крым, где теперь пользуюсь здешними грязными ваннами. Если ты пожелаешь узнать место моего пребывания, то взгляни на карту Крыма, между Симферополя или Ахмечети и Козлова или Евпатории, на самой дороге в шести верстах от* моря, в 43 верстах от Симферополя, в 19-ти от Евпатории. Живу я в татарском сарае** у татарского мунлы или священника, сижу на софе с длинною трубкою в руках и покуриваю самый лучший турецкий табак. Вот тебе описание положения, в котором нахожусь большую часть дня. Будучи в Козлове, сделал я сему городу подробное описание [1], в котором излагаю нынешнее его положение. Сие описание с сей же почтою препровождаю при рапорте к Волконскому [2], прося*** его представить его государю, буде возмож-

---

* Первоначально: «на самой дороге близ моря».

** В подлиннике: «сарая».

*** Перед словом «прося» зачеркнуто «дар».

но* сие сделать. Рапорт же сей включаю в другой рапорт к батюшке, прося его доставить первый к Волконскому. Если государь одобрит мое описание, то жителям города Козлова будет хорошо; если же скажет, что не в свое дело я вмешался, то мне будет худо; и потому, начав, кажется, справедливое дело, вручаю его промыслу божию, и будет что будет!

Здоровие мое поправляется, крымский чистый воздух изгоняет из меня все дурное и нечистое, я надеюсь теперь выздороветь.

Бог знает, где ты теперь, любезный Николя, может быть, уже в Персию отправился; я сие письмо пишу наудачу и прошу батюшку, чтоб он к тебе его доставил.

Хоть я и писал тебе из *Воронежа* адрес, по которому письма твои меня наверно сыскать могут, однако здесь повторю:

в Симферополе в Крыму

где *прошу оставить на почте* до прибытия его в сей город.

Сие, разумеется, любезный друг, до ноября месяца, после сего времени я думаю быть уже в Петербурге.

Обнимаю тебя, любезный и милый брат Николя, желаю тебе счастия и прошу, не оставляй своими письмами любящего тебя брата; я так от всех теперь отдален, что ежели меня забудут, то я совсем пропаду.

Здесь останусь я до 10-го августа и поеду потом на южный берег Крыма, где проведу остальное время свое в путешествиях и описаниях.

Люби брата своего.

Александр Муравьев.

30

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Акмечеть или Симферополь.
Августа 28-го дня 1816 года

Еще до сего времени, любезный друг и брат Николай, не имею от тебя ни одного письма, и ни от кого из всей святой артели; непостижимо для меня** такое молчание; по исчислению дней, кажется, должно бы мне иметь уже известия от вас.

---

* Первоначально: «возможность».
** Далее зачеркнуто: «от чего происхо...».

Здоровье мое поправляется и идет в гору исполинскими шагами: грудь болеть перестала, и я, кажется, толстею,— силы телесные возобновляются и по* свидании нашем** мы схватимся, и ты узнаешь! Любопытен я знать, где ты теперь находишься, и [если] уже в Азии, то какое на тебя сделали впечатление тамошние обычаи. Я здесь также считаю себя в Азии, не по местному положению, но по образу жизни здешних народов.

Со всем тем, хотя я занят делом чрезвычайно, я много езжу взад и вперед, все как-то одному очень скучно; о, когда бы вся Артель здесь была вместе! Не престаю, любезный Николай, грустить о священном нашем союзе; полагаю, что и ты с приятностью об оном вспоминаешь. Мы все шестеро[1] сказать можем, что славно пожили вместе. Я очень желаю знать, какой оборот взяла моя бумага к Волконскому[2] и особенно, представил ли он ее государю. По ответу, который получу, буду продолжать дальнейшие мои старания о пользе общей.

Я надеюсь, что сегодняшняя почта привезет мне коекакие известия об вас в Москве и об Артели, с величайшим нетерпением сего ожидаю.

Я посылаю сие письмо к батюшке и прошу его в случае, что ты уже в Персии, переслать его к тебе и снабдить меня адресом. Прошу тебя, любезный брат, люби и не забывай меня, пиши, сколько сил станет, о самом себе, и особливо почаще. Прощай, любезный друг и брат, когда получу от тебя известия, тогда гораздо более напишу. Обнимаю тебя всем сердцем.

Александр Муравьев.

31

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Симферополь. Сентября 7-го дня 1816 года

Любезный друг и брат Николай.

Я получил сейчас письмо твое от 22-го августа, из Москвы писанное, и ты не представишь себе, как оно мне было приятно; и как не быть счастливым, когда после долгого молчания, после долгой неизвестности услышишь отголосок дружбы священной! Опечалило меня только то, что ты хочешь уверить меня в том, что *век твой уже кон-*

---

* Первоначально: «я по приезде».

** Над строкой зачеркнуто: «с тобою».

чен! Отринь, любезный брат, таковую не существительную, таковую не прилагательную мысль, она же <...> не годиться; в 23 года начинают только жить, а до сего времени все дни наши не что иное, как приятное или скучное предисловие. Ты знаешь, что часто предисловие совсем не обещает того, что в продолжение чтения встречается, итак, любезный брат, сделай, как я. Я положился во всем, что свыше предвидения человеческого, на самого творца и, право, ежедневно убеждаюсь, что провидение невидимой рукою всем премудро управляет! Убедись в сей великой истине, убедись опытом, ежедневными наблюдениями человеческих поступков, человеческого сердца и связи, которую все в мире здесь имеет, и ты увидишь, что Винглос очень часто правду говорил: tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles*[1]. Я чрез сие не хочу сказать, чтоб к лучшему теперь было то, что с тобою случилось; ты видел счастие вдали умственно, но ты не вкусил его, и потому, когда придет время, то будешь счастлив свыше даже твоего чаяния!

Я не только не сомневаюсь в полной удаче твоих намерений, но даже совершенно уверен, что все желаемое тобою сбудется, что я увижу тебя среди милой супруги и маленьких, и толстеньких, и кругленьких Николай Николаичей, славных войнов, которые твердостью и силой ума и тела будут веселить и потом утешать тебя, папеньку их! Не сомневаюсь, любезный брат Николай, и пророчу тебе вперед, что все, что счастие твое сделать может, от тебя не уйдет. Только на бога положись, он всему начало и конец!

Ради меня, любезный брат, приплети к нити твоей жизни кусочек *славы!* — хотя философы и богословы в порок ее нам ставят, но, право, брешут они. Она такая отрада в несчастиях, что человек делается часто свыше человека тогда, когда бы ему погибнуть оставалось! Попробуй этого кушанья, ручаюсь тебе, что ты доволен останешься. A vaincre sans péril on triomphe sans gloire!** — великое, величайшее слово, которое докажет тебе математически, что ты радоваться должен тому, что с тобою деется, а не печалиться.

---

* Все к лучшему в этом лучшем из миров (франц.).
** Легкая победа не приносит славы (франц.).

Хотя, милый мой, ты* желаешь иметь на себе мою болезнь, дабы меня от оной избавить, однако позволь мне** лучше оставить ее в Крыму, в козловских грязях, в морской соленой воде, в холодном и быстро текущем *Салгире*, нежели возложить ее на тебя, юношу во цвете лет, одаренного*** наподобие *Атласа*[2] такою силою, что шар земной на плечах удержать может! Благодарю тебя за такое предложение, оно ни тебе, ни мне выгодно быть не может. Если б даже я и хотел тебя удовлетворить, то не могу более, ибо совсем теперь здоров и скоро, то есть в половине октября, отсюда поеду в Киев, оттуда в Москву, а оттуда в Петербург. Итак, милый, бог знает, где тебя застанет сие письмо, может быть, уже в Персии, для того прошу тебя, когда будешь на оное отвечать, то адресуй на имя батюшки в Москву, ибо ответ твой здесь уже меня никак застать не может,— сие, разумеется, когда бы ты получил оное в Персии, когда же в Москве, то можешь еще целые две недели**** сюда писать.

Радуюсь от всей души, от всего сердца, что у батюшки все идет хорошо, молю бога, чтобы он наградил почтенного нашего родителя всеми своими благами; кто более его достоин вкусить их на свете? Он нежный отец, он истинный сын России, и потому: *Кесарю, кесареви*![3]

Прощай, друг сердечный, обнимаю тебя, милый и любезный брат. Александр Муравьев.

P. S. Одно письмо из тех двух, которые ты мне прислал, писано ко мне генералом Н. Н. Раевским, в котором вот его слова: *прошу о продолжении дружбы вашей к отцу и сыну*[4].

Заключай из оных, что тебе угодно! — Прощай, любезный вторник, еще раз обнимаю тебя*****.

32

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Петроград[1]. Генваря 16-го дня 1817 года

Любезный брат и товарищ!

Я возвратился из прелестной *Тавриды* в *Москву*

* Далее зачеркнуто: «а при говоришь что».
** Далее зачеркнуто: «тебе в».
*** В оригинале «одареном».
**** «две недели» написано над зачеркнутым «месяц».
***** Две последние фразы написаны на полях.

20-го ноября. Пробыл у батюшки в *Долголядии* до 13-го декабря. Поехал в *Прямухино* оттуда и прожил там до 27-го декабря. В столицу же явился 1-го генваря. Итак, вот уже более двух недель, как я здесь пребываю. Здоровье мое, кажется, совсем поправилось, и я свеж и силен по-прежнему. Письмо твое из *Тифлиса* от 13-го ноября получил недавно и спешу удовлетворить желанию твоему, тем паче, что великое чувствую удовольствие, когда тобою занимаюсь. Усматриваю из слов твоих, что великий твой начальник доверенность к тебе имеет — и сие, кажется, должно быть очень тебе приятно, ибо обрести доверие обыкновенного человека хоть приятно, однако не лестно, но доброе мнение такого мужа, каков Алексей Петрович, должно ставиться в великую похвалу. С удовольствием вижу, что тебе оно дорого. С великим нетерпением ожидать буду копии с повеления начальника твоего ехать на границы мусульманские, и особенно, если возможность есть, твои об ней рассуждения[2].

Быв также, как и ты, хотя, впрочем, не в таком отдалении от родных и друзей, заметил я, что нет величайшего удовольствия, как получать со всех сторон письма от тех, коих любишь; я думаю, что и ты сие чувствуешь. Заметил также, что чем далее от столицы, от суетностей житейских, от подлого и низкого подражания иностранцам, от непрерывной перемены в модах, от...* и прочая, и прочая, истинный добродетельный муж** тем более начинает себя чувствовать, тем более видит всю ничтожность блестящих сборищ столичных и*** питает некое презрение к тому, что не к прямой пользе Отечества его клонится. Способности его развертываются, усиливается любовь к родине, и он ищет всех средств**** быть истинным сыном Отечества. Признаюсь тебе, любезный Николай, что как ни грустно быть со своими в разлуке, но в замену того*****, как приятно видеть себя человеком мыслящим. Живучи в столице, под бременем многих начальников, которые мелочами убивают способности ума******, никогда душа наша не может вылететь из тесного своего обиталища, она бес-

* Так в подлиннике.

** Далее зачеркнуто: «как».

*** Далее зачеркнуто: «как».

**** Далее зачеркнуто: «принесть как».

***** Далее зачеркнуто: «видеть».

****** Далее зачеркнуто: «иной».

прерывно призываема искусительными чертами безделия, которые часто губят все наше политическое бытие; никогда не парит* над морями и не видит направление и число плавающих по ним судов, не** спускается по течению судоходных рек, оживляющих государства, н[е] постигает нравы тьмы народов, не видит разно[о]бразия Отечества своего, не видит взаимных влияний сограждан и правительства и многое тому подобное совершенно не понимает. И потому истинный рус[с]кий несравненно полезнее бывает России в такой отдаленности, нежели в самом источнике; ибо хотя в источнике если и должны бы пролиться все сведения о государстве, но известно тебе, что воды*** принимают цвет тех земель, в которых протекают. Итак, любезный брат, советую тебе, не оставляй без внимания никакой отрасли познаний, до России относящейся, углубляйся в размышлениях на самый даже бездельный предмет, ибо оный непременную имеет связь с общим.

Хотя и стыдно мне извиняться пред тобою в недостатке во времени, ибо недосугов никаких у меня нет, особенно зная, сколько тебе приятны мои вести; однако, дабы не задержать сего письма, которое требует большого распространения, обещаю тебе на следующей почте предлиннейшее написать.

Помни, люби брата своего и пиши, если время позволяет.

Верный и искренний брат и друг твой

Александр Муравьев.

33

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Петроград. Марта 21-го дня 1817 года

Любезный брат.

Не знаю, правда ли, но здесь носится слух, будто посольства в Персию не будет; и если будет, то не Алексей Петрович послом поедет[1]. Когда это правда, то весьма сожалею, как для пользы Отечества, так и для личной пользы твоей. Я совершенно уверен, что никто в России не может лучше соблюсти выгоды государства при иност-

---

* Далее зачеркнуто: «она».

** Далее зачеркнуто: «видит вс».

*** Написано над зачеркнутым «часто воды».

ранном дворе, как Ермолов, и что никогда подчиненные лучшего не обретут начальника. Уверен, что никто лучше его не в состоянии начальствовать воинством и лучшим быть управляющим области. Надеюсь, однако, на пустоту слухов, распространяющихся обыкновенно в столицах, и желаю, чтобы в сем случае они совершенно оказались вздорными.

Кажется мне, любезный Николя, что, вопреки всех занятий твоих, ты, однако, скучаешь; не удивляюсь сему, ибо хотя я не в тех самых обстоятельствах, в каких ты находишься, однако известно и мне тоже, как грустно бывает, когда разлучен с родными и друзьями, когда не с кем разделить и радость, и печаль, когда некому излить ту полноту чувств и мыслей, которую обыкновенно в одиночестве ощущаешь. Но мужество и твердость, друг мой, должны и верно тебя подкрепляют. Я желал бы тебе заняться чтением жизни славных мужей, ты не поверишь, какое волшебное они над страждущим производят врачебство. Книгу сию уподобить можно beaume de fier à bras * рыцаря Донкишота, излечающему все возможные болезни[2], Плутарх, по мнению моему, *Ескулап[3] великих мужей!* Отведай его травничка, тут spectsieffs ** много, авось либо которая-нибудь тебе поможет. Если нет у тебя сего славного лечебника или у кого-нибудь из тамошних, то отпиши мне, я при первом случае тебе его доставлю.

Касательно меня, любезный Николя, скажу тебе, что мои дела не лучше твоих; все в том же положении, как когда ты уехал, но я мужаюсь — хотя внутренние огни меньше сожигают, или, лучше сказать, напрягаются разорвать оболочку телесную; я мужаюсь, говорю и стараюсь быть полезным. Если, паче всякого чаяния, ты услышал бы нечто похожее на желаемое мною соединение, то всеми силами старайся мысль сию искоренить, ибо ни девице, ни мне [ни] приятны, ни полезны быть не могут такие слухи, если оные не исполнятся на деле.

Из последнего письма вижу, что ты, подвергаясь опасности, проникнул до славного монастыря. Не советуя тебе подвергаться опасностям без причины, не могу, однако, не радоваться сему подвигу; слава богу, что ты спасся; а все-таки — *знай наших!*

---

* бальзаму хвастуна (франц.).
** специй.

Прощай, любезный Николя, обнимаю тебя всем сердцем; засвидетельствуй мое глубокое почтение тому великому мужу, у коего ты под начальством,— генералу Ермолову.

Люблю тебя душою и сердцем и пребываю верным другом твоим и братом.

Александр Муравьев.

34

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Петроград. Апреля 6 дня 1817 года

Любезный брат, ты, думается мне, всякую почту получаешь по два письма из православной Артели ибо мы положили тебе всякую неделю по два раза писать. Из сего ты видишь, что мы помним и любим *славного война!* Впрочем, я думаю, ты в этом никогда не сомневался.

Что-то ты там поделываешь? — все ли у вас хорошо? Из получаемых от вас писем замечаю, что в ваших краях свирепствует чума: ибо письма все проколоты. Ради бога, будь осторожен, любезный брат; ты не поверишь, как оная легко пристать может, а единожды приставши, почти нет более спасения.

Приказы Алексея Петровича так красноречивы, что их здесь читают во многих домах, как речи Демосфена или Цицерона[1]. Иные их переписывают, дабы хранить у себя копии с оных. Надобно сознаться, что Ермолов знает, чем понравиться. За этим могли бы последовать многие еще другие рассуждения, но почте их поверить нельзя.

Я всю зиму болен был грудью и теперь сильно немогу. Врачи не разумеют моей болезни, и я сам ее не понимаю. Что будет, бог знает. Однако не подумай, что я в отчаянном положении; я везде хожу и все делаю, как здоровый.

Прощай, любезный брат и друг Николай, люби брата Александра Муравьева.

35

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С[анкт]-Петербург. Июля 18 дня 1817

Любезный брат Николай.

Давно я к тебе не писал и давно не получал от тебя писем; я так занят службою, что ты того себе предста-

вить не можешь; было бы тебе известно, что часть гвардии, т. е. около 12 000, идет на днях в Москву, где останется до мая будущего 1818 года; я при сем отряде, составленном из самых отборнейших войск, иду в *должности начальника штаба;* сие от[н]имает у меня все свободное мое время[1]. Пиши ко мне в Москву на имя батюшки.

Я исполнил твое препоручение касательно покупок для князя Севардземидова[2], но присланные тобою 600 рублей не были достаточны, для того приложил я своих 73 рубля, которые от тебя зависит получить или оставить у него до случая заплатить мне.

Эполеты — 175.
Серебро — 498.— 18
Итого 673. — 18

Серебра же куплено, как ты поручил:
2 дюжины столовых ложек,
1 дюжину чайных,
2 соусные * ложки.
Остаюсь душевно преданный тебе брат и друг

Александр Муравьев.

36

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Генваря 31-го** дня 1818 года

Любезный брат и друг мой Николай, я замечаю из письма твоего от 31-го декабря, что ты на меня сердишься за долгое мое молчание. Признаюсь, что я виноват был; но признайся и ты, что выговоры твои жестоки: *чтоб я велел какому-нибудь писарю тебе отвечать, если я сам к тебе писать не хочу.* Оставлю на собственное твое рассмотрение сию твою выходку; ты верно сам поймешь, что они слишком строги.

Деньги от тебя, 75 рублей, получил.
Чубук получил и благодарю.
Батюшка получил Анну 1-й степени.

Что же касается до роли, какую я играю в моем месте начальника штаба гвардейского отряда и при дворе, скажу тебе, любезный Николай, что я, вступая в сию долж-

---

* В подлиннике: «скусные».
** Первоначально: «29».

ность, предвидел все ее трудности и опасности и неоднократно об оных отзывался. Начальником штаба был я во всей силе слова, а при дворе не много значил, да и, кажется, никогда значить не буду, ибо в открытой сей пристани все суда подвержены быть ветрами разбитыми, и, что всего ужаснее, пошлины платить должно великие, и такою монетою, какою я ничего приобретать не намерен. Моя* же монета при дворе курса не имеет; она слишком проста и правдива. Вот, любезный брат, почему я не значащ при дворе. Я писал выше, что *я был* начальником штаба, для того, что теперь я ношу название токмо сей должности, ибо рапортовался больным; а сие сделал я потому, что меня в Крещение за ошибку в четырех** унтер-офицеров, ошибку, не мною сделанную, государь арестовал и послал на гауптвахту до вечерней зори. То дабы впредь избежать такового незаслуженного обращения, *дабы полковник Александр Муравьев, начальник штаба,* служивший восемь лет с честью и отличием, бывший в походах, в 50-ти и более сражениях, впредь*** не был бы наказуем, как мальчишка, вышедший из кадетского корпуса, то я подал прошение в отставку; мне оное возвратили, я просился в отпуск за болезнию до 1-го сентября, дабы тогда опять подать в отставку; мне и в этом отказали, а врачам запретили давать мне свидетельство о болезни. Итак, любезный брат, вот что со мною случилось; я не менее того рапортовался больным, службы никакой более не исправляю и в твердом пребуду намерении оную совсем оставить, если не сделано мне будет общенародного вознаграждения. Я сего последнего желаю не ради моего возвышения, но ради чести моей, которая оскорблена, страждет и не иначе вос[с]тановлена быть может, как когда в общем мнении меня оправдают.

Здесь говорят, что Алексей Петрович скоро произведен будет в генерал[ы] от артиллерии. Дай бог ему, великому мужу, всякого добра. Отечеству нужны великие люди, а их мало, весьма мало! Говорят, что и ты скоро будешь капитаном.

При сем прилагаю письмо к начальнику твоему Алексею Петровичу Ермолову, вручи оное ему; и уверь его

---

* Первоначально: «Сверх того».

** Далее зачеркнуто: «неисправных».

*** Далее зачеркнуто: «также».

превосходительство в моем глубоком к нему почтении[1].

Я знаю, любезный Николай, что ты предпринял* намерение не возвращаться в Россию, не смею опровергать** оного, хотя совершенно понимаю все малейшие причины***, побудившие тебя на это решиться; ибо все мои рассуждения могут тебе казаться холодными и пустыми. Но прошу тебя, друг мой, ни в чем не отчаиваться. Ты сам знаешь и веришь, что провидение водительствует происшествиями мира сего; не от[н]имая между тем у каждого свободы его; и потому, молю тебя, предайся правде, любви к Отечеству, всему высокому и благородному, и тем скорее обрящешь мзду, ожидающую великодушных!

Друг твой и брат

Александр Муравьев.

37

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Село Александровское. Июня 28 дня 1818 года

Милостивая государыня Надежда Николаевна[1].

Приношу вам покорнейшую мою благодарность за участие, которое принимаете в деле моем[2]. Сказывая вам об оном, я наперед уже знал ваше хорошее ко мне расположение и надеялся на всякое со стороны вашей содействие. Теперь, по милости вашей, я успокоен насчет здешнего свидания, осталось мне одному совершить все предполагаемое. Надеюсь на милость божию, на чистоту и непорочность моих намерений, на видимое расположение к[няжны] П[расковьи] М[ихайловны] и пребываю спокойным, елику могу быть таковым. Впрочем, ни за что не ручаюсь. Велик господь! Один он**** знает, что мне и всем предстоит.

Обращаю вам письмо от княгини[3] и желал бы найти все выражения, могущие изобразить великое мое почтение, и благодарность, и преданность, с коими имею честь пребыть вашим покорнейшим слугою.

Александр Муравьев.

P. S. Сестрицам кланяюсь. Брата обнимаю[4].

---

* Далее зачеркнуто: «твердое».

** Далее зачеркнуто: «так».

*** Далее зачеркнуто: «оного».

**** «он» написано над строкой.

П. М. МУРАВЬЕВА, ЖЕНА ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 1814 г. *ГИМ*

38

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Белая Колпь. Октябрь 27 дня 1818 года

Любезный брат и друг Николай.

Я женат — поздравляю тебя с этим известием — поздравь меня. Я подал прошение в отставку и через две недели, надеюсь, увижу это в приказах и надену поганое немецкое платье — сиречь: фрак. Но через год опять вступлю в службу, однако не в Генеральный штаб и не в Свиту, а в полк легкой кавалерии.

Давно уже, любезный брат, я к тебе не писал; давно уже и не имел от тебя писем. Но я более виноват, нежели

ты, ибо ты занят службою действительною. Знаю, друг мой, сколь приятно во время долгой разлуки и в отдалении получать известия от родственников и друзей; знаю, что это не только приятно, но даже, для спокойствия душевного, необходимо. Зная все это — я тебе не писал даже о важнейшем происшествии в жизни моей — о женитьбе. Прости, любезный Николай, брату твоему; он <...>* совершенно признается в вине своей, раскаивается и загладит непременно свою вину.

Любезный брат, я счастлив — неописанно счастлив, я женат на княжне Прасковье Михайловне Шаховской — совершенство в виде жены — что более могу тебе сказать, любезный Николай! Порадуйся со мною.

Воистину, друг мой, состояние сие есть конечное предначертание всякого чувствующего и мыслящего человека. Оно есть верх блага земного,— оно есть главное,— прочее все частности. Достижение почестей мирских приятно, но никак и ни в чем с супружеством сравниться не может.

Мне ли говорить тебе об этом, друг мой? Мне ли растравлять глубокую рану твою? Нет, сохрани бог, не для того тебе об этом упоминаю, но дабы ты видеть мог, что я, Александр, всегдашний противник мирной жизни, открыл, наконец, глаза — потому что растворилось сердце мое, оттого, что растворяющая сердце соединяет в себе *все!*

Любезный брат Николай; распространился бы я на сей счет с тобою, но боюсь тебя огорчить и привести тебе на память то, что, впрочем, верно ты не забыл, и о чем грустить не престаешь [1].

Дополни сам, любезный друг, в размышлениях твоих о жизни супруга счастливого то, о чем говорить тебе не дерзаю.

Миша женился 26 августа и уехал в Смоленскую губернию в приобретенное за женою его имение.

Я женился 29 сентября сего года — и живу в *Белой Колпи*, в деревне у княгини Шаховской, матери жены моей, в 30 верстах от Долголядия [2]. Через месяц едем все в Москву, где проведем всю зиму. Живу тихо, скромно, в объятиях милой жены, бесценного друга моего, забываю понемногу или, лучше сказать, весьма слегка вспоминаю о походах, о трудах, о беспокойствах своих и наслаждаюсь совершенным счастием мира сего. Продли, боже, сие мое положение!

---

* Одно слово неразборчиво.

Любезный брат, адресуй свои письма на имя батюшки, жена моя к тебе пишет и, право — тебя очень любит.

Будь счастлив и здоров и люби брата и друга Александра Муравьева[3].

39

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Белая Колпь. Декабря 1 дня 1818

Ты уже знаешь, любезный брат и друг Николай, что значит *Белая Колпь*. Ты знаешь, ибо мы * к тебе писали, что я женат. Ты, стало быть, знаешь, что я счастлив в полной мере. Что-то ты поделываешь? Сверх многих твоих занятий, верно, на меня сердишься; и, право, есть за что. Я сердечно раскаиваюсь, любезный друг, что долго к тебе не писал, и еще раз прошу простить меня.

Неужель Славный Воин Николай Николаевич, почтенный член Артели, великий Артельщик **, не помилует виноватого брата, друга и сочлена?

Я в отставке, любезный брат, вследствие поганого моего ареста. Я в отставке на полтора или на два года; и блаженствую.

Напиши, Христа ради, что с тобою делается и будешь ли, и как скоро, в России? Жена моя тебе кланяется, я тебя обнимаю и прошу не забывать и любить и писать к пребывающему твоим верным другом и братом

Александру Муравьеву.

Почтенному Алексею Петровичу свидетельствую свое почтение, Воейкову кланяюсь[1]. София[2] прилагает здесь свое письмо.

40

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Февраля 10 дня 1819

Сам Ахиллес, любезный брат Николай, укротимее был во гневе своем, нежели ты[1]. Я виноват перед тобою, а со времени женитьбы моей извинялся в двух письмах перед тобою. В первом приписывала и жена моя, а во втором я один старался смягчить справедливое сердце твое. Ежели бы извинения мои оставались без изменения в отношениях моих к тебе, то ты вправе продолжать на меня

---

* «мы» написано над зачеркнутым «я».

** Далее зачеркнуто: «не забудет и».

сетовать. Но как я их сопровождал, сопровождаю и сопровождать намерен письмами и даже постоянною перепискою, то оскорбительны, друг мой, сомнения твои о дружбе моей. Но воображая, сколь прискорбно быть забыту родными и друзьями, и зная, сколь я пред тобою виноват, я на тебя совсем за то не сержусь, а напротив, я тебя прошу со мною помириться (Let us make the peace upon the <...>.)* и вступить в письменный разговор до того времени, как друг друга опять увидим.

Впрочем, как могу я** печалиться некоторыми изречениями твоими, когда ты пишешь, что счастие мое тебя так занимает, так порадовало, что ты даже пролил о том слезы радости. Сие одно загладить может*** сердце твое на меня. Но оставим упреки.

Благодарю тебя, любезный друг, за твою дружбу, которую так разительно участием своим мне изъявляешь. Благодарю за дружбу к жене моей. Ты уже знаешь, что я счастлив ею, и всякий день, всякий час благополучию сему новое приносит приращение. Сверх сего, любезный Николай, объявляю тебе другую весть, которая весьма меня утешает: Пашинька моя беременна и должна, если бог позволит, в половине июля родить. Порадуйся со мной.

Батюшка**** послал тебе 2000 рублей, в конце прошлого года. Ныне же еще 2000, кажется, посылает.

Раздоры семейные, о которых ты упоминаешь, трудно тебе описать.

Скажу коротко, ибо сам достоверного не знаю, что мог я увидеть:

София, сестра, жила у Надежды Николаевны Шереметевой. Брат***** Миша женился на дочери ее. Батюшка, не быв доволен образом воспитания, которое София получила, по наущению постороннему взял Софию от Шереметевой почти в то самое время, когда свадьба брата совершилась, что****** не могло не огорчить Миши. Сие самое произвело между отцом и братом холодность, которая

---

* Давай заключим мир о <...> (англ.). Последнее слово неразборчиво.

** Далее зачеркнуто «на тебя».

*** Далее зачеркнуто: «все».

**** Далее зачеркнуто: «кажется».

***** Далее зачеркнуто: «Михаил».

****** Далее зачеркнуто: «непрем».

причиною была последовавших от того неудовольствий. Я старался, сколь мог, прекратить сии раздоры и помирить брата и отца. Но до сего достигаю только временно, совершенно же успеть в том не мог. Они рас[с]тались, однако, дружественно или по-видимому так. София теперь у княгини Елисаветы Сергеевны Шаховской и живет с нами вместе; а брат уехал в Смоленскую губернию в деревню.

Любезный Николай, ты знаешь, как грустны подобные обстоятельства; ты знаешь, как близки и отец, и брат; и потому не прогневайся, я суждения своего на сие не приложу, ибо ни того, ни другого обвинить не желаю. Бог даст — *все перемелется — мука́ будет.*

Не нужно располагать в пользу твою жены моей; она тебя истинно любит, как брата, и потому пиши, сделай милость, почаще и ей, и мне; особенно помышляй о счастливом Александре, брате твоем, и верь, что он любит тебя всем сердцем, и просит тебя забыть его* вину перед тобою**, и обещает тебе на всякое письмо твое отвечать,— и, даже не ожидая оных, к тебе писать.

Ты желаешь иметь Плутарха, любезный брат, и, сверх того, мы знаем, что ты нуждаешься в некоторых вещах, которых*** в крае твоем добыть невозможно; для того, посылая тебе с Дмитрием Александровичем Боборыкиным[2] сие письмо, и к сему прилагаем для тебя посылку, состоящую из следующих вещей:

от меня

1) 15 частей Плутарха, перевод Dacier[3], с замечаниями.
2) Шахматную игру, каковой более нет ни в Петербурге, ни в Москве. Она деревянная, но прочная, и нигде более таковой найти нельзя (прошу тебя выучиться играть в шашечки и выйти из числа охотников).

от жены

3) Англинской холстины на рубашки.
4) Два Фильдова концерта и три ноктурна[4].
5) 10 фунтов чаю.

Да обещаем при первом случае прислать тебе женин и мой портреты масляными красками.

---

* Далее зачеркнуто: «ошиб».

** «перед тобою» написано над зачеркнутым «относительно тебя».

*** Далее зачеркнуто: «том».

Матушка, сиречь княгиня Елисавета Сергеевна Шаховская, тебе кланяется и просит заочно полюбить.

Я живу у нее в доме и совершенно в Москве основался, где пробуду все лето, ожидая родов жены моей, в которой ежечасно нахожу новые сокровища, блага и неисчерпаемый источник радостей.

Люблю тебя, друг мой и брат Николай, прощай

Александр Муравьев.

P. S. Пиши ко мне в Москву. Мой адрес следующий: *в Москве, на Пречистеньке, в доме княгини Шаховской.*

41

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва (№ 4 со времени моей женитьбы).
Февраля 28 дня 1819

Любезный брат и друг Николай,

Я получил твое письмо от 19 генваря. Радуюсь, что ты со мною миришься, и частою перепискою докажу тебе, что я заглажу свою прошедшую вину.

Мы писали к тебе с Дмитрием Боборыкиным; и с ним же отправили к тебе разные вещи, которых в краю, тобою обитаемом, найти невозможно. Как-то: *Плутарх, шахматы, чай* и проч[ее], и проч[ее]. Но Боборыкин поехал отсюда в Орел, где проживет до марта месяца, и потому письмо сие дойдет к тебе прежде того письма и посылок.

Я объявил тебе в вышеупомянутом письме, что жена моя беременна; теперь же объявляю, что дитя уже шевелится. Было бы тебе известно все, что даже в семействе нашем происходит.

Счастие, которым я наслаждаюсь, любезный Николай, превосходит всякие выражения. Не понимаю, как могут люди в счастии делаться хуже, что довольно часто случается; я же, кажется, становлюсь лучшим. Но мое счастие истинное, совершенное, душевное, высокое; счастие же делающихся от оного худшими в одном мнении, воображении, переменчивости состоит и основано на зыбком песке, ветром возметаемом.

Возлюбленная моя Пашенька тебя очень любит, тебе кланяется сегодня и не пишет потому, что не очень здорова.

Обнимаю тебя всем сердцем А. Муравьев.

42

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, № 5. Апреля 10 дня 1819 года

Любезный брат и друг Николай.

Я давно не получал от тебя писем, сам же написал их уже несколько со времени женитьбы моей. Неизвестно нам, что ты делаешь и как обретаешься. Я писал к тебе с Боборыкиным и послал к тебе разные вещи. Но он еще к тебе не прибыл за болезнию семейства его. Потом писал еще с почтою, и ты не отзываешься. Неужели после сознания моего в вине пред тобою в том, что молчал очень долго, ты еще на меня сердишься и не хочешь многолюбящих тебя сестру и брата извещать о себе и поместить в числе самых тебе искренних?

Ты, я слышал, отправляешься скоро в *Хивы*[1]; дай бог тебе счастия, успеха и все, чем бог *наградить* и *возбудить* тебя может. Да *узришь* ты, *что* видеть тебе надлежит. Да отверзатся уши твои, да скажешь устами и жизнию; и да возвратишься к нам благополучно! Вот все, что желает тебе при отъезде твоем любящий тебя брат. Судьбы неисповедимы! Полагайся на бога; прибегай чаще, беспрестанно к нему; не наружными молитвами единственно, но обратяся совершенно во внутреннего своего человека; тогда осенит тебя щит господен и обретешь силы многие!

Люблю тебя душевно, друг и брат мой, и желаю, да постигнешь слова мои и пламенное мое* тебе желание единственного блага.

А. Муравьев.

Пашинька моя, или, что все равно, счастие мое, тебя обнимает всем сердцем и принесет и тебе твое счастие.

[*На обороте адрес:*] Его высокопревосходительству, милостивому государю Алексею Петровичу Ермолову, господину главнокомандующему Грузии. *В Тифлисе. А вас* покорнейше прошу доставить сие письмо Гвардейского генерального штаба господину капитану и кавалеру *Николаю Николаевичу Муравьеву.*

---

* В подлиннике ошибочно «мне», далее зачеркнуто: «в».

43

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, № 8. Июня 5 дня 1819 года

Любезный брат и друг Николай.

Я получил два твои письма* за № 18 и 19 — вдруг. Ты, кажется, весьма радуешься дружбе нашей, как будто бы я когда-нибудь переставал тебя любить и как будто с нашей стороны тебя сим одолжаем; напрасно, друг мой, я всегда любил тебя, чувства твои чтил, нрав твой уважал; из сего истекала между нами искренность в беседах и письмах наших, которую откровенность теперь тебе напоминая, прошу забыть расстояние, нас разделя[ю]щее, и помыслить, что ты у меня сидишь за чаем и за трубкой Р. А. или кнастера [1].

Правда, любезный брат, что грустно быть тебе в разлуке с родными и друзьями истинными. Вот уже несколько лет, как сие продолжается, сие тебе несносно, мне жаль; но от тебя зависит все. Из письма твоего заметил я, что ты часто употребляешь выражения: *надеюсь на милость божию, молю бога, утешения наши в боге!* Изречения сии, любезный друг, более еще меня привязывают к тебе, и усердие, с коим ты оные употребляешь, конечно, привлечет к тебе воззрение всевышнего и всемилосердого. Я с[о] своей стороны радуюсь сердцем, видя, что ты бросил** якорь свой в ту сторону, где бог удержит его и где никакие бури, ни волны не сокрушат твоего корабля! Но, любезный брат, ежели бы ты узрел человека утопающего, весьма бы ты прекрасно сделал, ежели б стал: во-первых, молить бога о спасении его, во-вторых, если бы ты бросился в воду, дабы вытащить его. Конечно, и без помощи человеческой может бог спасти утопающего***, но не принадлежит нам загадывать и разбирать сего; сие было бы чудо! По телосложению же нашему усматриваем мы, что**** имеем мы орудия, и силы, и власть, и волю, кои располагать должны, дабы силе и милосердию божию содействовать. Каким же образом нам содействовать благости всевышнего, как не предаваясь совершенно воле

---

* Далее зачеркнуто: «одно».

** Написано над зачеркнутым: «кинул».

*** Написано над зачеркнутым: «человека сего».

**** Далее зачеркнуто: «есть и».

его? — и так расположить волю свою, чтобы оная в боге и с богом обреталась и ничего бы не желала, как токмо, что богу единому угодно? Когда же воля наша так расположится, то и поведение наше соответствовать ей станет, и мы точно учинимы[с]я тогда достойными милосердия божия; без сего молитва наша не действительна.

Теперь, любезный брат, ежели ты с сим согласен, обрати и приложи размышление сие к себе; и посмотри прилежнее, согласно ли твое поведение с волею божи[е]ю; воля же сия известна тебе из Евангелия, которое советую тебе беспрестанно читать; ты все тут обрящешь! Ежели в настоящих намерениях твоих и поведении найдешь ты гордость, упрямство, своеобычие и земное воображение, то советую тебе в сем покаяться и усердно помолиться богу, чтобы он простил и просветил тебя, и тогда ты все узнаешь, будешь покоен и перестанешь колебаться. Ежели же ты заметишь в себе смирение, кротость, преданность единому богу, простодушие и любовь небесную, то благодари опять всемилосердого, что опыт сей, коему ты ныне подвержен, возвратил тебя в чада божии, и предайся совершенно воле его с терпением.

Любезный Николай, где бы мы ни находились* на земле сей, в каких бы обстоятельствах ни обретались, счастливых или злосчастных, [не] должны мы терять ни на одно мгновение из вида, что мы окружены предметами, непрестанно нас искушающими и заблуждающими; и особенно должны бояться самих себя; мы самые для себя злые враги. Великая потребна проницательность, чтобы рассмотреть сие и мужественно беспрерывно побеждать и убивать *самолюбие*, или, что все равно, *самовражие* наше. Мы забываем, что мы здесь, на круглом шаре земном, не в своем свете, и токмо бедные странники; ходим, бьемся обо всех, все нас ударяют, и, наконец, если заранее не предостережемся, то расшибем бедную голову свою и до смерти убьемся!

Помысли о сем, милый друг мой, и особенно приложи к себе. Подумай также, что воображение наше, подобно болотным летучим огням (feux follets), нас из ямы да в яму** заманивает и что мы, как взрослые митрофанушки[2], за оными бегаем, да ничего не уловляем! Ох, брат,

* Первоначально: «попадались».
** Написано над зачеркнутым: «скалы на скалу».

подумай о сем и убедись в этом. Одно только и есть благо, когда во всяком положении боишься и молишь бога: *да творит он волю свою!*[3]

Не подумай, брат, чтобы я, судя человечески, хотел бы тебя отговаривать от возлюбленной твоей[4]; сохрани меня бог! напротив, желаю, да пребудешь ей верным всю жизнь твою! Но не напускай на себя, Христа ради, огорчения и уныния; не подобает человеку-христианину предаваться угнетениям и печали!* Сие знаменует слабую веру и весьма малую надежду на *источник всех благ!* Вить ты можешь, брат мой Николай, любить ее из Москвы, как из Тифлиса; с нами, как с грузинцами; да и чуть ли не блаженнее ли и удачнее будешь у нас, в кругу любящих тебя и приемлющих самое живое участие в твоем положении. Настойчивости ради, право, не оставайся там; это грех, и большой порок. Ты и себя губишь, и ни до чего не достигнешь, и богу противишься!

Любезный брат, извини откровенность мою, право, я так думаю; впрочем, да наставит тебя господь; делай, как он велит, поручись совершенно ему одному!

Приезжай, ежели так тебе бог велит, приезжай к нам; посмотри на меня, порадуй[ся] мне, посмотри на милую жену мою, порадуйся счастию нашему! Но помни, друг мой, что ежели мы счастливы, то ни от чего другого, как потому, что бога не забываем и ему предаемся.

Между тем сообщаю тебе, любезный Николай, известие печальное. Сестра София так больна, что не имеем более никакой надежды. Твори бог волю свою! Он все устрояет, всем управляет и всех в свое время к себе призывает!

Сие самое обстоятельство препятствует возлюбленной Пашиньке моей благодарить тебя за письмо твое до следующей почты, она ее чрезвычайно любит, ею занималась и теперь ее лишается. Пре[д]ставь себе грусть ее.

Прощай, любезный брат и друг Николай, люби меня, не сердись на меня и отвечай, пожалуй, на сие письмо поскорее.

А. Муравьев.

Христос с тобою — возлюби бога, и ты будешь счастлив!

Поручения твои насчет стеклянного завода постараюсь исполнить поскорее.

---

* Первоначально: «печалиться».

44

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, июня 27 дня 1819 года

Любезный брат Николай.

Поздравь меня с сыном *Михаилом*[1]. Бог нам даровал его 15 июня. Поздравляю тебя с племянником. Пашонька моя столько огорчалась насчет болезни Софии, что не доносила его две недели. Однако милосердый бог, за все воздающий, сохранил сына нашего здравым.

Письмо мое могло бы быть очень долго, мой друг. Но по сопряженными с родами хлопотами принужденным покажусь оное окончить.

Замени мысленно все мои надежды и благи. И благодари бога за столь счастливое избавление от бремени.

Прощай, любезный брат, племянник свидетельствует тебе свое почтение; а мать его тебе кланяется, равно и княгиня.

А. Муравьев.

P. S. Все княжны[2] также поздравляют тебя с племянником и тебе кланяются.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокопревосходительству, милостивому государю Алексею Петровичу Ермолову. Господину главнокомандующему в Грузии. В *Тифлисе*. А вас покорнейше прошу переслать сие письмо Гвардейского генерального штаба господину капитану, кавалеру *Николаю Николаевичу Муравьеву*.

45

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, № 365-й[1]. Августа 7 дня 1819 года

Я пишу да пишу к тебе, любезный брат и друг Николай, и ответов не получаю. Что за причина молчанию твоему?

Последнее письмо мое написано с уехавшим* отсюда майором Нижегородского драгунского полка Фан-Галленом**[2], которого я тебе рекомендовал как прекрасного человека и просил дружески принять; теперь прилагаю

---

* Первоначально: «едущим».

** Первоначально: «Фон-Галленом».

здесь письмо к нему из Петербурга, которое прошу тебя к нему доставить.

Во ожидании отзывов твоих молю бога о сохранении тебя здравым и благополучным и прошу любить брата и друга твоего

А. Муравьева.

Жена моя, много тебя любящая, и племянник твой, сын мой *Михаил*, тебе кланяются.

46

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, № 365. Февраля 5 дня 1820 года

Благодарю, премного благодарю тебя, любезный брат и друг Николай, за длинное письмо твое. Я в великом удовольствии, в великой радости, что ты благополучно и хорошо возвратился. Благодарил и благодарю милосердого бога, что сохранил тебя, спас и привел счастливо назад! Как ни отличился ты походом своим, как ни показал много мужества, твердости и присутствия духа, но более всего радуюсь тому, что ты признателен и приписываешь не себе, а создателю успех предприятия твоего. Продолжай, мой любезный Николай, продолжай всегда и во всем уповать на господа,— призывать его единого на помощь в делах твоих и единому ему воздавать честь и славу, а не себе самому. Ты сим еще более низведешь на себя благословение его; а ты, я думаю, сам знаешь, что благословение сие не может быть бездейственно, ибо, как сам он есть источник живота, то следует, что всякое действие его есть жизнь и сила.

Прилагаю при сем копию с письма Алексея Петровича к Закревскому [1]. Ты увидишь из оного, сколь начальник твой умеет ценить твой поступок и сколько он тобою доволен. Я для того сие здесь прилагаю, что, думаю, тебе оно приятно будет.

Чудное было спасение твое, любезный брат, и всякой похвалы и уважения достойны дела твои. Но ты более всех можешь видеть и чувствовать в оных всемогущую десницу всемилосердого творца! Благодарю еще раз за подробное описание единственного и трудностями преисполненного странствия твоего.

Ты просишь у меня совета, мой друг, но о чем, скажи, пожалуй? Ежели насчет женитьбы твоей, то что могу я

сказать. Не знаю, ни где именно, ни в каком расположении находятся относительно тебя семейство, с которым хотел ты породниться. Думаю, что ежели получишь ты значительное от государя награждение (ежели только можно чем-нибудь наградить поступок твой), то, вероятно, переменится *тон* их; впрочем, утвердительного нельзя взяться сказать. Что же касается до пребывания твоего в Грузии или возвращения сюда, то вот мое мнение: хотя и все мы, любящие тебя, от всего сердца желаем тебя скоро видеть, но сия причина недостаточна, чтобы побудить тебя возвратиться. Ты должен искать побудительнейших причин в самом себе. Ежели ты расположен служить действительно и продолжительно, т. е. до самого чина фельдмаршала, то, побыв в Грузии, пока Ермолов возвратится оттуда в Россию, сам старайся с ним же оттуда вырваться, приезжай тогда к нам, перейди в армию, возьми *полк*, или, как тогда будет, может быть, и *бригаду*, и продолжай тогда службу свою в Европе. Ежели ты остаешься в службе для того токмо, чтобы тебе жениться, то, я думаю, сам ты видишь, что в Грузии жениться нельзя, а должно приехать сюда. Здесь ловчее тебе будет вступать в переговоры; поступок же твой, чин и долгое отсутствие уже сгладили те препоны, которые существовали прежде и принуждали тебя выехать из России. Ты теперь по милости божией совсем иной человек. Ты был прежде маленьким офицером, без особенной репутации, молод летами; теперь же ты скоро полковником, заслужил внимание государя и Отечества и летами двинулся к* мужской зрелости. Политическая жизнь твоя, как в службе, так и в обществе, должна необходимо измениться; и ты, вопреки даже воле своей, совсем иное занимаешь место в глазах всех, которые знали и знают тебя. Ты теперешний, в сравнении с тобою бывшим, в том токмо отношении, как** зрелое дерево, приносящее уже плоды, с юным кусточком, от которого ожидают оных. Рассуди сам поэтому, не лучше ли тебе приехать в Отечество твое, занять в оном новое место свое и уже из оного действовать по дальнейшим чертежам, которые тебе сердце и совесть представят.

Впрочем, любезнейший Николай, ты знаешь, что труд-

---

* Далее зачеркнуто: «совершен».

** Далее зачеркнуто: «молодое д».

но из двух отдаленных точек точно одним и тем же образом видеть один и тот же предмет. Надобно для сего, чтобы и место было равное, и зрение равно острое; да и при всем этом часто и почти всегда различные преломления лучей света обманывают чувственное зрение наше. Вернее всего, помолись усердно богу, он тебя спас, он тобою водительствовал; он же изведет тебя из недоумения, когда ты с верою и надеждою приступишь к нему. Вера и надежда, вот два сильные и могущественные средства, данные богом всякому человеку, употреби их только и тогда испытаешь силу их!

Что же касается до отца нашего, скажу тебе, что дела его, кажется, идут довольно хорошо; он не только не отрицается посылать тебе положенного жалования, но, напротив, постарается прибавить оное. Будь в сем уверен. Брат Миша с прошедшею почтою к тебе писал; у него родился сын Николай, 31 генваря сего года[2].

Адрес мой следующий:

В Москве. На Пречистеньке, в доме княгини Елисаветы Сергеевны Шаховской.

Прощай, любезный друг и брат Николай, да осенит тебя господь благодатию своею. Люби друга и брата Александра Муравьева.

Пиши чаще.

Жена моя собиралась к тебе писать, но вдруг сделался у ней флюс, который не позволяет взять и перо в руки. Она поручила мне сказать тебе, что ей чрезвычайно приятна твоя дружба, что поздравляет тебя и немало радуется о возвращении твоем. Я же со своей стороны также радуюсь, любезный Николай, что ты полюбил жену мою; она будет к тебе по первой почте писать. Племянник твой, которому скоро восемь месяцев, свидетельствует свое почтение.

47

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Декабря 24 дня 1820

Я получил письмо твое, любезный брат и друг Николай, письмо твое, грустное, печальное, унылое. Я искал в нем мужественного и твердого брата моего и нигде бы не нашел его, ежели б не увидал в одном месте письма: *бог да исполнит волю свою над*[о] *мною. На него моя надежда. Он мне утешитель!*

Помнится мне, любезный брат, что я от кого-то слышал или читал в книге, что мужественный человек предусматривает * и приготовляется заранее к опасности; но что, находясь среди оной и как бы погружен в нее, дух его бодр, и уныние не поселяется в сердце его. Воистину так, любезный друг, и сие же самое и к тебе приложить должно. Ты знал, предвидел все, что с тобою произойти может, ты, однако, решительно хотел поехать, предайся теперь совершенно воле господней и пребудь спокоен.

Конечно, любезный Николай, грустно нам бывает разлучаться с теми, которых мы любим, с тем, что нам приятно. Но подумай только, что мы в здешнем подсолнечном мире для того только, чтобы воспитаться и сделаться искусными для будущей сверхчувственной жизни, которая единая есть истинная; а здешняя — токмо предисловие оной. Что общий всех людей и всякой твари воспитатель есть сам бог, знающий меру ** сил каждого из своих детей и не накладающий ни волоса лишнего*** против силы чада своего. Сверх того, ежели бы человека вести одними путями счастия и радостей, то он никогда бы не захотел расстаться с сим тленным миром и умирать было бы для него ужасное происшествие; тогда, когда смерть, напротив того, есть**** отверстые врата в вечность и для праведного источник всех высочайших благ. Далее, ежели бы ты взялся учить кого-нибудь ходить и стал бы его водить только по совершенно ровным и гладким местам, то не мог бы ты правильно сказать, что питомец твой умеет ходить, ибо он еще не испытывал гор; не спускался с горы, не вбегал на гору, не видал пропасти под ногами, не смотрел на утесы гор, на[д] головою висящие; у него бы колени подогнулись и голова бы закружилась при случаях сих. Уметь жить есть то, что уметь ходить в сравнении моем; нельзя уметь жить, не испытавши много; счастия и несчастия, радости и печали, суть орудия, коими бог полирует драгоценный алмаз, сокрытый в сердце всякого человека, и соделывает его, наконец, блестящим так, что все камни тусклы пред ним кажутся.

Вот, любезный брат и друг Николай, дружеские мои

---

* Первоначально: «предвидит».
** Далее зачеркнуто: «наших».
*** Далее зачеркнуто: «на шею кто более».
**** Далее зачеркнуто: «дверь».

советы. Поверь мне в том, что ежели будешь свысока и отвлеченно смотреть на все периоды жизни твоей, на все удовольствия и противности жизни, на все случающиеся с тобою происшествия и прибегать будешь к богу, единому подателю всех благ и коего промыс[е]л всех тварей своих в милосердии своем заключает, поверь, говорю, что тогда гораздо легче тебе будет сносить все тяготы, коими ты, равно как и всякий человек, обременен бываешь.

У тебя есть хорошая книга *о познании самого себя*. Читай ее, любезный друг, почаще, она тебе подаст хорошие советы и верно разрешит все твои вопросы.

Чувствительно тронут я и любезная жена моя дружественными выражениями твоими. Мы тебя от искреннего сердца любим и уважаем. Жена моя не очень здорова, беременность ее довольно трудна, и ей принуждены были пустить кровь. Я думаю, что еще раз сие сделают. Надеюсь на милость божию, что он благополучно доведет ее до надлежащего срока родов. Прощай, друг мой, бог с тобою, и да наставит и утешит он тебя.

Многолюбящий брат твой

Александр Муравьев.

48

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Марта 18 дня 1821

Давно получил я письмо твое, любезный брат и друг Николай, и не мог отвечать на оное по следующим причинам: 9-го февраля жена моя благополучно родила сына Николая, который через двенадцать дней умер. Сие так расстроило жену мою, что я боялся, чтобы с нею не случилось чего весьма опасного, т. е. чтобы молоко не разлилось по всему телу, что обыкновенно бывает смертельно. В сие самое время, когда второй сын мой умирал, другой, Мишинька, сделался при смерти болен; у него открылась нервическая гнилая горячка с пятнами. Признаюсь, любезный брат, что тяжело и очень болезненно было состояние мое, видя, что вдруг лишался я всего, что привязывает меня к здешнему миру. Но господь, испытующий людей, дабы через страдания их очистить и соделать достойными благости своей, не возлагает на них бремени, превышающего слабые силы их; господь, говорю, благоволил жене сохранить сына, а мне жену и сына. Теперь, по милости его, оба оправляются, и я с чувствами живей-

шей благодарности приношу моления мои творцу всяческих!

Вот, любезный Николай, не нужно быть ни в Хиве, ни в Туркмении, чтобы стоять на берегу пропасти; можно, во мгновения ока, из самого благополучия свергнутым быть в самое злосчастие; и чуть ли не болезненнее* лишиться** всего, что мило, нежели лишиться жизни; впрочем, сие относительно к нравам и обстоятельствам.

Ты поручаешь мне прислать к тебе стекло для барометра; но теперь такая распутица, что опасаюсь я, чтобы не разбилось оно дорогою, и потому не лучше ли оставить до первого летнего хорошего пути.

Был у меня здесь Николай Петрович Черкесов. Я с ним разговорился о твоих обстоятельствах, и по всему, что я заметить мог, тебе Н. С. Мордвинов не откажет, ежели ты сам к нему письмо напишешь. Черкесов дал мне сие даже особенно почувствовать. Он расспрашивал меня о*** количестве ежегодного жалования, которое мы от отца получаем; я отвечал ему 6000 ассигнациями, что совершенная правда. Мне кажется, что по нерешительности стариков, теперь одно только состояние их занимает, в прочем все сгладилось. Пусти на риск или на верное письмо к старику Мордвинову, и ты сам увидишь, что тебе делать; пускай это письмо будет пробным выстрелом; а там уже начинай картечью. По словам Черкесова, ты должен одержать победу!

Жена моя, которая только что начинает вставать с постели, и потому еще не может тебе писать, кланяется тебе; Миша мой, худой как скелет, целует у дяди ручку. Княгиня и княжны тебе кланяются, а я тебя от искреннего сердца обнимаю и пребываю преданным братом и другом твоим.

А. Муравьев.

49

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С. Ботово. Июля 3 дня 1821 года

Я получил твое письмо, любезный брат и друг Николай, которым уведомляешь меня об отъезде твоем за

---

* Далее зачеркнуто: «видеть».
** Далее зачеркнуто: «сперва».
*** Далее зачеркнуто: «состоянии».

море. Не без сожаления увидел я, что ты решился на сие предприятие, которое, по мнению моему, ни тебе, ни варварам полезно не будет, а менее всего Отечеству доставит выгоды, не потому, чтобы не полезно было просвещать и соединять рассеянные народы, давать им законы благие и тем покорить их под скип[е]тр российский, но потому, что предприятие твое, сколь оно ни благородно, не будет, вероятно, поддержано теми, которые после тебя сим * заведовать будут. Ибо мало честных людей и просвещенных патриотов, которые бы решились ехать в [с]толь дальнюю и опасную сторону, а будут там всякого рода алчущие денег и богатств люди, которые притеснениями своими ожесточат собранные тобою ** племена и из новых подданных императору нашему соделают врагов империи, тем жесточайших, что коротко испытали поносное иго*** сих людей [1].

Ты сомневаешься напрасно, любезный брат, в речах моих Черкесову. Я ничего ему не говорил сам, но только старался разведать о положении дел твоих и, кроме благоприятного для тебя, ничего не узнал. Я спешил сообщить тебе об этом, полагая, что ты возьмешь иные меры, и, может быть, удалось бы тебе оставить бурную и хлопотную жизнь твою и променять ее на тихую, которая есть самая выгодная и нужнейшая для мыслящего создания, каков человек, и в которой, как в тихой и приятной долине, растут плоды, которых нет в открытых степях или среди расщелин и пропастей крутых и опасных гор.

Желаю тебе всего благого, всевыгодного, всего, могущего извлечь тебя из вихреватого ветра окружающих тебя обстоятельств. Приди, брат мой, приди и успокойся сперва среди любящих тебя друзей; и да будет сие как бы первым отдохновением твоим, где укрепясь, пойдешь и далее. Но так как человек бессмертен, то и даль сия для него есть вечность; пуститься надобно в нее, рано или поздно. Она в сей жизни начинается и за гробом продолжается; кто здесь больше прошел, тому уже *там* менее**** остается для достижения цели совершенства, предназначенной всякому человеку.

Но кажется мне, будто ты на сие отвечаешь мне: *Сы-*

---

* Далее зачеркнуто: «уп».
** Далее зачеркнуто: «нар».
*** Далее зачеркнуто: «их».
**** Далее зачеркнуто: «идти».

тый голодному не брат! Сие есть цвет твоего разума, плод твоей вообразительной силы. Ты живешь покойно; трудами и делами не обременен, как я, оттого-то так и размышляешь. Конечно, любезный брат, всякое состояние имеет свою *истину*, так как и всякое место на клавикордах имеет свой *тон*. Так точно, как все тоны, хорошо настроенные, производят в руках музыканта прекрасную гармонию, так и все *частные истины* всех *состояний законных* производят (для ведущего общий порядок) один гармонический и прекрасный аккорд, или *строй;* и потому искусство состоит в том, чтобы всякий, по состоянию своему, сообразовался с приличною оному истиною, и тогда может он похвалиться, что находится в согласии со *всеобщей истиной*, которая одна, вечна и бесконечна. Но люди, сотворены будучи все одним творцом и нося на себе черты вечности, должны по оной устраивать свои поступки. Кто следует гласу ее, тот ближе к *ней*, нежели тот, который вращается в тесных границах времени и частных обстоятельств. И потому то, что я тебе сказал выше сего о вечности, яко пути, по которому все мы следовать должны, столько же близко к твоему состоянию, сколько и к моему.

Ты не знаешь, любезный Николай, что я купил то маленькое сельцо, которое называлось *Горелое*, которое ты назвать хотел *Красноводск* и которое мною по имени жены моей названо теперь *Парашино*. Вот тебе обитель. Миша мой после отъезда твоего был три раза при смерти болен, но богу угодно было сохранить его здесь, и теперь он видимо оправляется. Он тебе кланяется, славному воину Николаю Николаевичу, и целует у тебя руку с почтением. Жена моя также тебе кланяется и сожалеет, что тебя нет в *Парашине*. Брат и друг твой Александр Муравьев тебя обнимает.

Я получил два твои рога, оправленные серебром, за которые тебя благодарю, и сожалею, что здесь нет того славного воина, который мог бы выучить меня настоящему их употреблению. Также и расписание вещам твоим мною получено.

50

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва. Мая 10 дня 1823 года

Премного тебя благодарю, любезнейший брат и друг мой Николай, за твое письмо от 2-го марта сего года. Спе-

шу на оное отвечать, чтобы не подумал ты, что я дружбою разлучился с тобою. Подобная в тебе мысль весьма для меня оскорбительна. Ежели, по сие время, я редко к тебе писал, то поверь, любезный брат, что холодность в том не участвует; приучены будучи с молодости не слишком друг о друге хлопотать и живши сначала все вместе, мы не имели нужды в частых письмах; служба, обстоятельства холостых людей были почти одинаковы у нас. Но, с летами, переменилась и судьба наша; круг действий наших умножился, сделался сложнее; особы, с коими тесно соединились, разделяя участь нашу, принесли естественно перемену в образ нашей жизни. Согласно с сим, должны и мы были прикладывать правила, в воспитании нам данные, к настоящим обстоятельствам и производить в них модификации, которые теснее бы нас с братьями связывали. Но мы оставались при стоическом нашем эгоизме; впрочем, всегда много друг друга любя, отвыкли друг от друга, и теперь иным из нас, может быть, и кажется, что братья его не любят и оставили. Но не станем обманываться, любезный брат, будем друг в друге уверены, исправим только ошибку нашу, т. е. молчаливую нашу дружбу. Сделаем ее несколько позвучнее письмами нашими; гармония всегда сердцу приятна! Словом: будем писать друг другу почаще и искренно, с доверенностью и дружелюбием, забыв прошедшую *мнимую* холодность!

Ты пишешь, любезный друг, что, кроме жалования, нечем тебе содержаться. То же самое могу и я тебе сказать; ежели б не имение, в котором ты посетил меня и которое, для приобретения его и улучшения, вовлекло меня в большие долги, ежели б не имение сие, то говорю, что и мне нечем было бы жить; ибо батюшка совершенно отказался мне давать положенное жалование. Он теперь содержит только Сергея в пансионе у Бибикова и Андрея, оставившего гражданскую службу и поехавшего в *Тульчин* для определения себя в кавалерийский полк[1]. Они оба получают по 2000 рублей в год. А мы с тобой и с Мишей ничего не получаем. Отзыв батюшки тот, что он обременен долгами.

Забудь горе свое, любезный брат Николай; верь, что тебя здесь любят братья, и выкинь из числа томных мыслей твоих: *не надеюсь скоро увидеть круг ваш.* Зачем сие уныние? Почему не надеешься сего? Не от тебя ли сие зависит? Кто в сентябре препятствует тебе приехать к нам

в отпуск? Более скажу: кто держит тебя в такой отдаленности? Еще более: кто неразлучно пригвоздил тебя к службе? Сам ты, любезный брат, сам ты сего хочешь. Неужели никогда тебе не жениться, потому что первая попытка тебе не удалась? — попытка, в которой, не прогневайся, много участвует твое собственное упорство? Неужель отец не имеет права испытывать жениха дочери своей? Не простительно ли ему, ежели он медлит? Но когда уже согласие его почти произнесено, как то было, когда ты был у нас, то ради маловажного оскорбления, которое иными даже за оскорбление не почтется, ради сего малого неудовольствия, ради щекотания самолюбия, которое недостойно внимания высокой души, ради всего сего, лишаешься ты добровольно, может быть, супруги, могущей усладить жизнь твою, могущей потопить в любви своей все твои огорчения, печали, неудовольствия! Ах, брат любезный! подумай о том, что ты делаешь! Не называй порок — добродетелью! Не гордись упорством своим! Не жертвуй счастием твоим — *обиде мнимой!* Или признайся — ты не любишь!

Миша уже с год не приезжал сюда; он живет в деревне в Смоленской губернии; и совсем ко мне не пишет. Я к нему писал о книгах, которые ты требуешь по билетам; надеюсь, что он не замешкается высылкою оных.

Поздравил бы тебя полковым командиром, ежели бы сия новая должность сблизила тебя с нами или подавала надежду, что ты оставишь совсем службу. Впрочем, ежели тебе приятно сие новое место, то поздравляю тебя. По желанию твоему в скором времени будешь ты снабжен новейшими, лучшими и прекраснейшими маршами, увертюрами и прочею военной музыкою на весь оркестр. Я уже послал в Петербург за этим, и коль скоро мне пришлют, немедля по данному тобою адресу к тебе все доставлю; также и арии и пас[с]ажи, которые ты у жены моей просишь. Желаю, любезный друг, чтобы все сие тебе понравилось.

Я с женою живу еще в Москве по причине болезни ее; на днях решиться должно, поедем ли ныне летом в деревню или здесь останемся; ты же, для верности, адресуй первое свое письмо в *Волоколамск* и в *Ботово*; а ко второму получишь верный адрес. Жена моя тебе кланяется, любезный брат, и желает тебе сколь можно спокойствия и удовольствия. Племянница твоя София, которую еще не

знаешь ты, целует у тебя руку. Я же сердечно и душевно тебя обнимаю и остаюсь многолюбящий тебя друг и брат

Александр Муравьев.

51

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Село Ботово. Июня 3 дня 1823 года

Я послал тебе, любезный брат и друг Николай, желаемые тобою ноты для полковой музыки и при них общий реестр всем штукам. Прошу тебя принять их от меня в дар с сопровождением желания, чтобы, слушая гармонические звуки сих пиес, родилось бы в тебе ощущение той гармонии, от которой всякая гармония проистекает, как радиус из центра, и о которой говорил * Сократ [1], испивая чашу с отравой, *что сожалеет, что не учился музыке!* Поздно догадался Сократ; со всем тем, был великий муж, но более был бы, когда б ранее о том вздумал!

Мы приехали благополучно в *Ботово.* Пожалуй, любезный Николай, пиши к нам сюда. Очень, очень рад буду, ежели начнем переписываться. Ожидаю ответа на первое мое письмо; я упрашиваю в нем тебя приехать, если можешь, к нам в отпуск. Давно не видались. А как ты ни говори — тебе должно быть весьма скучно. Жена моя тебе кланяется. А я пребываю верным тебе братом и другом.

А. Муравьев.

Обороти лист!

P. S. Ежели тебе еще что-нибудь нужно отсюда, то сделай милость, напиши и требуй от меня; сим крайнее доставишь удовольствие нам обоим.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Николаю Николаевичу *Муравьеву.* 7-го карабинерного полка полковому командиру, господину полковнику *и кавалеру.* В *Тифлис* для доставления в урочище *Башкечет,* штаб-квартиру 7-го карабинерного полка.

52

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Село Ботово. Октября 24 дня 1823 года

Грустное твое письмо получил, любезный брат и друг Николай, и не так скоро на оное отвечал по причине по-

* Первоначально: «говаривал».

ездки нашей в Москву, по делам Воспитательного дома[1], которые окончив, возвратились недавно домой в *Ботово*, где надеемся провесть всю зиму, ежели бог позволит, и куда продолжай адресовать свои письма.

Сердечное и искреннее принимаю участие, любезный брат, в печали, одержащую* тебя. Желал бы уметь помочь оной, но не вижу и не обретаю средства. Говорят люди опытные, что человек, погруженный в горести, может столь же быть спокоен, сколько и тот, который ничем не отягощен; также и наоборот, что человек, в веселиях утопающий, столь же может страдать, сколько удрученный несчастиями. Говорят еще и то, что счастие наше в нас есть, а не вне нас и что часто сами бываем мы ежели не виновниками, то, по крайней мере, увеличителями наших несчастий!

Неприятности, неудовольствия, неудачи, постигшие тебя в некоторых твоих намерениях, могут ли столь долго осаждать твое сердце? Неужель не имеешь ты силы стряхнуть с себя оковы, связывающие всю жизнь твою? Ты, говорящий о покорности воле божией, о терпении, где показываешь мне сию покорность? В чем вижу я** ее в тебе? *Покорность* есть добровольное согласие на волю повелевающую, а не насильственное положение! Ты же, не прогневайся, друг мой, находишься в столь же насильственном положении, в каком*** натянутая струна, готовая лопнуть от насилия. *В доказательство:* ты изгнал себя *насильно* из Отечества. Ты расстался *насильно* с родными. Ты *насильно* закоренился в краю отдаленном. Ты избрал род службы, *насильственно* тебя в оном держащий. Словом: ты везде и во всем *насиловал* себя и называешь сие покорностью!

Ты скажешь, любезный Николай, что ты обстоятельствами вынужден к тому был. Что нигде, даже дома, не нашел ты себе убежища покойного. Пускай так; но ежели отдать на выбор, что лучше терпеть,— то, кажется мне, лучше сносить и страдать от других, нежели от самого себя. Терпя от другого, остаюсь убежденным, что не я тому причиною; терпя же от себя, всегда винить себя должно, ибо сам себе бываешь источником горести.

---

* Так в подлиннике.

** Первоначально: «видим мы».

*** Первоначально: «сколько».

Разбери хладнокровно и беспристрастно, любезный брат, не сам ли ты на самом себе кружишься и действительно от того несчастлив? Ежели так, то кинь якорь, предметы вокруг тебя успокоятся, и ты, порядочно разглядев путь свой, пускайся к пристани.

Неужель, друг мой, нам для того только жить на свете, чтоб, подвигавшись да попотевши хорошенько, навеки заснуть! Может быть, что и самых животных участь совершеннее сей, мною приведенной. Неужели человеку, столь благородному созданию, беспрестанно страдать? Неужель не имеет и он места своего покоя, когда все животные оное обретают? Подумай об этом, любезный брат, надейся и верь твердо, что обретешь место успокоения своего, ежели обратишься искренно к тому, в деснице которого все блага возможные. Ежели же на самом себе остановишься и в самом себе искать будешь без помощи божией, то кроме себя и своих горестей ничего не найдешь и не выйдешь из сего плачевного состояния.

Да поможет тебе милостивый отец всяческих!

Прости мне, любезный брат, сии мои мысли. Они внушены мне истинною к тебе дружбою. Есть больные, которые не любят принимать лекарства; есть также и печальные люди, не любящие утешений. Но подобно как первым в сладких сиропах распускают врачества, так и я надеюсь, что не противны тебе будут сии мои чувства, растворенные в братолюбии, и искренней дружбе, и совершенном в тебе участии.

Любезная моя жена и девочки[2], слава богу, здоровы; первая тебе кланяется. Вместе же благодарим тебя, любезнейший брат, за твою дружбу; просим о продолжении оной. Красноводск куплен, роща цела, и птицы, летающие над нею, полетом своим возвещают нам о скором твоем прибытии в сию *твою собственную* обитель!

Прощай, любезный брат и друг Николай, обнимаю тебя всем сердцем, преданный твой брат

Алек[сандр] Муравьев.

Напиши свой адрес.

P. S. Получил ли ты также ноты для клавикордов и некоторые арии, которые тебе жена моя после послала?

53

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Село Ботово. Ноября 17 дня 1823 года

Любезный брат и друг Николай. Я получил два твоих письма почти в одно время. Сей знак твоей ко мне дружбы очень много меня радует. Давно уже возобновление переписки нашей было искренним моим желанием. Теперь оно совершается и тем великое мне приносит удовольствие.

В последнем твоем письме возлагаешь ты на меня доставление твоего путешествия к подписчикам[1]. Обещаю тебе, любезный брат, что исполню все то, что на сей счет в силах моих будет. Я уже и прежде по поручению твоему и писал, и говорил об этом брату Михаилу; но видно, что он еще ничего не исполнил. С сею же почтою еще напишу к нему в деревню, где он с семейством своим живет; и вместе с тем напишу и к типографщику Семену, какая бы могла быть причина сего замедления? Словом, сделаю все, что только возмогу, чтобы удовлетворить справедливому твоему требованию.

В том же письме вижу я скудное положение твоих финансов и крепко и живо чувствую твое затруднительное состояние. Ты желаешь, чтобы я поговорил об этом батюшке, что я непременно 24 числа сего месяца исполню, при свидании с ним. Не обещаю тебе, однако, успеха; но все, что узнаю от него, тебе на следующей почте объясню. Не знаю, поверишь ли ты мне, любезный друг, но я тебе говорю правду, что вот уже три года как ни я, ни Михаил ничего, ни даже одной копейки, от него не получали. Он продал орловскую свою деревню за 217 000, как я слышал (ибо наверное о цене не знаю). Куда же оные деньги пошли — не знаю. В уплату ли долгов или в другое место? Не знаю. Много, но сколько именно, не знаю, положил он на разные строения и заведения в *Долголядии*. Предполагать должно, что лет через пять деревня сия даст большой доход; он, я думаю, на сие надеется; и не прежде начнет нам что-либо давать в год жалования. Андрею, долженствующему уже в течение декабря сего года быть офицером, обещано от него 2000 рублей в год. Он теперь, т. е. Андрей, в *Тульчине* и хочет к Новому году приехать к нам в отпуск. За Сергея, находящегося еще у Бибикова в пансионе, платит батюшка ежегодно 2000 рублей. Я же, как тебе сказал выше, и брат Михаил

вот уже три года ничего не получили от батюшки и живем от имений своих, с величайшею нуждою; по крайней мере, нуждаюсь я весьма много; и так много, что иной раз не знаешь, что и делать. Бог один мне помогает; ибо я насчет долгов и доходов своих остался без всякой человеческой возможности поправиться. Ежели бы я имел, не говорю, лишнее, но даже достаточное, к поправлению своих финансов, то, верно, бы ты, любезнейший брат, положил свою гордость в карман и взял бы от меня сколько бы я мог тебе уделить. Но я думал и передумывал со всех сторон, какую бы тебе принесть помощь, и, кроме сердечных желаний, в сокровищнице своей ничего не нашел.

Поверь, однако, любезный брат и друг, что сии сердечные для блага и спокойствия твоего желания очень могут не остаться для тебя тщетными.

Тебе, может быть, странно покажется то, что я тебе говорить буду; но я на опыте оное испытал; да и ты также, верно, не один раз оное испытывал, ежели захочешь привесть себе на память некоторые важные случаи твоей жизни, особенно же со времени твоего пребывания в Грузии: т. е., когда человеческая возможность доходит до своих пределов, — когда по нашему неведению, по нашей слабости, по ограниченному нашему рассудку не знаем мы более, что делать, и все кажется нам пропадшим,— тогда-то воссиявает для нас солнце надежды, тогда начинается всемогущее действие божие, совершенно все трудности сглаживающее, все препоны, как паутины, разрушающее и доставляющее нам гораздо более, нежели [то], чего мы желали! Часто случается, что не то нам дастся, чего мы хотели, ибо весьма часто хотим мы для себя вредное, хотя оно нам и кажется необходимым к счастию нашему; но уже всегда дастся лучшее и несравненно лучшее, нежели [то], чего мы так усердно иметь хотели.

Не знаю, друг мой, как тебе эта мысль покажется; я, по крайней мере, неоднократно в истине оной убеждался самым опытом. Для того-то нам и сказано: надейся на одного бога, а не на свои труды и не на человеков и будь спокоен. Ибо *ничего* во всем обширнейшем и подробнейшем смысле сего слова, *ничего*, говорю, не сделается для нас вредного, как бы страшно нам ни казалось. Все управляемо премудрым промыслом нежнейшего отца. Может ли он не заботиться о благосостоянии твари своей, он, который устроил желудок и пропитание даже самомалейшего

червя и насекомого? Мы, по слепоте своей, не видим действий его над нами; по глухоте своей, не слышим гласа его; по грубости своей, не чувствуем любви его; и потому думаем, что самим себе оставлены, и мучимся, и тревожимся, и беспокоимся. Ах, мы сами причиною наших страданий!

Не знаю, дражайший брат, не наскучил ли я тебе сими размышлениями. Но мне приятно сообщать тебе мысли, не в книгах почерпнутые, но на самом собственном опыте дознанные. Я бывал и нахожусь непрестанно в таковых же трудностях, потому и указываю тебе средства, коими, по милости божией, от оных избавляюсь, т. е. терпением, молитвою и твердою надеждою на всеблагого творца. Ежели они тебе понравятся, то советую за них приняться!

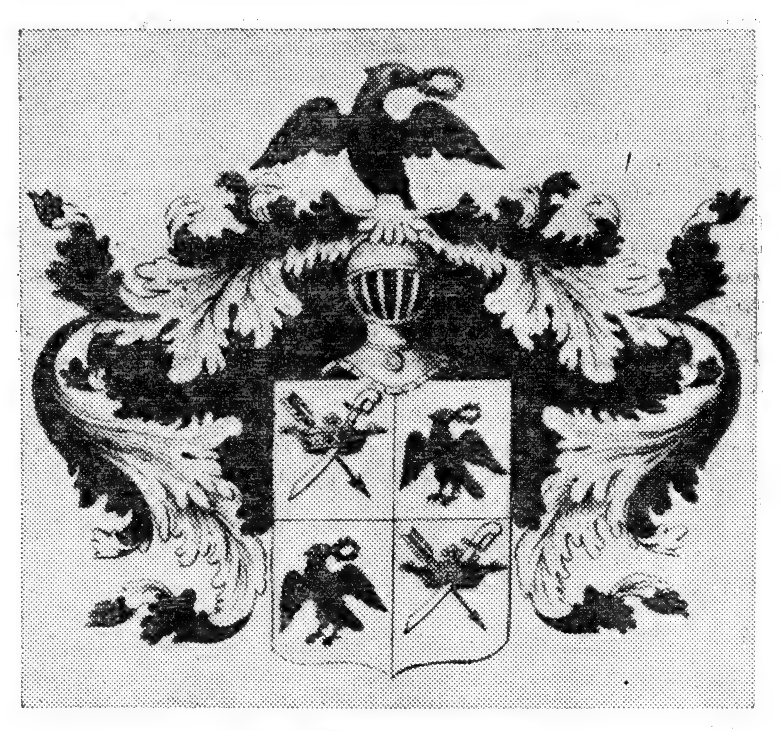
Ежели же, любезный брат, буду я в состоянии принесть тебе какую-нибудь денежную помощь, то я без зазрения совести и полагаясь на нашу взаимную дружбу и родство, к тебе оную перешлю; с тем условием, что ежели ты оной не примешь, то жестоко меня обидишь. Ежели и не захочешь ты принять оную в дар, то когда можешь, отдашь, а отказа от тебя я и слышать не хочу.

Родословное описание, расписанный лист и герб не премину в скором времени тебе доставить[2].

Любезная моя жена и две дочки мои, слава богу, здоровы; первая тебе кланяется, вторые почтение свидетельствуют. Хочу я между прочим напомнить тебе, любезный друг, что тебе уже 29 лет. Не забыл ли ты, что надобно когда-нибудь жениться? Или ты положил себе, что ежели не удается один раз, то и в другой также? Или ежели не женишься на той, на которой хотелось, то уже ни на ком? Прошу покорнейше, Славный воин, Николай Николаевич, разрешить мне сии любознательные вопросы. Счастие мое, что я за две тысячи верст от тебя,— не то б Рыцарский меч твой меня наказал за такое дерзкое предложение! Но, любезный друг, рыцарские времена давно уже прошли, и для тебя также они проскакали; а обольготиться, успокоиться, устроиться, кажется, не худо!

Прощай, милый мой брат и друг, любезный Николай, обнимаю тебя всем сердцем и остаюсь многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

ГЕРБ РОДА МУРАВЬЕВЫХ
Гравюра в кн.: «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». СПб., 1798, т. 1, № 59

54

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С. Ботово. Генваря 20 дня 1824 года

Удивляюсь я, любезный брат и друг Николай, что ты ко мне не пишешь и не отвечаешь на два моих письма, сряду почти пущенных к тебе в прошлом месяце. Они до тебя касаются; ты же поверил мне некоторые дела свои; для того я вправе знать распоряжения твои. Поздравляю тебя с Новым годом. Да будет сей для тебя периодом успехов в том, что единственно доставляет человеку мир на земле и блаженство по ту сторону гроба. Сие есть главнейшее мое желание, как для тебя, так и для себя. Потом приходят частные. Например: 1) Желаю тебе счастия

в службе постольку, поскольку оно сообразно с достижением того, что поставил я главным своим желанием. 2) Желаю тебе доброго имени между товарищами твоими (постольку, поскольку (смотри выше) и проч[ее]). 3) Желаю тебе добрую супругу, могущую разделить с тобою время твое, быть сопутницею и помощницею тебе в трудном странствовании жизни сей. Вот, любезный брат, я много тебе нажелал, а ты, может быть, на все это плюнешь и останешься в своих шпорах и ботфортах в милой Грузии, для милой Грузии, для милых туркменцев, которые (говорят) без тебя жить не могут; для любезных черкесов, которые без тебя покорят всю Россию! для, для и проч[ее], для ..., и проч[ее], — для ... и проч[ее]!!!

Прости мне, друг любезный, мои шутки; не в обиду тебе писаны они. Может, ты не одумаешься ли, не оставишь ли дикие места сии и не приедешь ли в здешние края.

Жена моя тебе кланяется и поздравляет с Новым годом; я же с душевною любовию остаюсь преданным твоим братом и другом

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. 7-го карабинерного полка господину полковому командиру, полковнику и кавалеру. *В Тифлис.* А оттуда прошу переслать сие письмо в *урочище Башкечет* *, штаб-квартиру оного полка.

55

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С. Ботово. Февраля 3 дня, 1824 года

Я третьего дни получил письмо твое от 28 декабря, любезный брат и друг Николай, и удивляюсь, что оно так долго в дороге было. Письмо твое привело меня в задумчивость на счет твой. Мне жалко видеть тебя, решившегося не оставлять службы и не жениться. Но признаюсь тебе, что я приписываю скорое сие решение минуте отчаяния, а не зрелому и не хладнокровному размышлению. Письмо батюшки тебя оскорбило. Верю сему, любезный брат; и как же бы сему быть иначе, когда (по словам твоим) оно наполнено [с]толь противными для тебя чувст-

* В подлиннике «Бешкечет».

вами. Я о письме сем здесь ничего иного не слыхал, кроме сих слов батюшки: *я писал к Николаю*,— говорил он,— и *писал как к другу, подавая ему советы насчет его жизни и устройства*. Более сего ничего о нем не знал и не слыхал. Позволь же мне, любезный брат, как другу твоему, поговорить о письме сем.

Ты знаешь, что необходимая и великая есть разница между чувствами 30-летнего человека и чувствами 55-летнего. Первый, в силе, во цвете жизни своей, руководствуем еще пылкими чувствами своего воспитания, которые он только, можно сказать, начинает прилагать к практике; великодушие, отвержение презрительных и низких вещей, смешиваясь с наклонностью темперамента его, не могут терпеть явных для них противностей; вот отчего, любезный брат, письмо батюшки тебя оскорбило. Второй, т. е. 55-летний, прошедший уже бóльшую часть жизни своей, видевший много; и притом, склонясь к вечеру жизни, приобретает всем старикам сродный порок: *скупость*. (Прости мне, брат мой, что я об отце так с тобою разговариваю. По прочтении ты, верно, предашь сожжению сие письмо.) Сей порок, говорю, тем еще более раздуваем, что состояние его расстроено и что он, можно сказать, необходимо должен заняться своими делами для поправления оных и дабы что-нибудь оставить детям своим. Он только спит и видит хозяйство, экономию, доходы, порядок, богатство. Что же с этим делать, любезный брат; не нам ли терпеть от отца нашего? Не нам ли сносить недостатки его? не нам ли принимать с покорностью некоторые выражения теперешнего состояния души его? Он тебя любит, поверь мне, столько же, сколько и меня, и всех братьев наших; какая же степень любви его к нам — того не знаю. Он привык с детьми поступать без покрова. Что на сердце, то и на языке. Видит он в тебе противный образ мыслей его образу мыслей; полагает же, что все блаженство в жизни сей состоит в одном *богатстве;* что самое благородное занятие есть *хозяйство;* что самый занимательный и поучительный разговор есть *экономия!* Что ж мог он иного тебе написать, когда он *теперь* основался на [с]толь ложных правилах? А ты, любезный Николай, позволь мне откровенно сказать тебе, не прав в том, что очень поспешно решился не выезжать из Грузии; что поспешно заключил, что тебя в семействе твоем не любят; что не рады тебя видеть; что нет тебе другой *невесты* —

кроме службы! Сохрани бог от такой скучной невесты!

Я бы советовал тебе, получив от меня сие извещение, написать к батюшке, что ты очень рад жениться на богатой невесте, *ежели она тебе придет по сердцу*. Что ты очень знаешь и веришь, что лучше быть богатым, нежели бедным. Что ты будешь стараться* дела свои, по экономии, вести порядком и не делать долгов. Что же касается до твоего рыцарства, то будешь стараться его смягчить столько**, что оно не будет более никому казаться странным. И что, впрочем, несколько лет могли уже и*** сами собою преобразовать привычки и что, может быть, если б он тебя увидел теперь, то иное бы сделал заключение. После сего советую тебе с тихостью попросить у него совета, как бы к успокоению твоему приступить?

Вот, любезный брат и друг Николай, мое мнение; последуй ему или нет; от тебя зависит; но по совести, кажется мне, что в сих моих советах нет ничего подлого, ни противного должности честного и благомыслящего человека.

Коснулся бы и рассуждения о помощи денежной, которую батюшка мог бы тебе сделать. Но статья сия совершенно мне неизвестна, ибо я не допущен до его приходов и расходов; сам не получаю от него ни полушки; думаю, однако, что две или три тысячи в год для тебя его бы не разорили.

Ты видишь, любезный брат, что я батюшку не оправдываю; и объясняю тебе состояние мыслей и мнений его для того, чтобы тебе можно было после сей рекогнос[ц]ировки приступить к желаемому делу. Сила не в том состоит, чтобы ты был с батюшкой согласен, чтобы вы друг другу доказывали свои нравственные положения, чтобы вы далеко друг от друга жили; но в том было, чтобы ты вышел в отставку и женился не в противность отцу своему. Так и поступай. Когда ветер противен, тогда мореплаватели идут под *бедавинтами*[1] и достигают желаемой цели; ежели б они от того отчаивались и бросили якорь среди моря, то настигшая внезапно буря разбила бы их корабль, сорвав с якоря.

Батюшка вить не может и, верно, не станет принуж-

---

* Далее зачеркнуто: «привесть им».

** Написано над зачеркнутым: «до того».

*** Далее зачеркнуто: «так».

дать тебя непременно жениться на такой или на другой; он сего ни с кем из нас не делал, да и правила его, относительно сего предмета, *оставлять детям полную свободу*. Он может посоветовать, а дело будет уже твое. И потому, любезный Николай, сделай милость, не раздражайся и не огорчайся; иди, лавируя, к своей цели; я же, из своего уединения, всегда с радостью возьмусь за всякое средство, могущее послужить к твоей пользе и удовольствию. Напиши мне, *подумавши*, — какие теперь будут твои намерения? Дабы я мог действительно содействовать оным. Но и ты будь также деятелен, и не оставайся погружен в одних спекуляционных мыслях, и не воображай дел твоих [с]толь худыми, как из письма твоего подумать бы можно было. Еще раз уверяю тебя, что батюшка очень желает тебе жениться.

Насчет брата Андрея, буду за него просить у тебя прощения. Он, верно, по молодости и неопытности осмелился тебя судить. Ты знаешь, любезный брат, что когда начинающий учиться грамоте вытвердит азбуку, то он всякому на шею навязывается и показывает, что он знает. Также и то, что выходящие из школы студенты обыкновенно бывают дерзновеннее и болтливее, нежели самый опытный и знающий профессор. Во уважение чего еще раз прошу тебя, прости его и не заключай о нем дурно; он истинно прехороший и предобрый малый и расположения имеет весьма благородные. Неопытность и опрометчивость одни причиною его безрассудного письма к тебе.

Гобойные ноты, ежели найду таковые, немедля тебе доставлю.

Теперь осталось мне самому извиниться перед тобою, любезный брат и друг Николай, за [с]толь долгое письмо, и которое, может быть, тебе не понравится. Но что делать, надобно было повиноваться влечениям дружбы и родства, которые продиктовали сии строки многолюбящему тебя брату и другу

Александру Муравьеву.

P. S. Жена моя тебе кланяется и спрашивает, не нужно ли тебе каких книг или нот. Просим не оставлять нас комиссиями. Племянницы свидетельствуют свое почтение.

56

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С. Ботово. Августа 18-го дня 1824 года

Давно я к тебе не писал, любезный брат и друг Николай; много было у меня хлопот, между прочим лишился я меньшой дочери своей Елисаветы, которой пошел было другой год.

Всякое состояние в жизни, как бы оно счастливо и красно ни казалось, сопряжено с великими огорчениями, и болезнями, и страданиями; для того, чтобы мы не влюблялись в оное и не забывали долга своего к богу. Вот я имел пятерых детей, теперь осталась у меня одна дочь *Соничка*[1].

Кто думает найти здесь на земле незыблемое счастие, тот крепко ошибается, и жестокие опыты выведут его из заблуждения. Сие делает господь из любви к нам, дабы мы не оставались в невежестве насчет назначения нашего и цели бытия нашего на земле, на которой повелевает он нам взирать на себя, как на изгнанников из Отечества и на странников, коим некогда возвратиться надлежит и, приплыв* к мирному берегу, успокоиться от всех болезней и печалей. О любезный Николай! ежели б я мог уверен быть, что ты так же мыслишь и чувствуешь, коль великую бы ощущал я радость от того! Ибо сие есть единственное утешение христианина, которым он преодолевает все волны и бури на шумном море жизни.

Прощай, мой друг любезный и брат Николай, всем сердцем тебя обнимаю Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию, милостивому государю Николаю Николаевичу *Муравьеву*. 7-го карабинерного полка полковому командиру, господину полковнику и кавалеру. *В Тифлис*. А оттуда прошу переслать сие письмо в урочище *Башкечет*, штабквартиру оного полка.

57

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

***Москва.* Апреля 9 дня 1825 года**

Любезный брат и друг Николай, все присланные тобою вещи, как-то: лезгинские трубки, чубуки и парфян-

---

* Первоначально: «приплыть».

ские медали,— я получил. Сии последние доставлю брату Михаилу, а за первые тебя благодарю.

С того времени, как я к тебе писал, много случилось такого, что тебе знать нужно и что, может быть, иметь будет влияние на твои обстоятельства.

Во-первых, батюшка согласился отправить к тебе, с унтер-офицером *Бонтаревым*[1], Артемьева сына[2]; также посылается и старый твой денщик Морозов, все сие на паре лошадей с телегою. Надежда Николаевна[3] не была все сие время в Москве, то я не мог еще выполнить комиссии твоей насчет музыканта; но теперь она приехала, и я тебя уведомлю о том, что она скажет.

Весь сей обоз отправится отсюда по первой просухе, что, вероятно, будет в первых числах мая месяца; под надзором твоего унтер-офицера, который сегодня у меня был и просил меня уведомить тебя, что он готов ехать, но что дожидается от батюшки присылки помянутых людей и лошадей.

Мне очень приятно было видеть твоего унтер-офицера и перенестись мыслию к тебе, и с ним вместе следовать за твоими упражнениями, и (сколько он мог служить мне путеводителем в сем путешествии дружбы), и, говорю, был я в твоих беседах, слушал твою музыку, словом, участвовал в обыкновенной жизни твоей.

Итак, любезный брат, сколько мог отягченный дух мой, погруженный в материю, сделаться легким и быть с тобою,— столько он и наслаждался твоим зрением.

Но должен я тебя уведомить, что ныне зимою ездил один на несколько дней в Петербург и нарочно разведывал о расположении адмирала[4]. Вот его слова:

«Николай Николаевич никогда от меня отказа не получал. Я предлагал ему повременить, дабы дочь моя более с ним могла познакомиться, а он с нею. Но он принял сие за отказ и скорым удалением своим показал, что слишком поспешен в деле такой важности, каков брак».

На сие велел я ему сказать, что, если б брат мой теперь приехал, будет ли он опять на той же ноге принят, как и прежде, и может ли он надеяться на согласие родителей? Ответ был следующий:

«Как теперь, так и прежде, не мы от Ник[олая] Никол[аевича] удалились, но сам он от нас уехал, по собственному его произволению. Он может и теперь, как прежде, посещать нас; но уверить его ни в чем не можем; ибо

ежели он понравится дочери нашей, то мы нимало тому не воспротивимся, тем более, что теперь он приобрел уже более опытности. Ежели же они не сойдутся, то мы не можем принуждать дочери нашей. Впрочем, мы Ник[олая] Нико[лаевича] очень уважаем и любим и не знаем, за что он на нас рассердился!»

Притом еще, любезный брат, Корсаков и Черкесов уверяли, а особливо последний, что все может идти хорошо.

Предлагаю* собственному твоему размышлению сии все обстоятельства. Ты сам вопросишь и сердце твое, и здравый смысл о том, что тебе делать.

Но позволь мне, любезный друг, предложить тебе свои мысли на счет твой. Сии мысли истекают из искренне любящего тебя сердца.

Тебе уже тридцать лет. Или ты хочешь на всю жизнь остаться холостым? в таком случае, я ничего не имею тебе сказать. Образ жизни твой, может быть, соответствует совершенно сему намерению, и ты тогда сам лучше знаешь, как и где тебе жительствовать. Но ежели находят на тебя минуты скуки, грусти, тоски, ежели сердце твое часто ищет пищи и не обретает оную, то позволь спросить: к чему ты это приписываешь? Неужели есть что-нибудь в творении, что желает и удовлетворения получить не может? Сие, кажется, несовместно с благостью творца. Ты скажешь на это: *что я захотел тебя завести в высокопарную мысленность, от праздности рождающуюся!* Нет, друг мой, обманывать тебя я не намерен, а говорю тебе из собственного опыта, а не из праздности. Я, может быть, и мог бы указать тебе, откуда сии желания сердца, сия грусть и тоска происходит и что есть именно настоящий предмет** сих ощущений, но разделяют нас многие обстоятельства и не позволяют еще с благоразумием снять повязку, всех нас ослепляющую.

Думаешь ли ты, мой друг, что, делая таким образом насилие самому себе, ты поступаешь мудро? Думаешь ли, что, отогнав от себя просящего хлеба, ты его насытишь? Нет, голод сделает его *жестоким*, и из *нищего* — преобразится он в *разбойника*. Так и с чувствами сердца, которые требуют законного удовлетворения.

---

* Первоначально: «Оставляю».

** Далее зачеркнуто: «их».

Ты по характеру своему любовен, дружелюбив, склонен к семейной тихой жизни и вопреки своего естества живешь, делая себе непрестанное насилие. Благоразумно ли сие?

Ты скажешь: к кому я приеду в Россию? Чем буду в России жить? Какое имею* уверение, что я, приехавши, устроюсь? А до тех пор не хочу никому в тягость быть.

На первый вопрос, кажется, и отвечать не нужно. Второй же несколько потруднее, ради кичливости твоей. Но ежели бы тебе одну зиму прожить в Москве безуспешно,— разоришься ли от того? А я тебя могу уверить, что твоя репутация так хорошо устроена, что недолго тебе здесь быть холостым. Есть здесь весьма почтенные девицы; особенно одна, которая может усладить твою жизнь, успокоить и заставить тебя забыть все твои горести и скуку. Даже, ежели ты хочешь, я пошлю к тебе портрет ее, с тем чтобы опять возвратить мне. Сие делается без ведома ее.

Или ты, может быть, все имеешь в виду первую свою особу. Сие уже не до меня касается, и в этом я советовать не могу. Но прошу тебя быть со мной искренним и говорить ясно.

К тому [же], и батюшка становится *стар*, он часто бывает болен. Ему очень хочется собрать рассеянных детей своих в[о]круг себя. Он много переменился и стал гораздо дружелюбнее. И несколько раз мне говорил: «Как бы я желал, чтобы Николай приехал, пожил бы со мною, в Москве бы женился и успокоился от трудов своих!»

Вот, любезный брат и друг, сердечные изъявления отца твоего, и брата твоего, и всех, искренне тебя любящих. Неужели не сдашься ты на желания наши; неужели нельзя потешить дружбу искреннюю? право, она того стоит, чтобы ее поддерживали!

Жена моя тебя очень любит и тебе кланяется; и она тоже просит тебя приехать к будущей зиме.

Адресуй твои письма в *Ботово*, ибо мы скоро туда едем на лето.

Многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

P. S. Сонюшка, моя дочь и твоя племянница, поздрав-

---

* Далее зачеркнуто: «я».

ляет тебя с праздником и посылает тебе визитную карточку.

58

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

С. Ботово. Ноября 8 дня 1825 года

Я все ожидал от тебя или письма, любезный брат и друг Николай, или тебя самого. Потому что из письма, писанного тобою к батюшке, показалось мне, что ты намерен был оставить полк. Вот настоящая причина молчания моего. Но не видя тебя и притом не получая от тебя писем, решился наудачу сам к тебе написать. Может быть даже, что письмо сие не застанет уже тебя в Грузии. Дай бог, чтобы ты уже был на возвратном пути в Отечество. Сего желаю не я один, но все, истинно тебя любящие, для твоего собственного блага. К сему не переставал я склонять тебя уже давно. О сем порадовался бы я от всего моего сердца.

Что может теперь удерживать тебя в Грузии? Сего истинно понять я не могу. И что помешает тебе хотя на одну зиму приехать к нам? Ты от сего не разоришься и всегда можешь,— ежели пожелаешь,— возвратиться в свои пустынные горы. Эй, брат, послушайся меня! Ради бога, послушайся меня! Не питай своей меланхолии! Не подобает благородной и высокой душе утопать в унынии и печали. Возьми Плутарха в руки, прочти жизнь некоторых мужей; они, хотя язычники, но могут великодушием своим пристыдить* нас. А мы, коих упование и надежда утверждены должны быть в самом боге,— мы ли падем под бременем обстоятельств!

Согласен в том, что пока судьба известной нам особы не решилась[1], дотоле мог ты с некоторою правостью оставаться в Грузии; но теперь, когда все решено, когда сняты с тебя цепи, самопроизвольно или по определению божию на тебя наложенные, ты, благоразумный человек, хочешь как бы бороться с новым твоим званием; ты** отвергаешь зов, вводящий тебя в отверзтую пред тобою дверь; и самовольно натягиваешь и навлекаешь на себя горесть, печаль и мрачность. Чем, думаешь ты, все это кончится? Прилично ли благоразумному мужу так посту-

---

* В подлиннике: «простыдить».

** Написано над зачеркнутым: «хочешь».

пать? Не есть ли это слабость духа? О, брат мой, любезный Николай! Не отвергни, сделай милость, просьбы моей. Разорвись с Грузиею. Лучший жребий тебя здесь ожидает.

Насчет некоторых трудностей относительно полка, о которых Муханов[2] мне говорил; советую тебе поступить так, как все в таком случае поступают. По приезде сюда можно будет тебе изъяснить мои мысли, которые несомненно удовлетворят твоей честности и бескорыстию.

Я* Муханову не прощаю, что он не вытащил тебя оттуда. И** думаю, что ежели бы я сам при тебе был,— то не уехал бы без тебя.

Прости, друг мой, ежели я не щадил слов к убеждению твоему. Поверь, что не пощадил бы ни усилий, ни трудов для достижения своей цели. Не худо бы*** послать за тобою какого-нибудь рыцаря, который бы, как любовницу, увез тебя из среди стана твоего, промчал бы сквозь чары и поверг бы в объятия верного твоего брата и друга Александра Муравьева.

Да будет письмо сие рыцарем оным!

Жена моя то же говорит, что и я. Все любящие тебя то же говорят, что и я. Будущая невеста твоя, тебя не знающая, то же говорит, что и я. Буд[у]щие дети твои вопиют и хотят видеть свет. Все потомство твое то же говорит и просит тебя не держать его в небытии. А благий гений твой с некоторого времени здесь проявился; он летает**** над тихим и мирным *Красноводским*, предвозвещая о скором твоем появлении.

59

НИКОЛАЮ I

С[анкт]-Петербургской крепости. Генваря 25-го дня 1826 года*****

Ваше императорское величество!

Государь всемилостивейший!

После того, как Ваше императорское величество всемилостивейше сделали мне благодеяние, позволив писать

---

* Первоначально: «Ни».

** Первоначально: «Ни».

*** Далее зачеркнуто: «мне».

**** «он летает» написано над зачеркнутым: «и парит».

***** В левом верхнем углу № 7, № 421, в правом верхнем углу: «27 Генваря 1826», ниже карандашом: «к сведению при допросах».

к страждущей жене моей[1]; после того, как позволили мне иметь при себе Священное писание, единое утешение христианина; и наконец, когда Ваше императорское величество столько милостивы, что изволите посылать узнавать и доводить до сведения Вашего величества нужды здесь заключенных, после подобных знаков милосердия вашего,— я, ободренный ими, осмеливаюсь всеподданнейше прибегнуть и с моею необходимостью к милости государя моего, прося усерднейше Ваше величество удостоить милостивого воззрения сие сознание мое!

Всемилостивейший государь! Седмь лет уже проходят, как, по милосердию божию, я перестал быть вредным подданным, вредным членом Государства; более седми лет как я женат и в отставке; и седмь уже лет живу в совершенном удалении от мира и уединении в деревне, отвлеченный от всяких политических мыслей, мнений, слов и сношений, преданный единой семейной жизни и упражняясь в чтении и, сколько в силах моих состоит, в исполнении слова божия, которое, силою своею, уже седмь лет тому назад открыло мне все прежние мои великие заблуждения, ясно и твердо убедило в том, что долг подданного есть — повинуясь государю и властям, исполнять в точности и по чистой совести все возлагаемые на него обязанности, совершенно отвлекло меня от прежде бывших моих мыслей, мнений и слов, показав, что они были последствия и плоды невежества, неверия, необузданных страстей и пороков моих, обратило меня на исследование собственных моих грехов и привело в такое состояние, что я тогда же раскаялся перед господом богом и даже перед людьми, торжественно исповедав пред ними, что заблуждался, и объявив моим знакомым, что я от них отступаю и прерываю всякое сношение. Не только сие, но я старался даже отвратить некоторых из них от заблуждений их, и сколько мне даровано было от господа — приводить в разум истины*. Ныне же, всемилостивейший государь, призван будучи, пред Вашим императорским величеством изъявляю свое сердечное раскаяние во всех тому седмь лет назад и прежде бывших моих предерзостных мыслях, мнениях и речах; признаю, и давно уже признал, их за буйные, преступные и противные духу христианина и долгу подданного[2]. В чем, испросив прощения у господа бо-

* В оригинале: «Истинны» (может быть, «истинны[й]»?).

га, теперь и Ваше императорское величество о том же прощении умолять осмеливаюсь, при засвидетельствовании: что с самого времени моего обращения я никаким образом ни в чем не участвовал, ни с кем сношений не имел, равно как и сведений о том, что доныне происходило и случилось.

Всемилостивейший государь! Вот искренняя и чистосердечная моя исповедь. Она служит всеподданническим ответом на вопрос, сделанный мне сегодня посланным Вашим императорским величеством господином генерал-адъютантом[3]: не имею ли я что сказать государю? И посему уповаю, что, удовлетворив совести своей, не навлеку на себя гнева Вашего величества. Я дожидался сего вопроса; и теперь, исполнив сердечное влечение и долг свой, изложив перед милостивым монархом все, что до меня касалось, и испросив у него искренне прощения в прежних заблуждениях моих,— теперь предаюся милосердию господа бога и милосердию государя моего.

Всемилостивейший государь,
Вашего императорского величества верный подданный
отставной полковник Александр Николаев сын Муравьев.

60

П. М. МУРАВЬЕВОЙ

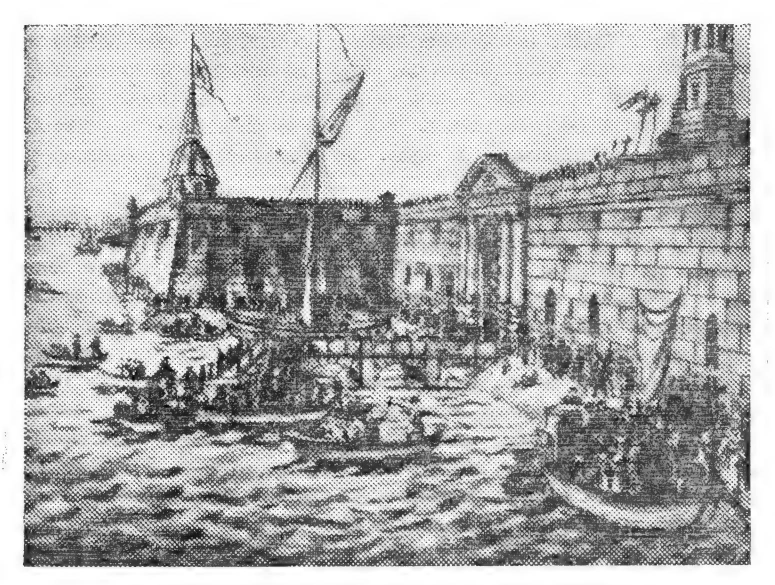
[Петербург, конец января — начало февраля 1826 г.]*

Ради бога, умоляю тебя, дорогой друг, успокойся на мой счет. Я чувствую себя хорошо, клянусь тебе. У меня хорошее помещение, меня хорошо кормят[1]. Что еще нужно для бренного тела? Что же касается души моей, то она не страдает от этого ничуть, ибо, скажу тебе, мне открылось, кажется, что творец вселенной соблаговолил возложить всемогущую длань свою на свое творение, чтобы отвратить его от врожденных гордыни, гнева, зависти и корыстолюбия, из сочетания которых проистекает все дурное, чем заражена человеческая натура.

Не обладали ли мы всем для успеха подобного труда? И если мы христиане истинные, а не только по названию, не должны ли мы не только охотно покоряться врачеванию нашего опасного недуга, но и принимать его по доброй воле, обращая ум наш к господу, совершенно отре-

---

* Подлинник на франц. яз.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ (ФРАГМЕНТ)
Гравюра Иванова. 1-я половина XIX в. *ГИМ*

каясь от наших разнузданных желаний и отвергая требования плоти и крови. Твое состояние, дражайшая моя Полина, только твое состояние лишает меня покоя, который божественное провидение благоволит иногда мне даровать. Часто, очень часто наполняются слезами глаза мои, когда я думаю о тебе, моя возлюбленная, о твоих ужасных страданиях, о твоей болезни, твоем беспокойстве, твоей постоянной тревоге. Ах! Да сохранит тебя милосердный господь и да ниспошлет он тебе спокойствие сердца, печатью которого должен быть отмечен каждый истинный христианин! Да сохранит тебя господь для твоего друга и твоего ребенка.

Ты говоришь о моей невиновности, дражайший друг; правда, я уже семь лет ни в чем не виновен, я не поддерживал ни малейших отношений с кем бы то ни было, я даже торжественно отрекся от всех своих прежних связей, от всех своих прежних заблуждений. Но ошибки, но заблуждения давно прошедших дней,— кто искупит их за меня? Нет, дорогой друг, я полностью предаюсь божественному правосудию. Но ты, друг мой, моя возлюблен-

ная, ты, которая составляешь счастье жизни моей, ты, посредством которой провидению угодно было проникнуть в сердце мое первым лучом своей любви, ты, которая была орудием моего обращения, ты, ты страдаешь! Это у тебя я должен просить прощения, и я прошу его чистосердечно за все тревоги, за все терзания, за все мучения, которые ты испытываешь из-за меня в этот ужасный момент. Прости меня, я не могу продолжать.

Я вновь взялся за перо, мой друг, чтобы убедить тебя безропотно переносить судьбу, ниспосланную нам всемогущим царем вселенной, который правит всем и каждым в отдельности, *который есть все и вся, в котором мы живем, умираем и существуем.* Представь себе все это хорошо и живо, и ты успокоишься и терпеливо перенесешь это испытание.

Побереги свое здоровье, побереги себя ради меня, друг мой! Моли бога за тебя и за меня и за наше дорогое дитя: гнев господен не будет продолжаться вечно! Расскажи мне в подробностях, как проводишь ты время, как твое здоровье, твоя душа, как Софи. Обними ее за меня крепко и нежно, купи ей игрушку, скажи ей, что это я ей дарю. Поблагодари своих сестер за их память обо мне.

Мне принесли обед.

В 2 часа пополудни.

Дорогой, дражайший друг, именем, самым священным для нас, заклинаю тебя, не отягощай моего несчастья болезнью, которую ты можешь навлечь на себя, если будешь предаваться скорби. Молись предвечному богу, и он пошлет успокоение твоей душе и здоровье телу! Не беспокойся обо мне, я чувствую себя очень хорошо, помещение мое хорошее и сухое. И что важнее всего этого, спаситель ни на минуту не оставляет меня. Да пребудет господь с тобой. Я обнимаю тебя со всей нежностью моего сердца.

Я никогда бы не закончил, нежный мой друг, я никогда бы не закончил письма к тебе, если бы не опасался злоупотребить великодушной добротой того, кто разрешает нам эту радость. Он, по-видимому, читает все наши письма, и до какой степени должны они его утомлять! Но господь сумеет доставить ему справедливую награду за его добрые дела![2]

Я умоляю тебя, нежный мой друг, я умоляю тебя, береги себя, успокойся, подумай о своем слабом здоровье,

сохрани себя ради меня, во имя неба, я прошу тебя, доверься богу во всем. Он печется о всех тех, кто на него полагается. Прощай, моя возлюбленная Полина, да будет с тобой и с Софи благословение господне. Прощай, я обнимаю тебя от всей души.

61

П. М. МУРАВЬЕВОЙ

[Петербург]. Суббота, 6 февраля 1826, в полдень*

Я благодарю бога, мой нежный друг, за то, что ты сохраняешь еще немного здоровья. Известие это доказывает всемогущую доброту господа, божественное его покровительство нам, бедным и несчастным созданиям! Как же не должен я благодарить его! Ах, сколько благодарностей возношу я ему беспрестанно, как прошу я нашего божественного спасителя поддержать тебя и меня, утешить нас и помочь нам в жестоких наших испытаниях. Продолжай каждый раз, дорогой и возлюбленный друг, сообщать мне все новости и все подробности о твоем здоровье, о твоем душевном состоянии и, наконец, обо всем, что касается тебя и нашей дорогой Софи. Ибо во время операции, которую божественный врач душ и тел проводит на мне, я могу испытать лишь то облегчение, которое благоволит иногда предоставить мне его божественное милосердие, и собственными его утешениями, и теми утешениями, которые я могу получить от тебя, возлюбленная моя, нежная моя Полина. Хотя я убежден, что ничего не происходит с нами без воли нашего отца небесного, однако слабость человеческая, плоть и кровь, заставляют порой услышать мучительные свои стенания, и тогда кажется мне, будто я лишен всякой поддержки, всякого участия. Ах, как ужасно это состояние! Но чем глубже рана, тем болезненнее лечение! Ветхая наша натура очень нежна к себе, она любит, чтобы к ней ластились, чтобы ее ласкали, а когда применяют к ней предписанные для лечения средства, она воет и ревет! Это состояние настолько тягостно, что трудно его понять, не испытав самому. Однако если и в этом состоянии мы также сохраняем спокойствие, что возможно, тогда спаситель приходит с нежными утеше-

---

* Помета П. М. Муравьевой: «Получено 7 в 10 часов утра» (франц.). Подлинник на франц. яз.

ниями своими, чтобы восстановить истощенные силы наши, или, скорее, чтобы даровать нам новые силы. Вверим же, дорогой друг, себя его святому провидению, поднимемся над тем, что может предвидеть предусмотрительность наша, и поручим заботу о бытии нашем его всемогущей мудрости. Припадем к стопам Иисуса Христа, его, который говорит: «Приидите ко мне все обремененные и труждающиеся, и я успокою вас!» Успокойся же, возлюбленная моя, успокойся, не с продолжительной помощью людской, но с той помощью, которую божество дарует и заповедует нам: молитвой, верой, надеждой, упованием, терпением.

Да, дорогой и добрейший друг, последнее твое драгоценное письмо, писанное в четверг и в пятницу 5 февраля, получил я в тот же день, уже вчера вечером, благодаря доброте того, кто уже стяжал на себя благословение небесное, плоды которого уже видны. Я получил также трубки и табак, за которые тебя благодарю.

В 4 часа пополудни.

Дорогой и нежный друг, сколько я хотел бы еще тебе сказать, но увы! Я не смею делать письмо мое слишком длинным. О моя возлюбленная, будь спокойна, ради любви ко мне; береги себя, доверься божественной доброте. Прочти 2[-ю] главу Иова и 1-ю главу послания святого Иакова[1]. Будь мужественна, уповай на бога. Проси у него веры, живой и животворящей, и она будет тебе дарована. Молись за меня, молись за меня много, я ожидаю от тебя этого заступничества перед провидением. Не проходит ни одного мгновенья ни днем, ни ночью, чтобы душой и умом моим я не был с тобой! Ты со мной в молитвах моих. Вместе простерлись мы перед предвечным богом, обоих нас поразила всемогущая его рука, и я смею надеяться на провидение его, помощь его, милосердие его, которое соединит нас вместе, когда мудрость его так решит! Крепко обними за меня Софи, мою дорогую маленькую Софи. Да ниспошлет господь тебе и ей свое святое благословение. Я обнимаю тебя от всей души, нежный мой друг, я сжимаю тебя в своих объятиях!

За письмом могут прийти в любой момент. Всегда пиши мне несколько строк утром, когда отправляешь свое письмо, и сообщай, как ты провела ночь и как твое здоровье. Что касается меня, я чувствую себя хорошо. Моли бога, чтобы он соблаговолил вскоре вновь соединить нас.

О друг мой, моя Полина, пусть благословение господне снизойдет на тебя, успокоит тебя, поддержит тебя, восстановит твои силы и сохранит или скорее поправит твое здоровье! Да пребудут с тобой и да хранят тебя ангелы господни! Твой верный друг

А[лександр] М[уравьев].

В 6 часов. Прощай, моя дражайшая Полина, я обнимаю тебя еще раз. За моим письмом уже пришли. Прощай.

62

П. М. МУРАВЬЕВОЙ

[Петербург]. Воскресенье 14 марта 1826*

Около часа пополудни.

Дорогой, дражайший друг! Как я тебе благодарен за твое дорогое письмо, писанное в четверг 11-го марта, которое я получил вчера. Как отразилось в этом письме чудное твое сердце! Как сумела ты принести утешение моей жестоко страдающей душе! Несомненно, всевышний внушил тебе эти могучие утешения. Как велика моя благодарность богу, соединившему меня с тобой, моя возлюбленная! Ибо в мирные дни ты составляешь мое счастье, и в дни невзгод именно тебе поручено осветить мое сердце лучами милости божьей! Твое дорогое письмо содержит лекарства, облегчающие страдающее сердце, возвышающие подавленную душу! Ах! Как тяжел этот крест,— я не могу не повторить этого! Я понимаю также, что это я сам, моей показной покорностью судьбе, возложил на себя эту тяжелую ношу. Но, дорогой друг, когда, например, вам режут руку или ногу, то как бы ни были вы убеждены в необходимости этой мучительной операции, как бы вы ни были уверены в опытности хирурга, вы не можете, однако, помешать себе испытывать во время ее крайнее мучение! Это именно мой случай! Я благодарю тебя, дорогой друг, за эти нежные строчки, где пишешь ты об испытании, его назначении, его происхождении и его сроке! Очень хорошо и спасительно повторять это почаще, а особенно вспоминать, как ты еще сказала, что мы только странники и путешественники на этой земле, которая однажды должна поглотить то, что дала нам она,— *наше тело,*— и отпустить на свободу то, что пришло не от нее,—

* Подлинник на франц. яз

нашу душу. Ах! Когда сердце проникается этими высокими истинами, чувствуешь действительно, как будто успокоился на минуту, чувствуешь больше готовности выдержать и терпеливо, предаваясь воле божьей, пройти тот путь, по которому мудрости его угодно было направить нас. Думаешь тогда, что эта жизнь есть не что иное, как очень и очень краткое введение к истинной жизни, которая должна последовать за ней и быть вечной, и что как по предисловию узнаешь идею произведения, так и с жизнью человека! *Сеющие слезами радостью пожнут* *. Но эти моменты успокоения, увы, непродолжительны! И человек, который до своего грехопадения создан был для счастья, даже после своего преступления сохранил настоятельное желание быть счастливым; и во всем, что бы ни делал он, всегда присутствует намерение достичь этого счастья, к которому он стремится! Но увы! Бедное человечество, как часто ты ошибаешься! Твои страсти, твои слепые склонности, твоя необузданная воля, одним словом, все, что заставляет тебя жить на земле, так завораживает внутреннее зрение твоей души, что подобно слепому, ты натыкаешься на каждый столб, сваливаешься в каждую яму, а думаешь, что ты на правильном пути! Да, человек создан для счастья, но для счастья истинного, и после его преступления только испытания могут привести его к этому счастью! *Тесный путь, узкие врата — вот путь живота. Вот пути царствия небесного, которое внутрь нас есть!***

В 3 часа.

Я прервал мое письмо ненадолго, дорогая и горячо любимая Парашенька, потому что, если бы я позволил себе продолжать, я думаю, что не закончил бы никогда, и потребовалась бы, по крайней мере, десть*** бумаги, чтобы изложить по порядку все идеи, возникшие у меня в голове. Но все это хорошо для нас двоих и может только утомить достойного нашего благодетеля, у которого много других дел, кроме чтения наших писем, и который оказал нам уже столько снисхождения и доброты. Ах! Да вознаградит его за это небо! Что же касается меня, то уверяю тебя, дорогой и нежный друг, что не ветхий чело-

---

* Выделенная фраза в подлиннике по-русски.

** Выделенная фраза в подлиннике по-русски.

*** Десть — старинная мера бумаги, около 50 листов.— *Ю. Г.*

век во мне, а именно я, все существо мое мечтает об освобождении! О радостной, счастливой минуте, когда я буду возвращен тебе, когда мы вновь соединимся! Это беспрерывная мольба души моей! И я горячо молю господа внять ей! Соблаговоли, господи, явить нам милосердие! Я хотел написать матушке[1], чтобы поздравить ее, но побоялся, что этого не позволят, потому что мне разрешено писать только тебе, моя возлюбленная! И разве не является и это знаком большой милости, оказанной нам его императорским величеством! Чем более тяготит меня тюрьма, тем живее я чувствую это благодеяние. Я очень тронут участием, которое матушка принимает в нашем несчастии, но разве могло быть иначе, ведь она олицетворение доброты, ведь она бесподобная мать. Я целую ей ручки и свидетельствую свое глубокое почтение. Что касается лекарства для ноги моей тетушки графини Пушкиной[2], вот оно: ...*

Засвидетельствуйте тетушке глубокое мое почтение и поблагодарите ее за участие, которое она проявляет ко мне. Я прошу ее и дальше быть ко мне доброй!

Около 5 часов.

Дорогая, возлюбленная Полина, дорогой и единственный друг, вот и кончается мое письмо, и я не осмеливаюсь перевернуть страницу, чтобы продолжать. Я чувствую себя, слава богу, довольно хорошо. Молись за меня, я умоляю тебя об этом! Как насморк Софи? Обними за меня это дорогое дитя! Дорогой и нежный друг, я обнимаю тебя от всего сердца, от всей души, я сжимаю тебя в моих объятиях. Да благословит господь вас обеих. Увы! Прощай, дорогой друг!

Я не получил второй посылки с табаком,— кажется, ты забыла указать там мой адрес. Мне, следовательно, нужен табак, пришли мне его. Прощай, друг мой! Я сжимаю тебя в своих объятиях.

Твой верный друг Александр Муравьев.

В 7 часов. Сообщи мне о своем здоровье, дорогой друг. Я еще раз обнимаю тебя, моя возлюбленная. Прощай!

---

* Примечание П. М. Муравьевой: Я не буду переписывать здесь рецепт, находящийся в письме дорогого Александра (франц.).

63

П. М. МУРАВЬЕВОЙ

[Петербург]. Пятница. 19 марта 1826*

В 2 часа пополудни.

Я получил сегодня утром дорогое твое письмо, писанное во вторник, 16 числа. Дорогой друг, дражайшая Парашенька, как благодарен я тебе за твои утешения! Ах, как необходимы мне они в грустном моем положении! Я благодарю предвечного бога за то, что он поддержал тебя во время болезни! Пусть защитит и сохранит тебя его беспредельная милость! Да, дорогая, возлюбленная, я очень страдал в эти дни, и особенно страдал из-за тебя. Я не мог представить себе, как несешь ты этот тяжкий и тягостный крест, как еще выдерживает это слабое твое здоровье! Я как нельзя более огорчен, что стал причиной, пусть уже весьма отдаленной, но причиной твоих страданий. Кроме того, продолжительность моего заключения заставляет меня, разумеется, часто размышлять о том, что же думают на мой счет! После того, как уже семь лет назад я не только торжественно отрекся от всякого *общества*, но и объявил себя противником всех воззрений, сколько-нибудь близким подобным объединениям; после того, как я искренне раскаялся в старых ошибках и моих давно оставленных заблуждениях; после моего обращения, основанного не на изобретенных людьми доказательствах, но произведенного рукою божественной мудрости, освободившей меня из этой глубокой и обширной трясины,— невозможно, кажется мне, сохранять в сердце наклонность к этим исчадиям тьмы! После того, как в течение семи лет я испытуем был божественным правосудием и переживал самые мучительные испытания, о которых не стану говорить здесь [1], после того, как прожил я семь лет, удалившись от мира, мирно и не поддерживая никаких ни прямых, ни косвенных связей с кем бы то ни было из моих старых знакомых и даже сделавшись с ними врагами** [2], внезапно вновь появиться на мирском поприще, как появился на нем я,— ах, дорогой друг, есть от чего прийти в ужас.

Вот повод, чтобы вскричать вслед за пророком Иере-

* Подлинник на франц. яз.
** «и даже сделавшись с ними врагами» написано над строкой.

мией, глава 9, стихи 23 и 24: *«Да не хвáлится мýдрый мудростию своею, и да не хвáлится крепкий крепостию своею, и да не хвалится богатый богатством своим; но о сем да хвáлится хваля́йся, еже разумéти и знáти, яко аз есьм господь творяй милость и суд и правду на земле, яко в сих воля моя, глаголет господь!»**[3] Впрочем, дорогой друг, то, что я говорю здесь, вовсе не жалоба, сохрани меня боже от всякой жалобы по этому поводу! Я убежден в мудрости, справедливости и милосердии тех, кто судит меня. Но я не могу помешать себе ощущать всю тяжесть этого ужасного испытания, продолжительность которого особенно приводит меня в замешательство. Однако господь не покинет тех, кто уповает на него, и я, страдая, молю спасителя ниспослать нам — тебе, друг мой, и мне — терпение, мужество, покорность провидению, которыми должны обладать те, кто желает участвовать в своем спасении! Ибо у нас, созданий божиих, и притом падших созданий, ни терпение, ни мужество, ни покорность провидению не могут появиться сами по себе. Все добродетели эти являются добродетелями лишь тогда, когда они дарованы нам богом, в противном случае они суть только гордость и ожесточение, коренящиеся в нас самих и от нас самих исходящие! Ах, молю господа, избавляющего от несчастья и бедствия тех, кто прибегает к нему, молю господа освободить меня поскорее отсюда, чтобы вновь соединиться с тобой, дорогой и нежный друг!

Около $3^1/_2$ часов.

Я перечитал написанное и умоляю тебя, единственный мой друг, не воспринимай вышесказанное как жалобы и ропот! Боже сохрани меня от этого! И против кого стал бы я роптать? Это же было бы противно богу! Ибо именно от него принимаю я то, что происходит со мной, и христиане всегда должны это так принимать. Но можешь ли ты подумать, чтобы стал я роптать на бога? Это был бы слишком великий грех. Я поделился с тобой моими чувствами, задушевный и сердечный мой друг, чтобы ты знала все мои мысли. А впрочем, я вверяю попечение о моем освобождении и моем оправдании тому, кто испытует все сердца и помыслы и кому известны все мысли людей и все самые сокровенные их чувства. Он все и вся, начало, середина и конец, первое и последнее, альфа и омега, он

---

* Цитата в подлиннике по-русски.

вседержитель всемогущий. И он может единым словом убедить тех, кто судит меня, в моей невиновности и отворить закрытую предо мною дверь! Это к нему поэтому, к нему я взываю и его не устаю призывать, его, чьей помощи и подмоги должны просить мы оба! Молись за меня, дорогая, возлюбленная Полина! Молись за меня, как я беспрестанно молю за тебя господа. Вот,— и я поразительный тому пример и для себя, и для тебя, друг мой, вот, говорю я, как не должен человек вовсе ни рассчитывать, ни полагаться на себя самого; но должен он единственно полагаться на бога, на господа единого, который сам сказал: *«Я бог ревнивый!»* Да, он ревнив к славе своей, к своей бесконечной доброте, к милосердию своему, которое желает он сообщить всем, как говорит апостол римлянам, глава XI, стих 32: *«Затвори бо бог всех в противление, да всех помилует!»**[4]

В 4 $1/2$ часа.

Вот и весна наступает, дорогой, дражайший и нежный друг! Это время в течение уже четырех лет всегда опасно для тебя. Ведь всегда именно весной усиливается твоя болезнь, ты страдаешь грудью, кашляешь кровью! О, боже мой, благоволи в этот раз предохранить ее от подобного рецидива! Ах, дорогой друг, как несносен этот страх за тебя! Вдруг у тебя начнется кровохарканье, и это в мое отсутствие! Ради бога, моя горячо любимая, сейчас же, как только почувствуешь появление подобного рецидива, посоветуйся с опытным врачом и начни лечение, не дожидаясь ухудшения. Ради бога, ради меня, береги себя, прими меры, чтобы предохранить себя от простуды, во избежание несварения желудка придерживайся овощной диеты. Ах, да не оставит и да сохранит тебя господь! Когда его императорское величество оказал мне милость, позволив переписываться с тобой, друг мой, он разрешил мне также иметь библию и духовные книги. Пришли же мне *«Подражание Иисусу Христу»* и *«Духовную борьбу»*[5]. Я испытываю большую нужду в этих двух трудах в том тяжелом положении, в котором я нахожусь, когда ветхий человек и плоть моя объединились, чтобы реветь и трубить мне в уши свои плаксивые песни. Я получил сегодня посланный тобой табак. Дорогой друг, обними за меня мою маленькую Софи и купи ей от меня игрушку. Я обнимаю

* Цитата в подлиннике по-русски.

тебя, мой возлюбленный, мой нежный друг, дорогая Полина, я обнимаю тебя и сжимаю в моих объятиях со всей силой души моей! Я молю господа, чтобы он благословил вас обеих и чтобы его святые ангелы охраняли и опекали вас. Прощай, моя возлюбленная, прощай! Я еще раз сердечно благодарю тебя за твое драгоценное письмо, чтение которого утешило и ободрило меня. Прощай, дорогая Полина, увы, прощай; твой верный друг

Александр Муравьев.

В 7 часов. Я обнимаю тебя, моя возлюбленная. Прощай *.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее высокоблагородию, милостивой государыне Прасковье Михайловне Муравьевой. В С[анкт]-Петербурге. В Большой Подьяческой улице, в доме *Колокольцова* **.

64

П. М. МУРАВЬЕВОЙ

[Петербург], 2 июня 1826. Среда.
В 2 часа пополудни***

Только сегодня утром я получил твое письмо, моя возлюбленная, моя нежная и дорогая Полина. Благодарю тебя от всей души за утешения, посланные мне в нем, и за то, что ты для меня переписала. Да, друг мой, вверимся господу и будем мирно ожидать окончания нынешних невзгод, с упованием ожидать будем, какой оборот примет судьба наша. Под *упованием* понимаю я не надежду на то, что она будет благоприятной и совпадающей с нашими желаниями; я имею в виду, что с нами случится лишь то, на что будет воля божия. Ибо что знаем мы о том, что господь желает сделать с нами и чего ожидает он от покорности нашей? Могли ли мы когда-либо думать, что после семи лет покоя, тишины, отказа от всякого общества, от всех ошибок и политических заблуждений, от всех радостей, удовольствий и мирской суеты, обремененных заботами, потерями и тяготами, нам будут посланы еще эти тяжкие и жестокие невзгоды? Разумеется, нет! И теперь, что знаем мы о том, что нас, может быть, ожидает?

---

* Последняя фраза написана на полях.
** Адрес написан по-русски.
*** Подлинник на франц. яз.

Вспомним, что мы странники и чужие на этой земле; что вся жизнь наша с момента рождения до самой смерти есть лишь путешествие! Вспомним, что путешествуем мы не одни, что нас беспрестанно сопровождают незримые существа, посланные охранять нас! Что ход нашего путешествия со всем, что ему сопутствует,— хорошим и дурным,— рассчитан, соразмерен и приуготовлен заранее господом вседержителем вселенной, который желает возродить в нас свой образ и подобие свое, сокрушенное и утраченное из-за нашего гибельного грехопадения! Так часто, как только возможно, будем представлять себе это, и нам легче будет продолжать путь. Увы, я по собственному опыту знаю, я чувствую, что мы почти не способны постоянно и продолжительно сохранять такое расположение духа; ибо желали бы мы хоть несколько часов передышки; но, не получая их, обратим свои взоры к милосердному отцу небесному и попросим его, как дети просят отца, поддержать нас и дать нам силы идти дальше! Что еще я могу сказать тебе, друг мой! Что могу я сказать себе самому, чего бы ты не знала и не чувствовала в даруемые нам по милости божией кратчайшие моменты передышки! Ты говоришь мне, *что найдешь всегда в любви своей достаточно силы, чтобы помочь мне перенести мучительное бремя в дни жизненных испытаний.* Ах, дорогой друг! Как эти чувства услаждают мою душу! И сколько уже благодеяний принесла и приносит мне ежедневно твоя любовь! И как чувствовал я, и как чувствую ежедневно благодетельное воздействие твоей нежности! Но, друг мой! Это могло бы случиться, лишь если бы мы могли хоть как-то общаться. Но я прерываю разговор об этом, моя возлюбленная! Ты видишь, что я не горюю, ни на что не жалуюсь; я приготовился ко всему, как я хотел бы и тебя к тому приготовить, находясь в полной неизвестности на свой счет. Может быть, напротив, государю угодно будет помиловать меня, и я буду тебе возвращен! Все это скрыто от моего взора непроницаемой завесой.

Около 5 часов.

Прости меня, дорогой, дражайший друг, если мое письмо расстроило тебя,— если я по своей неловкости причинил тебе страдание. Не думай, прошу тебя, что я могу сообщить тебе что-нибудь определенное, что-нибудь плохое на свой счет. Нет, я не знаю ничего о том, что меня ожидает. Следовательно, не волнуйся за меня, ибо, как

я говорил выше, судьбами человеческими распоряжается бог, а люди должны научиться подчиняться ему охотно, как только возможно. Не беспокойся также и о моем здоровье,— оно все в том же состоянии. Последние дни я был на прогулке.

Что еще я тебе скажу, друг мой? В моем ужасном положении я часто предаюсь тягостным размышлениям. И одно из самых больших моих огорчений,— что из-за меня страдаешь ты! Я причина твоих жестоких страданий. И хотя меня удерживают здесь мои заблуждения, имевшие место в довольно отдаленные времена, это не уменьшает боли моей за тебя, дорогая моя Парашенька! Ах, когда наступит миг, который вернет мне мое счастье! Я размышляю также о моей внутренней лености, о работе над собой. И почему мы страдаем так жестоко? Это происходит лишь потому, что сердце наше не совсем свободно от мира и его соблазнов; и мы в действительности страдаем только от мирского, которое мы сохранили. Ибо подобное стремится к подобному и желает подобного; закон этот глубоко запечатлен во всем живом. И поскольку преходящий образ мира и его изображение остаются запечатленными в нашей душе,— мы никогда не сможем быть истинно и постоянно счастливы. Впрочем, я страдаю более всего из-за тебя, душевный мой друг! Ибо ничто в этом мире не запечатлелось в моем сердце так сильно, как ты, моя возлюбленная! Ты имеешь столько прав на мою любовь, мою признательность,— я никогда не завершу, начав перечислять все, чем ты являешься для меня! Ах, друг мой! Когда же мы вновь соединимся? Я чувствую только, дорогой друг, какая жестокая правда в твоих словах, *что для нас счастье, кажется, становится вещью невозможной!* Да, так подействовало на нас это продолжительное страдание. Но, друг мой! Если это счастье, если счастье земное от нас ускользнуло,— осталось для нас счастье небесное, ибо спаситель сказал: *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся»*[1]. Он верен своим обещаниям, и если мы сохраним верность ему, если мы постараемся исполнить все его заповеди, он также даст нам почувствовать свое воздаяние! Ах! Несколько лет страданий ради вечного счастья! Дорогой друг! Подумай немного об этом! Это придает мужество и силы. До сих пор все было скрыто от нас,— все было скрыто от нашего материального взора. Мы видим это только благодаря вере, а ты знаешь,

что ее изображают слепой. Но, может быть, однажды, даже еще в этой юдоли скорби и слез, глаза веры откроются у нас, и мы увидим то, чего глаза никогда не видели,— мы услышим то, чего уши никогда не слышали. Именно к этому должны нас привести испытания, страдания и, следовательно, также нынешние наши невзгоды. Тогда мы падем ниц и благословим, и воздадим хвалу тому, кто огорчает нас теперь.

Но прощай, дорогой мой, нежный мой друг! Прощай, моя возлюбленная, моя Полина! Я обнимаю тебя всей душой! Я нежно тебя обнимаю! Я обнимаю Софи! Да ниспошлет вам господь свое святое благословение! Пусть ангелы святые хранят и опекают вас! Прощай, моя возлюбленная. Я обнимаю тебя еще раз.

Твой верный Александр Муравьев.

65

НИКОЛАЮ I

Г. Иркутск. Декабря 4 дня 1826 года

Ваше императорское величество!

Государь всемилостивейший!

Если бывает случай, когда подданный не в силах удержать глубоких чувств сердца пред государем своим,— то случай сей ныне мне предстал! Всемилостивейший государь! По первоначальному приговору Верховного уголовного суда я к смертной казни был приговорен; милосердие Ваше мне даровало жизнь! Бесчестие и работы после того были назначены мне в удел; но Вы, августейший государь, и от ужасного сего бедствия меня спасли! Наконец, помилосердовав о мне, Вы, о государь, отеческим оком воззрели на страждущего, вместо дальней ссылки моей всемилостивейше соизволили назначить место ближайшее и лучшее, и в другой раз продлили нить жизни моей![1] В обширной империи Вашей не находится подданного, который бы ощутил столько благодеяний от руки Вашего величества. Как и где найду выражения, соответствующие глубочайшей моей благодарности? Жизнь и честь, мне сохраненные, жизнь, и без сего от рождения посвященная на службу государя, теперь уже недостаточная жертва! При настоящем моем положении не дерзаю и не могу иного изъявить, сколь глубоко сердце мое проникнуто неизреченными благодеяниями, как повергаясь пред престолом

царя царствующих и моля его о августейшем монархе своем. Всякое другое изъявление мне воспрещено и при всей моей ревности едва показать могло бы самую малую часть того чувства, которое внутри меня оживляет!

Повергаясь к священным стопам Вашего императорского величества, умоляю Вас, о государь, милостиво воззреть на сие всеподданнейшее слабое благодарение и со свойственным Вам великодушием простить дерзновение моего сердца!

Всемилостивейший государь, Вашего императорского величества верноподданный

отставной полковник Александр Муравьев.

66

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[Иркутск. конец декабря 1826]

Любезная маменька.

Покорнейше вас благодаря за присланный прекрасный чубук, позвольте при том же и заметить, что вещь сия так драгоценна и по собственному своему достоинству, что мне жалко, что вы так много употребили на нее денег. Этот чубук не выходит теперь из моих рук и напоминает мне непрестанно, вместе со всем прочим, о вашем благорасположении.

Байкал скоро станет, и думаю, что через две или три недели можно будет переехать в место моего назначения [1]. Много говорят о Верхнеудинске хорошего. Молю бога, любезная маменька, чтобы вы были во всем покойны, здоровы; известна мне ваша христианская покорность воле божией; и потому не сомневаюсь, что при всех ваших трудных и печальных обстоятельствах господь обильно посылает вам свои утешения!

Мы все, слава богу, здоровы; свидетельствую вам, любезная маменька, мое глубочайшее почтение и пребываю, целуя ручки, вашим

всепокорнейшим сыном

А. Мур[авьев].

Сестрицам кланяюсь.

Поздравляю с праздником и рождением *Марфы!** [2]

---

* Последняя фраза написана на полях.

М. М. ШАХОВСКАЯ, БУДУЩАЯ ЖЕНА ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 1814 г. *ГИМ*

67

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

Верхнеудинск, 22 апреля 1827

Вчера, после трехнедельного молчания, обрадованы мы были вашими письмами, в которых приложено и 500 руб. Байкал хотя не прошел еще, но весьма опасен, отчего почта ходит кругом, через *Кяхту*. Сие много замедляет сообщения. Некоторые ваши письма, любезная маменька, совсем пропали, также и письма Валентина[1], о котором вы говорите, что он обо всем пишет. Я ничего не получал. Также и письмо от батюшки, с посланными свекловичными семенами, пропало, вместе и с семенами[2]. Книгу, которую по-

сылаете,— Dombasle,[3]— также не дошла, и много еще, кажется, посылок не дошли. Не худо бы, любезная маменька, вам и батюшке подать в московский почтамт прошение о пропадающих вещах; ибо сие ни от чего другого случиться не может, как от неисправности почталионов; потому что здешний губернатор[4] немедля по получении ваших писем и посылок доставляет их все исправно.

Беспокойство любезной моей жены происходило от горестных воспоминаний и воображений; но теперь, кажется, она, слава богу, [с]покойна, и здоровье ее в хорошем состоянии. Здешний климат очень непостоянен, ветры прехолодные и пресильные, весну претворяют в зиму. Пески глубокие, зелени* не только древесной, но даже луговой вблизи города совсем не бывает; потому что песок голый и зыбкий. Пыль ужасная от ветров. Но воздух сухой и чистый, потому что место чрезвычайно возвышенно, я думаю, версты три или четыре выше Москвы, перпендикулярно; отчего атмосфера очень редка и чиста.

Вы меня, любезная маменька, по благорасположению вашему, слишком много расхвалили в письме своем; и более предполагали во мне преданности воле господней, нежели в самом деле мне даровано. Я так слаб на духовных ногах, что малейший ветер повалить меня в состоянии. Господь, оказавший мне [с]толь великие благодеяния, силою своею подкрепляет меня и *поучает руки мои сражению, и персты мои брани*. Пс[алм] CXLIII, ст[их] 1. Сражению с самим собою, со страстьми и похотьми, которые наподобие змия воздымают главу свою; но получают от времени до времени такие удары и толчки, что, надеясь на помощь божию, думаю, что удастся их покорить. Всякий меня здесь обегает, боится, удаляется; как от зараженного проказою и чесоткою бегают. Вы можете вообразить себе, каково сие горькое лекарство для сладкой и избалованной гордости. Приходится выпивать эту чашу! Но притом такая странность: одной части существа моего тошно от него, а другой, которая смотрит со стороны и обдумывает и обсуживает, другой, говорю, сладко. Истинно: слово божие есть меч обоюдоострый, разделяющий все, куда ни попадет! Слава, честь и поклонение бывшему в начале и чрез которого произошло все, что ни произошло!

---

* Далее зачеркнуто: «совсем».

С другой стороны, ежели я и довольно покоен, то чему тут дивиться: я имею с собою все, что для меня дорого на земле! И сравнительно, что моя участь в сравнении с другими! Одно [что] меня часто возмущает, есть совершенное расстройство наших дел и совершенная невозможность исправить их, от чего чрез несколько времени мы должны будем прийти в такое состояние, что и подумать тяжко! Впрочем, и сия тяжесть собственно для меня была бы, *думаю*, не [с]только то ужасна; но жена, дочь в бедности,— сие-то грустно! Самая большая моя печаль относится более к любезной Парашиньке, которая тоскует о* вас и о своих**, а когда не тоскует, то старается скрепиться***. Жаль, что я причиною такого состояния. Но, впрочем, лучше об этом молчать.

Вы, кажется, любезная маменька, собираетесь сюда; я приготовлю вам подробный реестр всем нужным издержкам и предварительный журнал дороги; ибо вам без сего пускаться не советую. Всего лучше вам выехать зимою, т. е. в декабре, чтобы по льду**** в конце генваря переехать через Байкал.

Правда, что жена заняла у Голицына[5] еще 2000 руб., но после того и еще заняла. Во всем даны расписки, которые в подлинниках должны князю Голицыну быть представлены. Дорого нам стоили все переезды, и сборы в дорогу, и заведение, покупка зимних экипажей, шуб на себя, на людей и проч[ее]; я обо всем этом писал подробно Валентину.

Чай цветочный и простой к вам уже послан и скоро у вас будет. Но по сие время купец мне не прислал расчету, почему и не знаю, сколько именно фунтов, знаю только, что послано два цыбика.

За сим, любезная маменька, свидетельствую вам свое глубочайшее почтение, целую ручки ваши и пребываю вашим всепокорнейшим сыном.

С сей почтой Владимир[6] посылает на ваше имя посылку к жене своей Палагее*****, которую покорнейше вас прошу ей поскорее доставить.

---

* Далее зачеркнуто: «своих».

** Приписка П. М. Муравьевой внизу страницы: «Должно прибавить, что сие ему кажется, как скоро у меня навернутся несколько слез на глазах, от чего бы то ни было».

*** Первоначально: «укрепиться».

**** Далее зачеркнуто: «в половине или».

***** Так в подлиннике.

Е. С. ШАХОВСКАЯ, ТЕЩА ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 20-е гг. XIX в. *ГИМ*

68

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

Верхнеудинск, 13 мая 1827 года*

<...> Теперь осталось мне, любезная маменька, подать вам совет насчет Воскресенска. Не знаю, примете ли его, но вот он на всякий случай: воскресенские крестьяне хотят вас обмануть, обещаясь заплатить оброки. И коль скоро вы уничтожите или убавите запашку, то они опять немедля откажутся от платежа, землю же воз[ь]мут себе

* Начало письма (л. 1—2) не сохранилось.

и тем уничтожат все бывшие ваши труды для распашки. И потому не советую уничтожать пашни и, напротив, прибавлять оную; ибо пахотную деревню под Москвою гораздо выгоднее иметь, чем оброчную. Если кто хочет из пахотного крестьянина сделаться оброчным, то пусть он по третям заплатит следуемую часть оброка вперед, а не назад; т. е. не отпускать его с барщины на целую треть*, пока он вперед не заплатит оброка. И тогда вы увидите сами, **в состоянии ли он платить оброк; ибо если он в состоянии, то немедля заплатит вперед; а если нет, то будет просить, чтобы заплатить по истечении трети; и в сем последнем случае он вас непременно обманет; и вообще должно так устроить, чтобы оброки были как будто деньги, даваемые крестьянами*** вам вперед за землю, за место, за огород и проч[ее], а не так, как бы некая дань****; сие должно внушить крестьянам, и тогда они поймут, что***** оброк есть вещь справедливая, а не каприз господина[1]. К тому же есть на Воскресенске много недоимок. А что богатые берутся за бедных заплатить, то и сие, думаю, есть не что иное, как общее их согласие с бедными вас обмануть******. А когда вы пашню уничтожите, то они откажутся за них платить. Сверх того, ужасная безнравственность, воровство, праздность, пьянство суть удел непросвещенных оброчных деревень. Вам гораздо выгоднее тратить деньги на покупку скота и постройку риг и скотных дворов*******, что со временем вознаградится доходом, нежели вчетверо более сего потерять доходов недоимками, которые без всякого сомнения последуют от уничтожения пашни, и сделания всех их оброчными! Мне очень известно состояние воскресенских крестьян, и я потому так утвердительно о сем говорю. Впрочем, любезная маменька, вот мое мнение, не прогневайтесь, если оное может быть противно вашему. Но вы сами увидите, что опыт вас в истине моих слов убедит, а тогда будет уже поздно! Потому что ничего так не разоряет крестьян, как крутые перемены, в какую бы сторону ни было; и они сами выгод своих не знают.

---

* «на целую треть» написано над строкой.
** Далее зачеркнуто: «что».
*** «крестьянами» написано над строкой.
**** Далее зачеркнуто: «по то».
***** Далее зачеркнуто: «за».
****** Далее зачеркнуто: «Ибо».
******* Далее зачеркнуто: «нежели».

Любезная моя Парашинька, слава богу, здорова, также и Соничка. Мы целый день в мнимом нашем садике, когда погода хоть немного сие позволяет.

Целую ручки ваши, любезная маменька, и с глубочайшим почтением пребываю вашим всепокорнейшим сыном

А. Мура[вьев].

69

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

Верхнеудинск, 27 октября 1827

Любезная маменька.

Вас и всех сестриц поздравляю с завтрашним праздником, со днем именин любезнейшей моей жены. Она взгрустнула сего дня. Египетский лук часто нам отрыгивается в пустыне нашей [1], в которой господь, водящий нас, не перестает оказывать нам милосердие и любовь свою, особенно совершенным, могу сказать, исцелением моей Парашиньки. Вы можете, любезная маменька, положиться на мое уверение; ибо я ни за что не солгу. Вот что всего * хуже, то, что я не умею так сильно чувствовать все благодеяния божии, как бы хотелось. Но, с другой стороны **, утешаюсь тем, что господь, зрящий все сердца, приемлет самое хотение за настоящее дело; ибо он творит сам в нас и *хотение*, и *совершение*. А без него мы не можем даже и хотеть ничего, ему угодного! Итак, станем в сие время опыта учиться повиноваться господу и приучать себя ко внимательности его глаголу. Как время сие для нас ни тяжко, но уверить себя надобно, что оно от бога послано и что все, что с нами ни делается, еще прежде рождения нашего установлено и определено; Пс[алм] CXXXVIII, ст[их] 16: *В твоей книге все то написано, и дни начертаны, когда еще ни одного из них не было!*

Мне что-то напомнился сей псалом, для общего нашего успокоения и для возбуждения в нас преданности воле господней.

Вы пишете, что Валентина уверили не посылать сюда *яблонь*, потому что здесь ничего не родится. Крайне сожалею, что он послушался таких сказок. Здесь все может родиться, гораздо лучше даже, чем в наших местах; ибо

---

* Далее зачеркнуто: «более».

** Далее зачеркнуто: «что».

здесь солнце почти никогда облаками не закрывается, ни летом, ни зимою; почти всегда ясная погода, хоть сухо и жарко летом и сухо и холодно зимою. Все растения, нами в саду посеянные, взошли вдвое крупнее и красивее наших московских. Жаль, что жители здесь утопают в грубейшем невежестве, предрассудках и, к сожалению, что всего хуже, даже и о наружных обрядах религии весьма плохое имеют понятие. Хоть, впрочем, есть и церкви, и священники. Благотворительное правительство, конечно, уже печется и о сей стране. Но малонаселенность ее и отдаленность долго удержат ее от истинного просвещения.

Чай, которого вы, любезная маменька, так давно ожидаете и который так давно вам обещан,— куплен, но совсем не по моей вине по сие время еще не отправлен. Он, наверное, отправлен будет по первому пути. Я живу совершенно в отдалении от всех и ни с кем сообщений не имею. И потому прошу вас не обвинять меня в медленности и неаккуратности.

За сим целую ручки ваши, любезная маменька, и с глубочайшим почтением пребываю вашим всепокорнейшим сыном.

Александр Муравьев.

Сестрицам, большим, средним и малым, кланяюсь.

70

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Верхнеудинск. Генваря 4 дня 1828 года

Посмотрел ли ты на карте, любезный брат и друг Николай, где лежит сей *Верхнеудинск*, мною теперь обитаемый? Измерил ли градусами, а не верстами ужасное рас[с]тояние, нас разделяющее? Как посмотришь отсюда на Европу, так *Тифлис* кажется поблизости *Москвы*. Да и самый *Тавриз*, который ты вместе с Сенталом Поняпотьевым занял[1], кажется как бы подмосковны[м]. Ты теперь недалеко от *Персидского* залива, тысячи полторы верст; это почти как отсюда до Красноярска, и здесь такое маленькое рас[с]тояние ни за что не считается.

Но оставим географию и обратимся к истории.

Из газет, из донесения Следственной комиссии, из приговоров Верховного уголовного суда тебе уже все известно, что было, известно, что и со мною происходило. Я был внезапно увезен из Москвы 11 генваря 1826 года.

Посажен в С[анкт]-Петербургскую крепость 14 генваря. Просидел в каземате почти 7 месяцев. Приговорен к ужаснейшему наказанию. Но по милосердию божию, щедротами и помилованием единого августейшего благодетеля моего, государем императором избавлен от бесчестия и, могу сказать, от жесточайших бед, ибо подумай, друг мой, что бы сделалось с моею женою, если бы приговор суда не был так милосердно смягчен! Наконец 26 июля с фельдъегерем вывезен из крепости и сослан в *Якутск* на жительство. Не доехав еще до места, вторичным всемилостивейшим помилованием избавлен от существования под Полярным кругом, и дозволено мне жить в Верхнеудинске. Жена моя, всюду за мною следовавшая, оставившая и мать свою, и сестер, любезная жена моя теперь со мною и услаждает своим присутствием мое изгнание. Дочь моя София также со мною. Наконец, 22 ноября прошлого 1827 года, родила мне еще дочь, названную в честь превосходной матери своей Прасковьею. А 30 ноября того же года я получил новый знак всемилостивейшего ко мне снисхождения, а именно, позволение вступить в гражданскую службу в Восточной Сибири, не выезжая из оной. Итак, я теперь буду или коллежский советник, и[ли] статский советник в Сибири. Все сие зависит от единого государя, равно как и место, которое мне дано будет здесь. Решение, думаю, последует не прежде конца февраля или начала марта.

Вот тебе моя история, приступим к твоей.

Целых три года прошли, как я ни одного письма от тебя, любезный Николай, не имею. Я слышал от Андрея, который не переставал ко мне писать, что ты женился на девице Ахвердовой; но не знаю ни имени, ни отчества сестрицы [2]. Молю бога о даровании тебе брачного счастия, которое может быть очень велико, если похоже будет на мое счастие. Рекомендую себя благорасположению супруги твоей и поздравляю ее с отличным ее выбором, а именно с тобою, любезный брат! Сестрица, верно, уже научилась ценить тебя, и потому сие поздравление не покажется ей излишним. Внутренность, а не внешность составляют истинное достоинство человека; богатства хоть не излишни, однако в выборе мужа или жены не могут полагаемы быть на весовую чашу. Господь их дарует или отъемлет по своему произволу. И богатейшие супруги впадают в бедность, и беднейшие богатеют! Но истинное бо-

гатство, никогда не увядаемое, есть богатство сердца; а ты, любезный друг, мог бы сим добром со многими поделиться; посему предполагаю, что и твой выбор сему соответствует.

Не имея от тебя никаких известий, я нарочно подписался под «Военные ведомости», или «Инвалид», чтобы хотя тут что-нибудь о тебе узнать. Долго не говорено было о тебе ни слова, наконец, прочитал я, что ты оставил свой полк и опять служишь в Генеральном штабе помощником начальника штаба. Долго опять я сетовал на твое бездействие и удивлялся тому, что, имея случаи отличиться, ты пренебрегаешь оными. Но вдруг увидел, что ты получил орден, и недавно дошло до меня, что ты занял *Тавриз.* Я весьма сему порадовался; но хочется мне на тебе видеть генеральские эполеты. Скоро, думаю, ты получишь их. Опять чрез партикулярные письма слышу, что идешь в отставку и хочешь поселиться в *Долголядии.* Ох, друг мой, прошу тебя убедительно, не предпринимай еще сего; подумай о всех наших обстоятельствах! Ты знаешь старика. Не вышло бы хуже. Не оставляй службы, пока есть средства отличаться. Дослужись до генерала, а потом вы[й]дешь в отставку. Тебе немного терпеть. Если бы я был в Ботове, то не в Долголядии, а у меня бы ты, надеюсь, жил. Но теперь дела мои, особенно в отсутствии моем, так рас[с]троились, что я уже не имею надежды ничего спасти, а сам должен остаться ни с чем. Однако, любезный друг, ежели ты моего совета не примешь, что весьма быть может, ибо издали легко подавать советы, но еще легче ошибиться за незнанием обстоятельств; итак, ежели ты точно решился оставить службу и ехать в Москву, то убедительно просим тебя оба, не в *Долголядии*, а в *Ботове* основаться, пока еще сие единственное наше имение не продано, что, может быть, очень скоро будет. Впрочем, надеяться всегда на бога должно, и всемогущество его может нам сохранить и *Ботово.* Но единственно на его всемогущество уповать мы можем, ибо нет никаких человеческих правдоподобий, чтобы наши дела поправились.

И потому еще раз мы оба тебя просим расположиться в *Ботове* и жить там как у себя, ты будешь тут гораздо независимее, чем в *Долголядии*, а сие тебе и нужно.

Я напишу об этом к Валентину[3], который сам живет в *Колпи* и правит всеми нашими делами.

Теперь осталось мне, любезный друг, токмо обнять

тебя; уверения в дружбе моей, кажется, будут излишни, ты не имеешь ни права, ни повода в ней сомневаться. Писать ко мне всегда можно было; но почта, приняв от тебя письмо на мое имя, посылает его к иркутскому губернатору[4], который уже мне оное доставляет. Но я думаю, что когда я буду определен в службу, то корреспонденция пойдет обыкновенным порядком.

Остаюсь многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

Податель сего письма, черкесский князь Гассан-бей, который был сослан в Иркутск, не знаю за что, и который прожил здесь более шести лет[5]. Он во все время своего здесь пребывания отличался благодеяниями бедным своим землякам и единоверцам. В проезд наш чрез Иркутск, где я прожил четыре месяца, он ежедневно бывал у меня и показал на опыте благородство и великодушие свое; ибо меня бегали все сибиряки или русские, служащие здесь, бегали, говорю, как паршивой овцы, боялись со мною быть знакомым, а он, во все время, неизменен был со мною. Пожалуй, мой любезный брат, ежели можешь сделать ему какое-нибудь добро, или одолжение, или доставить какую выгоду, то исполняй сие с охотою, как* для меня самого, и прими его в свою дружбу и доверенность. Изъяви ему, любезному Гассан-бею, всю мою благодарность и признательность, не одними словами, а делами.

71

Н. Н. МУРАВЬЕВУ (отцу)

Верхнеудинск, 18 генваря 1828**

Мне крайне жаль, что брат Николай идет в отставку. Теперь время военное в Персии, время отличаться после долгого покоя, время, коим пользоваться бы он должен! Он женился — дай бог ему счастия! Но чем он будет жить, если вы[й]дет в отставку? Дождаться бы ему чина генеральского, который от него не уйдет, вероятно, ибо он уже восемь лет полковником. Тогда бы он мог перейти в гражданскую службу и получить место губернаторское — тут 9000 жалованья. Умеренно жить можно; теперь, когда сам государь так деятельно принялся за гражданскую

---

* Далее зачеркнуто: «будто».

** По-видимому, начало письма в списке отсутствует.

часть, весьма лестно доброму и честному человеку служить! И не только лестно, но и с отличием служить можно. Благодетельные и мудрые поступки августейшего монарха нашего уже и здесь слышны; они должны возбудить всякого верноподданного и сына Отечества к деятельному содействию благодетельным намерениям монарха, которые, как видно, с одной стороны стремятся к искоренению злоупотреблений, распутства и лихоимства. Желательно, чтобы тот свет, который начал освещать столицу, разлился и по всем отдаленным местам великой империи; тогда гнусные лихоимники скоро укроются, и сойдут с поприща службы, и уступят места свои честным и верным подданным государя, горящим пламенным желанием показать всю свою ревность и усердие! Тогда страждущие и угнетенные, вдовы и сироты прольют моления свои пред престолом всемогущего и изведут на главу монарха те благословения в обильной мере, которые уже и теперь над ним носятся!

Долженствуя вступить в службу, как сие уже теперь вам, любезный батюшка, из прошедшего моего письма известно, по несказанному великодушию и неизреченной милости государя, я много размышляю о предмете, в котором я должен буду принять участие. Много готовлюсь и часто сильно робею! И как не бояться! Сами подумайте: один в краю *отдаленном* без помощи, без подпоры, в малом чине, никого не зная, но много слышу. Как не бояться! Как приняты будут мои труды? Как покажется моя ревность? Как я буду выставлен государю? Как я буду выставлен начальству? Как я устою в борьбе, от которой весы Фемиды[1] никогда в равновесие не приходят. (Вы верно разумеете, любезный батюшка, что я не говорю о весах Фемиды в здешнем краю, ибо я ничего не знаю, я говорю вообще.) О здешнем же генерал-губернаторе[2], который будет начальником моим, слышал я, что он весьма добрый и умный начальник, истинно желающий блага и правосудия, и могу сказать, что я сам был свидетелем весьма благоразумных и справедливых мер, им принятых. Дай бог, чтобы мне заслужить его доверенность и покровительство, без чего нет никакой возможности для меня оказать деятельно свою ревность и усердие в службе. От меня начальство вправе ожидать службы необыкновенной,— и долг мой соответствовать таковому лестному ожиданию. Простите мою откровенность, я весь занят

предстоящею мне службою и, следовательно, должен готовиться заранее преодолевать все трудности. Господь да будет моим помощником.

Александр Муравьев.

№ 72

В. Н. БАСНИНУ

Верхнеудинск, 1 марта 1828*

Милостивый государь Василий Николаевич[1].

Примите общую нашу чувствительнейшую благодарность за ласковый ваш прием и дружеское расположение. Мы никогда не забудем *Кяхту* и милого нашего хозяина, которого очень желаем некогда угостить в России, и надеемся, что желание наше со временем совершится. Страннопримство есть добродетель патриархальная; ею славились и христиане первых веков. Не зная, можно угостить и ангелов[2]; но вы, почтеннейший Василий Николаевич, угостили людей, которые чем более вас узнали, тем более любят и уважают.

Крайне сожалею, что время нашего пребывания у вас так скоро протекло и что я не имел досуга с вами долее побеседовать. Мне кажется, что мы не далеко отстоим друг от друга и что разделяет нас самая тонкая стенка. Вы, кажется, сказывали, что упражнения ваши препятствуют вам деятельно предаться вкусу вашему к возвышенному и сверхчувственному. Но я мыслю, что можно очень удобно соединить и то, и другое, с некоторыми уступками. Надобно для сего согласить сии два предложения: и 1) Всякий да пребывай в том звании, в котором он призван, и 2) Собирайте себе сокровища на небесах, где червь не точёт и где вор не крадёт. А как сии оба речения находятся в одной и той же книге, изглаголены одним и тем же духом, то неминуемо следует, что они в совокупности быть могут и должны. По дружбе смею сказать вам, что мы отвечать будем в свое время, если не были послушны внутреннему влечению духа, стремящегося извлечь нас из тины и повреждения, в которых мы, к несчастию, поселились, и тайными мановениями своими показующего нам истинный путь в Отечество.

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] 4 март[а] 1828. Кяхт[а] с посл[анным] отц[а] игум[ена].

В. Н. БАСНИН
Художник М. Васильев. 1821 г. *ГИМ*

Ежели вам не скучно будет, то в Иркутске можно будет несколько общими силами развить сию мысль. Познания ума нашего должны мы переводить на язык сердца; то есть превращать их в жизнь и опыт.

В ожидании скорого вашего прибытия в Верхнеудинск, с истинным почтением имеет честь быть ваш, милостивый государь, покорный слуга

Александр Муравьев.

P. S. Жена моя и свояченица[3] кланяются вам. Просим вас сделать нам одолжение прислать к нам еще пять фунтов торгового чаю для людей и кусок *чичюги*[4] серенького цвета. Сим много нас обяжете.

Доктор Крузе[5] поручил мне попросить вас купить для

него два ящика китайской туши точно такой, какой я купил, т. е. не самой лучшей доброты, и несколько кусков отдельных, самой лучшей доброты, т. е. такой, какой вы мне дали. И еще три веера, как мои, для него же. Все сие покорнейше вас прошу, милостивый государь Василий Николаевич, поставить в мой счет.

73

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

Иркутск, 31 марта 1828

Любезная маменька.

Еще я не определен и не знаю, где буду служить. Сие зависит от генерал-губернатора, который теперь в *Нерчинске;* даст ли он мне место прежде своего возвращения или когда сам приедет сюда, того не знаю. Но ему прежде конца мая приехать невозможно, потому что скоро станет ломать Байкал, а судоходство становится безопасным токмо в конце мая.

Все вы желаете, любезная маменька, сближения с Россиею и потому хотели бы, чтобы я имел место в каком-нибудь ближнем городе Восточной Сибири. Но самый близкий город Восточной Сибири к России, и у которого начинается Западная Сибирь, есть *Ачинск*, самый малый и незначащий город, как бы некое селение, во-вторых, письма ваши к нам пересылаются в Сибирский почтамт, который находится в Тобольске и который посылает уже письма к губернатору, от которого я их чрез городничего получаю. Следовательно, удаление из Иркутска не токмо не сблизит нашу корреспонденцию, но более еще ее продолжит; и потому, для писем, желать должно, чтобы я служил или в *Иркутске*, или в *Красноярске*. Но будет ли так — не знаю.

Из письма вашего замечаю, любезная маменька, что вы думаете, я не равнодушен насчет места, которое мне дадут. Но позвольте мне сказать, что вы не совсем виноваты и не совсем правы. После столь неизреченных милостей монарших ко мне, которые вам совершенно известны, могу ли какое-нибудь место или должность ценить по мнению, которое об оном имеют? Не поставлен ли я в такое положение, милосердием государя, что все с величайшей благодарностью принимать от руки его должен? И сие по совести говорю, не по одной наружности, по сердцу, глу-

боко проникнутому и тронутому. А с другой стороны, не могу не желать поприща, соразмерного чувствам моей благодарности и влечению деятельности моей. Вы знаете, любезная маменька, что *я не люблю спать в службе;* что сожаления достоин в глазах моих тот, кто облечен в какое-нибудь звание и не соответственно долгу своему поступает.

Насчет любезного соседа вашего могу токмо сказать: *слава богу!* Все, что вы о нем пишете, меня восхищает. Жертвовать временем и спокойствием своим для пользы ближнего бескорыстно есть великая христианская добродетель. А ежели к тому присоединяется и внутреннее бескорыстие, т. е. ежели он притом обнажается собственного самодовольства, ежели левая рука не знает, что делает правая *, то это знак истинного христианина. Господь да поможет и да благословит труды сего друга человечества! Мы все обязаны ему великою благодарностью за то, что он успокаивает вас в трудном и горестном вашем положении. Но уповать надлежит, что ежели господь его послал на то, то господь и благословит работу его; и тогда вы будете совершенно покойны. Признаки же послания божия в этом случае суть именно то внутреннее бескорыстие, о котором выше упоминаю, ибо таковое состояние духа есть дело божеское, а не человеческое[1].

Теперь еще удостоверяю вас, что любезная моя жена и дети, слава богу, здоровы, и мы живем в Иркутске au jour la journée**, т. е. ничего не разбирая, нигде не основываясь на жительство, ибо не знаем еще, где мы будем. Живем в великой тесноте внешней, и все вещи наши лежат в комнате; но по милости божией в довольно сносном расположении духа, уповая на господа и все от него ожидая.

Целую ручки ваши, любезная маменька, и с глубочайшим почтением пребываю ваш

всепокорнейший сын

Александр Муравьев.

---

* «ежели левая рука не знает, что делает правая» написано над строкой.

** со дня на день (франц.).

74

В. И. ЛАНСКОЙ[1]

Иркутск, 31 марта 1828 года*

<...>Любезная моя жена, слава богу, здорова, равно и дети; мы смиренно ожидаем, что с нами будет и где мы будем. Какова-то будет моя служба? Я решительно уверить могу, что за усердием, деятельностью и точностью с моей стороны дело не станет, но как будут приняты мои труды, того не знаю. Много, много, очень много предвижу препон, но долг мой и пламеннейшее желание доказать, *во-первых*, всю глубочайшую мою благодарность за неизреченные милости ко мне государя императора, а *во-вторых*, что нет должности столь низкой, столь пренебрегаемой, в которой бы человек не мог сохранить своего достоинства (dignité) и которая могла бы понудить его отступить от долга христианина и честного человека. Это, по мнению моему, есть предрассудок, который опровергать и делами, и словами я, кажется, призван. Господа прошу, да мне поможет, ибо без него не может человек сотворить ничего доброго и истинного, а с ним все можно преодолеть.

Александр Муравьев.

75

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Иркутск, 21 апреля 1828*

<...>Наконец я получил от генерал-губернатора свое определение в службу — городничим в городе Иркутске; но еще не введен в должность, ибо тут требуются некоторые формы и переписки. Думаю, что на днях все сие исполнено будет. Молю бога, да поможет мне и в сей должности показать свою ревность к службе: беспристрастием, деятельностью и толковостью**, которые суть три главные пункты, составляющие основу должности городничего.

Ты говоришь в письме своем, что желаешь, чтобы место, которое будет мне дано, обеспечивало хотя немного мое существование. Ты, верно, разумеешь под сим обеспечением жалованье, которое я получать могу. Ибо все прочее есть беззаконие, корыстолюбие, лихоимство, воровство,

---

* Начало письма в списке отсутствует.

** В подлиннике: «толковатостью».

В. М. ШАХОВСКОЙ, ШУРИН ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 20—30-е гг. XIX в. *ГИМ*

грабеж. Мы, кажется, любезный друг, всегда так разумели, так навсегда и будет, и хотя бы мне пришлось для существования своего продать последнее свое платье, но я с помощью божиею устою в своих правилах вышеозначенных. И, верно, не токмо не подам на себя подозрения, но еще, может быть, и других от того удержу. Сие, конечно, не без труда исполняться будет, но сие есть долг мой. Жалование же мое весьма невелико, кажется, только *шестьсот* руб., но не знаю сего наверно.

Усердие мое и прилежание к службе, может быть, не обратят ли на меня высочайшего внимания? Не переменит ли оно несколько моих дел.

Александр Муравьев.

76

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[Иркутск, 27 апреля 1828 г.]

Любезная маменька!

Простите меня, что так мало пишу. Истинно вам свидетельствую, что я так занят своею должностью, что совершенно не нахожу времени ни быть со своей дражайшей женою, ни даже отдохнуть ночью. Ибо на мне лежит ответственность совершенной безопасности города, в коем ссыльные занимают значительное население; города, окруженного заводами, в коих каторжные обитают и кои угрожают частыми побегами. На мне лежит ежедневное правосудие, разбирательство, порядок, чистота и проч[ее]. Итак, я имею токмо время уверить вас, любезная маменька, что любезная моя жена, слава богу, здорова, равно и дети, и поцеловать ваши ручки. С глубочайшим почтением пребываю вашим всепокор[нейшим] сыном

Александр Муравьев.

77

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[22 августа 1828 г.]

Любезная маменька.

Давно я к вам уже не писал; но поверьте, что не леность, а совершенный недосуг тому причиною. Моя должность такого рода, что я не имею в сутках одной четверти часа свободной, за которую бы мог поручиться, что вот теперь-то я буду писать или читать. Просьб или разборов до 30, до 40 в день; каждая из них требует беспристрастного рассуждения. Да вот и теперь ... частный пристав был и ушел. Вот как я провожу время свое!

Любезная моя жена и дети, слава богу, здоровы. Кажется, и дай бог, чтобы от слова не сделалось хуже, что грудь ее совершенно излечилась. Нервы также несколько* окрепли. Впрочем, от всех тяжких огорчительных обстоятельств, в последние два года нас постигших, должно было ей** или совершенно расстроиться, или окрепнуть.

---

* «несколько» написано над строкой.

** «ей» написано над строкой.

Господь, кажется, укрепил ее, и слава его бесконечному милосердию к нам, недостойным! Соничка становится весьма умною девкою; скоро начнет косу заплетать. Парашка, или иначе Пархашка, все веселится и здорова. Эта забайкальская сибирячка будет так же похожа на меня, как Сонька похожа на мать свою; только что у ней глаза зеленые или карие, т. е. табашного цвета.

Благодарю вас, любезная маменька, за все посылки, мною полученные, т. е. шляпу, султан, орденские ленты, сукно, шпоры и проч[ее],— вот, еще приходили за делом!

По ведомости видно, что брат Николай командует колонною, бригадою, что он разит турок в Анатолии. А я здесь с ворами да с мошенниками веду войну.

С глубочайшим почтением целую ручки ваши, любезная маменька, и пребываю вашим всепокорнейшим сыном. Сестрицам кланяюсь.

А. Муравьев.

78

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[Иркутск], 29 сентября [1828 г.]

Сегодня минует десять лет, как я получил бесценную свою жену! Какие перемены в образе жизни, в образе мыслей! Какое все сие имело влияние и на теперешнее мое положение! Где найти выражения, могущие описать всю благодарность, коею я одушевлен к милосердому богу нашему! Истинно говорит мудрый: *обретший жену благочестивую и мудрую* получил великое от господа благословение! Десять лет я чрез нее счастлив! Примите и вы, любезная маменька, то благодарение, которое во внутренности сердца я вам приношу.

Как эти десять лет коротки и как долги! Как скоро протекло все это время и как пополнено оно было! Какое чудесное разнообразие обстоятельств, какие тяжкие испытания, и во всем какое дивное хранение божие!

Простите, любезная маменька, что столько здесь восклицательных знаков. Я сегодня могу только воспоминать и прославлять!

Любезный виновник моего счастья и дети наши, слава богу, здоровы, а я, целуя ручки ваши, с глубочайшим почтением пребываю вашим всепокорнейшим сыном

А. Муравьев.

79

С. С. ЛАНСКОМУ

Иркутск, 3 ноября 1828

Почтеннейший и любезнейший друг Сергей Степанович!

Я думал, что по вступлении моем в службу позволено мне будет писать прямо через почту, без посредства губернского начальства, и что тем сократится время, в которое письма наши пробегают пространство от Иркутска до Москвы; но сего не сделалось. Десятилетние непрерывные и разнообразные опыты научили меня все великое и малое, с человеком случающееся, принимать непосредственно от руки милосердого и премудрого бога, ведущего все, что нам истинно полезно, и все к тому клонящего. Такое уверение, истинно живо ощущаемое, разливает спокойствие в душе, преданной и послушной воле отчей, и дает нам самые верные правила, как поступать в училище, в котором род человеческий поставлен, и как наилучшим образом ответствовать на вопросы, на живые вопросы учителей наших. Молчать, работать и повиноваться — вот три главнейшие мои обязанности. Господь да укрепит меня в исполнении оных и внутренне, и внешне!

Вам известно, любезный и почтенный друг, какая моя служба, и хотя часто ветхий мой человек вздумывает со мною ссориться, опираясь на сих словах: *на первый случай* [1], хотя он часто мне представляет, как я жил тихо и покойно и как теперь живу рассеянно и беспокойно, но как дашь ему все прочее проговорить, то по милости божией удается его заставить и помолчать сими самому себе сказанными мудрыми и глубочайшими выражениями: *Ты не более и не менее как то, что ты перед богом!* После сего, право, не знаешь, о чем просить и даже что желать и кого, как токмо покориться во всей обширности слова воле господней!

Служба моя занимает все почти мое время, она хлопотлива до крайности, и едва ли есть беспокойнее место, как мое. Я служу, кажется, с прилежностью и деятельностью, это отнимает у меня очень, очень много времени. Начальников имею много, кроме генерал-губернатора и губернатора. Ибо все присутственные места мне повелевают, а я всем по умению повинуюсь. Признаюсь, что нет для гордости лучшего исправителя, нет против нее силь-

нейшего лекарства, как быть городничим в Иркутске. Кажется мне, что генерал-губернатор мною доволен, он человек прямодушный и справедливый и весьма искусный в правлении. Желательно, чтобы для блага сего края он долее здесь остался, но, к несчастию, он скоро собирается совсем отсюда уехать. С ним вместе или вскоре после него уедут отсюда лучшие люди, благонамереннейшие чиновники, ибо он поддерживает их, он дает ход всякому добру и карает по возможности зло. Сие говорю не лестно, любезный друг, а по сущей справедливости. Он моего письма не будет читать, и потому нет мне выгоды так писать. С отъездом его, по слабому моему прозрению, я буду принужден проситься в другую губернию, если до того времени августейший государь не сделает мне наивеличайшего благодеяния возвратить меня домой в то состояние, в котором я семь последних лет пребывал, или если не переменится род моей службы.

Вы пишете, любезный друг, об эполетах, которые некоторым городничим носить позволяют. Но просить ли об этом? Право, не знаю. Что от того может быть лучшего? Если мне должно служить, то я могу тем лишиться гражданской карьеры, а в военную могу и не попасть. По старшинству моему в действительной службе полковника, как уже трехлетие прошло, я могу надеяться быть переведенным в статские советники[2]. Здесь теперь открылась вакансия председателя губернского правления. О месте сем жена моя давно уже писала к графу Василью Валентиновичу Пушкину[3], она просила его снестись об этом с господином генералом Бенкендорфом, который, конечно бы, по снисходительному и доброму своему расположению, не отказался, если возможно, замолвить об этом слово у государя императора; но письмо сие осталось без ответа. Может быть, тем и лучше! Или тем хуже — право, не знаю. Один бог знает. Имение наше, между тем, приходит в совершенное расстройство, и скоро, кажется, ничего не останется от него. Чем мы здесь живем, я даже и того не знаю. Господь один содержит нас. Вот в каком я недоумении, любезный друг, когда захочу обратить мысль свою на свое положение! Как тут можно что-нибудь просить, не в состоянии будучи s'orienter?* Итак,

---

* ориентироваться (франц.).

закрыв алчную и ненасытную пасть желаний, лучше и справедливее нести свой крест молча.

Александр Муравьев.

80

Гр. М. Ю. ВИЕЛЬГОРСКОМУ

Иркутск, 30 ноября 1828 *

Дорогой граф.

Со дня нашего знакомства[1] мы не писали друг другу ни разу. Но пусть не покажется вам странным, что к вам из глубины Сибири пишет бывший ссыльный, ныне, по милости нашего августейшего императора, находящийся на службе. Зная, как сердце ваше расположено к одолжениям, я осмеливаюсь обратиться к вам и умолять вас не отказать мне в помощи в тягостных моих обстоятельствах. Единственное имение, которое нам принадлежит, находящееся в Волоколамском уезде Московской губернии, которое, как вы знаете, незначительно, заложено Московскому воспитательному дому. Это имение, для улучшения которого должны были мы сделать долги, крайне расстроившие наши дела, обещало нам своими доходами некоторое возмещение. Но вот уже скоро три года, как я имел несчастье быть оторван от семейного очага; наше имение осталось тогда без управления, оно было совершенно покинуто, доходы прекратились, устроенное по хозяйству уничтожено, капиталы потеряны; вследствие этого оно только что было в третий раз подвергнуто секвестру и вот-вот должно быть продано с торгов, не оставляя нам ни малейшей возможности отвести этот удар, как по причине нашей удаленности, так и вследствие полного расстройства наших дел. Наши кредиторы, пользуясь этим несчастием, уже составили переводные векселя и у нас собираются забрать даже здесь те немногие вещи, что мы смогли взять с собою, чтобы продать здесь с торгов и частично удовлетворить наших кредиторов. Мне остается всего достояния только шестьсот рублей моего жалования по службе, чтобы содержать мою жену, которая последовала за мною сюда, и двух малолетних детей.

Господу угодно было подвергнуть нас тяготам и испытаниям, дав нам и вкусить сладость милосердия своего, и

---

* Подлинник на франц. яз.

испить каплю нужды. Мы покоримся этому, если на то его святая воля, но лишаясь средств противостоять ударам судьбы. Нам остались еще молитвы и мольбы — единственное оружие слабых. Моя жена, потому что все имение принадлежит ей, с последней почтой направила прошение августейшей императрице, матери всех скорбящих, а с последней почтой мы узнали ужасное известие о ее кончине[2]. Пораженные, подавленные этим событием, ужасным для всех, кто много раз имел счастие испытать ее материнскую доброту, оказываемую всем страждущим, мы не знаем уже к кому обратиться, чтобы голос наш был услышан. Помогите нам, дорогой граф, взяв на себя труд узнать, что случилось с этим прошением и находится ли оно в руках господина Вилламова[3], будьте так добры принять участие в нас. Единственное, чего мы желаем, это чтобы единственное наше имение не было продано, а сохранилось за нами. Отсрочка на несколько месяцев привела бы лишь к тому, что через некоторое время мы вновь оказались бы в том же положении, как теперь. Нам необходима была бы огромная милость, назвать которую я не решаюсь и которой мы еще не заслужили. И если эта милость не будет нам оказана, если большая часть нашего долга не будет нам прощена, или, по крайней мере, отсрочена на несколько лет, мы будем ввергнуты в самую крайнюю нужду. Господь, в чьей руце сердце царево,— единственная надежда наша. Да свершится его святая воля! Вот, дорогой граф, что желал я сообщить вам. Я убежден, что вы не осудите меня за мою откровенность. Я осмеливаюсь даже верить, что вы не откажетесь замолвить за нас слово и что вы, готовый помочь тому, кто обращается к вам, вы не отвергнете его в минуту, когда он молит вашего посредничества, в минуту, которая, может быть, решит его участь в этой юдоли слез и скорби.

Ваш и проч[ее]

Александр Муравьев.

81

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск, 8 декабря 1828

Почтенному, Славному Воину генералу Муравьеву
иркутский смиренный городничий
здравия желает!

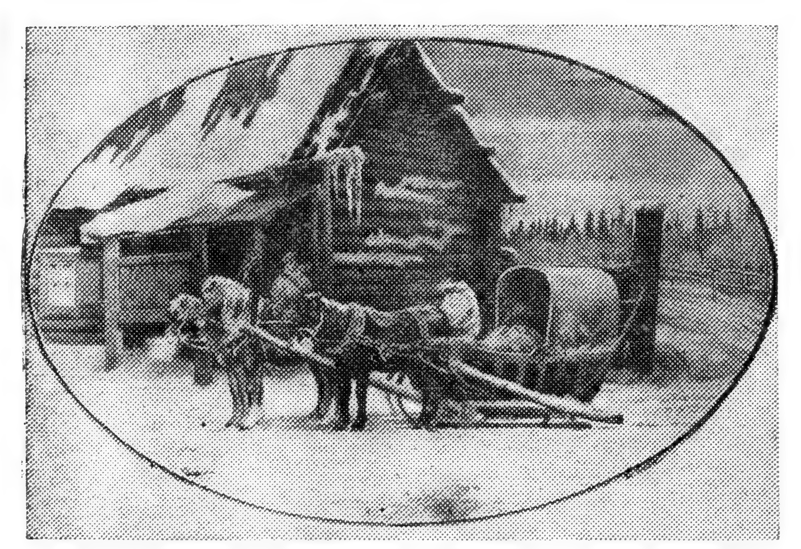
Любезный брат и друг Николай.

Вот уже более восьми лет прошло, как мы с тобою не видались; а более четырех, как не писали друг другу [1]. Сколько в сие время неожиданных происшествий; сколько обстоятельств плачевных! И я там — где никогда не мнил, что буду; и тем, чем не надеялся быть! Какие важные уроки для мыслящего человека; горе ему, ежели все сие пропустит без внимания!

Милосердие августейшего благодетеля моего, государя императора, извлекло меня из бездны, в которую я был уже повержен. Ссылка на жительство в Сибирь была для меня милость неизреченная в сравнении с тем, к чему я был приговорен. Место моего изгнания было *Якутск*. Уже мы были в пути; в 30 градусов мороза уже шел я пешком по снежным и крутым берегам *Лены*, ибо река еще не стала и по льду нельзя было проехать,— но и тут настигла нас беспримерная милость государя помилователя нашего; курьер, с благотворительным позволением вместо Якутска жительствовать в *Верхнеудинске* за Байкалом, оживил наши охладевшие чувства; мы, перенесшие величайшие трудности в пути, ибо любезная моя жена со слабым и рас[с]троенным своим здоровьем и маленькая Соничка были со мною и повсюду разделяли и разделяют участь мою, мы, говорю, возвратились в Иркутск и, дождавшись замерзания Байкала, отправились в Верхнеудинск. Все сие происходило в конце 1826 года. В Верхнеудинске прожили мы тихо, смирно, безмятежно, спокойно один год и два месяца. Там родилась у нас дочь Прасковья, в честь достопочтенной и (не в обиду будь сказано сестрице) несравненной своей матери так названная. Теперь у нас две дочери, София и Прасковья.

30-го ноября 1827 года в девятый день рождения меньшой нашей дочери пришла к нам еще новая милость государя — позволение мне служить в гражданской службе, в Восточной Сибири. В апреле 1828 года я определен городничим в Иркутске и по сей день продолжаю служение сие, ожидаю лучшего места.

Вот тебе, друг мой, краткое, но справедливое описание трех последних лет жизни моей. С одной стороны увидишь ты удручающую скорбь,— с другой радость и жизнь, милосердием монарха сообщенную! Выводи, если тебе угодно, свои заключения о всем, что я должен был ощущать в сии три года; но тебе недосуг сие делать; а я не стану бо-

ЗИМНИЙ ВОЗОК, ЗАПРЯЖЕННЫЙ ТРОЙКОЙ, У СТАНЦИОННОГО ДОМА В СИБИРИ

Акварель М. С. Знаменского. Середина XIX в. *ГИМ*

лее обременять терпения твоего. Прибавлю только, что я много постарел и опустился физически в сие время, и то, конечно, батюшка должен по виду быть моложе меня. Слава богу, показавшему нам путь, смирившему гордость мою и спасшему от величайших бед меня, недостойного своего раба!

Давно уже мы слышали о женитьбе твоей, но к вам не писали и вас не поздравляли, потому что не знали, приятно ли вам будет получить письма, необыкновенным путем идущие. Ты пишешь, любезный брат, от 13 сентября из лагеря при *Ардегане*, что ты достиг женитьбою до земного счастия, что имеешь дочь Наталью[2]. Со всем сим поздравляем вас, любезнейшие друзья; мы же со своей стороны поручаем и себя, и детей наших расположению сестрицы Софии Феодоровны. Надеясь, что ты, любезный наш друг, будешь ходатаем нашим у супруги своей. Истинно, любезный Николай, нет счастливейшего состояния, как состояние брачное, а с другой стороны, нет и несчастливейшего, ежели не сошлись обе стороны. С[е]редины, кажется мне, быть не может. Стоя вот уже десять лет на высшей степени супружеского счастия, вкусив и вкушая

оное непрестанно, во всех оттенках его, я воображаю, какая радостная для тебя перемена, когда ты женился! Тебе, который достоин быть счастливым и спокойным, желаю продолжения и возвышения счастия сего; оно продолжается взаимною любовью и нежностью, доверенностью и почтением; возвышается — целомудрием и единодушным стремлением к совершенству. Вот те добродетели, которых действия я на опыте узнал, и уверен, что и ты, любезный друг, полагаешь их основанием брачного благополучия. Какое блаженство найти вторую половину свою! Какое новое существо составляют муж и жена! Они составляют уже не два, а одно. Какая новая сладкая гармония происходит от сего строя; гармония, понятная и слышимая опытным уже ухом. Ты пишешь, любезный друг, что моя жена, верно, полюбит твою, а я со своей стороны уверен также, что и сестрица не лишит своей дружбы мою беспримерную жену; многие опыты уже доказали мне, что это за превосходное существо!

Поздравляю тебя и с чином генерала, и с лестною командою, и с блистательными подвигами корпуса вашего. Рад, что ты хотя несколько месяцев вкусишь покой в объятиях семейства твоего; весна опять тебя разлучит с оным; лавры снова понесутся над главами вашими. Едва ли возможно тебе при теперешних обстоятельствах посетить батюшку. Старик теперь один живет в деревне. Ко мне никто не пишет, кроме Андрея, который славный малый. Михаил (вижу из газет) назна[чен] губернатором в Могилев; а сколько у него детей, того не знаю; кажется, три или четыре мальчика [3].

Хочу послать тебе отсюда китайского гостинца, чаю, которого, думаю, у вас не много; и надеюсь скоро выполнить сие.

Мой адрес — просто *в Иркутск*. Меня здесь знают, город невелик.

Прощай, мой любезный брат и друг Николай. Целую ручки у любезной сестрицы Софии Феодоровны. А тебя самого обнимаю всем сердцем; и благодарю за приятное письмо. Целую Наташу, дети наши ее целуют. Желает тебе всего для тебя лучшего многолюбящий тебя брат

Александр Муравьев.

Мне весьма приятно знать, что ты служишь с удовольствием. Из «Ведомостей» же всякий раз усматриваю, что ты служишь с отличием; и из поручений, тебе даваемых

главным твоим начальством, вижу, что ты пользуешься доверенностью главнокомандующего. Слава богу!

82

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[Иркутск, 15 декабря 1828 г.]

Мы все, слава богу, здоровы, любезная маменька. Любезная моя жена довольно хорошо переносит климат Иркутска, который в сие осеннее время вообще нездоров до самого замерзания реки Ангары, что обыкновенно бывает около половины генваря. Морозы были здесь уже до 30 градусов, а ежедневно постоянно стоит около 20 градусов. С глубочайшим почтением пребываю, любезная маменька, вашим всепокорнейшим сыном

Алекс[андр] Мурав[ьев].

83

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск, 18 генваря 1829 года

Любезный брат и друг Николай.

Податель сего письма 42-го егерского полка подпоручик Андрей Львович Кожевников[1], переведенный в оный полк из Иркутского гарнизонного полка; в Иркутский гарнизон попавший после заключения в Петропавловской крепости [в течение] целого года; в крепость же попавший вследствие 14 декабря 1825 года; он тогда служил в л[ейб]-г[вардии] Гренадерском полку.

Рекомендую тебе, любезный друг, сего славного офицера; он учился и начал службу в корпусе колонновожатых в *Осташеве* у батюшки; знает очень хорошо квартирмейстерскую часть, съемку планов и рисование; сверх того, расторопен, прилежен, сметлив, исполнителен, и, верно, никто лучше его не исполнит возложенную порученность, никто лучше не оправдает доверенность начальства.

По сие время я описывал одни умственные его качества; что касается до сердечных, то не может быть человека благороднейшего во всех отношениях. С сим словом, думаю, я все сказал. Вот скоро целый год, как мы живем в одном городе, и имели случай узнать друг друга. И потому я смело тебе его рекомендую и прошу тебя принять его в свою дружбу и знакомство; открыть ему свой дом,

как наш ему отверзт был, и тем заменить ему ту дружественную искренность, в которой он во все его* пребывание в Иркутске с нами обращался. Я не могу лучше его поручить, как тебе, любезный Николай, и уверен, что ты в полной мере оправдаешь мои ожидания, не единственно для того, чтобы мне сделать великое удовольствие, но потому также, что ты сам, узнавши Кожевникова, его, верно, очень полюбишь.

Когда я** увидел из газет, что к тебе назначен адъютант, то крайне об этом сожалел как для него, так и для тебя, потому что лучшего адъютанта ты не мог бы найти, лучшего, говоря по всем частям, а он не может найти лучшего начальника, как ты. Прошу тебя, ежели есть возможность приблизить его к тебе по службе, так, чтобы он был всегда при тебе, то сделай сие, и ты увидишь, что сам будешь очень доволен.

При сем я не лишним считаю известить тебя, что Кожевников совершенно ничего более не имеет, как токмо свое жалованье; и потому прошу тебя помогать ему во всем.

Узнавши его, ты сам увидишь, какое с ним обращение иметь должно; уважь в нем несчастие, от которого в таких летах он только подпоручик.

Доставь ему всевозможные выгоды по службе, особенно же прошу тебя полюбить его, тогда все будет хорошо. Ты, конечно, познакомишь его с Бурцовым, к которому он от меня имеет письмо; покажи ему и сие и попроси, чтобы и он его принял в свою дружбу.

Андрей Львович может тебе словесно и живо описать, как мы здесь живем, какие у нас дети; чем занимаемся, какая моя*** служба; какие наши надежды, какое наше состояние. А всего лучше, как мы тебя любим, друг мой Николай.

Мы просили его замолвить в пользу нашу доброе словцо сестрице Софье Феодоровне и тем ускорить наше с ней знакомство. Мои дети целуют сестрицу свою Наташиньку, посмотрел бы я на тебя, как-то ты нежненько с ней поигрываешь.

---

* Первоначально: «наше».
** Первоначально: «он».
*** Первоначально: «наша».

Долго ли мы здесь пробудем в Сибири, бог один знает! Мне не нужно ни чинов более, ни крестов; только бы мне быть выручену из сего края и жить дома, вот все, что я желаю; о чем и писал к родным и знакомым, но по сие время никто еще меня не выручает.

Обо всем, что до нас касается, ты можешь наиподробнейше узнать от Андрей Львовича, которого прошу за меня по окончании письма сего обнять, и поцеловать, и поблагодарить за все его услуги и дружбу к нам.

Прощай, любезный брат и друг Николай, будь счастлив, пиши ко мне почаще; давай между прочим известия о ваших военных делах, сообщай мне разные подробности, ты знаешь, какой я был охотник до войны.

Обнимаю тебя всем сердцем, у сестрицы целую ручки, племянницу прошу за меня приласкать. Преданный и многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

84

В. Н. БАСНИНУ

31 января 1829

Почтеннейший Василий Николаевич.

Прошу вас принять сих путешественников, а именно г[осподина] профессора и кавалера Ганстена, лейтенанта Дуе и доктора Ермана, и показать им Китай и познакомить их с китайцами [1].

Они снабжены открытыми предписаниями от нашего министерства, чтобы им оказываемо было всякое пособие и покровительство.

Желание ваше в полной мере исполнено, и я радуюсь о том, и для вас, и для себя, как мог вам угодить преданный и многолюбящий вас

А. Муравьев.

[*На обороте адрес:*] Любезному другу Василию Николаевичу Баснину. *В Кяхте.*

85

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск. Февраля 25 дня 1829

Любезный брат и друг Николай.

Подателя сего письма ты давно знаешь; ты знал гра-

фа Захара Григорьевича Чернышева[1], когда он учился еще в *Осташеве*. Несчастие* увлекло его в Сибирь, тебе и сие известно. Милостями государя он ныне обращается в вашу армию, вероятно, чтобы заслужить и получить прежнее свое достоинство.

Любезный брат, я уверен, что перемены и коловратность фортуны не иначе действуют на благородную твою душу, как располагая ее к вящему вспомоществованию, к большему снисхождению к страждущему. Я уверен, что не возгордишься пред Чернышевым и примешь его как человека, тебе близкого; что ты всеми силами будешь стараться всячески ему покровительствовать, что ты предложишь ему и знакомство, и услуги свои.

Вот уже третье письмо к тебе пишу: одно по почте, другое с Кожевниковым, который остался болен в Ачинске, ибо ужасно уши[б]лен дорогою; третье сие письмо. С Кожевниковым послал я к тебе ящик цветочного лучшего чаю, который ты от него и получишь; а с Чернышевым посылаю разные безделки китайские и гр[аненые?] камушки. Именно: дорожный ножик с вилками, трубку и огниво. Теперь мои пи[с]ьма идут свободно, по почте, без всякого посредства; адресуй ко мне прямо в Иркутск. Прошу тебя, любезный брат, окажи и оказывай всякое пособие, покровительство Захару Григорьевичу; ты знаешь, что сестра его замужем за Никитою Муравьевым[2]; следовательно, он нам даже и родственник.

Милостивой государыне сестрице свидетельствую свое почтение. Племянницу целую. Пиши ко мне и не забывай многолюбящего тебя брата и друга.

Александр Муравьев.

86

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

[Начало марта 1829 г.]

Любезная моя маменька! Любезная моя жена и дети, слава богу, здоровы; 24 февраля мы сильно были напуганы большим землетрясением; таким**, которого здесь еще не бывало, хотя и часто они бывают здесь. Но слава богу, во всем городе и нигде никому никакого вреда не причинилось.

---

* В начале фразы зачеркнуто: «Ныне».

** «таким» написано над строкой.

Целую ваши ручки, любезная маменька, и пребываю вашим всепокорнейшим сыном

А. Муравьев.

87

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск, 30 марта 1829 года

Любезный брат и друг Николай.

Податель сего письма Валериан Михайлович Голицын [1], бывший по известному тебе происшествию сослан в Сибирь на поселение и ныне милосердием монаршим обращающийся в вашу армию для выслужения прежнего своего княжеского достоинства и чинов, как вероятно. Прошу тебя принять его в знакомство свое, способствовать ему, сколько в силах твоих, и быть ему покровителем. Он молодой человек весьма умный и ловкий, и, конечно, ежели доставят ему средства отличиться, то он всячески стараться будет воспользоваться оным. Прошу же тебя, любезный друг, способствуй ему, сколько можешь.

Письмо сие застанет тебя на поле брани. Желаю тебе милости господней и покрова его!

Преданный и многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его превосходительству, милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. Командиру гренадерской бригады в Кавказском корпусе, г[осподину] генерал-майору и кавалеру. *В Тифлисе.*

88

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

Иркутск, 14 апреля 1829 г.

С прошедшею почтою поздравлял я вас с великим праздником воскресения Христова [1]. Повторяю еще раз свои поздравления! Вот уже и конец святой недели! И я радуюсь сему весьма много. Ибо я всю неделю таскался по службе по улицам. Мне удалось завести здесь московские гулянья в экипажах вокруг качелей, потому что лучше, кажется мне, для здешнего народа благопристойно собираться вместе, нежели сидеть по кабакам или

по домам за стаканом пунша или за картами. Мог ли я подумать, что я когда-нибудь буду заводчиком гуляниев?

Любезная моя жена и дети, слава богу, здоровы. С глубочайшим почтением целую ручки ваши, любезная маменька, и пребываю

А. Муравьев.

89

Кн. Е. С. ШАХОВСКОЙ

25 мая 1829*

Любезная маменька,

с прошедшею почтою я не писал к вам, потому что всю ночь был на ногах по службе и так устал, что лег несколько отдохнуть.

Вы пишете о землетрясении, здесь бывшем. Я не предполагаю, что время года на поверхности земли определить должно землетрясение; оно происходит, думаю, от причин совсем иных, подземных; а сии причины состоят в связи с первыми причинами, которые могут быть и нравственные.

Благодарю вас, любезная маменька, за хлопоты по службе моей[1]. Что делать — перемена, как видно, вам не удалась. Полагать должно, что в совете божеском, в котором нет ни малого, ни великого, ни низкого, ни высокого, так положено, а назначено другое время к перемене сей службы, которая имеет много негладкостей, во всех родах, особенно же по части упражнений нравственных, которые, от беспрерывного невольного и страдательного рассеяния, много теряют. Признаюсь, что это есть главнейшая причина желания моего переменить эту службу. Впрочем, утешаюсь тем, что это не моя воля, а божия!

Любезная моя жена, слава богу, здорова, также и дети. Соничка порядочно пишет; а на клавикордах играет еще лучше. Да может ли быть иначе с таким прекрасным учителем, какова моя прелюбезная Парашинька, для которой особенно я желал бы возвратиться скорее в Россию**.

---

* Название месяца в подлиннике по-французски.

** Я сейчас получил выговор от своей любезной Парашиньки за то, что ни слова не сказал о Пархошке. По правде сказать, она преученая и премилая девчонка, и даже предрекая, настоящая мать! Но только слишком нежна и любовна! (Примеч. А. Н. Муравьева на полях.)

П. М. МУРАВЬЕВА С ДОЧЕРЬЮ СОФЬЕЙ
Художник Ф. А. Тулов. Начало 30-х гг. XIX в.
Государственный художественный музей Белорусской ССР, Минск

Я слышал, что князь Василий Хованской называется: махровый дворянин. Прошу его от меня поздравить с таким пышным дворянством. Он, видно, день ото дня умнее становится. Я помню, что он в 1828 году на выборах хотел иметь четыре голоса и утверждал, что можно их иметь 13, по числу уездов. Ежели бы дело шло о желудках, то он был бы прав [2].

Целую ручки ваши, любезная маменька, и с глубочайшим почтением пребуду вашим всепокорнейшим сыном

А. Муравьев.

Сестрицам кланяюсь.

90

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск. Июля 3 дня 1829

Любезный брат и друг Николай.

Податель сего Владимир Сергеевич Толстой[1], который был сослан в Сибирь и теперь едет на службу в Грузию вследствие высочайшей милости, ему оказанной. Он родной брат Василья Сергеевича Толстого[2], с которым ты некогда был коротко знаком (как помнится мне); и я надеюсь, что ты окажешь ему ласки свои, и доброе расположение, и покровительство; может быть, он будет служить в одном из твоих полков.

При сем прилагаю формулярный список о службе Иркутского гарнизонного полка рядового Фролова[3]. Сей Фролов есть дворянин и человек весьма благородный, и умный, и расторопный. Проступок или ошибка одного часа ввергнула его в такое жалостное положение, в котором он ныне. Он солдат в гарнизоне, вот уже 8 лет. Я прошу тебя, любезный брат, ежели есть какая возможность, употребить твое ходатайство у графа Паскевича, или как лучше знаешь; *чтобы его, Фролова, перевели в действующие полки вашей храброй армии, дабы он мог опять выслужить свой офицерский чин.* Я уверен, любезный друг, что ты все сделаешь, что в силах твоих, для сего несчастного и прекрасного человека, рядового Фролова, и хотя ты его не знаешь, но во уважение моей просьбы и его несчастий ты постараешься его извлечь из ужасного его теперешнего положения.

Более писать не стану сегодня; а о прочем всем буду писать по первой почте. Владимир Сергеевич может тебе изъяснить, как мы здесь живем.

Сестрице Софье Феодоровне кланяюсь. Жена моя просит ее, чтобы она ее любила; дети мои целуют свою сестрицу.

Многолюбящий тебя брат и друг

Александр Муравьев.

91

А. И. ТУРЧАНИНОВУ

9 августа 1830

Я получил два ваши письма из Томска и Тюмени и благодарю вас за известие, вами сообщенное. Очень рад,

что вы благополучно совершаете путь свой, и с великим нетерпением ожидать буду известий из *Колпи* от вас и от родных[1]. Как вы там провели время? В этом вопросе заключается много. Когда вы сие письмо получите, то уже будете в Костроме, вероятно, при должности. Я уверен, что вы с почтеннейшим Сергеем Степановичем[2] поладите и друг другом довольны будете.

А[лександр] Степанович[3] еще не приехал, он в Красноярске; я писал к Крузе, чтобы он поспешил в Иркутск к родам жены моей, которых со дня на день ожидаю.

Были ли вы в опустелом Ботове? Что там нашли? Прошу извинить за сии вопросы, они основаны на приязни вашей.

Жена моя кланяется вам и благодарит за память вашу. Соничка и Пашинька также. Просим вас не забывать нас, низверженных и забытых.

О, когда бы нас забыли в Ботове, т. е. позволили бы туда спрятаться и оттуда никуда не выезжать!

Я писал Сергею Степановичу, что хорошо бы — меня перевести в городничие или полицийместеры в Кострому, когда уже мне суждено не быть нигде более или менее[4]. Поговорите с ним об том,— может быть, чрез Василия Сергеевича Ланского[5] сие и можно. Это [было] бы не худо, послуживши год, я бы просил в отставку и уехал бы в Ботово. О честолюбие! Оставь меня в покое!

Если сия мысль покажется Сергею Степановичу возможною, то просите его, чтобы он ни к чему решительному не приступал, пока я не поговорю с А[лександром] Степановичем,— и тогда его уведомлю.

Мы очень чувствуем ваше отбытие. Жена моя и дети и я часто о вас говорим, с великим удовольствием вспоминаем о приязни вашей и с крайним сожалением об отъезде вашем. Вас недостает в нашем семейственном кругу! Но сие сделалось для пользы вашей, мы тем утешаемся. Кн. Варвара Михайловна[6] часто испускает глубокие вздохи об отбытии вашем. Дудин — задудил; вряд ли ему сдобровать на сем скользком месте[7], он начал пошаливать.

Не оставляйте упражнения ваши над самим собою. Этот путь, на который вы вступили, один ведет к истинному благу. Все прочие суть почти ничто, какую бы они богатую ношу на нас не навьючили; все это проточат черви и моль. Путь креста один есть путь жизни и блаженства.

В. М. ШАХОВСКАЯ, НЕВЕСТА ДЕКАБРИСТА П. А. МУХАНОВА
Художник Ф. А. Тулов. 1814 г. *ГИМ*

Комиссию вашу о вещах я исполнил. Не прежде отправится первый обоз, как после половины августа. Адрес на имя Эвгениуса я дал приказчику; все будет исполняемо по желанию вашему.

P. S. Усерднейше вас прошу о *табаке* — для меня. Вообразите, что Беккер[8] еще не приехал и что *табак*, 16 фунтов, который ему дали в Москве для меня, что *табак* сей, говорю, он бросил дорогой на станции за 60 верст от Москвы, потому что ему показалось тесно. Когда вы его купите, взяв деньги у Валентина[9], то прикажите уложить в ящик поплотнее, потому что в мешке он обращается в пыль.

92

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск, 23 августа 1830

Любезный брат и друг Николай.

Извещаю тебя и сестрицу, что 19 августа жена моя родила благополучно сына, которого назвали мы *Иоанном*[1]. Поручаем его вашей любви и расположению. Жена моя, слава богу, весьма хорошо оправляется и благодарит сестрицу за ее приписание, на которое ныне еще ответствовать не может. Я также вас обеих благодарю за ваше постоянное доброе ко мне расположение. В клетке изгнания, как в камер-обскуре, весьма ясно отражаются люди, и очень удобно познать можно высокие качества их. Любезные друзья, вы оба нас более и более к себе привязываете!

Выпей на здоровье моего *Ваньки* и порадуйся вместе с нами о счастии нашем и великой милости божией к нам.

Отвечать на твое письмо от 17 июля из Александровского ныне времени недостает, потому что множество писем извещательных о радостном происшествии, нас постигшем, т. е. рождении нашего любезного сына[2].

За тем прощай, целую ручку у сестрицы и прошу ее о продолжении расположения ее к нам. Обнимаю тебя всем сердцем, любезный брат. Жена моя обеим вам кланяется. Целуем племянницу.

А. Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его превосходительству милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву 1-му. Или в случае отъезда его — супруге его: Софье Феодоровне Муравьевой.

93

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Иркутск, 24 октября 1831

Не так давно получил я твое письмо от 30 июля, любезный брат и друг Николай. С того времени по официальным сведениям сделалось мне известным, что Варшава после двухдневного штурма, в коем я заметил и твои полки, сдалась. Что Берг уверил главнокомандующего, будто бы и войска сдались, но, к сожалению, сего не последовало. Благодарю бога, что ты, любезный друг, не ранен, а

жив и здоров. Конечно, и без сомнения, война с мятежниками польскими скоро кончится, и ты возвратишься в объятия своей дочери и всех любящих тебя после блистательных подвигов, коими ты прославил имя свое[1].

И со мною сделалась великая и значительная перемена, любезный друг. 11 июля государь император всемилостивейше пожаловал меня в статские советники, с назначением председателем Иркутского губернского правления. Сия великая милость государя, которую я никогда не в состоянии буду заслужить, *кажется*, открывает мне и выезд из Сибири, и я опять могу надеяться, что буду на родине! Ежели удастся тебе иметь счастие быть представлену императору, то я прошу тебя, вырази пред его величеством все чувства глубочайшей моей благодарности, коими я одушевлен и кои старался выразить в письме к государю, по сему случаю написанном и посланном мною.

Брат Михаил в Гродне губернатором! Я думаю, что будут многие подобные места и у вас в Польше после окончания войны. Теперь, по порядку степеней в службе, и я не могу быть менее как губернатором, ибо председатель губернского правления в Сибири занимает место губернатора во время отсутствия его.

Весьма утешительно слышать, что ты, любезный друг, доволен воспитанием любезной Наташи и что она здорова. Но я все буду жалеть о том, что она не у нас воспитывается.

Моя маленькая семейка, слава богу, здорова. Мой Иоанн прекрасный малый, и ты верно его полюбишь, когда бы бог нас свел вместе.

Любезная моя жена сама хочет к тебе писать сегодня и просит оставить ей место. Она тебя очень любит, и мы часто о тебе беседуем.

Письма мои всегда посылаю и посылать буду указанною тобою дорогою, уверен будучи, что Лиза Шаховская, т. е. княжна Елисавета Михайловна Шаховская[2], принимает в тебе живейшее участие и питает к тебе истинную и нелицемерную дружбу.

Ожидаю письма твоего, любезный брат, с нетерпением; ты обещаешь писать скоро. Я много раз к тебе писал и не получил еще ответов на все мои письма.

Прощай, любезный Николай, обнимаю тебя всем сердцем.

А. Мур[ав]ьев.

[*На обороте адрес:*] Его превосходительству, милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву 1-му. Господину генерал-лейтенанту и кавалеру.

94

В. Н. БАСНИНУ

Иркутск, 14 января 1832*

Почтеннейший, любезнейший Василий Николаевич!

Недаром, недаром дружба ваша ко мне расположила вас к видению многочисленных и разнородных крестов в доме моем. Самый тяжкий, самый из всех удручительный есть смерть моей тещи[1], ввергнувшая жену мою в величайшее уныние и скорбь непомерную, а всех сестер ее в самое ужасное сиротское состояние, без матери, без покрова и, можно сказать, без крова и жилища, с расстроенным и в конкурсе состоящим имением.

Другие, гораздо помельче, суть здешние от[о]всюду,— сверху, снизу и сбоку положенные,— кресты по службе. Сии последние суть, как мухи, жалящие утомляющегося странника. Но виден свет вдали, который благодетельною и привлекательною силою облегчает странствие и которого мухи боятся.

Все сие наслано свыше, без сомнения, и без силы свыше неловко разрешать таковые задачи. Но господь милостив к призывающим его!

Я не мог ранее писать к вам, любезнейший Василий Николаевич, будучи обременен делами и неприятностями всякого рода. Елисавету Осиповну[2] я видел несколько раз, и как жена моя до такой степени впала в печаль, что и о себе перестала мыслить, предаваясь совершенно скорби своей, то я взял на себя советовать супруге вашей послать за бабкою и поручил Дим[итрию] Осип[овичу][3] исполнить сие. Елисавета Осиповна по сие время совершенно здорова, также и Кеша и Ося[4]; Кеша начал лучше учиться.

Даруй господи, чтобы я прошел сквозь сей розовый вертоград крестов, как прилично ученику Распятого! Честь и слава и поклонение живущему во веки веков!

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] 16 генв[аря] 1832. Кяхт[а], почт[ой]».

Состояние нашего осиротевшего семейства теперь такого рода, что я принужден прибегнуть к мерам, вовсе неожиданным, о которых вскоре подробно вам сообщу.

Обнимаю вас, почтеннейший, любезнейший друг, с тою любовью, какую имеет к вам преданный вам

А. Муравьев.

P. S. Григорию Тимофеевичу Молчанову[5] прошу поклониться.

[*На обороте второго листа адрес:*] Милостивому государю Василию Николаевичу Баснину. *В Кяхте.*

95

В. Н. БАСНИНУ

Иркутск, 3 марта 1832*

Поздравляю вас, почтеннейший Василий Николаевич, с новорожденным Николаем Васильевичем![1] Слава богу! И он, и Елисавета Осиповна здоровы. Кормилица та же, что была у Оси. Я вчера вечером видел супругу вашу, она очень весела, довольна; хотелось бы, кажется, дочку на место сына; что бог дал, то и хорошо!

Вы что-то замолчали, да так крепко, что давно нет от вас ни одного слова. Нельзя ли объяснить причину. Я, кажется, к вам писал, следовательно, не за мною дело. Или заботы житейские так обуяли вами, что нет времени подумать и вспомнить о нас. Ужели это так? Это было бы очень больно. Не погашайте духа, говорит апостол.

Красноярский городничий Кутузов[2], у которого на квартире С. Г. Краснок[утский][3], пишет ко мне и убедительнейше просит для своего больного постояльца прислать китайского корня *женьшень*. Прилагаю у сего письмо его в подлиннике и прошу вас, почтеннейший Василий Николаевич, поискать сего корня и если найдете, то купить и прислать ко мне по первой почте. Я надеюсь на вас, что вы, ежели найдете, не откажете мне в этом. Пожалуйте, постарайтесь. Нет ли у Игумнова или у других богатых людей?

Для Мих[аила] Васильевича я приготовил все, что нужно по архиву. Когда-то он будет сюда? Прошу ему поклониться от меня.

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] март[а] 6. 1836, почт[ой]».

Жена моя, пребывая постоянно в печали, не была еще у Елисаветы Осиповны. Прошу за сие на нас не прогневаться и не приписать сего равнодушию. Конечно, вы не имели, может быть, лучших друзей, чем нас. Что делать с немощью плоти. Будьте к ней снисходительны.

Обнимаю вас, любезнейший друг, всем сердцем и остаюсь преданный вам

А. Муравьев.

Кеша учится теперь очень хорошо и с успехами.
Прилагаемое письмо прошу обратить ко мне.

96

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Иркутск, 13 августа 1832

Любезный брат и друг Валентин!

Из ведомостей ты, конечно, уже известился, что я переведен в Тобольск председателем губернского правления[1] и после трехнедельной тяжкой болезни моего маленького Иоанна, страдавшего кровавым поносом, а ныне по милости божией выздоравливающего, оставляю со всем семейством сей печальный край, сию юдоль плача и страданий и около 2 или 3 сентября отправляюсь в *Тобольск* на новое свое назначение. Ежели все будет благополучно, то я думаю около половины октября туда приехать. Прошу все письма и деньги адресовать уже в *Тобольск* на мое имя и известить о сем всех, кто ко мне пишет и кого ты знаешь.

На сие письмо я ответа от тебя получить в Иркутске не могу, но я думаю, любезный друг, что ты, конечно, вышлешь сколько можно поболее денег ко мне в Иркутск, как скоро увидишь о переводе моем в газетах, ибо без того я не могу отсюда выехать.

Если же ты уже заложил 90 душ ботовских, о коих я писал к тебе в последнем письме, то долженствующие остаться за уплатою 8000 рублей присылай поскорей *в Тобольск*. Ах, как тяжело все продавать за бесценок и опять заводиться!

Я спешу ехать в *Тобольск*, ибо там нет губернатора, и я должен буду править эту должность тотчас. Боюсь опоздать, чтобы не навлечь себе неприятностей.

Спешу кончить, ибо не дают покоя делами различны-

ми. С будущей почтой, может быть, еще напишу.

Преданный и многолюбящий тебя брат и друг

А. Муравьев.

Не знаю, к чему поведет нас сие новое назначение. Судьбы божии неисповедимы! Буди его святая воля. Я получил притом весьма лестное письмо от Бенкендорфа, поощряющего меня продолжать службу так же, как и доселе.

Не знаю, что будет далее.

97

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

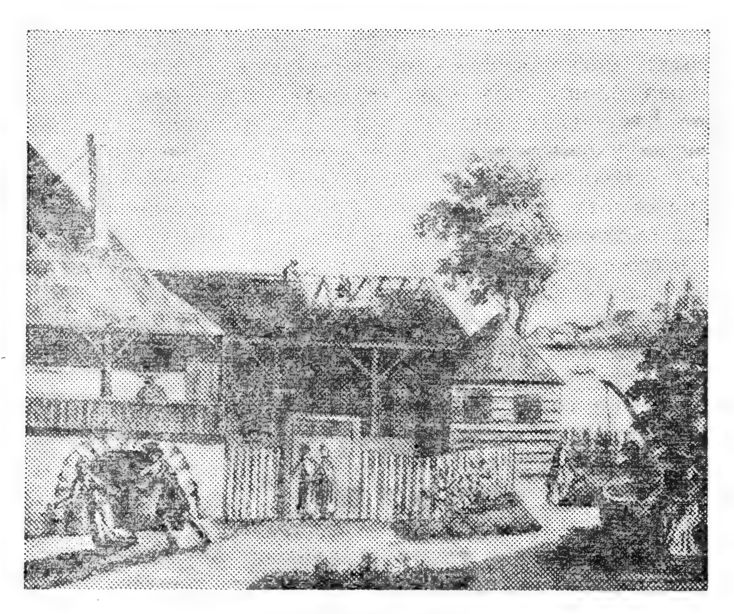
Тобольск, 5 ноября 1832

Вот уже неделя, как мы приехали в Тобольск после многотрудного, продолжительного пути, но вместе с тем благополучно. О подробностях напишет тебе, любезный друг Валентин, без сомнения, любезная моя жена. Мы, слава богу, все выдержали. Климат здесь совсем не так худ, как в России думают, и я смею надеяться, что он не повредит здоровью жены моей. Впрочем, те, коих господь покровительствует, не подвержены влияниям стихий в такой большой степени. И как бы сии не были суровы, но везде и ближе всех бог со щитом спасения своего.

Я весьма, весьма радуюсь переводу в Тобольск. Кроме сближения на 3000 верст, кроме величайшего счастия оставить Иркутск, в коем мне приходилось одному бороться со всеми, что меня уже очень утомило, кроме сих выгод, самое содержание наше чрезвычайно облегчится. Я теперь управляю губерниею и получаю 9000 рубл. жалованья, да 1500 рубл. квартирных. Сие продолжаться будет, доколе не назначен будет настоящий губернатор; а я имею надежду, что или я буду назначен на сие место, или меня переведут в Россию. Впрочем, как богу угодно; я спокоен тем, что не просился сам, следовательно, я здесь по воле божией; следовательно, это хорошо, какой бы вид ни имело.

Я работаю днем и ночью, да и нельзя иначе, если хочешь, чтобы шло хорошо. Скоро думаю отправиться ревизовать губернию, что продолжится около 1$^1/_2$ месяца, потом после Нового года располагаю, если не будет никаких перемен для меня, ехать на оленях в Березов и Обдорск и там произвести ревизию.

Мы чрезвычайно нуждаемся в деньгах, любезный брат,

ТОБОЛЬСКИЕ ДВОРЫ
Акварель М. С. Знаменского. Середина XIX в. *ГИМ*

тем более, что продолжительная и происшествий исполненная дорога наша совсем истощила наши карманы. Сверх того, мы должны были занять значительную сумму в Иркутске, о чем я тебе уже и писал, чтобы расплатиться с мелочными долгами; а жалованья я не могу получить ранее 24 декабря, да и то пойдет не на уплату долга, а на содержание наше здесь, которое как ни скромно, не менее того, по занимаемому мною месту, требует некоторой Représentation*. И потому, сделай милость, поспешай присылкою деньги за перезаложенные души; надобно мне их поскорее отослать отсюда в Иркутск.

Как из людей остался у нас один Ушаков повар и что здесь хотя и есть вольные люди, но только из ссыльных и с большими пороками, то я решился взять опять своего Григорья к себе в камердинеры[1]; да он и сам письменно меня о том просит. Потому прошу тебя, любезный брат, пришли его сюда поскорее, и если можно, с недорогою

* представительности (франц.).

оказиею. Жена его и семейство, с коими, кажется, он мало и живет, могут остаться на содержании нашем в Ботове.

Тоже прошу тебя, пришли сюда нашего буфетчика Василия Егорова, с обозом и наши *фортепиано рояль*, приказав их уложить как можно лучше; пришли также с ними и несколько №№ струн, и камертон, и ключ. Все сие можно отправить по первому пути с купеческим обозом.

Да ежели у нашего повара Тимофея нет детей, то пришли и его с женою его Матреною.

Я надеюсь, любезный друг и брат Валентин, что ты не поскучаешь исполнить все сии комиссии как можно скорее; ты уже так долго нам помогал, конечно, и ныне не откажешься продолжить пособия свои, ныне, когда мы уже у самых ворот Отечества, ибо отсюда до России только 600 верст, и когда, может быть, скоро мы будем в объятиях друг друга.

Верный и преданный друг твой

А. Муравьев.

P. S. В Москве живет тобольский мещанин *Андрей Сыромятников*, на посольском подворье. Адресуйся к нему для отправки людей и фортепиано сюда; он комиссионер здешнего градского главы и часто посылает к нему обозы и посылки.

Пришли, сделай милость, 1 пуд крепкого турецкого табаку.

98

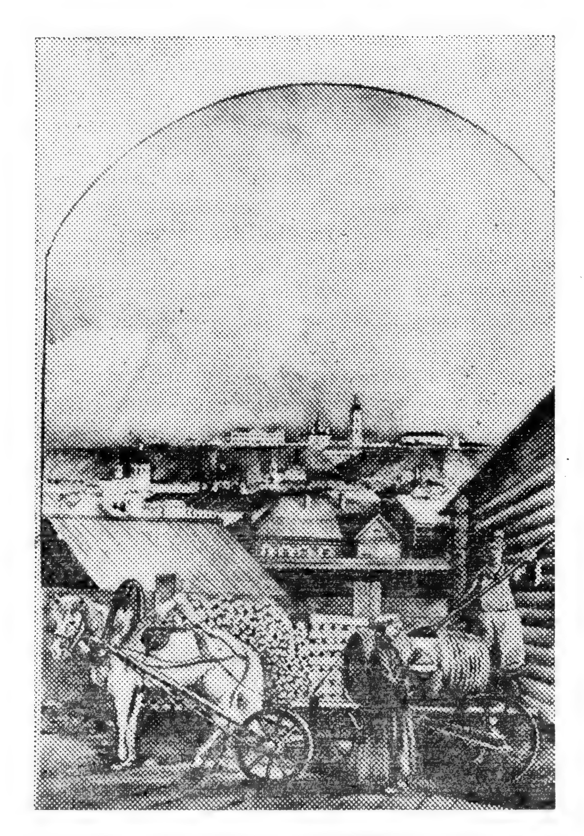
В. Н. БАСНИНУ

Тобольск, 10 ноября — 2 декабря 1832*

Любезнейший, почтеннейший Василий Николаевич! Мы приехали в Тобольск 28 октября вечером, выдержав в дороге всевозможные трудности. Но бог помиловал — все у нас благополучно! Через день по приезде вступил я в должность гражданского губернатора и продолжаю управлять ею. Губерния Тобольская, будучи гораздо населеннее Иркутской и состоя из девяти округов,— дéла столько, что некогда играть в бостон, задавать вечерки и таскаться из дома в дом. Жалованья я получаю 10 500 рубл. в год. Жить можно. Я был очень порядочно принят генер[ал]-губернатором[1]; по сие время идет до-

---

*Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] дек[абря] 26. 1832. Пр[?]».

ВИД ЧАСТИ Г. ТОБОЛЬСКА
Акварель М. С. Знаменского.
Середина XIX в. *ГИМ*

вольно гладко; думаю скоро отправиться по губернии на ревизию. Мне наняли дом пребольшой — по нужде, ибо нет ни одного дома другого, который бы нам годился; в доме холодно, впрочем, расположение оного покойно.

18 ноября 1832

Я не виноват, что не мог окончить письмо в один раз. Поверьте, дела так много, что отдыхать некогда. Благодарю вас, любезнейший Василий Николаевич, за вашу любовь к нам; письмо ваше исполнено ею. Ежели я почему-либо сожалею о Иркутске, то единственно по вас и Дим[итрии] Осип[овиче]. Я нашел в вас то, чего найти трудно, нашел *истинных друзей*. Станем же возделывать в

сердцах наших сию великую драгоценность. Прочтите, что говорит Сирах о дружбе, VI. 7. *Аще стяжеши друга, во искушении стяжи его, и не скоро уверися ему. 14. Друг верен, кров крепок, обретый же его, обрете сокровище. 15. Другу верну несть измены, и несть мерила доброте его. 16. Друг верен, врачевание житию, и боящиися господа обрящут его. 17. Боящийся господа управляет дружбу свою, якоже бо сам, тако и искренний его*[2].

И во многих еще других местах говорено о сем великом даре божии и о том, как им пользоваться для истинного нашего счастия, как вечного, так и временного.

О, друзья мои, умоляю вас, не оставляйте упражнений ваших; не ослабевайте на прямом пути к богу.

Жаль, что слишком откровенно нельзя писать по почте. Здесь распечатывают все письма. И хотя пер[е]писка наша не заключает в себе ничего противного, а, напротив, назидательна, но вы знаете, каков мир, чуть выйди из обыкновенного его круга и кружения — сейчас попадешь в сумасброды и фанатики. Однако ж нам слишком на сие смотреть нечего; хотя надо быть осторожными, со всем тем мы не должны отставать от искания царствия божия, которое внутри нас есть, не должны слишком заботиться о мнениях толпы; не должны ...*

20 ноября 1832

Видите, любезнейший Василий Николаевич, как я принужден писать отрывками. За пала[н]тинку для Сер[гея] Ст[епановича][3] приношу мою благодарность; она должна быть прекрасная, но я ее не получил еще; прошу вас поспешить доставлением ее, ибо Варвара Ивановна[4] очень беспокоится, что не имеет ее. Прошу получить от Дим[итрия] Осип[овича] деньги, вырученные за дрожки, в зачет за пала[н]тинку. Я знаю, что она стоит дороже, но коль скоро оставшиеся лисьи меха у Дим[итрия] Осип[овича] и отданные торговке для продажи — продадутся, тогда полную цену получите. Также покорнейше вас прошу о двух черных лисицах для воротника для Ланской же. Много обяжете доставлением оных поскорее ко мне, ибо шуба их без воротника и, следовательно, к употреблению неудобна; а теперь зима. Деньги из того же источника, т. е. от продажи мехов; о сем я ныне пишу Дим[итрию] Осип[овичу] подробно.

---

* Многоточие в подлиннике.

Я думаю, любезнейший Василий Николаевич, что вам приятно будет прочесть приложенную выписку из письма брата Николая ко мне. Вы из этого увидите, что я могу надеяться скоро увидеть родной дом! Мнение государя для меня весьма лестно; самое попечение его, чтобы написано было о том ко мне,— меня до глубины сердца трогает; как не любить такого царя, который с такою нежною попечительностью изливает милости свои! Как не служить ему с мужественною и неутомимою бодростью и правотою, когда, несмотря на все доносы и интриги, он отдает похвалу, вовсе неожиданную! [5]

Покажите сие приложение, сию выписку из письма брата кое-кому в Иркутске, пусть дойдет и до губернатора. Пусть они видят образ мыслей государя!

Выписка из письма брата Николая ко мне от 11 октября 1832 года, из Петербурга писанного:

«8-го числа сентября государь, быв в Киеве и осмотрев войска, и в том числе мою дивизию; я имел случай тогда говорить с генералом Бенкендорфом о тебе, и он мне сказал: *что государь ему говорил, что переводит тебя в Тобольск с тем, чтоб тебя оттуда опять перевести в Россию.*

После отъезда государя я просился в отпуск в Петербург, куда и прибыл 30 числа сентября. 1 октября я представлялся государю, который, приняв меня в кабинете, удостоил меня довольно продолжительным разговором о разных предметах и, между прочим, говоря о тебе, сказал следующее: *«Я весьма доволен братом твоим. Вот человек, который ведет себя отлично, служит хорошо, идет прямою стезею, ни с кем не знается, а занимается одною только своею обязанностью. Я перевел его в Тобольск с тем, чтобы опять его чрез несколько времени перевесть в Россию; надобно бы написать сие к нему; да напиши ты к нему о сем»* (что я теперь и делаю, исполняю волю государя). Далее государь говорил о сестре: *«Говорят, что у него жена препочтеннейшая женщина, я его переведу в Россию и поставлю тогда на ряду порядочных людей»*,— сказал государь, улыбаясь».

2 декабря 1832

Димитрий Осипович сейчас приехал. За прелестную палантинку благодарим; завтра отсылаю ее к Ланскому. Весь расчет делаю с Д[митрием] Осип[овичем]. Зубова отправляю завтра же с попутчиком в Москву. Дмитрий Осипович уедет отсюда 6 декабря вечером.

Ваш ближайший родственник и друг

А. Муравьев.

P. S. Прошу сказать Роберту Федоровичу, что я буду отвечать ему с казаком Песковым и подлекарем Мелкозеровым, которые выедут отсюда 4 декабря. Прошу то же сказать и Петру Андреевичу[6], и Юлию Ивановичу[7], и Владимиру Феодосеевичу[8].

99

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тобольск, 1 июня 1833

Любезный брат и друг Николай.

Посредством газет только имею я известия о тебе. Хоть бы ты мне написал одно слово сам, хоть бы вспомнил на блистательном поприще своем, что я в Сибири следую мыслью за твоими подвигами и с нетерпением ожидаю вести о тебе! Брат Андрей, служащий теперь на весьма почетном месте, а именно: за обер-прокурорским столом в св[ятейшем] Синоде, уведомляет меня, что он всякие две недели получает от тебя письмо; нельзя ли и меня, грешного, почтить таковым же?

По газетам видно, что ты славно бы кончил свое поручение, если бы не помешали тебе иностранные переговоры. Видно также, что Ибрагим[1] готов уже мириться, и, конечно, не по причине французской литературы, а по причине русских штыков, которые видно кажутся уже издали ему немножко ко́лки. Здоров ли ты, любезный брат? Край, в котором ты находишься, подвержен опасным болезням; но бог тебя хранит, мой друг; тот, который возлагает все упование свое на господа, не более бывает в опасности среди смерти, как и на своей постели. Он знает, что волос не спадет с главы его без воли отчей! и потому спокоен среди величайших опасностей. Ты таков, любезный Николай, и все принимаешь от руки божией, и все переносишь для него, и ему единому воздаешь славу и благодарение!

Обращаюсь к тебе с просьбою, которой, уверен, ты не откажешь, если есть возможность удовлетворить оной. Сосед мой, томский губернатор Ковалевский[2], просит меня о следующем и следующими словами:

«У меня есть родной брат, служащий в гвардейской

артиллерии и откомандированный в ракетную роту; молодой человек, за способности и нравственность которого я смело могу поручиться и даже по праву брата ими гордиться, имеет пламенное желание служить в действующем отряде при вашем братце, который имеет в нем значительную команду. Нельзя ли попросить вашего братца о вытребовании моего брата, подпоручика гвардейской артиллерии (прикомандированного к 1-й ракетной роте) Петра Петровича Ковалевского, в свое начальство? Сим вы осчастливите молодого, еще смело повторяю, достойнейшего человека и меня обяжете навсегда сердечною благодарностью».

В ответ на сие я писал ему, что исполню его желание и тебя о том просить буду, оставаясь уверенным, что ты мне не откажешь, если есть малейшая возможность удовлетворить его желанию. Я думаю, любезный друг, что я не ошибся ответом и ожиданиями моими, и, полагаясь на твою дружбу ко мне, прошу тебя о исполнении сей просьбы; тем более, что томский губернатор Ковалевский сам человек отличный, и мы с ним очень хорошо сошлись по сердцу и по службе; и что связь с ним поддерживать должно.

Мы оба, Ковалевский и я, много терпим от Ив[ана] Алек[сандровича] Вельяминова, который совершенно выпустил из рук бразды правления Западной Сибири; и при добром своем характере делает такие вещи, которые совершенно противоречат всему должному. Он вверился приближенному к себе чиновнику Коваиьке; не знает и не видит, не хочет знать и видеть ничего иначе, как его глазами, и весь край оттого страждет. Больно говорить и писать сие не менее того — справедливо. Я все еще председателем Губ[ернского] правления и в качестве сем управляю губерниею за неимением губернатора. Я думаю, что в Петербурге известно здешнее положение дел, и должно думать, что примутся меры к исправлению оного, тем более, что такое состояние не совместно с волею великого и мудрого нашего государя, который непременно хочет, чтобы правосудие и законы служили основанием благосостоянию подданных его. Много бы написал я тебе, любезный друг, о сем предмете, но пределы письма сего не позволяют; да и о Вельяминове не писал бы ничего, если бы ты не был весьма с ним знаком прежде; ты можешь теперь видеть, как истинно сие: tel brille au second

rang, qui s'éclipse au premier!* Управлять не есть наука,— но дар с небес. Не многие получают оный! Из всего сего я извлекаю и для себя весьма полезные уроки, особенно же учусь терпеть, продолжая исполнять свой долг. Впрочем, я терплю не [с]только для себя, сколько для службы, которую бы мне желалось исполнять так, чтобы оправдать ту милосердую доверенность, которую оказывает мне августейший монарх, возложив на меня столь важную должность!

Прощай, любезный брат и друг Николай, дети наши, слава богу, здоровы. Я не имею сведений о Наташиньке, Мордвинов ни слова не пишет [3]. Любезная моя жена сама хочет здесь приписать тебе несколько строк. Обнимаю тебя всем сердцем. Брат и друг

А. Муравьев.

100

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тобольск, 16 декабря 1833

Любезный брат и друг Николай!

Письмо твое от 21-г[о] ноября я получил и собираюсь отвечать на оное пространнее, чем сегодня, потому что завален делом и разного рода неприятностями по службе, которые сношу с возможным терпением в уповании на милость божию и милость государя, как ты пишешь.

Вообрази себе, что Вельяминов замарал мой формуляр и с прошедшею почтой послал оный к министру внутренних дел. Что из этого будет, не знаю. Ужели дадут веру такой вражде? Ужели это будет иметь худое влияние на мнение обо мне? Ужели служба моя от того потерпит? Надеюсь на бога, что он не позволит такого торжества злу и что он откроет правду помазаннику своему!

Прилагаемую у сего записку: *О злоупотреблениях и злоупотребителях в Тобольской губернии* [1] прошу тебя доставить лично г[осподину] министру внутренних дел Димитрию Николаевичу Блудову [2]. Она написана по следующему поводу: начальник VII округа Корпуса жандармов полковник Маслов, видя ужасные беспорядки Тобольской губернии, просил меня указать ему те из злоупотреблений, которые мне известны, дабы совокупными силами искоренять и преследовать их. Видя, что я один не в си-

---

* Кто сверкает во втором ряду, меркнет в первом *(франц.)*.

лах сопротивляться злу, столь открыто и под столь сильным покровительством совершающемуся, я с радостью принял предложение г[осподина] Маслова и решился изложить в сем письме главное только из того, что мне известно,— существенное. Уверен будучи, что Маслов доставит копию с сего письма его сиятельству графу Бенкендорфу, ибо он в необходимости сие сделать, потому что и его настояния генерал-губернатором не уважаются, я счел долгом своим послать копию с оного к своему главному начальнику Димитрию Николаевичу Блудову, что и прошу тебя *исполнить немедля*. Письмо сие писано в третьем лице, потому что некоторые обстоятельства оного юридически доказать невозможно, как, например, *взятки*; при всем том все в письме сем *есть сущая справедливость*.

Прощай, любезный брат и друг Николай, сего дня не могу долее писать, ибо и дочь моя Пашинька очень больна. Усердно прошу тебя доставить приложенное письмо сие не мешкая и рас[с]кажи Димитрию Николаевичу причины написания оного и почему чрез тебя оное к нему доставляю.

Друг и брат твой

А. Муравьев.

101

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Тобольск, 23 декабря 1833*

Господу еще угодно испытать покорность нашу призванием к себе нашего милого, дражайшего, ангельских свойств ребенка, дочь нашу Пашиньку! Она умерла 20 декабря в 5 часов пополудни.

Любезный брат, ты можешь представить себе, в какое положение мы сим ужасным ударом, неожиданным ударом,— приведены!

Прощай, мой любезный друг Валентин.

А. Муравьев.

Объяви о сем Семену Ивановичу и проси его от нас, чтобы молился за нас**.

С сею почтою мы послали от себя прошение и письмо

---

* Помета В. М. Шаховского по-французски: «Написано в Тобольске 23 декабря 1833, получено в Москве 9 января 1834».

** Последующий текст написан на полях.

министру внутренних дел о исходатайствовании высочайшего дозволения на похоронение умершего сокровища нашего в Москве, в Симоновом монастыре. Напиши к директору канцелярии Лексу[1], чтобы о сем постарались и поторопились бы.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его сиятельству, милостивому государю, князю Валентину Михайловичу Шаховскому. Г[осподину] предводителю дворянства Волоколамского уезда. *В Москве.* В Старой Конюшенной, в приходе Власия, в доме Телегиной.

102

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Тобольск, 3 февраля 1834

Любезный брат и друг Валентин.

Получив разрешение вчерашний день от министра внутренних дел с открытым от него предписанием всем градским и земским полициям о доставлении тела покойной дочери нашей Пашиньки в Москву для погребения в Симоновом монастыре, я послезавтра, т. е. 7 февраля, отправлю по подорожной по почте Григория[1] и с ним одну девушку для препровождения тела покойницы в Москву, которое, следовательно, будет к вам около 25 февраля. Уведомляя тебя о сем, я прошу тебя, любезный брат, исполнить желание наше и похоронить ее в Симоновом монастыре. Она уже совсем отпета; надобно только будет вынуть гроб из засмоленного ящика, а самое тело, которое замерзло и ничем не повреждено, освободить от бумаги, в которую оно уложено, и обыкновенным образом опустить в могилу.

Кто из девушек поедет с телом, того еще не знаю; может быть, Маврушка захочет проводить, то она и поедет; если же нет, то поедет Аксинья[2]. С Григорием я подробно писать буду.

Дай бог, любезный брат, чтобы твоя Наташинька[3] выздоровела, чтобы ты не испытал ужасной горести! Любезная моя жена очень расстроена здоровьем. Она всякий день худеет более и более. Ах, как тяжко, любезный друг!

Если бы ты прислал мне деньги, то мы [бы] и сами выехали в Вятку 10 февраля; и уже не позже 15 февраля.

А потому сюда уже не пиши более; а пишите в Пермь и в Вятку, куда, если бог благословит, мы надеемся приехать в последних числах февраля.

Мне пишут из Петербурга, что государь император соизволил оставить мне в Вятке все губернаторское содержание, т. е. 10 500 рублей в год. Если это правда, то это великая милость монаршая! И мне много, много надобно заслуживать все великие благодеяния августейшего моего государя! [4]

Не много пишу, любезный брат, я сам что-то хвораю и духом, и телом.

Обнимаю тебя всем сердцем.

А. Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его сиятельству, милостивому государю, князю Валентину Михайловичу Шаховскому, господину предводителю дворянства Волоколамского уезда. *В Москве.* В Старой Конюшенной, в приходе Власья, в доме Телегиной.

103

В. Н. БАСНИНУ

Вятка, 15 января 1835 *

На письмо ваше, почтеннейший друг Василий Николаевич, я буду отвечать по пунктам.

1. Вы уведомляете о том, что Сулима [1] желает иметь меня в Тобольске губернатором, и требуете моего ответа для доведения об оном до его сведения. *Ответ:* сколько ни лестен для меня подобный вызов со стороны ген[ерал]-губ[ернатора] Запад[ной] Сибири, но я не могу на сие согласиться, ибо суровый климат Тобольска чрезвычайно вреден для жены моей, и воспоминание о происшедшем с нами в Тобольске может совершенно рас[с]троить ее здоровье. К тому же, мне самому необходимо нужно сблизиться с Москвою. И потому, благодаря вас за участие ваше,— отказываюсь от сего звания в Тобольске, которое было уже сопряжено для меня с великими неприятностями во многих отношениях.

2. Два ящика чаю мы разыскивали в Казани чрез здешних купцов; они преспокойно стояли у кого-то в лав-

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] февр[аля] 10. [18]35, почт[ой]. Воскрес[енье].

ке. Но мы теперь их получили. За оные приношу мою благодарность. Чай прекрасный. Деньги за оный надеюсь в скором времени с благодарностью доставить вам.

3. О Голынской[2] могу только сказать, что она всеми силами старается исполнить ваше поручение и уведомляет, что сама к вам несколько раз уже писала. Уведомьте, получили ли ее письма.

4. В отношении к Парнякову и проч[ему]: Пеня ваша несправедлива. Ни я, ни Нечаев не виноваты; я свое дело исполнил еще из Тобольска, а Нечаев был в командировке с мая месяца и возвратился к должности только в декабре. Следовательно, сие решилось без него[3]. Но вы знаете, что есть на все время, и плач обратиться может в радость. Следовательно, не надобно отчаиваться. То же самое в отношении и к великолепию монастыря, украшенного почтенным семейством вашим. На все есть время, воз[ь]мите терпение. Не двенадцать ли часов во дни? Я и все со мной сбывающееся есть для вас доказательство, что все в руках божиих! Ожидать его воли должно.

Весьма бы мне прискорбно было, если бы вы прекратили со мной переписку, как пишете в письме вашем. Любовь не должна получать впечатлений от вне; она слишком превознесена, чтобы быть подверженной таким переменам. Мне кажется, надобно уважать ее побольше, ибо она есть самый ясный луч божества. Весьма буду сожалеть, если вы меня любить перестанете, но я не могу и не в состоянии вас не любить.

О Д[митрии] О[сиповиче] ничего сказать не в состоянии, могу только просить господа о нем.

Брата его в Москве я не оставлю, само собою разумеется.

Вам хотелось бы, чтобы я прочитал все дело о Парнякове, а мне хотелось бы, чтобы вы на сей счет успокоились. Все у бога!

Бедная, страждущая моя жена не пишет к Елисавете Осиповне, ибо крепко больна. Я сам был очень болен. Она вам кланяется и целует супругу вашу. Наш корабль крепко поразбился по бурному морю. Обнимаю вас всем сердцем, почтеннейший и любезнейший друг.

А. Муравьев.

Повторяю мою покорнейшую просьбу об огонках для брата моего[4]. Он ожидает их и пишет, что цену даст — какую вы назначите.

[*На обороте второго листа адрес:*] Милостивому государю Василию Николаевичу Баснину. Господину негоцианту и почетному гражданину. Иркутской губернии *в Кяхте.*

104

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Г. Вятка, 23 января 1835*

Ваше сиятельство
милостивый государь!

Столь много испытав над собою человеколюбивое расположение Вашего сиятельства, осмеливаюсь и ныне с совершенным упованием на великодушие Ваше принесть покорнейшую просьбу — просьбу, не на каких-либо видах основанную, но просьбу души, просьбу, вынужденную беспрерывным терзанием.

Суровость климата Вятки, в которой я состою председателем уголовной палаты, совершенно расстроила здоровье уже давно больной, давно в изнеможении находящейся жены моей, расстроила до того, что мы уже потеряли из вида всякую возможность поправления оного здесь, и сверх того заметно, что такое положение день ото дня усиливается, что возрождает в душе моей самые скорбные опасения.

Понятно для сердца супруга столь горестное чувство! К сему чувству, прямому ходатаю моему,— прибегаю и, видя одно только средство к избежанию гибельных последствий от умножающейся болезни в высшей степени страждущей жены моей, осмеливаюсь покорнейше просить Ваше сиятельство, повергнув к стопам августейшего монарха и нежнейшего супруга тучу сердца моего, испросить для меня всемилостивейшего перемещения на службу в климат несколько южнее, чем Вятка.

Одно покорное ожидание — есть теперь моим уделом! Но чего нельзя ожидать от милосердия его императорского величества в ту минуту, когда просимая милость превзойдет для моего растерзанного сердца — всякое благодеяние! И может ли страшиться отказа в великодушном и сострадательном ходатайстве Вашем тот, кто от Вас получил уже столь много! [1]

---

*Помета рукою А. Х. Бенкендорфа: «Еще рано»; там же рукою неустановленного лица дата: «февраля 21[-го] 1835».

С глубочайшим высокопочитанием, беспредельною благодарностью и совершеннейшею преданностью имею честь пребыть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
всепокорнейшим слугою.

Александр Муравьев.

105

В. Н. БАСНИНУ и Д. О. ПОРТНОВУ

Симферополь, Таврической губернии, 6 апреля 1836*

Любезнейшие мои друзья Василий Николаевич и Дмитрий Осипович!

После постигшего меня ужаснейшего переворота я вместе к обоим вам, сердечным друзьям моим, в первый раз пишу. Я передаю сердцам вашим ту скорбь мою, которую вы пособите мне нести. Я теперь один в мире! Один совершаю трудное странствие мое в Отечество. Друг мой уже там и туда же меня зовет [1].

Дети наши, слава богу, здоровы и под покровительством божиим вырастают к славе его. Соничка становится чрезвычайно на мать свою похожа. Ваш сибиряк Иоанн необыкновенно умный и характерный мальчик. Здоровы ли вы все, Елисавета Осиповна, Юлия Осиповна, А[в]дотья Осиповна [2], все дорогие сердцу нашему и много любимые покойным другом моим, здоровы ли дети Кеша, Вася, Николинька? [3] Здоровы ли Николай Тимофеевич, Петр Тимофеевич [4], матушка ваша? Ах, прошу вас всем им от меня поклониться, всем им сказать, что я их истинно люблю и их о том же прошу.

Друзья мои, напишите мне хоть немного. Я для вас все тот же, как я был прежде. Очень бы желал с вами видеться. Служба моя идет по-прежнему; т. е. беспрерывная борьба со злом. Когда она и чем окончится — не знаю. Как богу будет угодно. Я совершенно предался его святому вождению и промыслу; и в сем предании только обретаю покой души моей.

Нужно мне знать, очень нужно знать о всем, что до

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] 29-го мая [18]36. Ир[кутской] почт[ой].

вас касается. Напишите ко мне оба. Поцелуйте любезного Семена Семеновича[5] и Владимира Феодосеевича[6].

Друзья мои, обнимаю вас от всей души моей.

А. Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Милостивому государю Дмитрию Осиповичу Портнову. *В Иркутск*. В собственном доме.

106

Княж. Е. М. ШАХОВСКОЙ

Симферополь, 2 августа 1836*

Я от всего сердца поздравляю вас, дражайшая Лили, с днем вашего рождения. Я не преминул бы вознести самые горячие молитвы о вашем счастье, если бы каждая минута этого счастья не требовала искупления, как преступление — наказания, как кража, совершенная у вечности. И потом, когда перестаешь быть счастливым, выглядишь так глупо, так неуместно, так неприлично, что необходимо возносить молитвы такого рода за других каждое утро.

Мне очень жаль, что не в Ботове, этом месте счастливых воспоминаний, встречаю я этот день, который был всегда праздником для моей возлюбленной Полины.

Мои служебные дела, кажется, приближаются к концу, хотя указ Сената на этот счет еще неизвестен, тем не менее (рассуждая по-человечески) хорошего ожидать нечего, потому что граф Воронцов[1] сделал два официальных представления против меня, одно, где он обращается к авторитету министра юстиции[2], чтобы меня урезонить (министр ему отказал), и второе, где он требует, чтобы я был смещен и заменен другим председателем по его назначению (и в этом также было отказано). Разумеется, после двух отказов такого рода он должен быть в бешенстве, ибо ему никогда еще ни в чем не отказывали. Через несколько дней он будет в Малороссии приветствовать проезжающего государя, и так как он очень близок с графом Бенкендорфом, он сможет расписать меня как ему заблагорассудится. Судите о последствиях.

Говоря и судя по-человечески, я должен быть или уволен со службы, или по крайней мере переведен в какую-нибудь отдаленную губернию. В этом случае я сделаю все

---

* Подлинник на франц. яз.

возможное, чтобы получить полную отставку и перенести мою несносную персону в тот уголок земли, где я услышан и выслушан, назван *другом*, чтобы окончить там свои дни или излечиться от этой медленной лихорадки, именуемой жизнью земной.

Вот мои проекты, дорогая сестра; если они исполнятся, я надеюсь вскоре вновь увидеть вас в Ботове. Ожидая хорошего или дурного, я обнимаю вас всем сердцем, дорогая Лили, и прошу вас сохранить вашу дружбу ко мне; я имею на нее некоторое право, если не сам, то, по крайней мере, в память о друге моем Полине, вашей сестре.

А. Муравьев.

P. S. Прошу вас обнять от меня дорогих сестер и дорогого Валентина, которого я прошу, чтобы он был так добр проверить и исправить трубы в печах и камины в доме в Ботове, наняв хорошего печника * из Москвы, пока позволяет это время года. Ибо если мы будем иметь счастье поселиться там, это произойдет, вероятно, в осеннее время, и нужно будет, чтобы печи уже были в полном порядке.

Проекты эти — не сумасбродство; они в настоящих обстоятельствах необходимы, и мы составили их вместе с моим дорогим Николаем.

Мое почтение госпоже Пучковой [3].

107

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Архангельск, 9 февраля 1839

Любезный брат и друг Валентин.

Благодарю тебя, что ты не усумнился в том, что я предупредил желаниями тебе благополучия собственную твою об этом просьбу. Теперь ты женат и опять начнешь жизнь, свойственную твоим желаниям [1]. Но не отягощают ли тебя обязанности к миру, которые в Петербурге весьма обширны?

Жаль, что место твое не так доходливо. 5000 рублей в столице — мало. Сожалею, что ты оставил прекрасное и благороднейшее свое место в Москве. Я бы готов и сам занять его, оставив губернаторскую службу, несмотря на

* «печник» в подлиннике по-русски.

то, что место сие гораздо ниже классом того, которое я теперь занимаю. Так много можно быть полезным страждущему человечеству, более, чем во многих местах; и вместе с тем сколько выгод домашних![2]

Почему не могу я крепко обнять тебя, мой дражайший брат? Почему не могу крепким — от сердца происходящим сжатием руки твоей дать тебе понять всю полноту чувств моих к тебе, мой друг. Ты понял бы меня, любезный Валентин!

Милостивой государыне сестрице свидетельствую свое почтение и прошу принять и меня в свое родственное расположение.

Обнимаю тебя, любезный брат, всем сердцем и радуюсь, что расшатанное твое здоровье поправилось.

Твой друг

А. Муравьев.

108

В. Н. БАСНИНУ

Г. Архангельск, 25 мая 1839*

Любезному другу Василию Николаевичу Баснину

Прошение от Александра Муравьева.

Я получил от Василия Николаевича Баснина письмо на имя его превосходительства, милостивого государя Александра Николаевича Муравьева, каковое письмо быв ему передано, он сильно опечалился, что друг его так строго и немилосердно с ним обращается. Со всем тем, однако, он признал бы, что точно много перед вами виноват и просит у вас прощения, пощады и возвращения прежней дружбы, если бы, *паче чаяния,* она могла потерпеть от долгого, но невольного молчания его.

По письму вашему, почтеннейший Василий Николаевич, от 8 июля 1837 года, я сделал должное исполнение в отношении к Парнякову тогда же, и помнится мне, что я вас обо всем уведомил. Не знаю, однако, что в Синоде последовало по посланной от меня записке.

В отношении к моим долгам за дружеское и благодетельное одолжение ваше, которым вы спасли нас от совершенного разорения в годину печали, долгом почитаю вас уведомить, что если не исполнено с моей стороны то,

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] 2 июля [18]39. Ирк[утской] почт[ой].

что я по совести и по закону исполнить пред вами должен, то сему причиною обстоятельства, по коим я мог с достоверностью надеяться, что уплачу как бы одну половину моего долга, а в другой дам заемное письмо. В 1837 году, когда государь изволил быть в Крыму, я был представлен к аренде[1], которую намеревался тогда же продать и уплатить мой долг вам. Но вместо того я переименован был в губернаторы в Архангельск, и дальний переезд и обзаведение совершенно истощили маленькие мои средства. Здесь мне опять обещали аренду, но и это рушилось. Ныне летом намереваюсь быть на маневры в Бородине 26 августа, где я был некогда действующим лицом[2], и надеюсь быть представленным государю вместе с прочими. Итак, осень решит все: я или внесу с сердечною благодарностью долг мой вам, почтеннейший друг, или вышлю вам заемное письмо так, как вы велите это сделать.

Итак, прошу вас, терпев уже столь долго, потерпеть по мне еще несколько месяцев. Время маневр будет для меня решительною эпохою в жизни. Ибо при крайнем недостатке, в котором нахожусь от 12-летних бедствий и странствований, невозможно мне будет более служить, если не будет мне оказана помощь царская.

Поверьте, что долг мой вам лежит у меня *тяжелым камнем* на сердце; право, давно бы сбросил его, если бы силы доставали. Но милосерд господь; не оставит и меня. Прошу вас, потерпите еще недолго.

Благодарю вас, почтеннейший друг, за уведомление о Димитрии Осиповиче и о всех ваших; вы все также близки моему сердцу, лишь бы вы меня не выбросили из своего!

Мои все, слава богу, здоровы. Все вас любят и кланяются вам. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение милостивым государям Николаю Тимофеевичу и Петру Тимофеевичу и супруге вашей. Деточек прошу обнять. То же и Семена Семеновича.

Если будете писать, то адресуйте: *Московской губернии в г. Волоколамск*, на мое имя; ибо, как выше сказано, я намерен в июле уехать в отпуск на четыре месяца. Если бы, однако, сего, *паче чаяния,* не могло случиться, то письмо ваше только одною неделею опоздает ко мне; ибо мой управляющий перешлет оное в место моего пребывания.

Обнимаю вас, почтеннейший друг, от всего сердца, и прошу обратить гнев на милость.

Александр Муравьев.

[*На обороте второго листа адрес:*] Милостивому государю Василию Николаевичу Баснину.

109

В. Н. БАСНИНУ

С. Ботово, 10 марта 1840*

В письме вашем, почтеннейший Василий Николаевич, расспрашиваете вы меня о многом, и вопросы ваши свидетельствуют о дружбе вашей ко мне. При всем желании исполнить подробно требования ваши, есть некоторые, которых я удовлетворить не могу, а именно — о службе моей. Это статья сложная и обширная, доселе еще не развязанная и остающаяся и для меня по сие время сокровенною. Я был губернатором в Архангельске, это вы знаете; и перестал быть губернатором, *без просьбы своей*, хоть и давно искал выйти в отставку. Вот все, что мне самому известно. Однако же дело это не молчит, оно теперь рассматривается в Комитете министров и чем кончится — это, *вероятно*, видно будет в сенатских указах [1].

Это обстоятельство воспрепятствовало мне быть и на маневрах при *Бородине*.

Теперь живу спокойно в *Ботове* и от времени до времени посещаю Москву, а дал[ь]ше Москвы ехать более не намерен; следовательно, и служить.

Здоровье мое поправилось. Дети мои при мне, и благодетельная княжна Марфа Михайловна служит им вместо матери. Брат мой Николай, бывший генер[ал]-адъютант и корпусный командир, также в отставке [2] и живет в своей воронежской деревне. Брат мой Михаил — директором департамента податей и сборов в Петербурге. Брат мой Андрей служит за обер-прокурорским столом в Синоде. Он вместе и камергер, и пишет книги, которые, как вы пишете, у вас есть, минус одной последней. Слог его хорош; но бол[ь]ше ничего не нахожу хорошего в его сочинениях [3]. Брат Сергей служит в Петербурге, в Министерстве финансов, при довольно незначительном месте.

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] 23 апр[еля] [18]40. Ирк[утск], чрез Д. О. Портнова с почт[ой]».

Имение мое все в таком же или, лучше сказать, еще в рас[с]троеннейшем положении, чем было, когда вы спасли его от крушения. После этой эпохи я еще восемь лет странствовал по всем углам России и переселялся с места на место, при жалованье, далеко не покрывавшем чрезвычайные расходы, и к тому вынужденные, а не прихотливые. Присоедините к тому два года неурожая и третий и последний 1839 такой, что не только не было что продать из хлеба, но едва стает на продовольствие домашнее, и вы тогда будете иметь ясное и точное понятие о моем настоящем состоянии. Но есть у меня прекрасный строевой лес, который продать лесом было бы слишком дешево; а распилить на доски и тёс — весьма выгодно. По сделанному расчету, который я предварительно давал на рассуждение опытным лесопромышленникам в Москве, открывается, что если господь поможет, я в пять лет в состоянии буду расплатиться со всеми своими долгами. Потому и приступил я нынешнею зимою к работе и уже напилил до 70 000 тёсу. Будущею зимою повезется он на продажу в Москву. И если, как предполагать должно, операция эта будет удачна, то в 1841 году я напилю его еще более, а в 1842 — еще более, пока не кончу и не устрою своих дел. Первый долг, лежащий на сердце моем, есть ваш, почтеннейший друг; потому и получите вы прежде всех то, что я выработаю; и это, по предположению моему, должно сделаться в конце 1841 года. Вы так долго ждали, ужели не потерпите еще на мне? Тогда не только капитал, но и проценты с процентами на них будут мною присланы; и те 3000 руб., которые я получал от вас незадолго перед выездом, и те деньги, которые осталась должна вам кн. Варвара Михайловна. Нынешний же год я ничего выслать не в состоянии, ни даже процентов, ибо, как сказал выше, едва стает на продовольствие самому.

Быть может еще, что дело, о котором я говорю, что рас[с]матривается в Ком[итете] министр[ов], воз[ь]мет благоприятный оборот, т. е. что клевета откроется; тогда я буду иметь право просить о возмещении потерпенного рас[с]тройства; и тогда, может быть, откроются скорейшие для меня средства к уплате моего долга вам.

Вот вам, почтеннейший Василий Николаевич, чистосердечное описание моего положения. Сделав благодеяние, увенчайте его долготерпением, и оно будет для меня совершенное. Что я вам говорю, говорю и любезному мо-

ему Димитрию Осиповичу, участвующему в добром деле вашем, а потому в письме к нему не стану упоминать более об этом.

Радует меня то, что все у вас идет благополучно, что супруга ваша и дети здоровы, равно и почтенные батюшка и дядюшка ваши. Думаю, что нынешний разрыв Китая с Англиею[4] может иметь хорошее влияние на торговлю Вашу; ибо чаи, вероятно, воз[ь]мут путь свой чрез Кяхту. Прошу и меня об этом уведомить.

Я, кажется, подробно описал вам все, но осталось еще обнять Вас, почтенный друг, и уверить вас в неизменной моей дружбе.

А. Муравьев.

110

Кн. В. М. ШАХОВСКОМУ

Москва, 16 января 1841

Любезный брат и друг Валентин.

Отрадно для меня видеть из твоего письма, что занятия твои услаждают твою душу и доставляют тебе спокойствие. Этого и ожидал я, испытав это на самом себе и зная, что ты, любезный брат, всегда любил истину и если не привязывался к ней так долго, то это потому только, что вместо подлинной истины тебе представляли только сомнения, мистический бред и мечты. Коли же скоро прямой божественный луч тебя коснулся, ты в то же время принял его и вместе с евангельским искателем сказал: *«Верую, господи, помоги моему неверию!»* И милосердый господь услышал тебя и ведет тебя ныне в небесный чертог свой. Да будет же он благословен за все дивные дела промысла его!

Обращаюсь к делам. Я говорил Баженову о твоем долге по заемному письму, читал ему статью из твоего письма касательно долга сего; но он неотступно требует денег. Напиши к нему сам об этом, он сегодня едет в Волоколамск. Между тем я на всякий случай изготовлю деньги продажей овса и муки, которые продаю здесь довольно выгодно: *овес* по 11 рубл. в 9 мер, а *муку* по 1 р. 70 к. и 1 р. 55 к. за пуд.

Между тем, прошу немножко побранить Арефия за разрешение, которое он у тебя испрашивает о том, везти ли овес на продажу в Москву, когда я повторенными предписаниями приказал ему непременно везти оный сю-

да. Я полагаю, что ты намерен, чтобы он исполнял мои приказания, а не поверял бы их испрашиванием разрешения и не терял бы времени[1].

Прилагаю у сего две копии с нового раздельного акта[2] и с моего письма братьям при оном.

Николай, как ты знаешь, отказался от всего, а для чего — не знаю, ибо он мне не открыл причины тому. Видно только, что эта мысль пришла ему в голову здесь, ибо он ехал сюда с намерением взять Александровское на себя, а следовательно, платить и долги. Но что его сбило с этой мысли — не знаю. Впрочем, я намерен предложить братьям подарить ему всю библиотеку и инструменты; это составит примерно до 30 000 рублей. Не знаю, согласятся ли они на это.

Обнимаю тебя, любезнейший брат и друг Валентин, всем сердцем и остаюсь верным и любящим твоим другом

А. Муравьев.

P. S. Захар Григорьевич Чернышев просил меня напомнить Софье Гавриловне[3] о его просьбе касательно позволения уехать в свое имение; но только он просит предварительно, чтобы исходатайствовали ему *позволение вступить в гражданскую службу в Москве*, где он может быть под надзором многих властей; но *в Москве*, а нигде более. Если же сего не позволят, то в таком только случае ехать в орловскую свою деревню.

Прошу тебя, любезный брат, поговорить об этом с Софьею Гавриловною, и что вы по этому сделаете или узнаете, о том отпиши мне.

Захару бы очень хотелось быть на службе *в Москве*, или в канцелярии генерал-губернатора, или губернатора[4].

111

В. Н. БАСНИНУ

С. Долголядье, 1 октября 1844*

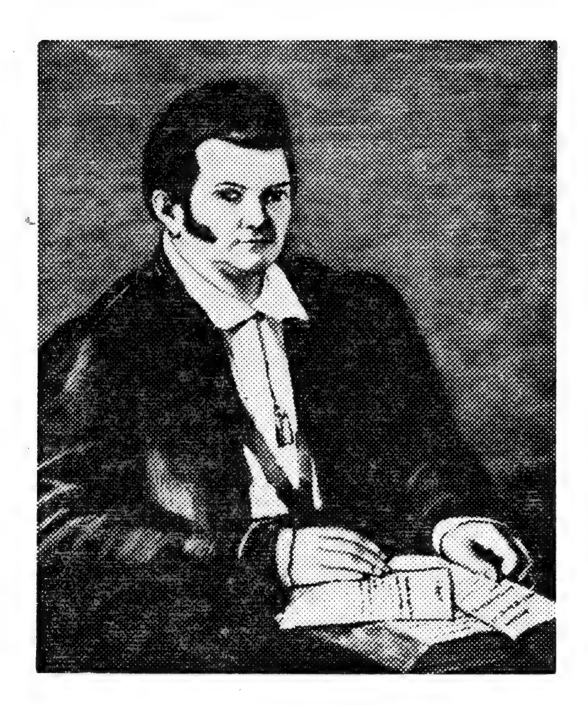
Почтеннейший и любезнейший Василий Николаевич!

Прежде чем писать о всем прочем, я должен по требованию вашему писать вам о детях моих.

Софии 22 года, здоровья слабого; занятия — обыкновенные домашние: книги и прочи[е], видов на какую-либо

---

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] ноября 4. [18]44. Ирк[утск] почт[ой] утр[ом] суб[бота].

А. Н. МУРАВЬЕВ
Художник Ф. А. Тулов. 1840-е гг. *ГИМ*

будущность — еще не имеется, наружность — весьма красива, воспитана хорошо, но без богатства, все это ныне не оценивается.

Иоанн, 14 лет, здоровья хорошего; много и хорошо учится; готовится в кавалергарды, куда и поступить должен через 3½ года. Наружность благовидная, ростом велик.

Теперь, по приказанию вашему, о себе. От роду 52 года, статский советник, причисленный к Министерству внутрен[них] дел. Живу в деревне, ожидая поручения от министра Перовского, с коим в прежние годы был товарищем. Здоровье мое ослабело от многих перенесенных бед и несчастий и часто напоминает мне, что время готовиться к отходу и оставить ваканцию и на земле, и в службе для другого. Состояние мое все в том же расстройстве, хотя, впрочем, подает надежды на исправление; есть еще

некоторые *наследственные* виды[1], эти очень могут поправить дела, но когда? и как скоро? Кто это знает?

Посему и должен еще воззвать к долготерпению вашему, почтеннейший друг, и просить вас не требовать еще от меня уплаты по заемному письму, как вы это снисходительно и делаете, по доброму вашему ко мне расположению. Но меня сильно беспокоит состояние любезного Дм[итрия] Осиповича, который, как видно, в нужде, ибо он требует уплаты и конечно бы не потребовал, если б не нуждался. Мне бы весьма хотелось его удовлетворить, но пред богом вас уверяю, что теперь еще не в состоянии исполнить этого. Скорблю, душевно о том скорблю, что не могу еще отдать должного человеку, столь [м]ного, вместе с вами, меня обязавшему. Но и теперешнее мое состояние хотя не так отчаянно, как было во время помощи вашей, однако не представляет еще возможности расплатиться деньгами за деньги и никогда не будет таково, чтобы душа моя могла воздать вам то *благодеяние*, которое вы оба мне сделали. Сделайте милость, обоих вас прошу, дайте еще время поправиться!

Заемное письмо, в 46 579 р. 5 к. ассигнац[иями], которое обязан был написать 1 июля, потому еще не написано, что мне не пришлось ехать в Москву на несколько дней, а здесь писать его, в уездном городе, не хочется. При первой поездке непременно напишу и вышлю его.

Ищу такое благодетельное лицо, которое могло бы мне одолжить на несколько лет 200 000 рубл. ассигн[ациями], процен[тов] по 5 или по 6, дабы я смог заплатить все 10-, 9- и 8-процентные долги. Тогда мне гораздо легче будет.

Мои долги не прихотные: принимая свою часть имения после отца, — у меня теперь *всего* 1000 душ, — я должен был заплатить братьям 42 000 рубл. и принять на себя отцовского долга 90 000 руб., кроме казенного. Это меня срезало. Бьюсь как рыба об лед. О, если б я только мог удовлетворить теперь вас, и особенно любезного моего Дмитрия Осиповича, я был бы спокойнее.

Сделайте милость, почтеннейший друг, скажите ему, что я с будущею почтою буду ему писать. Сегодня обременен делом; и обнимите его за меня.

Нет ли возможности войти с вами в часть по золотым приискам и сколько в таком случае нужно капиталу?

Как весьма печальны те известия, которые вы сообщаете о всех жестоких потерях ваших, но все-таки благо-

дарю вас за написание оных; это мне доказывает, что вы все так же во мне уверены и не сомневаетесь в дружбе моей и в живейшем участии, которое я принимаю и всегда принимать буду во всем, до вас касающемся. Потому и сожалею о потере спокойствия вашего; уверен притом, что вы все это переносите, как истинный христианин, ведая, что *ни один влас с главы нашей не спадает без воли отца нашего небесного.*

Как ни тяжко жить на свете, в беспрерывных скорбях, однако жить должно, веруя, что все ниспосылается господом для будущего нашего блаженства, для устроения которого случается с нами все то, что случается. *Сеющие слезами радостью пожнут!* лишь бы сеять слезами, оставаясь честным человеком и ведя жизнь, сообразную заповедям господним.

О многом, даже вне круга делового, нужно бы мне поговорить с вами, почтеннейший друг Василий Николаевич, но вы не любите писать; а можно бы письмами передавать свои мысли.

Обнимаю вас, почтеннейший друг, всем сердцем, желаю вам милости господней; свидетельствую свое почтение милостивой государыне Елисавете Осиповне, вашего юного Николая целую. Да сохранит его господь в утешение ваше.

Друг ваш

А. Муравьев.

112

В. Н. БАСНИНУ

Москва, 15 января 1845*

Почтеннейший и любезнейший Василий Николаевич!

До декабря 1844 года не доводилось мне быть в Москве. В декабре написал я прилагаемое заемное письмо в 13 308 р. 30 к. серебром, в котором заключены все мои и семейства моего денежные долги вам, почтеннейший друг.

Ботово уже более двух лет продается; являлись барышники покупать оное; но таким людям отдать его я не согласен, ибо они разоряют крестьян и после перепродают имение разоренное. Ныне, кажется, сыскался настоя-

* Помета В. Н. Баснина: «П[олучено] февр[аля] 14. 1845 ирк[утской] почт[ой].

щий покупщик. Он на днях посылает осматривать это имение, и если мы сойдемся в цене, то немедля вышлю любезнейшему моему Дмитрию Осиповичу весь мой долг, а вам проценты по сему заемному письму впредь до уплаты.

Сделайте одолжение, будьте еще снисходительны. Я ожидаю поправки своих дел. Все отдам при первой возможности.

Верьте, почтеннейший друг, неизменной моей любви и благодарности.

А. Муравьев.

На днях уезжаю опять к себе в деревню. Продолжайте адресовать ваши письма в *Волоколамск*, Московской губернии.

113

Княж. Е. М. ШАХОВСКОЙ

С[анкт]-Петербург, 9 июня 1851*

Вот, дражайшая моя Лили, и облечен я в военную форму, и, несмотря на потерю ранга[1] и выслуги лет, я этим, не прогневайтесь, вовсе не огорчен. Мои имущественные дела уже так плохи, что теперь уменьшение годового жалования на 2500 руб. ассигнациями не имеет для меня никакого значения; и раз мое положение на гражданской службе после увольнения с места губернатора (которое было у меня отобрано) стало невыносимым, нужно было решиться и сменить поле деятельности. К чему приведет сия перемена — это тайна как для меня, так и для всех прочих. Исход в руках господа, и само это средство в том положении, в котором я находился, было мне ниспослано им, ибо я не предпринимал ничего, не призвав сперва его святое имя и не склонившись заранее перед волей его.

Я могу лишь похвастаться дружеским и радушным приемом, который был мне повсюду оказан военными. Это совсем другое дело, чем было у Перовского[2]. Вы уже знаете, как принял меня наследник цесаревич[3]. Так же,— сохраняя должные пропорции,— было всюду. Мне подают надежду, что я смогу участвовать в московских маневрах, которые состоятся в августе месяце. Это, надеюсь, позволит мне к 15 июля прибыть в деревню. Но

* Подлинник на франц. яз.

куда я приеду, т. е. в Долголядие, в Ботово или в Колпь,— в настоящее время сказать трудно. Я полагаю, что тем временем вы можете отправиться из Москвы прямо в Долголядие и оставаться там до тех пор, пока это не выяснится. Думаю, что в ожидании этого вам не следует пренебрегать этим местом, где вам будет удобнее, чем в Колпи, куда вы всегда успеете перебраться в случае нужды.

Я сегодня отдам Фридриху[4] распоряжение принять вас там, как обычно. Добро пожаловать туда в любое время.

Я думаю сегодня поехать в *Петергоф*, чтобы искать случая представиться завтра императору, так как обычно летом почти не бывает официальных представлений.

Но скажите мне, прошу вас, почему вы и Клеопатра перестали мне писать?

Не думаете ли вы, что со сменой одеяния изменилось и сердце мое?

Прощайте, дражайшая моя Лили, я обнимаю вас всем сердцем.

А. Муравьев.

Передайте мой привет Алек[сандре] Наум[овне]*. Я очень хочу, чтобы Долголядие доставило ей такое же удовольствие, как прежде.

114

Кнж. Е. М. ШАХОВСКОЙ

Петербург, 15 июня 1854**

Вы теперь, дражайшая моя Лили, наслаждаетесь прелестями деревни, а мы живем настороже, ожидая атаки на Кронштадт, ибо неприятельский флот уже несколько дней как находится здесь, хотя и не сделал еще ни одного пушечного выстрела[1].

Несмотря на радость от возвращения хорошей погоды, я пока не последую вашему примеру, потому что, хотя я и не принимаю никакого участия в обороне от неприятеля, я не мог бы удалиться от театра военных действий, зная, что со дня на день их участником может стать мой сын.

---

* Алекс[андра] Наум[овна]» в подлиннике по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

Лично у меня ничего нового. Все те же нужды, и ни небесной, ни земной помощи. Без всякого сомнения, помощь свыше существует, но понять ее может лишь рассудок, а своеволие наше ее не ощущает, потому и кажется, что ее нет, хотя между тем она вполне реальна.

Здоровье мое все то же: день лучше, день хуже. Наконец, ничто не представляется мне в радужном свете. Т. е. ничто не соответствует желаемому, которое кажется нам нашим благом, тогда как в действительности это очень могло бы быть для нас злом. Поэтому самым благоразумным будет просить у господа сил и терпения, чтобы вынести все это, ничего не предполагая и не загадывая наперед.

Вот, дражайшая моя Лили, это на первый раз, чтобы дать вам представление о положении моих дел. Впоследствии в нем могут произойти изменения, перемены, но неизменной останется истинная дружба, которую я к вам испытываю.

А. Муравьев.

Я прошу вас напомнить обо мне Алекс[андре] Наумовне *.

115

Кнж. Е. М. ШАХОВСКОЙ

Варшава, 1/13 ноября 1854. Понедельник**

Я прошу у вас прощения, дражайшая Лили, что причинил вам огорчение сравнением между моим возможным состоянием и состоянием, в котором находился Вас[илий] Алек[сеевич] ***[1]. Я совершенно убежден, что нашел бы у вас любовь, но я не сумел бы скрыть от самого себя, что я вам в тягость. И как бы могло быть иначе? Нужно было бы, чтобы рядом со мной постоянно кто-нибудь находился, а разве у каждого, исключая Морету[2], нет своих занятий и обязанностей? Но не станем предвосхищать этот несчастный момент, может быть, он не наступит вовсе, хотя глаза мои служат мне день ото дня хуже, до такой степени, что лишают меня всякого желания делать что-либо самостоятельно. И если бы не дражайшая моя Морета, которая поддерживает меня чтением, я был бы

* Алекс[андре] Наумовне» в подлиннике по-русски.
** Подлинник на франц. яз.
*** Вас[илий] Алек[сеевич]» в подлиннике по-русски.

повергнут в полнейшую праздность и предоставлен очень тягостным размышлениям. Ни слабительное, которое меня заставили принимать, ни пиявки, ни растирания, ничто не действует, ничто не приносит мне облегчения. Я даже искал очки, надеясь видеть яснее. Тщетно. Глаза мои, впрочем, не болят, но я вижу мутно, и мелкие предметы иногда совсем ускользают от моего зрения, а потом я вижу их снова.

Крымские дела идут хорошо. У союзников не более 60 000 человек, а у Меншикова *— больше 100 000. Невозможно, чтобы с такими силами Севастополь когда-нибудь был взят, и мы ожидаем здесь с часу на час телеграммы с сообщением о результате большого и кровопролитного сражения, которое уже должно было произойти, сражения, которое, по самым точным расчетам, должно полностью уничтожить англо-французскую армию, которая окажется в безнадежном положении[3]. Несомненно, они будут сражаться яростно, прежде чем сложат оружие, что, однако же, неизбежно, но сколько крови, пролитой с обеих сторон, будет предшествовать этому триумфу нашего оружия! Вчера из Петербурга по телеграфу было сообщено, что мы совершили две вылазки из Севастополя на оба фланга противника, взяли одну из его батарей и загвоздили 15 орудий и что это дело, случившееся 24 октября/6 ноября, стоило обеим сторонам больших потерь. Но дело это — лишь прелюдия к тому, что должно произойти или, вероятнее, уже произошло, но о чем мы здесь еще не получили известий.

Вы видите, дорогая сестра, что я приношу публичное покаяние и беседую с вами о военных делах. Благоволите сообщить все это моей дорогой Клеопатре, обняв ее от меня, и будьте полны надежд на успех наших планов, которые, по всем человеческим расчетам, не могут потерпеть неудачу. Какой славой покроется наше оружие, когда мы уничтожим и пленим 60 000 пришельцев с Запада, которые по приказу разбойничьих правительств Англии и Франции, из коих первое действует из меркантильных соображений, а второе — из самосохранения, явились разбойничать в наших провинциях, явились, чтобы обескровить нашу страну, и всеми средствами стремятся обескровить мир! Но *Севастополь* подрежет им крылья, как это

* «Меншиков» в подлиннике по-русски.

уже сделал один раз во время бомбардировки 5/17 октября, почти уничтожив им 18 судов![4]

Сообщите все это также вашей подруге[5], которая, я уверен, продолжает сохранять то же патриотическое расположение духа.

Но боже, моя дорогая Лили, зарябило в глазах *, нужно, чтобы я закончил это письмо, обнимая вас от всего сердца.

А. Муравьев.

P. S. Во время вышеупомянутого дела 24 октября/6 ноября французы предприняли штурм города, но были отброшены с огромными потерями в людях.

116

Княж. Е. М. и К. М. ШАХОВСКИМ

Николаев, 11 июля 1855**

Провидению угодно было, дражайшие мои сестры, полуслепым привести меня в тот Крым, где 20 лет тому назад истинный свет воссиял для меня и откуда излился он, чтобы просветить многих других[1]. Вот я и на пути в Севастополь, куда, на Макензиевы высоты, должен прибыть к 20 июля и ожидать там или новых испытаний, или других несчастий, одному провидению известных (ох, да не оставит меня своей защитой во все часы дня и ночи господь милосердный!). Непредвиденные события, отсутствие средств — все это так осложняет наши обстоятельства, что я был бы совсем растерян и приведен в замешательство, если бы не чувствовал поддержки высшей силы, которая помогает мне возвыситься над всем тем, что может человек предвидеть, чтобы самозабвенно броситься в объятия милосердного провидения и так обрести внутренний покой, который может быть дарован лишь силою, которая выше нас! Если бы я не был почти слеп, я мог бы, взвесив пользу, которую принесу, не беспокоиться о том, что ожидает меня в связи с исполнением моего долга; но, не различая лиц буквально на расстоянии двух шагов, какую пользу могу я принести своей службой? Особенно разрывает мне сердце необходимость оставить

---

* «зарябило в глазах» в подлиннике по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

мою дорогую Морету одну в Николаеве, ибо, предвидя препятствия, которые предстоят в пути, невозможно допустить, чтобы она ехала дальше. Я нанял ей хорошую квартиру с содержанием для нее и для ее прислуги *, оставив ей коляску на тот случай, если нужно будет отправиться в Елисаветград **. Я оставляю ее тут на попечении господина Мердера[2], давнишнего знакомца всех вас, коменданта города и крепости. Она живет на Спас[с]кой улице, в доме лейтенанта Дабича***[3]. Но посылайте ваши письма в Николаев, до востребования, на ее, а не на мое имя. Я надеюсь также, что эта разлука не будет продолжительной (ох, дай бог, боже великий, тысячу раз дай бог!) и что к середине сентября я вернусь сюда, чтобы ее забрать, и, вероятно, в октябре вновь встречусь с вами в Колпи (еще раз, и тысячу раз дай бог!), ибо моя слепота, усиливающаяся со дня на день, должна наконец убедить командование Крымской армии, что я уже не гожусь ни на что, если не сделать мне операцию катаракты,— и неизвестно, сколь продолжительный срок нужен для этого. Я оставляю моей дражайшей Морете немного денег, чтобы как-то протянуть 2 месяца, взяв с собой очень мало, так как пребывание в Люблине и поездка оттуда в Николаев, во время которой мы потеряли повара Гавриила (он умер от холеры после нашего отъезда из Летичева****), стоили нам очень дорого. Моя дражайшая Морета сама расскажет историю своей горничной, поэтому я не стану вам о ней говорить[4]. Я выступаю отсюда 16-го, гренадерский корпус следует за нами и также идет в Крым, как и 7 корпус легкой кавалерии, а следовательно, полк Вани также; гренадерская пехота нагонит нас у Севастополя, а кавалерия будет размещена у Евпатории. 60 или 70 тысяч ополченцев прибывают сюда из Курска, и когда все эти силы будут собраны, намереваются, как говорят, предпринять решающий удар по варварам, этим врагам рода человеческого, несмотря на их мнимую цивилизованность.

Не пишите мне прямо, дражайшие друзья, потому что, не имея возможности сам читать ваши письма, я должен

* «прислуга» в подлиннике по-русски.

** «Елисаветград» в подлиннике по-русски.

*** «на Спас[с]кой улице, в доме лейтенанта Дабича» в подлиннике по-русски.

**** «Летичев» в подлиннике по-русски.

был бы обращаться к помощи кого-то третьего, что очень бы его обременило, особенно ваши письма, дражайшая Клеопатра,— моя дорогая Морета передаст мне все, что вы пожелаете мне сообщить, переписав это очень крупными буквами. Это будет для нее дополнительный труд, но я убежден, что для Мореты ничто, сделанное для меня, не в тягость.

Мы пойдем форсированным маршем через степи, с небольшим запасом воды и при 40° жары на солнце, что утомляет солдат, но принимаются все необходимые меры, чтобы облегчить переход и уменьшить тяжесть его для людей. Не побывав еще под Севастополем, я не могу основательно судить, что предпримем мы там,— но по мнению многих опытных генералов, которые были на позициях, чувствуется, что с нашей стороны действия должны оживиться. Севастополь защищается с мужеством и стойкостью, невиданными в военных анналах, все солдаты там истинные герои, и они еще раз доказали это 6/18 июня, отразив штурм, во время которого варвары союзники потеряли более 15 тысяч человек, но, кажется, готовится новый приступ, так как противник получил большие подкрепления, у нас численность пехоты достигнет 200 тысяч человек, что заставляет предположить, что столкновение двух армий будет ужасным.

Что касается страхов относительно опасностей, угрожающих Петербургу, Кронштадту и вообще Финскому заливу, позвольте мне сказать вам, что это одно лишь пустое воображение, с этой стороны никакой опасности не существует,— все там так хорошо укреплено и защищено 250-тысячной армией, что со стороны варваров нам бояться абсолютно нечего, они, как скворцы, прилетят и улетят, как это было в прошлом году[5].

Панютин[6], или, иначе говоря, Полина, командует в Житомире* так называемой Средней армией, которой не существует,— у него имеется полный штаб, и он, как обычно, проводит ночи за карточной игрой, ибо составляющие его армию два корпуса, 2-й и гренадерский, идут в Крым. Армия под Севастополем размещена в землянках**, те, кто сумели обзавестись палатками, могут жить

* «Житомир» в подлиннике по-русски.
** «землянка» в подлиннике по-русски.

в них: я раздобыл одну для себя. Максимович*[7] идет со мной. Чтобы быть мне полезным, я очень желал бы ему быть порасторопнее. Это очень хороший мальчик, но ему не хватает образования, необходимого адъютанту. (Ах, только бы он был предан мне, Морете, и это было бы не так важно.) Только я, по слабости своей и по своему сердечному расположению, могу переносить это спокойно. С Николаем было бы иначе. Впрочем, у этого мальчика много сердца и благородства. Напишите, прошу вас, Лилии[8], что я сделаю все от меня зависящее для Николая Арсеньева[9], и если я не смогу дать ему место своего адъютанта, я постараюсь найти ему такое место при другом генерале. Я прошу мою дорогую Полину[10] узнать, в чем нуждается Марфа Спирид[оновна], мать Кузминского**, она живет в Осташове у Гречика***, и сообщить мне через посредство дражайшей моей Мореты. Я хотел бы помочь ей, но не знаю, в чем она нуждается.

Вот, дражайшие мои друзья, пока и все, что я хотел вам сообщить,— не считая чувства, живущего во мне, чувства, которое превозмогло бы всякое другое, если бы я не был в немощи; окончу я поговоркой: бодливой корове бог рог не дает****. Я с полным доверием предаюсь в руки господа и прошу его даровать мне силы перенести все, что он уготовал мне в будущем; ибо я словно человек с парализованными ногами, которому приказывают бежать, или слепой, которому говорят: *смотри и действуй*. Но в конце концов будет, как богу угодно. Ему же поручаю я и мою бедную, дорогую Морету и вас, дорогие мои друзья, вместе с моей дорогой Полиной, нашей почтенной подругой Александ[рой] Наум[овной]***** и моими дражайшими племянниками. Будьте спокойны, дражайший наш кавалергард[11] сохранит и ножку, и ручку******, ибо они даже не будут под огнем! Я обнимаю всех вас от всего моего сердца.

Господь с вами*******.

А. Муравьев********.

---

* «Максимович» в подлиннике по-русски.

** «Кузмински», «Марфа Спирид[оновна]» в подлиннике по-русски.

*** «Гречик» в подлиннике по-русски.

**** Поговорка в подлиннике по-русски.

***** Александ[ра] Наум[овна] в подлиннике по-русски.

****** «и ножку, и ручку» в подлиннике по-русски.

******* «Господь с вами» в подлиннике по-русски.

******** Подписано по-русски.

117

М. М. МУРАВЬЕВОЙ*

Бакчисарай**, 26 июля 1855

Наконец, возлюбленный мой друг, я возвращаюсь! После того, как я побывал в Инкермане, где все повидал и где был всеми прекрасно принят, я вернулся сюда и сегодня представлю мой рапорт, вследствие чего, вероятно, вскоре получу отпуск. Я чувствую себя, слава богу, очень хорошо и с нетерпением ожидаю отпуска, который будет мне дан на $3^1/_2$ месяца с возможностью просить затем о его продлении. Получив отпуск, я продам моих лошадей, две из трех уже почти проданы Маслову*** за хорошую цену, и, все продав, я сразу же отправлюсь в Николаев, чтобы вернуться к тебе, мой дорогой друг. Мне многое нужно тебе сказать. Мы поедем в Москву через Киев, куда Ваня сможет приехать, чтобы нас обнять, но когда — я этого еще не знаю. Как только я это узнаю, я немедленно тебе сообщу. Скоро, скоро, надеюсь, мы соединимся! Я напишу тебе еще послезавтра с курьерской**** почтой,— но почта эта идет ужасно медленно. Прощай же, до свидания, возлюбленный друг мой, я обнимаю тебя от всего сердца. Пусть господь пребудет с тобою и тебя хранит!

118

Кнж. Е. М. и К. М. ШАХОВСКИМ*****

Николаев******, 19 августа 1855

Наконец-то я вернулся, дражайшие мои сестры, и счастлив найти в добром здравии мою дражайшую Морету, которая между тем в мое отсутствие была довольно серьезно больна и осунулась; но мне грустно, что из-за своего зрения, которое отказывается мне служить, я вынужден был покинуть поприще чести. Я говорю поприще чести, а не поприще славы, ибо действительно славным для нас является лишь то, что происходит в самом Севастополе;

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Бакчисарай» в подлиннике по-русски.

*** «Маслов» в подлиннике по-русски.

**** «курьерская» в подлиннике по-русски.

***** Подлинник на франц. яз.

****** «Николаев» в подлиннике по-русски.

действия в окрестностях и в горах не заслуживают еще этого имени. Впрочем, мы поговорим об этом с вами при встрече.

Из Севастополя я ответил на ваши письма от 25 июля, которые меня сильно тронули; среди ужасов войны они задели меня за живое, напомнив о вашей дружбе; благослови вас бог за это!

Мы ожидаем здесь приезда Вани, с днем рождения которого я, убежденный в вашей к нему привязанности, считаю своим долгом вас поздравить, а когда он нас покинет, мы оставим Николаев и отправимся в Киев, где я покажусь знаменитому окулисту-хирургу Караваеву *[1], который решит, как нам быть дальше; поэтому не пишите больше в Николаев **, а адресуйте ваши письма на мое имя, как всегда: начальнику штаба 2-го корпуса в Киев, прошу оставить на почте до востребования ***. Я очень рад, что Ваня не попал и, вероятно, не попадет в Крым, так как кавалерии нечего делать в горах, а у варваров только четыре кавалерийских полка против наших 10.

Если бы не мои глаза, я был бы, конечно, там, куда честь и любовь к Отечеству призывают каждого русского, но провидение судило иначе, и я подчиняюсь ему, хотя для меня это отсутствие на своем посту — настоящая ссылка, продолжительность которой мне не известна, ибо в Севастополе и на Черной **** находится ныне подлинное Отечество каждого истинно русского,— это оттуда нужно изгнать подлых агрессоров, этих безумцев, которые не знают, во имя кого и чего проливают они свою кровь, что они сами признают, попав в плен[2]. Но и об этом мы поговорим, когда вновь увидимся. В ожидании этой встречи, дражайшие друзья, приготовьте нам в Колпи уголок, но к какому сроку, я еще не могу сказать,— это определит консультация в Киеве. Я от всего сердца обнимаю вас и мою дражайшую Полину, поручая вас, а также почтенного нашего друга Александру Наумов[ну] ***** попечению господню. Я обнимаю дражайших моих Сашу и Гавриила, искренне тронут тем, что вы сообщили нам

---

* «Караваев» в подлиннике по-русски.

** «Николаев» в подлиннике по-русски.

*** Адрес в подлиннике по-русски.

**** «Черная» в подлиннике по-русски.

***** «Александра Наумов[на]» в подлиннике по-русски.

о дорогом нашем Мише, и хочу напомнить о себе дражайшей Софи [3].

А. Муравьев.

119

Н. Н. КОТЛУБИЦКОМУ

Нижний Новгород, 23 декабря 1856

Дворянскому губернс[кому] предводителю.
Милостивый государь Николай Николаевич! [1]

Получив сегодня от вашего превосходительства столь лестное для меня приглашение на бал, даваемый 26 дека[бря] в мою честь, и не находя слов благодарить нижегородское дворянство и г[оспод] чиновников за выражение доброго их ко мне расположения, я при всем при том, к крайнему сожалению, не могу воспользоваться вашим приглашением вследствие дошедших до меня слухов о том, что некоторые чиновники не смеют отказываться от сбора на представляемый бал по ложному стыду и превратным понятиям о приличии, хотя сбор сей превышает силы и средства их.

Посему, принося ваш[ему] превосх[одительству] глубокую мою благодарность за лестное ваше ко мне внимание, долгом почитаю отказаться от принятия сего изъявления дружеских ваших чувств, уверяя вас, что и во глубине души сохраню память радушного приема нижегородского дворянства и г[оспод] чиновников.

С истинным почтением и проч[ее], и проч[ее]

А. Муравьев.

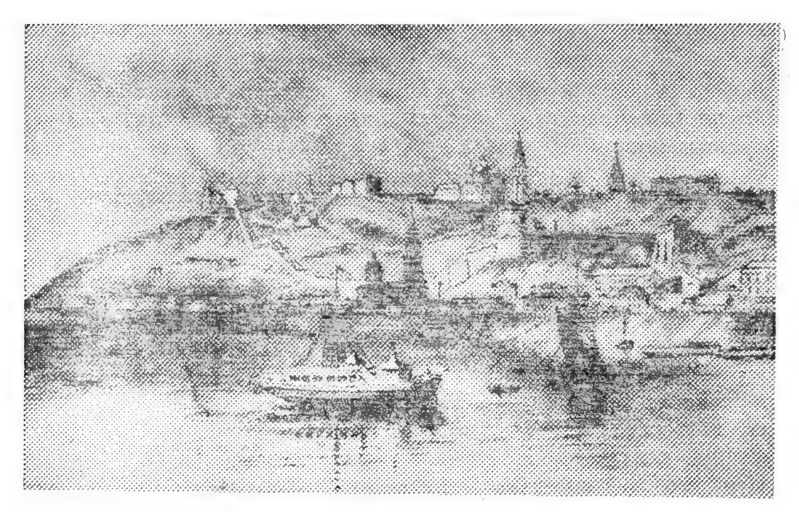
120

А. Н. ПУЧКОВОЙ

Нижний Новгород, 26 декабря 1856

Ежели бы я не был так задавлен работой, почтеннейшая Александра Наумовна, я был бы виноват перед вами за долгое молчание. Но дражайшая Морет может доказать мою невинность в сем отношении.

Теперь наступили праздники, и несколько часов посвободнее в дне дают мне возможность поздравить вас с ними, равно и с Новым годом, пожелав вам всего лучшего и возможно скорейшего с вами свидания здесь, в Нижнем, который теперь пляшет, поет и веселится, а я при-

НИЖНИЙ НОВГОРОД. ВИД ГОРОДА С ВОЛГИ

Литография Бишебуа с рисунка Дица. Середина XIX в. *ГИМ*

плясываю, припеваю и крепко веселюсь, хотя на душе другое.

Прошу вас не пропустить времени пуститься в путь, пока вода в Волге высока. Ежели опоздаете, то будете задержаны в плавании; надобно вам начать заранее укладываться, послать вещи заблаговременно в Тверь с тем, чтобы они шли на особом пароходе, который будет в дороге недели две, тогда как пассажирский пароход проплывет с вами не более 3 или 4 дней.

Вас многие здесь знают и помнят и ожидают приезда вашего. Прощайте, почтеннейшая Александра Наумовна, целую ручки ваши и остаюсь душевно вам преданный

А. Муравьев.

121

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Нижний Новгород, 27 января 1857

Письмо твое от 26 декабря из Подолян я давно уже получил, любезный брат и друг Николай; но по сей день не находил свободного часа побеседовать с тобою. Пользуюсь только шестью часами сна в сутки (и то не всегда),

а весь день напролет занят делами управления весьма сложного и разнородного, ибо я вместе военный и гражданский губернатор над 1 250 000 жителями, которые, найдя во мне человека, доступного всякому, заваливают меня своими просьбами после долгого угнетения, в котором они жили. Кроме того, обыкновенные текущие дела по военному, гражданскому и торговому ведомствам и еще много дел, выходящих из обыкновенного разряда. Все это в такой губернии, где на все привыкли смотреть равнодушно, обратило меня и в распорядителя, и в исполнителя, что продолжаться будет дотоле, доколе я не разбужу спящих под своим долгом и не пекущихся об исполнении своих обязанностей и доколе не сотру главы Гидры злоупотреблений, взяток и неимоверного корыстолюбия. Работы много, как видишь, дражайший брат; и эта непрерывающаяся работа совершенно отымает у меня время писать. Однако при удобных случаях и некоторой свободе времени я все-таки писать буду к тебе; а ты, любезный Николай, не оставляй меня своими письмами. Дружба твоя всегда была мне утешением и отрадою. Не лишай меня сего наслаждения!

Ежели не часто пишу, то весьма часто думаю о тебе! Дух мой отыскивает тебя в Скорняковке, перед камином, у стола[1]; он заглядывает и в твои ощущения и испытывает расположение души твоей. И ты великий пример для мыслящего человека; восхищаюсь тобою, любезный брат. Ты честь приносишь человечеству! Вот вкратце, что выразить могу. Подкрепи тебе господь сил; да даст он тебе духа, радости и мира в годину посещения своего, которое всегда приносит плоды обильные, когда достойно, как ты, принимают его! Все пройдет, любезный брат; скоро и меня, и тебя потащат в могилу. Дай бог только, чтобы восстание наше в ту жизнь соответствовало понесенным нами ударам; тогда мы увидим, что каждый удар имел свое значение.

Я равнодушен к похвалам, которые о[бо] мне носятся, потому что эти похвалы весьма легко превратиться могут в хулы при первом для того удобном случае, к чему я также надеюсь быть равнодушным.

Ты, друг мой, служишь мне примером. Лишь бы исполнить по совести долг свой, а там — что будет, то будет! Аминь!

Уже ты давно добрался домой и наслаждаешься се-

Н. Н. МУРАВЬЕВ (КАРСКИЙ), БРАТ ДЕКАБРИСТА
Фотография конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в.
Из собрания Ю. Б. Шмарова, Москва

мейным счастьем. Смущают тебя наши обстоятельства, что я с тобою вполне разделяю. Скажу, как и ты: ведь мы порождение 1812 года![2] Теперь этого не понимают. Чувство любви к Отечеству погасло. Авось опять оно пробудится, ибо в летаргии не навсегда остаются. Мы не увидим того, что потомки, что дети наши увидят. Россия будет опять славна! Станем хоть этим утешаться!

Если б я мог, то перелетел бы к тебе, тебя обнять, любезный Николай, тебя, сестрицу, милых племянниц[3].

Впрочем, я часто с вами бываю, но вы этого не знаете, по крайней мере, поверьте сему. От всей души вас всех обнимаю. А. Муравьев.

Ваня мой в *Ржеве* с эскадроном; обещает приехать повидаться, но едва ли это сбудется. Средства не позволяют. Его чрезвычайно любят в полку и эскадроне, и он с[о] своей стороны привязан к ним. Он пользуется всеобщим уважением.

122

Кнж. Е. М. ШАХОВСКОЙ

Нижний Новгород, 3 апреля 1857, среда*

Я так долго хранил молчание, дражайшая моя Лили, именно от избытка дружбы и доверия к вам. Если бы не рассчитывал я на близость и неизменность наших отношений, то отказался бы от ночного сна, чтобы написать вам. Вы в курсе всего, что касается меня, и любящее ваше сердце отражает дела мои гораздо ярче, чем представляются они в действительности мне самому. Это правда, я работаю во славу господа и для блага ближнего, иногда я достигаю своей цели, в других случаях я лишь приближаюсь к ней, но так как для достижения ее необходима настойчивость, я не успокаиваюсь, пока не достигаю ее. Вот моя система работы, и я надеюсь, что вы одобрите ее.

Я поздравляю вас, дражайшая Лили, как со святым причастием, так и с приближающимся большим праздником[1] и прошу вас поздравить мою дражайшую Клеопатру, и Александру Наумовну**, и Лилию[2], ибо у меня решительно нет ни минуты свободной, чтобы им написать. Я нахожусь положительно весь день, с утра до 11 часов вечера, на военном положении и без опасности для дела не могу давать себе послабления. Следовательно, нужно через это пройти.

Но когда же вы приедете, друзья мои? Я думаю, что половина лета пройдет, пока это случится.

Сергей Арсеньев занимает при мне блестящее, исключительное по присвоенной ему власти место[3]. Однако он служит пока без жалования, которого я надеюсь добиться для него после первого моего поручения. Сообщите это Лилии.

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Александра Наумовна» в подлиннике по-русски.

Но я должен уже вас покинуть, моя дорогая Лили. Я обязан сейчас присутствовать на обедне. Обнимаю вас всем сердцем и полагаюсь на вашу дружбу, как на гранитную опору.

Ваш совершенно преданный и привязанный к вам брат

А. Муравьев.

123

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Нижний Новгород, 27 февраля 1861

Очень жалею, любезный брат и друг Николай, что опять не удастся нам свидеться; мне никак при настоящих обстоятельствах нельзя отсюда выехать, потому что ожидаю Манифеста и Положения о крестьянах и за ними вслед скорого их обнародования, что есть дело в высшей степени важное![1] Полагаю, что обнародование это произведено будет на второй неделе поста, *никак не позже*. Но ко всему этому нужны приготовления, которыми постоянно занимаюсь. Надобно непременно удержать крестьян на местах их жительства, иначе все хлынут в губернский город, чего допускать не должно. Надеюсь, что здесь все произойдет тихо и безмятежно. У вас же, в столицах, все *по-пустому* перепугались и принимают меры, могущие возбудить мысли, которых, в сущности, совсем нет. К прошедшему 19 февраля собралось здесь народу множество в ожидании, что будут объявлять свободу. Но только и было. Я выходил к ним, ожидая от них вопроса; но его ни от кого не было; все спокойно разошлись по домам и деревням, и даже был только один пьяный, чего никогда так мало не бывало в воскресный день. Полиции я не велел ни с кем связываться и входить в разговоры, и все прошло спокойно. Самое лучшее средство к удержанию народа есть оказать ему доверие.

Куда теперь воевать! Дома дела много, да сверх того одна вольность потянет за собой и другую, наприм[ер]: книгопечатание, гласное судопроизводство, свобода вероисповедания и проч[ее]. Работы будет много — слава богу!

Ах, когда-то мы увидимся на земле, любезный брат и друг! Не пришлось бы отложить свидания нашего до встречи в мире духов.

Обнимаю тебя всем сердцем, милых племянниц также.

А. Муравьев.

124

П. Д. СТРЕМОУХОВУ[1]

Нижний Новгород, 17 марта 1861 года

Милостивый государь Петр Дмитриевич!

Дошел до меня слух, будто бы некоторые г[оспода] дворяне, живущие в губернском городе, недовольны тем, что я особенными повестками не уведомил их о имеющем быть обнародовании Высочайшего манифеста об уничтожении крепостной зависимости.

Не зная, насколько слух этот заслуживает вероятия, но, стремясь всегда к сохранению лучших с дворянством отношений, я покорнейше прошу ваше превосходительство, если это справедливо, передать господам дворянам, что при всем желании сделать им угодное я, по чрезвычайной краткости времени между получением манифеста и самим обнародованием, не мог бы успеть повестить каждого особо, а поручил г[осподину] старшему полицийместеру, в самый час получения манифеста, произвесть общую по всему городу повестку, вследствие которой как в соборе, так и в церквах[2] присутствовали и г[оспода] дворяне, которые даже засвидетельствовали о присутствовании своем благодарственною депешею на имя г[осподина] министра внутренних дел.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Александр Муравьев.

125

Кн. А. В. ШАХОВСКОМУ

Москва, 21 мая 1863

Любезный и милый друг Саша.

Сердечно благодарю тебя за все, что ты для меня сделал. Точность твоя превзошла все мои ожидания. План я получил, вследствие чего сделал свои распоряжения. Публикацию прошу как можно на долгий срок оттянуть. Я напишу тебе, когда ее сделать. Хорошо бы, если б можно, узнать, пришлют ли мне официально этот самый план или нет. Это, думаю, можно узнать у директора департамента Рудницкого[1], которого я прошу тебя усердно от меня поблагодарить за присланный чрез тебя план и за все его одолжения.

Поздравляю с именинами Миши[2]. Он, как мне известно, благополучно приехал в Вильно. Там должны быть для него частые и важные поручения, потому что брат Михаил не дает своим подчиненным гулять; да теперь и такое время, что гулять и быть в праздности нельзя и не должно. Великое будет дело, если брат восстановит в нашей Польше порядок. Я уверен, что он один может это сделать и непременно сделает; если его не убьют или не отравят. Сохрани его господь![3]

Прощай, милый друг, всем сердцем тебя обнимаю.

А. Муравьев.

Еще просьба: мин[истр] юстиции Замятнин[4] уведомил письмом брата Михаила, от 9 мая, что по его докладу мне дано 3000 руб. прибавочного содержания. Письмо это у меня. Нельзя ли похлопотать, чтобы он скорее меня о том уведомил официально, и особенно нашего обер-прокурора Роговича[5].

Извини, любезный друг Саша, что я еще обременяю тебя этой комиссией; но обязательная точность твоя сама тому причиной.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его сиятельству князю Александру Валентиновичу Шаховскому.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОН А. Н. МУРАВЬЕВА

1818 года, ноября 27-го* видел я во сне ночью, что, путешествуя с Петром Ивановичем Колошиным[1], приехали мы оба в большой каменный белый монастырь. Зашед в оный, спросили начальника, который был генерал военный без всяких знаков отличия с весьма незначащим лицом. Мы просили его показать нам сей монастырь — и узнали, что в нем жили одни женщины**, собранные не для богомоления единого, но ради воспитания и образования. Во внутренности монастыря было много темных и узких ходов и дверей; у каждой двери стояло по одному военному чиновнику в военной одеже. Мы спросили, кто в сем монастыре обретается. Нам отвечал генерал, что теперь полночь и потому никого видеть нельзя. Но что он назвал нас поименно, и те женщины, которым нужно нас увидеть, сами вы[й]дут к нам. Он закричал во весь голос: «Полковник А. Н. Муравьев»,— и вышло несколько незнакомых несчастных женщин, которые жаловались на свою участь, на дурное содержание в монастыре и на обидное для них поведение генерала. Мы раздражены были поступками генерала, расписались с Колошиным в нарочно установленной для сего книге следующим образом: «Полковник А. Н. Муравьев был в сем монастыре и нашел все в оном весьма неисправно; начальника же пьяного и недостойного занимать сие место». Колошин написал то же самое. Потом потребовали, дабы еще раз прокричать мое имя. Генерал закричал и отвечал мне, что тут живет также Прасковья Михайловна. У меня забилось сердце,— я требовал, чтобы меня к ней впустили. Мне отвечали, что мужчинам к женщинам воспрещен ход; буде ж ей до меня предстоит надобность, то она сама выйдет ко мне. Ожидая терпеливо ее появления, является княгиня Елисавета Сергеевна, которая, обращаясь ко мне, сказала: «Ах, Александр, ты здесь? Ты не видал Пашиньки? Я к тебе ее вышлю». Она не успела отвороситься, как явилась Прасковья Михайловна. Мы оба, не говоря ни слова, бросаемся в объятия друг друга, и более себя не покидаем.

* Исправлено из: «28-го».
** Далее зачеркнуто: «и».

Тут я сей час почувствовал, что она жена моя. Входит княгиня и вызывает меня, говоря: на* дороге ожидает вас некто и просит к себе выйти. Я поспешал к неизвестному и увидел князя Михайла Александровича[2] с другим человеком**, князь меня обнял, радовался, что видит меня, со мною был очень ласков и с приятною улыбкою сказал: «Я к тебе послал человека с письмом, он тебя не нашел, оно дома на столе, прочитай его»,— и после нескольких весьма приятных приветствий уехал. Я прибежал к жене, рас[с]казал ей свое явление, и вместе пошли мы искать письма. На клавикордах, на нотной бумаге, нашли мы полторы строчки, писанных вдоль, на белом поле, несколько изорванном: *«Любезный Александр Николаевич, я тебя очень люблю, радуюсь твоему счастию и счастию моей дочери. Скажи Пашиньке, чтобы она более не печалилась, — успокоилась и наслаждалась жизнию.*

Князь Михаил».

Мы показали сии строчки княгине, которая уверила нас, что это точно письмо рукою князя. Тогда в величайшей радости провели время,— явились*** княжны и несколько разных семейств, знакомых и незнакомых. Я в восторге проснулся и наяву обнял жену свою, которая глядела на меня во все глаза.

Ноября 27 дня 1818 года.

Белая Колпь

---

* Далее зачеркнуто: «улице».
** Далее зачеркнуто: «кото».
*** Далее зачеркнуто: «сест».

КОММЕНТАРИЙ

ЗАПИСКИ

ГБЛ, ф. 336/II, 18. 13 б

Автобиографические записки А. Н. Муравьева, как показали исследования Ю. И. Герасимовой (Декабристы. Новые материалы, с. 140—141), созданы не ранее 1856 г. Об этом свидетельствует, в частности, упоминание автора о посещении им Подольской губернии в 1855 г. (наст. изд., с. 70). По мнению Ю. И. Герасимовой, вероятнее всего воспоминания писались А. Н. Муравьевым в 1861—1863 гг., после ухода с должности нижегородского губернатора и назначения в сенаторы. В Нижнем Новгороде, где Муравьев находился с сентября 1856 по октябрь 1861 г., он был настолько загружен делами (о чем свидетельствуют и публикуемые письма этого периода), что едва ли мог выкроить время для подобной работы.

Неизвестно, до какого времени А. Н. Муравьев успел довести свой рассказ. Фрагмент рукописи записок, сохранившийся в фонде Шаховских в Отделе рукописей *ГБЛ*, обрывается на событиях начала октября 1812 г. Это конец второй части записок, охватывающей период с осени 1810 до весны 1812 г., и незаконченная третья часть, посвященная Отечественной войне 1812 г. Поиски остальных частей рукописи, проведенные Ю. И. Герасимовой в ряде фондов Отдела рукописей *ГБЛ* и в архиве Н. Н. Муравьева-Карского, хранящемся в Государственном историческом музее в Москве, успехом не увенчались.

Рукопись записок написана на отдельных двойных листах большого формата, не скрепленных между собой. На правой стороне листа рукой жены А. Н. Муравьева написан основной текст, слева, на полях, помещены авторские вставки.

Записки А. Н. Муравьева опубликованы Ю. И. Герасимовой (Декабристы. Новые материалы, с. 157—207). В настоящем издании частично использованы комментарии Ю. И. Герасимовой к первой публикации записок (т а м ж е, с. 209—229).

[1] В рукописи над зачеркнутым «1810» написано «1811»; эта поправка также зачеркнута и над строкой написано «этого же года». Но так как осенью и зимой 1810 г. А. Н. Муравьев еще занимался съемками, ясно, что окончание работ было назначено на январь 1811, а не 1810 г., и мы имеем дело с опиской автора. А. Н. Муравьев, согласно его формулярному списку, состоял при исправлении

подробной карты России, т. е. ездил и на съемки, с сентября 1810 по 1811 г. (*ВД*, т. 3, с. 5).

[2] Слуга А. Н. Муравьева Владимир Дроздов умер в Иркутске 24 июня 1832 г. А. Н. Муравьев с сожалением вспоминает об этом в одном из писем брату Николаю (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 262).

[3] *Михаил Андреевич Милорадович* (1771—1825), генерал от инфантерии (1809), граф (1813), киевский генерал-губернатор с декабря 1810 по июнь 1812 г. В начале войны 1812 г. руководил формированием резервных войск, с которыми присоединился к главным силам в районе Гжатска. При Бородине командовал правым крылом 1-й армии, а после сражения — арьергардом. Участвовал в преследовании наполеоновской армии (командуя авангардом) и в заграничных походах 1813—1814 гг. С 1818 г, петербургский военный губернатор, 14 декабря 1825 г. смертельно ранен на Сенатской площади П. Г. Каховским.

[4] *Карл Евгений де Круа* (де Кроа), австрийский герцог, фельдмаршал, был приглашен Петром I на русскую службу, в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г., командуя русской армией, вместе с частью иностранных офицеров перебежал к шведам. Умер в Ревеле (совр. Таллин), а многочисленные кредиторы запретили его хоронить до уплаты долгов покойного. Тело герцога долго лежало в церкви в гробу под стеклянной крышкой, привлекая многих любопытных.

[5] *Эрнст Иоганн Бирон* (1690—1772), граф (с 1730), с 1737 г. герцог Курляндии, фаворит русской императрицы Анны Ивановны (1730—1740), имел огромное влияние на государственные дела. Установленный в России в 30-е гг. XVIII в. режим, характеризовавшийся засильем иностранцев, главным образом немцев, во всех областях государственной и общественной жизни, хищнической эксплуатацией народа, жестокими репрессиями против недовольных, получил по его имени название бироновщины. Вскоре после смерти Анны Ивановны Бирон был арестован и сослан. Возвращен из ссылки Петром III в 1761 г., а Екатериной II восстановлен на престоле Курляндии. Похоронен в Митаве (совр. Елгава).

[6] Русская армия с 1699 г. комплектовалась с помощью рекрутских наборов. Но от рекрутской повинности были освобождены дворяне и некоторые другие группы населения (купечество, духовенство, почетные граждане и др.). Эта повинность, отсутствовавшая в Речи Посполитой, была возложена царским правительством и на жителей земель, захваченных Российской империей по разделам Польши, и легла тяжелым бременем прежде всего на крестьянство. Однако в конце XVIII — начале XIX в. в литовско-белорусских и украинских губерниях довольно широко применялась и вербовка в армию добровольцев. Таким образом было сформировано несколько кавалерийских полков (Литовский уланский, Татарский уланский, Волынский уланский и др.). Рядовые из дворян, первоначально сохранявшие польское наименование «товарищей», пользовались теми же правами, что юнкера в других военных частях, остальные рядовые — «шереговые» — мало отличались от прочих солдат русской армии. Вербовка позволила привлечь на службу бывших военнослужащих польской армии, а также представителей населения, не подлежавшего рекрутской повинности (в частности, шляхты). Применялась вербовка и для восполнения потерь в личном составе уже существующих частей. Такая вербовка в Коннопольский полк в 1807 г. позволила поступить

на службу знаменитой «кавалерист-девице» Н. А. Дуровой; ее описание вербовки в полк в Гродно во многих деталях совпадает с рассказом А. Н. Муравьева (Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М., 1983, с. 53—55).

[7] *Адам Вавжинец Станиславович Ржевусский* (1760—1825), представитель консервативной польской аристократии. После разделов Польши находился на русской службе, сенатор, тайный советник, занимался также литературной деятельностью, масон. Титул графа был официально признан в России только за его сыном (см. ниже) в 1856 г. Его жена — *Юстина Хризостомовна*, урожд. Рдултовская. В числе членов семьи Ржевусских, с которыми познакомился Муравьев, была, очевидно, и их дочь *Эвелина* (1801—1882), по первому браку Ганская, впоследствии жена О. де Бальзака. Сын Ржевусских гр. *Генрих Адамович* (1791—1866), впоследствии действительный статский советник, польский писатель, автор очерков из жизни шляхты в царствование Станислава Августа («Воспоминания его милости пана Соплицы, чашника Парнавского») и ряда исторических романов. С 1809 г. Ржевусский служил во французской армии и участвовал в походе против Австрии; адъютантом Наполеона, повидимому, не был. По окончании войны поселился в имении своего отца в селе Погребища Волынской губернии, где жил и в описываемое А. Н. Муравьевым время (см. о нем: Грабовский М. А. Граф Генрих Ржевусский.— Рус. беседа, 1858, кн. 2, с. 1—32, кн. 3, с. 1—26); Архив Раевских. СПб., 1909, т. 2, с. 560—562).

[8] *Екатерина II* (1729—1796), русская императрица (1762—1796), активно вмешивалась в польские дела, возвела на польский престол в 1764 г. своего бывшего фаворита Станислава Понятовского, стремилась добиться фактического подчинения Польши русскому царизму, выступала против попыток прогрессивных реформ, поддерживала реакционные магнатские партии. В 1772 г. заключила с правительствами Австрии и Пруссии договор о первом разделе Польши. В 1792 г. по призыву группы магнатов-изменников войска Екатерины II совместно с прусскими войсками оккупировали Польшу. Были отменены проведенные сеймом реформы, призванные укрепить польское государство, и осуществлен второй раздел Польши (1793). На угрозу ликвидации национальной независимости польский народ ответил восстанием под руководством Т. Костюшки (1794). Однако через 8 месяцев восстание было подавлено, и в 1795 г. последовал третий раздел Польши. В результате разделов к Российской империи были присоединены входившие в состав Речи Посполитой украинские, белорусские, литовские и латышские земли; этнические польские земли были поделены между Австрией и Пруссией.

[9] Перечисленные города и местечки находились в Киевской и Подольской губерниях.

[10] Парк «Софиевка» был расположен не в самой Умани, а в ее окрестностях, по берегам рек Умани и Каменки, и был создан во владениях гр. Феликса Потоцкого в 1796—1800 гг. В 1929 г. парк был превращен в государственный заповедник.

[11] *Илларион Васильевич Васильчиков* (1777—1847), кн. (с 1839), с 1803 г. командовал Ахтырским гусарским полком. В 1812 г. почти постоянно находился в арьергарде, где А. Н. Муравьев с начала сентября до середины ноября служил под его командой. Пост председателя Государственного совета и Комитета министров

И. В. Васильчиков занимал в 1838—1847 гг. Какую услугу он оказал А. Н. Муравьеву, установить не удалось. Возможно, И. В. Васильчиков способствовал возвращению Муравьева на службу после увольнения с должности архангельского губернатора в 1839 г.

[12] Полковник *Андрей Вейс* в 1812 г. был городничим в Вильно. Его зять кн. *Василий Сергеевич Трубецкой* (1776—1841), сенатор и член Государственного совета. А. Н. Муравьев, по свидетельству его брата Николая, был одним из поклонников красавицы Софьи Андреевны Вейс (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 42).

[13] Киевская ярмарка, проходившая с 15 января по 15 февраля, неофициально называлась контрактовой (или, сокращенно, «контрактами»), так как на ней большинство сделок заключалось в форме заказов, оформленных письменными соглашениями — контрактами. Впоследствии на «контрактах» происходили совещания декабристов, преимущественно членов Южного общества.

[14] А. Н. Муравьев имеет в виду массовые вторжения в римские владения в IV—VII вв. германских, славянских и других племен, способствовавшие крушению Западной Римской империи, и монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в., приведшее к установлению ордынского ига.

[15] Апокрифический «указ царя Алексея Михайловича» широко распространялся среди патриотической офицерской молодежи, недовольной засильем иностранцев, и после Отечественной войны 1812 г. О присылке этого указа просил своего друга И. Г. Бурцова брат А. Н. Муравьева Николай в 1818 г., его список был приложен к одному из писем Н. П. Воейкова к Н. Н. Муравьеву того же года (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 126, 301). Другой список «указа», хранившийся в собрании кн. А. С. Меншикова, опубликован в Записной книжке «Рус. старины» (1882, № 4 (кн. 34), с. 277).

[16] *Сергей Васильевич Колычев* (1791—1836), сослуживец А. Н. Муравьева по Генеральному штабу. В 1812 г. находился в арьергарде у атамана М. И. Платова, затем в партизанских отрядах А. С. Фигнера и А. Н. Сеславина. В 1817 г. вышел в отставку майором и почти безвыездно жил в своем имении в Саратовской губернии. Потомок древнего боярского рода, Колычев даже внешним видом подчеркивал свою приверженность русской старине. Как пишет его племянник бар. М. Л. Боде-Колычев, он «носил усы и бороду, что в то время (1830—1836 гг.) почиталось за большую оригинальность, также ходил в красной рубашке» (Б[оде]-К[олычев] М. Л. Боярский род Колычевых. М., 1886, с. 383).

[17] *Николай Михайлович Мордвинов* (1768—1844), брат матери А. Н. Муравьева Александры Михайловны, урожденной Мордвиновой.

[18] *Петр Михайлович Волконский* (1776—1852), кн., генерал-квартирмейстер русской армии в 1810—1812 гг., основатель Петербургского училища колонновожатых. В 1813—1814 гг. начальник Главного штаба Александра I в заграничных походах. В 1815—1823 гг. начальник Главного штаба его императорского величества, возглавлял все военное управление, член Государственного совета (с 1821), генерал-фельдмаршал (с 1843).

[19] Сырец — имение Н. Н. Муравьева в Лужском уезде Петербургской губернии.

[20] Петр Семенович Муравьев, отставной капитан, очень дальний родственник (девятиюродный брат) А. Н. Муравьева.

[21] Все эти изменения, видимо, произошли в связи со смертью в 1809 г. матери А. Н. Муравьева.

[22] Братья А. Н. Муравьева Николай и Михаил служили вместе с ним в свите его величества по квартирмейстерской части (Николай — с февраля 1811 г., а Михаил — с января 1812 г.). О них см. предисловие к наст. изд. В «Записках» Н. Н. Муравьева также отражены события Отечественной войны 1812 г. (Рус. архив, 1885, кн. 3, 1886, кн. 1—3).

[23] О Математическом обществе и роли в нем Н. Н. Муравьева-отца см. предисловие к наст. изд.

[24] *Иван Григорьевич Бурцов* (1795—1829), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., затем был переведен в гвардейский Генеральный штаб. В Петербурге жил с братьями Муравьевыми, их собрат по Священной артели, затем член Союза спасения и Союза благоденствия, занимал умеренные позиции и выступал против революционных планов Пестеля. После Московского съезда 1821 г. отошел от декабристского движения. Был арестован по делу декабристов, 6 месяцев находился в заключении в Бобруйской крепости, затем возвращен на службу. В 1827 г. переведен на Кавказ, участвовал в русско-иранской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войнах. В чине генерал-майора погиб в бою под Байбуртом 23 июля 1829 г. Известие о смерти старого друга произвело на А. Н. Муравьева, находившегося в то время в Сибири, глубокое впечатление, и он с печалью вспоминал о Бурцове в письмах брату Николаю (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 245—246). Бурцов проявил себя на Кавказе талантливым военачальником. Он был выдающимся военным теоретиком, и его статьи, выражавшие передовую военную идеологию декабристов, сыграли большую роль в развитии военно-теоретической мысли первой четверти XIX в.

[25] Один из братьев Колошиных, *Михаил Иванович*, умер от тифа под Вязьмой в 1812 г. Членами Математического общества были только он и его брат *Петр Иванович* (1794—1849). Их младший брат *Павел Иванович Колошин* (1799—1854) в 1811 г. был еще ребенком и, по свидетельству Н. Н. Муравьева, в Математическое общество не входил (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 13). Муравьевых связывала с Колошиными многолетняя дружба. После заграничных походов они поселились в одной квартире, Колошины были активными членами Священной артели, а затем Союза благоденствия, Петр Колошин принимал активное участие в разработке устава Союза. Оба брата занимали умеренные позиции и после 1821 г. отошли от движения. Оба они были арестованы по делу декабристов. Петр Иванович Колошин был освобожден после предварительного допроса и продолжал службу, дослужившись впоследствии до чина тайного советника. Его брат Павел Иванович был после освобождения уволен в отставку с чином коллежского асессора и выслан в деревню с запрещением въезда в столицы. Лишь в 1831 г. ему было разрешено жить в Москве под секретным надзором полиции.

[26] *Александр Михайлович Бакунин* (ум. 1854) воспитывался за границей, окончил в Италии Падуанский университет, служил в русских посольствах во Флоренции и в Турине, в конце царствования Екатерины II вышел в отставку в чине надворного советника. По семейным преданиям, был свидетелем штурма Бастилии; напуганный революционным террором, вернулся в Россию глубоким консер-

ватором. При Павле I был пожалован в статские советники, но вскоре вновь вышел в отставку и поселился в своем имении Прямухино в Новоторжском уезде Тверской губернии; в 1807—1808 гг. был тверским губернским предводителем дворянства (см. о нем Корнилов А. А. Указ. соч., с. 7—28).

Его жена (с 1810 г.) *Варвара Александровна*, урожд. Муравьева, приходилась А. Н. Муравьеву дальней родственницей по отцовской и близкой — по материнской линии. Ее отец, действительный статский советник *Александр Федорович Муравьев*, был пятиюродным братом Н. Н. Муравьева-отца, а мать, *Варвара Михайловна*, урожд. Мордвинова (во втором браке за гвардии поручиком Павлом Марковичем Полторацким), была родной сестрой матери А. Н. Муравьева, т. е. теткой последнего.

С кузиной и ее мужем А. Н. Муравьев поддерживал близкие отношения. Его письма супругам Бакуниным публикуются в наст. изд. (письма 11—26).

27 О сближении А. Н. Муравьева с капитаном гвардейского Генерального штаба Павлом Якимовичем Сулимой сообщает в «Записках» и Н. Н. Муравьев: «Старший брат мой Александр был коротко знаком с капитаном Сулимою, который принадлежал к масонской ложе и уговорил его вступить в ложу. <...> собрания у них были по средам, и Сулима всякий раз возвращался домой порядочно навеселе» (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 24). Сулима был с 1810 г. членом ложи «Елизаветы к добродетели». Он был убит в ноябре 1812 г. (*ГБЛ*. Коллекция Ланского. М 1935, л. 9 об.).

28 *Пифагор* (ок. 572 — ок. 497 гг. до н. э.) — древнегреческий математик и философ.

29 *Егор Андреевич Кушелев* (1763—1826), сенатор, генерал-лейтенант, стал масоном еще в 1780-е гг. С 14 июня 1811 г. по 13 марта 1813 г. был великим мастером ложи «Елизаветы к добродетели», где состоял А. Н. Муравьев. В 1821 г., будучи великим мастером ложи «Астреи», подал Александру I четыре записки, посвященные масонству. Он просил правительство либо коренным образом преобразовать ложи, либо закрыть их, чтобы спасти от влияния времени, когда «от тайных сект и обществ, особливо же от секты карбонариев, возникло вольнодумство, революции, мятежи, кровопролития» (Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб, 1900, с. 329).

30 *Михаил Юрьевич Виельгорский* (1787—1856), гр., один из видных русских масонов, уже в 1810 г. руководил ложей «Палестины». Известный композитор-любитель. Был близок со многими выдающимися литераторами, художниками и композиторами своего времени, с его замечаниями считался М. И. Глинка при сочинении опер. А. Н. Муравьев писал к нему из Иркутска 30 ноября 1828 г. (письмо 80).

31 *Сергей Степанович Ланской* (1787—1862), граф (с 1861). В ложе «Елизаветы к добродетели» был мастером стула (1809—1811). Был принят А. Н. Муравьевым в Союз благоденствия, но вышел из него. Впоследствии придерживался последовательно консервативных взглядов. В 1830—1834 гг. костромской губернатор, с 1850 г. член Государственного совета. В 1855 г. назначен министром внутренних дел. Будучи членом Секретного комитета по крестьянскому делу, представил в 1857 г. записку, предусматривающую личное освобождение крестьян. В 1861 г. удален с поста министра, как,

недостаточно правый. А. Н. Муравьев переписывался с ним, находясь в Сибири. В качестве министра внутренних дел, С. С. Ланской способствовал назначению Муравьева в Нижний Новгород и покровительствовал ему на этом посту.

[32] *Петр Сергеевич Кайсаров* (1777—1854), сенатор, занимал руководящие посты в ложе «Елизаветы к добродетели».

[33] Масонские ложи в России были закрыты в 1792 г. Репрессии обрушились главным образом на масонскую группу, руководимую просветителем Н. И. Новиковым, а сам он был заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда освобожден только Павлом I в 1796 г. Напуганное событиями французской революции, правительство усмотрело в широкой общественной деятельности, развернутой кружком Новикова, опасность для самодержавия. Гонения на масонство прекратились при Павле I. Ложи вновь стали открываться с 1803 г., хотя официально они еще не были разрешены.

[34] *Григорий Иванович Чернышев* (1762—1831), гр., вступил в масонский орден в 1776 г. и был одним из руководителей «Провинциальной ложи».

[35] *Захар Григорьевич Чернышев* (1722—1784), гр., генерал-фельдмаршал, в Семилетнюю войну командовал русским отрядом, в 1761 г. занявшим Берлин, в 1763—1773 гг. управлял Военной коллегией. Умер в должности главнокомандующего (генерал-губернатора) Москвы.

[36] *Наталья Григорьевна* (1793—1876), урожд. гр. Чернышева, с 1834 г. вторая жена Н. Н. Муравьева.

[37] В 1810 г. (а не в конце 1811 г., как пишет А. Н. Муравьев) руководители лож по распоряжению царя были вызваны к министру полиции, и все масонские акты были взяты на просмотр. Деятельность лож была разрешена и поставлена под контроль правительства: руководители лож были обязаны ежемесячно представлять министру полиции отчет о занятиях и составе лож.

[38] А. Н. Муравьев был повышен во вторую степень 29 ноября 1811 г. (*ГБЛ.* Коллекция Ланского. М 1935, л. 75).

[39] *Алексей Андреевич Аракчеев* (1769—1834), гр., генерал от артиллерии, любимец Павла I, с 1815 г. добился неограниченного влияния на Александра I, проводил политику крайней реакции полицейского деспотизма, пользовался ненавистью современников.

[40] *Архимандрит Фотий (Петр Никитич Спасский*, 1792—1838) благодаря поддержке своей поклонницы гр. Анны Алексеевны Орловой-Чесменской (1785—1848), Аракчеева и министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына стал вхож в высшие круги петербургского общества, стал настоятелем новгородского Юрьева монастыря. Ярый обскурант и изувер.

[41] Большинство масонских лож в России было далеко от вольнолюбивых идей. Но попытки декабристов внести в масонство новое содержание, проникновение в масонство вольнодумства, чрезвычайно встревожившее старых масонов, привели к тому, что специальным рескриптом 21 августа 1822 г. Александр I распорядился закрыть все тайные общества и потребовать от всех военных и гражданских чиновников подписку о том, что впредь они ни к каким тайным обществам и масонским ложам принадлежать не будут. Правительству было опасно не само масонство, а те возможности формирования политических тайных обществ, которые отчасти создавали масонские ложи для оппозиционно настроенных лиц.

[42] *Сергей Аполлонович Волков* (ум. 1854), действительный тайный советник, был попечителем Московского учебного округа.

[43] *Родион Александрович Кошелев* (1749—1827), масон и мистик, активный деятель Библейского общества, имел большое влияние на министра просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицына, действительный камергер, затем член Государственного совета, обер-гофмейстер. А. Н. Муравьев был знаком с ним еще до вступления в масоны (о приглашении на обед к Р. А. Кошелеву он упоминает в письме брату Николаю из Петербурга 24 февраля 1810 г.— Наст. изд., с. 156).

[44] *Эммануил Сведенборг* (1688—1772), шведский ученый-натуралист, затем теософ, мистик. Об увлечении А. Н. Муравьева учением Сведенборга см. предисловие.

[45] *Николай Александрович Саблуков* (1776—1848), двоюродный дядя А. Н. Муравьева по отцу (его мать была родной сестрой бабки А. Н. Муравьева А. А. Муравьевой, урожденной Волковой), кавалерии полковник (с 1799), затем служил по морскому ведомству, с 1813 г. находился в отставке. Он был прекрасно образован, имел богатую библиотеку, оставил воспоминания о царствовании Павла I и Александра I. Н. Н. Муравьев в своих записках также тепло отзывался о Н. А. Саблукове, который был близок ему «по сердцу своему, всегда готовому на всякую помощь» (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 361).

[46] *Антуан Анри (Генрих Вениаминович) Жомини* (1779—1869), военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1826), барон (1807). Швейцарец, в 1804—1813 гг. во французской армии. Из-за конфликта с маршалом Бертье в августе 1813 г. перешел на русскую службу. Состоял в штабе и свите Александра I, был одним из организаторов Военной академии. В своих трудах обобщил полководческое искусство Наполеона. Признавая влияние развития техники на вооружение, организацию войск и тактику, тем не менее считал, что в военном искусстве господствуют «вечные принципы» А. Н. Муравьев изучал его «Трактат о больших военных операциях», изданный в 1804—1809 гг.

[47] *Гай Юлий Цезарь* (102 или 100—44 до н. э.), выдающийся римский полководец, диктатор. В результате его походов в 58—51 гг. до н. э. римлянами была завоевана северная часть Галлии. Этим событиям посвящено наиболее известное сочинение Цезаря —«Записки о Галльской войне». О чтении записок Цезаря А. Н. Муравьев упоминает и в письме супругам Бакуниным из Москвы 13 марта 1813 г. (письмо 16).

[48] *Мориц Саксонский* (1696—1750), гр., внебрачный сын короля польского и курфюрста саксонского Августа II, маршал Франции (1744), одержал ряд побед в войне за Австрийское наследство (1740—1748), выдающийся полководец.

[49] *Матвей Иванович Муравьев-Апостол* (1793—1886) и его брат *Сергей Иванович Муравьев-Апостол* (1796—1826), шестиюродные братья А. Н. Муравьева, как и он, участвовали в Отечественной войне 1812 г., походах 1813—1814 гг., были в числе основателей Союза спасения, члены коренной управы Союза благоденствия, затем активнейшие деятели Южного общества. За организацию и руководство выступлением Черниговского полка С. И. Муравьев-Апостол в числе пяти человек, поставленных вне разрядов, был повешен 13 июля 1826 г., а его брат Матвей, также участник вос-

стания черниговцев, был приговорен к 20 годам каторги, сокращенной затем до 15 лет, но каторгу не отбывал, а был отправлен на поселение в Якутию. После амнистии 1856 г. М. И. Муравьев-Апостол вернулся в Москву, сохранял верность декабристским идеалам. Оставил воспоминания (Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма.— В кн.: Мемуары декабристов. Южное общество, с. 163—225).

[50] *Августин Бетанкур* (1758—1824), французский эмигрант, был принят на русскую службу генерал-майором в 1808 г. По его проекту в Петербурге 1 ноября 1810 г. был открыт Институт, или Корпус путей сообщения. Бетанкур был и первым инспектором этого заведения. С мая 1822 по июль 1823 г. адъютантом Бетанкура был декабрист А. А. Бестужев, близкий друг его семейства.

[51] Гр. Фальклан не только преподавал математику в Главном штабе, но был также членом постоянного комитета, созданного в середине 1810 г. для приема экзаменов от желающих поступить в колонновожатые. О том, что лекции Фальклана были встречены офицерами крайне недоброжелательно, рассказывает и Н. Н. Муравьев (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 10—11).

[52] *Михаил Федорович Орлов* (1788—1842), видный участник войны 1812 г. В марте 1814 г. по поручению союзного командования подготовил и подписал текст капитуляции Парижа, за что пожалован в генерал-майоры. С 1814 г. разрабатывал план революционного преобразования России, уничтожения крепостничества и введения конституционного правления (сначала в форме ограниченной монархии, затем республики). Основатель «Союза русских рыцарей», затем деятельный член Союза благоденствия. На Московском съезде 1821 г. выступил с планом развернутых революционных действий. Будучи командиром 16-й пехотной дивизии, возглавлял кишиневскую организацию декабристов, связанную с Южным обществом. После ее разгрома в феврале 1822 г. отстранен от командования. Арестован в декабре 1825 г., но благодаря заступничеству брата, гр. А. Ф. Орлова, близкого к Николаю I, был лишь уволен со службы и сослан под надзор полиции в имение.

[53] В пансионе французского эмигранта аббата *Шарля Доминика Николя* (1758—1835), открытом в Петербурге в 1794 г., учились дети из самых аристократических семей. Его воспитанниками были кн. Волконские, в том числе и декабрист С. Г. Волконский, кн. Гагарины, Кочубей, М. Ф. и А. Ф. Орловы и др. Однако, как отмечает С. Г. Волконский, «преподаваемая <...> учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая» (Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902, с. 3), а сам Николь признавался, что, «воспитывая молодых русских, он работал для Франции» (Записка аббата Николя о воспитании князя А. Н. Волконского.— Рус. архив, 1895, кн. 1, с. 494).

[54] *Николай Семенович Мордвинов* (1754—1845), граф (с 1834), адмирал, в 1802 г. морской министр, сенатор, член Государственного совета, председатель Вольного экономического общества, был широко известен своим либерализмом. Члены тайного общества предполагали ввести Н. С. Мордвинова в состав Временного революционного правительства. В 1826 г. он единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам.

[55] *Александр Самойлович Фигнер* (1787—1813), знаменитый партизан Отечественной войны 1812 г. А. Н. Муравьев не совсем

точен: не Михайлов был женихом сестры Фигнера, а сестра Михайлова была невестой брата Фигнера — Николая Самойловича, гусарского штабс-ротмистра в 1811 г. (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 7).

[56] *Семен Николаевич Корсаков* (1787—1853), племянник адмирала Н. С. Мордвинова, участник войн 1806—1807 гг., 1812 г., заграничных походов 1813—1814 гг. Перейдя в гражданскую службу, служил по министерствам юстиции и внутренних дел, действительный статский советник. В 1845 г. вышел в отставку. Известен как автор работ по описанию рек Европейской России.

[57] Н. Н. Муравьев, писавший свои записки через четыре года после этой ссоры, сообщает, что он сам должен был по настоянию отца извиниться перед Михайловым (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 8).

[58] *Захар Матвеевич Муравьев* (1759—1832), действительный статский советник, пятиюродный брат Н. Н. Муравьева-отца; женат на бар. Елизавете Карловне Поссе, по первому мужу Энгельгардт.

Их старший сын *Артамон Захарович Муравьев* (1794—1846), участник войны 1812 г. и заграничных походов, член Союза спасения, затем Союза благоденствия и Южного общества, неоднократно вызывался убить императора. С 1824 г. в чине полковника командовал Ахтырским гусарским полком. Был сторонником радикальных мер, но в решительную минуту проявил колебания и не поддержал восстания Черниговского полка. Был осужден по I разряду и приговорен к 20 годам каторжных работ. В 1839 г. переведен на поселение под Иркутск, где и умер. Его младший брат *Александр Захарович* (1795—1842) дослужился до чина генерал-лейтенанта. По своему мировоззрению он был далек от того круга, в котором вращался его брат, а в ответ на предложение вступить в тайное общество заявил, что «образ его мыслей противен всякого рода революциям и что он не хочет принадлежать ни к какому обществу» (Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. М., 1925, с. 124).

[59] *Александр Васильевич Урусов* (1729—1813), кн., генерал-майор, отчим Н. Н. Муравьева-отца. Его жена Анна Андреевна, урожденная Волкова, по первому браку Муравьева, скончалась в 1806 г. Н. Н. Муравьев с семейством с 1801 г. жил в Москве вместе с отчимом и управлял его многочисленными имениями. По словам Н. Н. Муравьева-сына, кн. Урусов «сердился на батюшку и грозил лишить его наследства, если он вступит в службу и оставит его. Сам отец не имел почти никакого состояния; однако желание участвовать в войне все превозмогло, и его приняли на службу из отставных подполковников полковником по армии» (Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 36). Завещание было действительно переделано, но все же кн. Урусов оставил пасынку довольно значительную часть своего имущества. Однако процесс с другими родственниками Урусова, оспаривавшими завещание, стоил Муравьевым до 40 тыс рублей. Н. Н. Муравьев унаследовал, в частности, имение Осташево в Можайском уезде Московской губернии, где затем с 1 мая по 1 ноября проводились занятия Училища для колонновожатых. До этого Н. Н. Муравьеву принадлежало только 90 душ крестьян в селе Сырец Лужского уезда Петербургской губернии.

[60] *Петр Александрович Толстой* (1761—1844), гр., генерал-лейтенант. 17 июля 1812 г. он был назначен командующим ополчения 3-го округа, включавшего Вятскую, Казанскую, Костромскую, Нижегородскую, Пензенскую и Симбирскую губернии.

[61] В сражениях при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г.

и Фридланде 2 (14) июля 1807 г. русская армия потерпела поражения от Наполеона.

[62] В 1806—1814 гг. Франция проводила политику континентальной блокады. В соответствии с декретом Наполеона 21 ноября 1806 г. Британские острова блокировались, торговля с ними запрещалась, прекращался доступ во французские порты всех судов, пристававших ранее к английским берегам. Запрет ввоза на континент британских товаров, защищая интересы французских промышленников, должен был разорить англичан, вынудить их признать гегемонию Франции. К блокаде должны были присоединиться все союзники Франции, в том числе — после Тильзитского мира 1807 г.— и Россия. Но русское правительство, испытывавшее нажим со стороны помещиков, заинтересованных в экспорте зерна в Англию, смотрело на нарушения блокады сквозь пальцы. Это было одной из причин обострения русско-французских отношений в 1811 г.

[63] *Михаил Михайлович Сперанский* (1772—1839), гр. (с 1839), сын священника, сделал блестящую карьеру в начале царствования Александра I. В 1809 г. по его поручению Сперанский составил план государственных преобразований—«Введение к уложению государственных законов». С целью предотвращения революции он рекомендовал придать самодержавию внешние формы конституционной монархии, предоставить избирательные права дворянству и «среднему сословию» (купцам, мещанам, государственным крестьянам). Проект не предусматривал отмены крепостного права и не затрагивал основ самодержавного строя России, но правительство сочло его слишком радикальным, и он не был реализован. Практически Сперанскому удалось осуществить лишь некоторые преобразования. В 1810 г. был учрежден Государственный совет, проведены изменения в организации министерств, повышены требования к чиновникам (введены экзамены), придворные чины камер-юнкера и камергера стали только почетными званиями, не дававшими права на получение военных и гражданских чинов без действительной службы. Объективно планы Сперанского расширяли правоспособность буржуазных элементов. Это, а также внешняя политика Сперанского (невыгодный для помещиков союз с Францией) вызвали недовольство дворянства и привели к падению Сперанского. 18 марта 1812 г. он был сослан в Нижний Новгород под строгий надзор полиции, затем переведен в Пермь. В 1816 г. назначен пензенским губернатором, в 1819 г. отправлен с ревизией в Сибирь, в 1821 г. возвращен в Петербург и назначен членом Государственного совета. Негласные политические проекты Сперанского были хорошо известны декабристам, и он был намечен тайным обществом в члены Временного революционного правительства. Был членом Верховного суда по делу декабристов, при Николае I занимался кодификацией русских законов.

[64] *Михаил Леонтьевич Магницкий* (1778—1855), в 1810—1811 гг. сотрудничал со Сперанским, после его падения выслан в Вологду. В 1816 г. при содействии Аракчеева назначен вице-губернатором в Воронеж. С 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и народного просвещения. Его деятельность в качестве попечителя Казанского учебного округа (1819—1826) сопровождалась яростной борьбой против просвещения, передовой мысли и культуры. В 1826 г. за хищение казенных средств и превышение власти уволен в отставку.

[65] Этот случай, произошедший с Н. Н. Муравьевым под Псковом (у почтовой станции Синской) в конце февраля — марте 1812 г., подробно описан и в его записках (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 37—38).

[66] *Николай Евгеньевич Лукаш*, поручик Гвардейского генерального штаба, впоследствии тифлисский губернатор, сенатор. В течение всей жизни переписывался с Н. Н. Муравьевым (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 291).

[67] *Николай Дмитриевич Дурново*, в это время также служил в свите по квартирмейстерской части, с 1819 г. полковник и флигель-адъютант, управляющий канцелярией И. И. Дибича.

[68] *Николай Иванович Лавров*, генерал-лейтенант, был начальником штаба I армии до 21 июня 1812 г., с 23 июля командовал гвардейской пехотной дивизией.

[69] *Семен Александрович Мухин* (1771—1828), генерал-майор, был генерал-квартирмейстером 1-й армии до 29 июня 1812 г., до 1813 г. служил в Депо карт, в 1813—1815 гг. исполнял должность генерал-квартирмейстера в разных армиях. В 1816 г. назначен начальником штаба корпуса внутренней стражи, в 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты.

[70] *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761—1818), кн. (с 1815), занимал пост военного министра с января 1810 по сентябрь 1812 г., генерал от инфантерии (1809), в 1814 г. был произведен в фельдмаршалы.

[71] *Петр Иванович Багратион* (1765—1812), кн., генерал от инфантерии (1809), смертельно ранен в Бородинском сражении.

[72] *Матвей Иванович Платов* (1751—1818), с 1801 г. атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии (1809), гр. (с 1812).

[73] *Александр Петрович Тормасов* (1752—1819), генерал от кавалерии (1801), гр. (1816), успешно действовал против корпусов Ренье и Шварценберга. 3-я армия сковала силы противника и не позволила ему развернуть активные действия в Киевском направлении. Соединившись с Дунайской армией П. В. Чичагова, войска Тормасова в сентябре 1812 г. освободили западную часть Волыни. В октябре 1812 г. Тормасов был отозван в главную квартиру действующей армии и руководил внутренним управлением войсками и их организацией. Весной 1813 г. во время болезни Кутузова исполнял обязанности главнокомандующего. С 1814 г. московский генерал-губернатор, много сделал для восстановления столицы.

[74] Примерно такие же данные о численности русских войск приводятся в официальных источниках (Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. СПб., 1859, т. 1, с. 109—119; Харкевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. Прил. 2).

[75] *Карл Филипп фон Шварценберг* (1771—1820), кн., австрийский фельдмаршал. В 1812 г., командуя 30-тысячным австрийским корпусом, очень вяло действовал на Волыни (выполняя инструкции, полученные от венского правительства). После присоединения Австрии к антинаполеоновской коалиции был в 1813—1814 гг. главнокомандующим союзных армий.

[76] Численность «Великой армии», сформированной для вторжения в Россию, составляла 640 тыс. человек. Однако из них 160 тыс. были размещены между Одером и Эльбой, 40 тыс. насчитывали гарнизоны крепостей на Висле и Одере.

[77] *Карл Людвиг Август Пфуль (Фуль)* (1757—1826), прусский генерал, военный теоретик. После разгрома Наполеоном прусской армии в 1806 г. поступил на русскую службу и преподавал военное искусство Александру I. Последний так верил в гениальность своего учителя, что поручил ему составить стратегический план войны с Наполеоном.

[78] *Адольф Вильгельм фон Вольцоген* (1774—1845), прусский полковник, после разгрома Пруссии принят на службу в русский Генеральный штаб. В 1812 г. состоял при штабе Барклая де Толли, а затем Кутузова.

[79] *Александр Степанович Лавинский* (1776—1844), в 1812 г. виленский губернатор. В 1822—1833 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири, помогал и покровительствовал сосланному в Сибирь А. Н. Муравьеву, содействовал его устройству на службу.

[80] Прибыв в Вильно 14 апреля, Александр I официально не объявил о своем вступлении в командование армией, но фактически распоряжался ее судьбой. Члены его свиты предлагали множество разных планов и проектов, принесших войскам немало вреда (Харкевич В. Указ. соч., с. 89).

[81] А. Н. Муравьев имеет в виду план, предложенный Барклаем де Толли Александру I осенью 1811 г. Учитывая, что между Россией и Пруссией существовала конвенция о совместных действиях против Наполеона, предполагалось в случае войны выдвинуть русские войска в Пруссию, где совместно с ними должна была начать действовать и прусская армия. Возлагались расчеты и на переговоры с Австрией, но они не дали никакого результата. Поскольку Пруссия и Австрия заключили с Францией военные договоры, Россия была вынуждена отказаться от разработанного министерством плана (Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951, с. 20—21).

[82] *Александр Францевич Мишо де Боретур* (1771—1841), гр., перешел на русскую службу из сардинских войск в 1805 г. в инженерный корпус. В 1812 г. выбирал места для укрепленных лагерей вокруг Москвы и на реке Волге.

[83] Место для лагеря было выбрано единомышленником и другом Пфуля Вольцогеном. Строительство Дрисского лагеря было начато в апреле 1812 г.

[84] «Учреждение для управления большой действующей армией», введенное в действие перед началом войны 1812 г., было разработано при ближайшем участии Барклая де Толли и утверждено Александром I 27 января 1812 г. Командование полностью вверялось главнокомандующему, который «представляет лицо императора и облекается властью его величества» (СПб., 1812, с. 3). В помощь главнокомандующему создавался главный штаб армии, состоящий из полевого инженерного управления, полевого артиллерийского управления, интендантского управления, управления начальника Главного штаба (там же, с. 10). Введение «Учреждения», несмотря на его значительные недостатки (неудовлетворительное решение вопроса о взаимоотношениях начальников штабов и управлений), сыграло положительную роль.

[85] Маркиз *Филипп Осипович Паулуччи* (1779—1849), итальянец, на русской службе с 1807 г. С 21 июня по 1 июля 1812 г. был начальником штаба 1-й армии, но по настоянию недовольного им Барклая де Толли удален из армии. С октября 1812 г. рижский

военный губернатор и командир отдельного корпуса. В 1821—1825 гг. генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, генерал от инфантерии (1823). В 1829 г. вернулся в Италию, был генерал-инспектором войск и государственным министром Сардинского королевства.

[86] *Егор Францевич Канкрин* (1774—1845) был назначен генерал-интендантом 1-й армии 3 апреля 1812 г., а в 1813 г. был генерал-интендантом всех русских войск. С 1823 по 1844 г. министр финансов, граф (с 1829). Был женат на сестре декабриста А. З. Муравьева Екатерине Захаровне Муравьевой (1795—1849).

[87] *Яков Иванович де Санглен* (1776—1864) в 1812 г. был правителем канцелярии Министерства полиции.

[88] *Карл Федорович Толь* (1777—1842), граф (с 1829). В Дрисском лагере в чине полковника был назначен генерал-квартирмейстером 1-й армии, сыграл немалую роль в успешном руководстве войсками в сражениях под Смоленском и Бородином. С сентября 1812 г. и. о. генерал-квартирмейстера соединенных армий, осуществлял разработку стратегических замыслов Кутузова и оперативное управление армией. С декабря 1812 г. — генерал-квартирмейстер Главного штаба при Александре I, участвовал в заграничных походах. Впоследствии генерал от инфантерии (1826). В 1826 г., будучи начальником штаба 1-й армии, принимал активное участие в следствии по делу декабристов.

[89] *Луи де Нарбонн* (1756—1813), гр., генерал-адъютант Наполеона с 1809 г., был принят Александром I в Вильно 24 апреля.

[90] Таможенный тариф, изданный в декабре 1810 г., значительно повысил пошлины на ввозимые в Россию главным образом из Франции предметы роскоши — бархат, шелк, вина, что затронуло интересы французской буржуазии.

[91] *Жак Александр Бернар де Лористон* (1768—1828), гр., адъютант Наполеона, французский посол в России в 1811—1812 гг.

[92] *Жером Бонапарт* (1784—1860), младший брат Наполеона, король вестфальский (1807—1813). Во время вторжения французов в Россию командовал правым крылом армии Наполеона. Убедившись в полной неспособности брата руководить крупными операциями, Наполеон 24 июня подписал приказ, которым в случае соединения войск правого крыла с корпусом Даву общее командование возлагалось на последнего. Этот приказ стал известен Жерому 2 июля, а 7 июля он уехал в Вестфалию.

[93] *Евгений де Богарне* (1781—1824), вице-король Италии, пасынок Наполеона, активный участник всех наполеоновских войн; при вторжении в Россию командовал центральной группой войск (82 тыс. человек при 218 орудиях).

[94] *Леонтий Леонтьевич Беннигсен* (1745—1826), гр., уроженец Ганновера, на русской службе с 1773 по 1818 г. Генерал от кавалерии. Участник убийства Павла I. После назначения Кутузова главнокомандующим в середине августа 1812 г. стал начальником Главного штаба. За интриги и противодействие Кутузову по настоянию последнего удален из армии в ноябре 1812 г. В заграничных походах 1813—1814 гг. командовал армией. В 1814—1818 гг. командующий 2-й (южной) армией, уволен со службы за неумелое командование, уехал на родину.

[95] *Александр Дмитриевич Балашов (Балашев)* (1770—1837),

министр полиции (1810—1819). Выехал к Наполеону в ночь с 13 на 14 июня.

[96] *Луи Николя Даву* (1770—1823), маршал Франции, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, один из ближайших сподвижников Наполеона. При вторжении в Россию командовал 1-м пехотным корпусом. По замыслу Наполеона, войска Даву и Жерома должны были отрезать и разгромить армию Багратиона, но решить эту задачу Даву не удалось, Багратион мастерски провел свою армию к Смоленску, где соединился с 1-й армией. Войска Даву понесли огромные потери в Бородинском сражении при атаке Багратионовых флешей. При отступлении от Москвы до Вязьмы командовал арьергардом.

[97] *Карл XII* (1682—1718), король Швеции (1697—1718). Его «русский поход» 1708—1709 г. завершился сокрушительным разгромом шведских войск под Полтавой 27 июня 1709 г.

[98] Вагенбург — военный обоз.

[99] Под Вильно был взят в плен гр. *Анри Габриэль де Сегюр* (1779—1818), но он не был адъютантом Наполеона. Известный французский военный писатель гр. *Филипп Поль де Сегюр* (1780—1873), автор книги о походе Наполеона в Россию, был не родным, а двоюродным братом предыдущего.

[100] Прибыв в Дрисский лагерь 26 июня, Александр I не думал отказываться от выполнения плана Пфуля, но при объезде лагеря убедился, что очень многие не разделяют его взглядов. «Император призвал генерала Пфуля,— пишет Клаузевиц,— чтобы совместно с ним и несколькими другими офицерами своей свиты объехать лагерь. Пфуль пояснял императору цель и назначение отдельных укреплений. <...> Император, по-видимому, искал подтверждения слов Пфуля, глядя на выражение лиц сопровождавших его. Однако большей частью на их лицах было написано сомнение <...>. Со всех сторон раздавались сомнительные отзывы о Дрисском лагере» (Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937, с. 50—51). Энергичные протесты Мишо де Боретура, Паулуччи и Барклая убедили Александра I в бессмысленности дрисской затеи. Решено было отступать через Полоцк к Витебску.

[101] Армия Барклая де Толли покинула Дрисский лагерь и двинулась к Полоцку 4 июля.

[102] *Петр Христианович Витгенштейн* (1768—1842), фельдмаршал (1826), гр., с 1834 г. кн. В 1812 г. командовал 1-м корпусом, выделенным для защиты Петербурга. Во время контрнаступления овладел Полоцком и разбил французов у Чашников. Весной 1813 г. назначен главнокомандующим русских и прусских армий, но после неудачных сражений при Люцене и Бауцене заменен Барклаем де Толли. С 1818 г. командовал 2-й армией, с 1829 г. в отставке.

[103] *Алексей Петрович Ермолов* (1772—1861) был назначен начальником штаба 1-й армии 30 июля 1812 г. Отличился при Бородине, отбив захваченную французами батарею Раевского. Участвовал в заграничных походах, генерал от артиллерии (1817). В 1816 г. назначен командиром отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса и одновременно — чрезвычайным и полномочным послом в Иране. С 1819 г. также главнокомандующий в Грузии, руководил завоеванием Северного Кавказа. Выделялся независимостью суждений, оппозиционным отношением к аракчеевскому режиму, в молодости был членом оппозиционного кружка А. М. Каховского в

Смоленской губернии. Кандидатура Ермолова выдвигалась декабристами в состав Временного революционного правительства. Покровительствовал декабристам, сосланным на Кавказ. Все это предопределило его отставку в 1827 г.

[104] О нерасположении армии к Барклаю де Толли Н. Н. Муравьев писал: «Начальник первой Западной армии, Барклай де Толли, без сомнения, был человек верный и храбрый, но которого по одному имени солдаты не терпели, единогласно называя его немцем и изменником. Последнего наименования он, конечно, не заслуживал; но мысль сия неминуемо придет на ум солдату, когда его без видимой причины постоянно ведут назад форсированными маршами. Все войско наше желало сразиться и с досадою каждый день уступало неприятелю землю, по которой оно двигалось» (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 48—49). В условиях значительного превосходства французских войск Барклай де Толли успешно осуществил единственно правильный план отхода и соединения двух русских армий, разрушив замысел Наполеона — разгромить русские войска в приграничном сражении и навязать России позорный мир.

[105] Братья Муравьевы встретились в Дрисском лагере. А. Н. Муравьев в это время был серьезно болен, от плохого питания у него появились признаки цинги. «Брат Александр,— пишет Н. Н. Муравьев,— лежал на улице перед окнами квартиры своего начальника ге[нерал]-квартирмейстера Мухина. Он с трудом мог говорить. Голова опухла, язык и десны покрылись язвами». Братья упросили, «чтобы Александра перевели в гвардейский корпус, хотя на время, для того, чтобы <...> за ним ходить». Но и после выздоровления он оставался с братьями в течение некоторого времени (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 79—80).

[106] Александр I уехал из Полоцка 6 июля. Большинству офицеров было понятно, что дальнейшее пребывание императора в армии будет гибельно для судеб войны: попытки Александра I руководить армией, не занимая при этом поста главнокомандующего, дезорганизовывали командование.

[107] *Михаил Илларионович Кутузов (Голенищев-Кутузов)* (1745—1813), с марта 1811 г. командовал Молдавской армией, успешно завершил русско-турецкую войну 1806—1812 гг., добился подписания выгодного для России Бухарестского мирного договора 16 мая 1812 г., за месяц до нашествия на Россию армии Наполеона; пожалован титулом светлейшего князя. 17 июня петербургское и московское дворянство одновременно избрали Кутузова начальником своих ополчений, он принял предложение петербургского дворянства.

[108] *Ираклий Иванович Марков* (Морков) (1753—1829), гр., генерал-лейтенант. О его действиях во время штурма Измаила с похвалой отзывался Суворов. Уволен в отставку Павлом I в ноябре 1798 г. Был избран начальником московского ополчения, привел его под Бородино и участвовал во всех сражениях с французами до их изгнания из России.

[109] П. А. Толстой — о нем см. примеч. 60.

[110] *Александр Иванович Остерман-Толстой* (1770—1857), гр., в 1812 г. командовал 4-м пехотным корпусом в 1-й армии. В двухдневном кровопролитном сражении у Островны 13—14 июля сдерживал превосходящие силы противника, что позволило Барклаю де Толли в ночь на 16 июля уйти из-под Витебска, где Наполеон надеялся дать решающее сражение. Активно участвовал в Бородин-

ском сражении, контрнаступлении русской армии и кампании 1813—1814 гг., потерял руку в сражении под Кульмом. С 1816 г. командовал Гренадерским корпусом, в 1817 г. произведен в генералы от инфантерии, в том же году вышел в отставку.

[111] *Петр Петрович Коновницын* (1764—1822), гр. (с 1819 г.), 16 августа был назначен начальником авангарда и обеспечил отход главных сил и их развертывание под Бородином. После захвата французами Семеновских флешей и ранения Багратиона временно командовал 2-й армией, организовал оборону на позиции восточнее Семеновского оврага и удержал ее. С 6 сентября 1812 г. дежурный генерал штаба армии, участвовал в заграничных походах. По единодушному отзыву современников, был храбр, толков, распорядителен. В 1815—1819 гг. военный министр. Его сыновья Петр и Иван были декабристами, дочь Елизавета, жена декабриста М. М. Нарышкина, последовала за мужем в Сибирь.

[112] *Петр Петрович Пален* (1778—1864), гр., командовал 3-м кавалерийским корпусом. С необычайным мужеством и хладнокровием руководил сражением 15 июля под Витебском и арьергардными боями, позволившими успешно отвести 1-ю армию к Смоленску.

[113] *Дмитрий Александрович Давыдов* (1786—1851), офицер л.-гв. Гусарского полка. Общался с А. Н. Муравьевым и после окончания войны, был членом Союза благоденствия.

[114] Н. Н. Муравьев в своих записках тоже приводит эту песенку со следующим продолжением:

Ses aide-de-camps, trottant à ses côtés,
Jaloux de le suivre en vitesse,
Il leur disait: Oh, mes amis,
Ayez pitié a ma vieillesse*.

Он сообщает далее, что эта песенка распространилась по всей армии, а колыбелью ее был Кавалергардский полк (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 228).

[115] 5-й гвардейский пехотный корпус, где служил А. Н. Муравьев, был направлен в Рудню в связи с предполагавшимся в этом районе наступлением русских войск. Решение о наступлении было принято на военном совете 25 июля, через три дня после соединения русских армий под Смоленском. В ночь с 26 на 27 июля Барклай де Толли узнал, что в районе Поречья сосредоточились крупные французские силы. Предполагая, что Наполеон намерен, двинувшись от Поречья к Смоленску, отрезать русским армиям путь к Москве, главнокомандующий отказался от наступления и решил мобилизовать все силы на защиту своего правого фланга. Вот почему 25 июля 5-му гвардейскому корпусу было приказано свернуть к Поречью.

[116] *Дмитрий Дмитриевич Курута* (1770—1838), с 1809 г. флигель-адъютант вел. кн. Константина Павловича, его ближайший друг и доверенное лицо. В 1812 г. был начальником штаба 5-го резервного гвардейского корпуса, которым командовал Константин Павлович,

---

* Своим адъютантам, скачущим с ним рядом,
Ревниво старающимся сравняться с ним в быстроте,
Он говорил: «О, друзья мои,
Пожалейте мою старость» (франц.).

с 1814 г. вместе с ним в Варшаве, управлял двором Константина, впоследствии владимирский губернатор, граф (с 1826).

117 Пионеры — инженерные войска (соответствовали саперам); в русской армии существовали в 1757—1829 гг.

Геч, командир пионерной роты, в 1832 г. подполковник, командир батальона внутренней стражи в Житомире (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 229).

118 *Николай Иванович Депрерадович* (1767—1843), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в 1812 г. командир 1-й кирасирской дивизии. О вспыльчивости, грубости и ограниченности Депрерадовича пишет и Н. Н. Муравьев (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 229—231).

119 *Михаил Петрович Бутурлин* (1786—1860), с мая 1812 г. старший адъютант кирасирской дивизии, отличился в сражениях под Смоленском и Бородином, при Бородине ранен. Затем генерал-майор (с 1827), нижегородский губернатор (1831—1846).

120 В воспоминаниях Н. Н. Муравьева этот эпизод не упомянут.

121 *Николай Николаевич Раевский* (1771—1829), герой войны 1812 г., генерал-лейтенант, командовал 7-м пехотным корпусом.

122 *Иван Федорович Паскевич* (1782—1856), впоследствии гр. Эриванский (1828) и св. кн. Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал (1829). В 1812 г. командовал 26-й пехотной дивизией в армии Багратиона, участвовал в сражениях под Смоленском и Бородином, заграничных походах. Впоследствии командовал гвардейской дивизией, где служил будущий император Николай I, что способствовало его дальнейшей быстрой карьере. Был членом Верховного суда по делу декабристов. С 1826 г. командовал войсками в Закавказье, с 1827 г. наместник на Кавказе, командовал русскими войсками во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., руководил подавлением польского восстания 1830—1831 гг., подавлением венгерской революции в 1849 г.

123 А. Н. Муравьев ошибается, утверждая, что Барклай де Толли уступал Багратиону по старшинству. Оба они имели в это время чин генерала от инфантерии, полученный в 1809 г. за успешные действия в русско-шведской войне, а по возрасту Барклай де Толли был старше Багратиона на четыре года. Возможно, Багратион, участник Итальянского и Швейцарского походов Суворова и его любимец, в чем-то превосходил по своему военному опыту Барклая де Толли, однако и последний в русско-шведских и русско-французских войнах зарекомендовал себя талантливым военачальником.

124 *Дмитрий Сергеевич Дохтуров* (1761—1816), генерал от инфантерии, герой войны 1812 г., командовал 6-м пехотным корпусом и успешно вывел его из окружения от Лиды к Дрисскому лагерю. Героически защищал Смоленск. В Бородинском сражении командовал сначала центром, затем левым крылом. Сыграл решающую роль в победе под Малоярославцем. В 1814 г. командовал правым крылом армии, наступавшей на Париж.

125 Братья *Тучковы: Николай Алексеевич* (1765—1812), генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса, при Бородине в критический момент боя возглавил атаку пехоты, тяжело ранен и умер от ран в Ярославле 30 октября 1812 г.; *Павел Алексеевич* (1775—1858), генерал-майор, после Смоленского сражения возглавил авангардный отряд правой колонны 1-й армии, 7 августа повернул отряд к Валутиной горе и, сдержав при поддержке других войск натиск противника, обеспечил отход частей 1-й армии за Днепр, тяжело

ранен, попал в плен, из которого был освобожден в 1814 г., впоследствии член Государственного совета; *Александр Алексеевич* (1778—1812), генерал-майор, в 1812 г. командовал бригадой 3-й пехотной дивизии, при Бородине убит картечью при контратаке на Семеновские флеши; был женат на сестре декабриста М. М. Нарышкина Маргарите Михайловне, основавшей после его смерти Спасо-Бородинский женский монастырь; четвертый брат Тучковых *Сергей Алексеевич* (1767—1839), во время Отечественной войны 1812 г. был дежурным генералом Молдавской армии, впоследствии сенатор.

126 Бранное слово — колбасник, немец.

127 О вражде между великим князем и Барклаем де Толли упоминают многие мемуаристы, в частности А. П. Ермолов. Еще в Витебске главнокомандующий «дал поручение великому князю Константину Павловичу отправиться в Москву к государю <...>. Великий князь весьма огорчен был, подозревая, что поручение не заключало в себе такой важности, чтобы не могло быть исполнено другим». Но Константин Павлович неожиданно вернулся в армию под Смоленск и полностью примкнул к сторонникам идеи наступления (Ермолов А. П. Записки. М., 1865, ч. 1, с. 147, 149). Во второй раз великий князь уехал из армии из-под Дорогобужа после резкого разговора с Барклаем де Толли, подробности которого передает А. Н. Муравьев.

128 *Плутарх* (ок. 45 — ок.127), древнегреческий писатель и философ. Его основное сочинение — «Сравнительные жизнеописания» — содержит биографии выдающихся греков и римлян.

129 *Иоахим Мюрат* (1767—1815), зять Наполеона, маршал Франции, неаполитанский король в 1808—1815 гг. В 1812 г. командовал кавалерийским корпусом, действовал в авангарде. После отъезда Наполеона командовал остатками французской армии, в 1813 г. участвовал в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом, затем уехал в Неаполь и, чтобы сохранить за собой престол, вступил в тайный союз с Австрией и Великобританией. В 1815 г. вновь выступил на стороне Наполеона, был разбит австрийцами, бежал во Францию, с небольшим отрядом пытался отвоевать королевство, но при высадке в районе Калабрии схвачен, осужден военным судом и расстрелян.

130 *Дмитрий Петрович Неверовский* (1771—1813), генерал-лейтенант. 2 августа его отряд оказал упорное сопротивление коннице Мюрата под Красным и во время отхода к Смоленску, что задержало наступление французов и сорвало план Наполеона выйти в тыл русским армиям. 24 августа оборонял с 27-й пехотной дивизией Шевардинский редут, а 26 августа во время Бородинского сражения — Семеновские флеши. Тяжело ранен в сражении под Лейпцигом 1813 г. и вскоре умер.

131 Ф. Н. Глинка, очевидец пожара Смоленска, пишет, что «утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем, и все, что может гореть,— запылало!» (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Смоленск, 1946, с. 16—17).

132 *Яков Петрович Гавердовский* (убит при Бородине 26 августа 1812г.), полковник, начальник штаба арьергарда П. П. Коновницына. «Гавердовский,— пишет Н. Н. Муравьев,— был человек с достоинствами и один из лучших офицеров Генерального штаба, как по своему уму, так и по знаниям, опытности и храбрости» (Рус. архив, 1885, кн.

3, с. 338). Такого же высокого мнения о нем были и многие современники, в том числе и его начальник П. П. Коновницын (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1904, ч. 8, с. 109—110).

[133] Об ужасном положении, в котором находился больной А. Н. Муравьев, пишет в своих воспоминаниях его брат. В избе, где лежал больной, «смрад был нестерпимый. Влево у дверей под скамьей умирал в судорогах от горячки русский драгун. Хозяйка <...> держала на руках грудного ребенка, которого крики, смешанные со стоном и храпением страждущих и спящих, наводили уныние <...>. Войдя в избу, я громким голосом спросил: «Муравьев, ты здесь?» Из угла отозвался мне братнин голос. «Что тебе надобно?»—«Я брат твой Николай, приехал тебя навестить, услышав, что ты болен».—«Спасибо, брат,— отвечал Александр,— а я в дурном положении». Пробираясь к нему, я наступил на ногу одному французу, который закричал <...>, я отскочил и наступил на другого, который также закричал. «Что за горе!— закричал я брату,— к тебе подойти нельзя».—«Нельзя, Николай, тесно... Мне самому нельзя вытянуть ног за теснотою; все раненые и больные... К тому же крик ребенка, который мне спать не дает». Драгун вскоре умер, и его вытащили на улицу; другие потеснились. Я лег <...> и стал с братом разговаривать. Александр сказал мне, что он участвовал во всех Красиинских делах с отрядом г[енерала] Юрковского, но что он перемогал себя, потому что был очень болен, а теперь так ослаб, что принужден проситься в отпуск в Москву для излечения болезни. Ноги его, как и у меня, были в ужасном положении и покрыты цинготными язвами... На рассвете я простился с братом, и надолго. Мне нечем было ему помочь, ибо мы оба были без денег» (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 383).

[134] *Александр Никитич Сеславин* (1780—1858), впоследствии генерал-лейтенант (1814). В начале Отечественной войны 1812 г. адъютант Барклая де Толли. Отличился при Бородине. В сентябре был назначен командиром кавалерийского партизанского отряда. Первым обнаружил движение Наполеона из Москвы в Малоярославец, совершал смелые рейды по тылам противника, участвовал в освобождении Вязьмы, Борисова, Вильно. После 1814 г. в отставке.

[135] М. И. Кутузов был назначен главнокомандующим 8 августа и прибыл в армию 17 августа 1812 г.

[136] Бой 24 августа за Шевардинский редут обеспечил русским войскам время для завершения оборонительных работ.

[137] *Оливер Кромвель* (1599—1658), деятель английской буржуазной революции XVII в., полководец. Ядром его отрядов были пуритане — сторонники радикального протестантизма, отличавшиеся бесстрашием и религиозным фанатизмом. «Идолопоклонством» А. Н. Муравьев называет принятое в православии поклонение иконам.

[138] По последним данным, французы имели под Бородином 135 тыс. человек и 587 орудий, а русские — около 120 тыс. человек и 640 орудий .

[139] А. Н. Муравьев ошибается. Уже Шевардинский бой позволил Кутузову установить, что основные силы Наполеона нацелены на центр и левый фланг русской армии. В связи с этим он в тот же день из состава общего резерва направил на Старую Смоленскую дорогу к д. Утице корпус Н. А. Тучкова.

[140] *Сергей Григорьевич Хомутов* (1792—1852), в 1812 г. из

Пажеского корпуса зачислен подпоручиком в свиту его величества по квартирмейстерской части, уволен из нее полковником в 1828 г. Оставил воспоминания (Дневник свитского офицера. 1813—1814 гг.), опубликованные в «Рус. архиве» в 1869—1870 гг.

[141] О ранении при Бородине М. Н. Муравьева см. также письмо А. Н. Муравьева супругам Бакуниным 24 декабря 1812 г. (наст. изд., письмо 11).

[142] Село Семеновское было занято не к вечеру, а около полудня.

[143] Опасаясь перехода русских войск к активным действиям, Наполеон с наступлением темноты отвел свои войска за р. Колочу, оставив батарею Раевского, с. Семеновское и д. Утицу.

[144] Цифра, приведенная А. Н. Муравьевым, основана на официальных данных. По подсчетам современных историков, Наполеон потерял при Бородине свыше 58 тыс. человек, или свыше 43% всех французских сил, участвовавших в сражении, а русские войска — 44 тыс. человек убитыми и ранеными.

[145] Это утверждение А. Н. Муравьева неверно. Московское ополчение и казаки Платова с успехом выполнили задачи, поставленные перед ними главнокомандующим. Московское ополчение вместе с корпусом Н. А. Тучкова активно действовало в Утицкой операции, они сорвали попытки французов выйти в тыл армии Багратиона. Казаки Платова вместе с кавалерийскими полками ген. Ф. П. Уварова в полдень по приказу Кутузова нанесли удар по левому флангу французской армии, вызвав там переполох и панику. Связанная с этим двухчасовая задержка французской атаки на батарею Раевского позволила Кутузову подтянуть туда подкрепления и произвести перегруппировку сил. Ермолов в своих записках отмечает, что «внезапное появление (Платова.— Ю. Г.) произвело общее в лагере движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим из нас казалось это время отдохновением» (Ермолов А. П. Записки, с. 200).

[146] *Александр Иванович Кутайсов* (1784—1812), гр., генерал-майор, начальник артиллерии 1-й армии, был убит в схватке за батарею Раевского. Ермолов, лично руководивший этой контратакой, с большим сожалением вспоминал о гибели Кутайсова, характеризуя его как человека одаренного, который мог бы «впоследствии оказать отечеству великие услуги» (Ермолов А. П. Записки, с. 201).

[147] Упреки А. Н. Муравьева в адрес главнокомандующего носят на себе следы прямого влияния враждебной Кутузову группировки штаба, а также официальной историографии. А. Н. Муравьев был, очевидно, знаком с трудами Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.» (СПб., 1823—1825, т. 1—2), А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 г.» (СПб., 1843, ч. I—IV) и другими работами, в которых неверно оценивалось, принижалось полководческое искусство Кутузова. В частности, Беннигсен и другие защитники линейной тактики считали, что основные силы следовало расположить на левом фланге, направлении главного удара неприятеля. Кутузов же создал основную группировку на правом фланге, сохранив за собой возможность контратаковать крупными силами и лишив Наполеона возможности обходных движений. Боевой порядок, избранный Кутузовым, позволял сковать инициативу Наполеона, а в случае неблагоприятного исхода сражения обеспечивал русской армии воз-

можность свободного маневра для перехода на новые позиции за Можайском. Видимо, преувеличивает А. Н. Муравьев потери преображенцев и семеновцев. По свидетельству Липранди, также участника Бородинского сражения, Преображенский полк потерял там 37 человек, а Семеновский полк — 22 человека (Липранди И. П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867, с. 117). И, наконец, неверно и несправедливо третье замечание. Кутузов, избрав тактику активной обороны, при которой обеспечивалась свобода инициативы как главнокомандующего, так и командующих армиями, не выпускал из рук общего управления боем, чутко реагируя на все изменения боевой обстановки.

[148] А. Н. Муравьев не совсем точен. Прапорщик лейб-гвардии Егерского полка Павел Иванович Муханов (двоюродный брат декабриста П. А. Муханова), в начале Отечественной войны находившийся при Багратионе, еще в июле 1812 г., направляясь с поручением к Платову, был убит казаками, принявшими его за француза, неподалеку от белорусского городка Романова (Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909, с. 108—110).

[149] Село Осташево, оно же Долголядье, или Александровское, в Можайском уезде Московской губернии, принадлежало отчиму Н. Н. Муравьева-отца кн. А. В. Урусову, после смерти последнего досталось Н. Н. Муравьеву.

[150] *Матвей Яковлевич Мудров* (1776—1831), профессор патологии и терапии Московского университета. Заложил основы русской самобытной клинической терапии. Умер в Петербурге от холеры во время борьбы с эпидемией 1830 г.

Хирург Jomar в записках Н. Н. Муравьева назван Lemaire.

[151] *Екатерина Федоровна Муравьева* (1771—1848), урожд. бар. Колокольцова. Ее муж *Михаил Никитич Муравьев* (1757—1807), сенатор, тайный советник, в 1803—1807 гг. был товарищем министра просвещения.

[152] *Федор Васильевич Ростопчин* (1763—1826), гр., с 29 мая 1812 по 1814 г. главнокомандующий (генерал-губернатор) в Москве, затем член Государственного совета, с 1823 г. в отставке.

[153] О попытке будущего декабриста Никиты Михайловича Муравьева (1796—1843) убежать из дома в действующую армию рассказывает также его младший брат Александр (1802—1853), однако совершенно иначе передавая сцену встречи Никиты Муравьева с гр. Ростопчиным: «Генерал-губернатор граф Ростопчин призывает его, подвергает его допросу. Пораженный таким патриотизмом в таких столь молодых годах, он отсылает его к матери, поздравляя ее, что у нее есть сын, воодушевленный столь благородными и столь возвышенными чувствами» (Муравьев А. М. Мой журнал.— В кн.: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с. 127).

[154] А. Н. Муравьев ошибается. Никита Муравьев в сентябре 1813 г. поступил в службу прапорщиком, участвовал в заграничных походах, в том числе в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом, и лишь в августе 1814 г. был переведен в гвардейский Генеральный штаб.

[155] *Луи Доминик Картуш* (1693—1721), возглавлял шайку, смело действовавшую в Париже и его окрестностях. Имел сообщников среди французской знати и полиции, был выдан одним из своих помощников и колесован на Гревской площади 28 ноября 1721 г.

[156] Михаил Николаевич Верещагин, купеческий сын, перевел на

русский язык два газетных сообщения о Наполеоне («Письмо Наполеона к прусскому королю» и «Речь Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене»). Без ведома Верещагина списки с переводов стали распространяться в публике. Ростопчин раздул дело Верещагина и добился для него приговора Сената к ссылке в каторжные работы. 2 сентября, когда толпа народа пришла к дому Ростопчина, обещавшего в своих прокламациях возглавить сопротивление москвичей неприятелю, граф, чтобы отвлечь их и иметь возможность скрыться, указал на Верещагина как виновника сдачи города французам и изменника и выдал его на растерзание толпе. Ответственность Ростопчина за убийство Верещагина и невинность последнего подчеркивают многие современники, в том числе декабрист В. И. Штейнгейль (Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1, Записки и письма. Иркутск, 1985, с. 112).

[157] А. Н. Муравьев в момент отхода русской армии находился в Москве с раненым братом. Даже неприятель отмечал, что русская армия отходила очень организованно. Так, генерал-лейтенант Шреккенштейн свидетельствует, что «русские отступили утром 27 числа, и после столь ужасного сражения не оставили никаких следов <...>, порядок был изумительный!» (Липранди И. П. Указ. соч., с. 127—128).

[158] Военный совет в Филях, где было принято решение о сдаче Москвы без боя и об отступлении армии по Рязанской дороге, состоялся вечером 1 сентября.

[159] *Лев Алексеевич Перовский* (1792—1856), гр. (с 1849), побочный сын гр. А. К. Разумовского, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Был членом ранних декабристских организаций, но в 1821 г. отошел от движения. В 1841—1852 гг. министр внутренних дел. По его записке «Об уничтожении крепостного состояния в России», поданной Николаю I, в 1846 г. был учрежден секретный крестьянский комитет. В 1852—1856 гг. возглавлял министерство уделов.

[160] О П. И. Мессинге, служившем в арьергарде вместе с братьями Муравьевыми, Н. Н. Муравьев пишет, что он был «несколько лет в службе, но мало ею занимался; он был хороший товарищ, остроумен и большой повеса» (Рус. архив. 1885, кн. 3, с. 350).

Подпоручик квартирмейстерской части Юнг, по словам того же Н. Н. Муравьева, «был старый офицер, служивший еще в 1807 г.; происхождения он был не знатного и воспитания не отличного, но простой и, может быть, добрый малый. Он был высокого мнения о себе и охотно рассказывал, как по службе обижен <...>. Он был очень скуп и любил ездить на фуражировки для поживы на мызах, любил отобедать или чаю напиться на чужой счет» (там же, с. 349—350).

[161] *Метивье*, врач, в 1809 г. жил в Москве, лечил А. Н. Муравьева, болевшего горячкой. Перед началом войны выслан из России как шпион Наполеона. Вновь прибыл в Москву с наполеоновскими войсками. Муравьев разыскал Метивье в Париже и беседовал с ним о походе в Россию (Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 115).

[162] В действительности Наполеон въехал в Кремль не 2 сентября, а в 6 часов утра 3 сентября. Ночь со 2 на 3 сентября он провел в Дорогомилово. Пожар Москвы начался уже 2 сентября и к вечеру был уже замечен русскими войсками. 4 сентября Наполеон был

вынужден выехать в загородный Петровский дворец и вернулся в Кремль только по окончании пожаров, 8 сентября.

[163] *Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов* (1790—1863), гр., сын фаворита Екатерины II, известный богач, в 1812 г. за свой счет сформировал конный полк. Вместе с М. Ф. Орловым основал тайное политическое общество «Орден русских рыцарей». В 1816 г. заболел тяжелым психическим расстройством, до 1823 г. безвыездно жил в своем подмосковном имении Дубровицы, а затем помещен в дом умалишенных, а имения его были взяты в опеку.

[164] *Юзеф Понятовский* (1763—1813), кн., племянник последнего польского короля Станислава Августа, военный министр и главнокомандующий армией созданного Наполеоном в 1807 г. из части польских земель Герцогства Варшавского. Участник восстания Т. Костюшко 1794 г. Как и многие деятели польского национально-освободительного движения, поддержал Наполеона, надеясь с помощью Франции ликвидировать последствия разделов Польши и восстановить Польское государство. В 1812 г. командовал 5-м корпусом наполеоновской армии. Маршал Франции (1813), ранен в битве под Лейпцигом, утонул в р. Эстер 19 октября 1813 г. Стычка русского арьергарда с авангардным отрядом Понятовского произошла под д. Чириковой 17 сентября 1812 г. Особенно отличились ратники московского ополчения. Отряд Понятовского понес большие потери.

[165] Русская армия прибыла в Тарутино (в 50 км от Москвы) 21 сентября.

[166] *Денис Васильевич Давыдов* (1784—1839), знаменитый партизан, поэт, военный писатель. Еще до Бородинской битвы, после падения Смоленска, представил командованию план партизанских действий, в основе которого лежала идея перерастания войны 1812 г. во всенародную борьбу с иноземными захватчиками. Это предложение стало известно Кутузову, и по его распоряжению Давыдову был выделен небольшой отряд, пополненный затем добровольцами, который успешно действовал против французских коммуникаций между Смоленском и Гжатском. По его образцу был создан отряд А. С. Фигнера (о нем см. выше примеч. 55) и др. Армейские партизанские отряды вносили известную организованность в стихийно развивавшееся крестьянское партизанское движение. Особенно велика была роль партизан в преследовании и разгроме наполеоновской армии. После изгнания Наполеона из России Д. В. Давыдов участвовал в заграничных походах, командовал Ахтырским гусарским полком, в 1814 г. за отличие был произведен в генерал-майоры. Пользовался славой вольнодумца, ненавидел аракчеевщину, но не был сторонником коренных изменений в жизни России и, несмотря на дружбу с многими декабристами, отказался вступить в тайное общество. С 1823 г. находился в отставке; возвращался на службу в 1831—1832 гг. и участвовал в подавлении польского восстания.

[167] Косвенные предложения о мире делались Наполеоном через начальника Московского воспитательного дома И. В. Тутолмина и через помещика И. А. Яковлева (отца А. И. Герцена). Тутолмин был принят Наполеоном 6 сентября. Наполеон не только разрешил ему отправить донесение императрице о состоянии вверенного ему учреждения, но и предложил написать самому Александру I и сообщить о желании французского императора заключить мир. 9 сентября Наполеон принял отставного гвардии капитана Яковлева, не успевшего с семейством выехать из Москвы до прихода французов,

и согласился дать ему пропуск на выезд из города с условием, что Яковлев передаст Александру I письмо Наполеона, выдержанное в примирительном тоне. Оба эти обращения остались без ответа.

[168] Кутузов принял Лористона 23 сентября. Их разговор происходил наедине, его содержание известно из донесения фельдмаршала Александру I. В ответ на предложение Лористона начать переговоры о мире Кутузов заявил: «Я подверг бы себя проклятию потомства, если бы сочли, что я подал повод к какому бы то ни было примирению. Таков в настоящее время образ мыслей нашего народа» (Отечественная война и русское общество, т. 4, с. 178).

[169] *Роберт Томас Вильсон* (1777—1849), английский военный представитель при армии Кутузова. Имея право непосредственно сноситься с Александром I, своими интригами и сплетнями принес Кутузову немало вреда. Действия Кутузова, желавшего избежать ненужных сражений и потерь, вызывали доносы Вильсона, стремившегося использовать русские войска для защиты английских интересов.

[170] *Василий Васильевич Орлов-Денисов* (1775—1843), гр., генерал-адъютант, командир лейб-гвардии Казачьего полка, в 1812 г. активно действовал в арьергарде 1-й армии, был при Бородине. После оставления Москвы командовал казачьими аванпостами, отличился в бою под Тарутином, играл видную роль во время преследования наполеоновской армии, командуя кавалерийскими отрядами. Генерал от кавалерии (1826), с 1830 г. в отставке.

[171] Василий Алексеевич Сысоев был, по словам Н. Н. Муравьева, «человек храбрый, умный, проворный и опытный»; в 1816 г. в чине генерал-майора командовал казаками в Грузии (Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 357).

[172] *Федор Карлович Корф* (1774—1826), бар., командир 2-го кавалерийского корпуса, за храбрость и мужество, проявленные при Бородине, произведен в генерал-лейтенанты. После оставления Москвы командовал передовой линией арьергарда. Особенно отличился в сражении под Вязьмой.

[173] Барклай де Толли выехал из армии 22 сентября. Тарутинское сражение, в котором русские войска одержали победу над авангардом Мюрата, состоялось 6 октября. Хотя противник не был разгромлен, эта победа подняла боевой дух русских войск и положила начало наступательным действиям армии Кутузова.

ОТВЕТ СОЧИНИТЕЛЮ РЕЧИ О ЗАЩИЩЕНИИ ПРАВА ДВОРЯН НА ВЛАДЕНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ, ПИСАННОЙ В МОСКВЕ АПРЕЛЯ 4-ГО ДНЯ 1818 ГОДА, ДРЕВНЕМУ РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНИНУ, СТАРЦУ, СЛУЖИВШЕМУ В ВОЙСКЕ И СУДЕ, ВЕРНОПОДДАННОМУ ГОСУДАРЯ, ОТ РОССИЯНИНА

Сохранился список рукою неустановленного лица, находившийся в портфеле «Чтений Общества истории и древностей российских» (*ГБЛ*, ф. 203, 165.11). Публикация — Чтения ОИДР, 1859, кн. 3, отд. «Смесь», с. 43—50, без указания автора).

[1] А. Н. Муравьев именует «речью» «Послание российского дворянина к князю Репнину (Николаю Григорьевичу), малороссийскому военному губернатору и генерал-адъютанту», написанное в Москве 4 апреля 1818 г. и распространявшееся в списках (опубликовано в кн.: Сборник исторических материалов, извлеченных из

архива собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 7. Изд. под ред. Н. Дубровина. СПб., 1895, с. 153—164). Познакомившись с этим документом, Александр I потребовал от московского генерал-губернатора гр. А. П. Тормасова установить автора. Было выяснено, что написано послание калужским губернским предводителем дворянства сенатором кн. Николаем Григорьевичем Вяземским (1767—1846) (там же, с. 164). Муравьеву, как и другим декабристам, автор послания был известен (Трубецкой С. П. Записки, с. 17), но адресовал он свой ответ анониму, пародируя начало послания: «Древний российский дворянин, старец, не обуреваемый уже суетностию любочестия и тщеславия, служивший в свой срок верою и правдою в войске и на суде, друг истины, верноподданный государя, усердный сын отечества — вот титла и права мои!» (Сборник..., вып. 7, с. 153).

[2] А. Н. Муравьев повторяет известное евангельское изречение вслед за кн. Н. Г. Вяземским, который писал, что скрыл свое имя потому, что хорошо помнит эти «словеса Христа спасителя» (Сборник..., вып. 7, с. 153).

[3] Цитируется речь генерал-губернатора кн. Николая Григорьевича Репнина-Волконского (1778—1845), брата декабриста кн. С. Г. Волконского (унаследовал владения и фамилию деда по матери, известного государственного деятеля второй половины XVIII в. фельдмаршала кн. Н. В. Репнина). Речь, произнесенная на дворянских выборах в Чернигове и Полтаве в январе 1818 г., была в том же году опубликована в «Духе журналов» (ч. 27, с. 591—602), что вызвало недовольство правительства. Цензуре было предписано не позволять печатать никаких статей с рассуждениями о вольности или рабстве крестьян (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2-х т. СПб., 1888, т. 1, с. 404—405).

[4] А. Н. Муравьев, как и многие его современники, предполагал, что речь кн. Репнина и его предложения дворянству были предварительно одобрены царем. Так же считал и кн. Н. Г. Вяземский (Сборник..., вып. 7, с. 154).

[5] Муравьев приводит начало фразы Вяземского о преданности дворянства самодержавию и единстве их интересов: «Щедроты царей есть единый источник, из коего почерпало дворянство не токмо все ныне владеемое им достояние, но и то, которое впредь себе в награду за заслуги ожидать долженствует. Из всего вышеприведенного не следует ли заключить, что опора и надежда дворянства — престол! А ограда и твердость престола — дворянство!» (Сборник..., вып. 7, с. 156).

[6] Т. е. 1 апреля, в день шуток и розыгрышей.

[7] *Дмитрий Михайлович Пожарский* (1578—1642), кн., один из руководителей борьбы с польско-литовской и шведской интервенцией в начале XVII в. Вместе с К. Мининым возглавлял ополчение, освободившее Москву 26 октября 1612 г.

[8] *Яков Федорович Долгорукий (Долгоруков)* (1659—1720), кн., сподвижник Петра I, сенатор, президент Ревизион-коллегии, строгий и неподкупный блюститель законов. Сохранилось много рассказов о его прямодушии, благородстве, независимости мнений, гражданском мужестве. В начале XIX в. имя Долгорукого было очень популярно. Ему посвящена дума К. Ф. Рылеева «Яков Долгорукий», о нем упоминают в своих сочинениях Г. Р. Державин и А. С. Пушкин.

[9] А. Н. Муравьев имеет в виду ряд законов, принятых в английских колониях в Америке во время войны за независимость (1775—1783) и после ее окончания: 15 января 1777 г. в Вермонте об отмене рабства, 1 марта 1780 г. в Пенсильвании о запрещении рабства, 13 июля 1777 г. («Северо-западный ордонанс») о запрещении рабства во вновь заселявшихся областях Северо-Запада Америки и 2 марта 1804 г.— о запрещении с 1 января 1808 г. ввоза негров-рабов.

[10] Муравьев цитирует начало и конец следующей тирады кн. Вяземского: «Неужели еще мудрые друзья человечества не согласны в точном понятии об истинном просвещении? Неужели все несчастия, все ужасы, все беззакония, постигшие большую часть Европы от вредного и излишнего умствования, не научают нас осторожными быть против прелестей лжемудрствования; неужели еще не вразумились, что вольность, сей идол чужеземных слепцов, влечет неминуемо к пагубному своевольству, буйству, разврату и ниспровержению всех властей?» (Сборник..., вып. 7, с. 159—160).

[11] Слова «Изыдите, оглашеннии, изыдите» заимствованы из православного богослужения. «Оглашенные» т. е. лица, заявившие о своем желании принять христианство, но еще не крещеные, могут присутствовать на богослужении лишь до определенного момента, а затем священник призывает их покинуть церковь.

[12] В конце своего послания кн. Н. Г. Вяземский писал, что дворяне готовы пойти на некоторые уступки по крестьянскому вопросу, если правительство соберет в одной из столиц их депутатов, которые повергнут перед престолом «не токмо собственные *нужды свои*, но даже не умолчат, если повеление будет, и о всем том, что требует истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего» (Сборник..., вып. 7, с. 163). В одном из вариантов послания было выражено желание в обмен на уступки в крестьянском вопросе получить определенные политические права для высшего сословия (см. об этом: Семевский В. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века.— В кн.: Крестьянский строй. СПб., 1905, т. 1, с. 180).

[13] Генеральные штаты, созванные во Франции после 175-летнего перерыва и собравшиеся 5 мая 1789 г., накануне буржуазной революции, представляли собой совещательный сословный орган. Три сословия должны были заседать порознь, что позволяло бы дворянству и духовенству сохранить контроль над деятельностью штатов. 17 июня 1789 г. депутаты третьего сословия при поддержке части депутатов дворянства и духовенства объявили себя Национальным собранием. Придворная партия, выступавшая против собрания, стремилась сохранить неприкосновенными основные феодальные права дворянства и духовенства.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ И ЗЛОУПОТРЕБИТЕЛЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Обстоятельства и причины составления А. Н. Муравьевым этой записки изложены в его письме Н. Н. Муравьеву из Тобольска 16 декабря 1833 г. (письмо 100). Экземпляр записки, приложенный А. Н. Муравьевым к этому письму и предназначенный для министра внутренних дел, обнаружить не удалось. Ю. Г. Герасимовой выявлен оригинал этого документа, переданный А. Н. Муравьевым жандармскому полковнику А. П. Маслову для пересылки гр. А. Х. Бенкен-

дорфу (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1833 г., д. 357, л. 3—10); по этому тексту, представляющему собой писарский список с автографа А. Н. Муравьева, и осуществляется настоящая публикация.

Конфликт А. Н. Муравьева с генерал-губернатором Западной Сибири завершился переводом их обоих в Европейскую Россию. В то время, когда составлялась эта записка, решение о переводе А. Н. Муравьева из Тобольска в Вятку, очевидно, было уже принято. Видимо, записка Муравьева наряду с донесениями полковника Маслова, содержавшими сходные обвинения (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1833 г., д. 357, л. 1—2 об., 11—13 об., 15—15 об., 55—55 об., 57—57 об. и др.), сыграла определенную роль и в последовавшей вскоре отставке И. А. Вельяминова с поста генерал-губернатора. Для большинства чиновников, упоминаемых в записке, обвинения Муравьева серьезных последствий не имели. В последующие годы многие из них упоминаются в «Адрес-календарях» в числе лиц, служащих в Западной Сибири.

[1] *Никита Николаевич Троцкий*, статский советник, председатель Тобольской казенной палаты; после перевода А. Н. Муравьева в Вятку вновь вступил в управление губернией (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1833 г., д. 357, л. 11 об.).

[2] *Петр Иванович Кириллов*, статский советник, в 1831 г. занимал в Тобольске пост председателя губернского правления.

[3] *Петр Дмитриевич Сомов*, коллежский советник, был саратовским вице-губернатором, переведен губернатором в Тобольск, где и умер ок. 1831 г.

[4] *Николай Федорович Кованько* (р. 1797), из дворян Полтавской губернии, зачислен в штат Главного управления Западной Сибири в 1824 г., чиновник для особых поручений с 1827 г., надворный советник с 1829 г. Роль Кованько при Вельяминове отмечена А. Н. Муравьевым и в донесении министру внутренних дел Д. Н. Блудову, и в письмах брату Николаю (письмо 99, а также: Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 265—270). Назначен состоять для особых поручений при Министерстве внутренних дел 18 сентября 1833 г., но выехал из Тобольска только в декабре. Несмотря на убийственную характеристику А. Н. Муравьева, карьера Н. Ф. Кованько развивалась в дальнейшем сравнительно благополучно. В 1836 г. он был назначен состоять по министерству, т. е. уже не занимал никаких должностей, в 1837 г. произведен в коллежские советники, а в 1838 г. при отставке — в статские советники. В 1844 г. ему принадлежало в Полтавской губернии 211 душ крестьян мужского и 209 — женского пола, хотя унаследовал он от родителей по разделу с братьями всего 28 душ (М о д з а л е в с к и й В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912, т. 3, с. 365).

[5] *Иван Александрович Вельяминов* (1771—1837), бывший начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса (в марте 1827 г. был уволен в отставку вместе с А. П. Ермоловым). С 1828 г. командир Отдельного Сибирского корпуса, генерал-губернатор Западной Сибири, генерал от инфантерии. По отзыву декабриста Н. И. Лорера, «Вельяминов был добрый старик, занимался много литературой, читал много, был в переписке с Гумбольдтом, но дурно управлял огромным краем, ему вверенным» (Н. И. Л о р е р. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 169). А. Н. Муравьев в письме брату Николаю 21 июля 1833 г., характеризуя ситуацию в Западной Сибири, писал: «Можно ли было ожидать сего от Ивана Александро-

вича Вельяминова? Он, который имел репутацию честнейшего, доброго и умного человека! Сие для тебя разрешится, когда ты узнаешь, что он совершенно управляем состоящим при нем <...> Кованькою, который взял над ним волшебное господство и, сам оставаясь в стороне, заставляет его покровительствовать злу, гнать добро, и все сие из личных видов самых низких, самых противузаконных» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 265). Такую же характеристику правления Вельяминова дает в своем донесении А. П. Маслов: «Здесь решительно принято правилом защищать и поощрять лихоимство и другие незаконные дела,— не только прекращать, и напоминать об оных невозможно, но и страшно» (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1833 г., д. 357, л. 11 об.).

[6] Василий Афанасьевич Нагибин исполнял должность Тобольского гражданского губернатора в 1829—1830 гг.

[7] О том же А. Н. Муравьев писал брату Николаю 16 ноября 1833 г.: «Кованько, невзирая на высочайшее повеление о переводе его, по-прежнему находится при генерал-губернаторе Вельяминове, носит прежний свой мундир публично, открыто; с ним повсюду ездит, никого по-прежнему к нему не допускает, по-прежнему ворочает делами и управляет им; чрез него определяет и переводит чиновников и проч[ее], и проч[ее], и когда это кончится — бог знает!» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 268). В начале декабря «с когтями соловей», по выражению А. Маслова, «улетел», но в окружении Вельяминова продолжали действовать люди «совершенно неблагонамеренные» (*ЦГАОР*, ф. 109, 1833 г., д. 357, л. 11 об.).

[8] Волость — мелкая административно-территориальная единица, часть уезда. Волостные правления были учреждены в конце XVIII в.

[9] Исправник — глава полицейской власти в уезде. Уже после отъезда А. Н. Муравьева из Тобольска А. Маслов 26 января 1834 г. доносил Л. В. Дубельту: «Исправники все на откупу, г[осподин] Муравьев держал их несколько в границах, но после его начнут мужичков облупливать как липок. Я успел объехать несколько уездов и лично удостоверился, как безбожно исправниками разоряются поселяне, которых считают своими крепостными или, лучше сказать, невольниками» (*ЦГАОР*, ф. 109, 1833 г., д. 357, л. 11 об.— 12).

[10] Земские суды были учреждены в уездах по губернской реформе 1775 г. Председателем земского суда являлся исправник, в его состав входили также старший непременный заседатель, избиравшийся из дворян, и два заседателя от государственных крестьян. Земскому суду подчинялись становые приставы и волостные правления. Жалобу на лишение возможности назначать чинов земской и городской полиции мы встречаем и в письме А. Н. Муравьева брату Николаю 16 ноября 1833 г. (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 268).

[11] О том, что исправники поднимают цены на хлеб, приобретаемый у крестьян, и сами «имеют собственные свои хлебные запасы, которые под чужим именем продают в казну», А. Н. Муравьев с возмущением писал и в письме брату Николаю 21 октября 1833 г. (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 267).

[12] *Федор Иванович Жулебин*, коллежский асессор.

[13] *Петр Федорович Попов*, надворный советник.

[14] *Александр Гаврилович Алексеев*. По-видимому, мнение об

Алексееве, изложенное А. Н. Муравьевым в его записке, сложилось не сразу. Во всяком случае, еще 2 сентября 1833 г. Муравьев писал о нем кн. В. М. Шаховскому: «В Тобольске находится полицеймейстером надворный советник Алексеев, уроженец московский и даже знакомый дому Вашему, ибо покойная маменька была благодетельницею семейству сему. Сей Алексеев желал бы оставить службу в Тобольске и получить место частного пристава в Москве. Так как тебе родственник московский обер-полицеймейстер Муханов, то попроси его принять Алексеева в Москву частным приставом. Я ручаюсь за отменные способности Алексеева по полицейской части. Он все может разведать, найти, открыть, расторопен, деятелен, словом сказать, обладает всеми способностями отличного полицейского чиновника, т. е. частного пристава» (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 25 об.— 26). Ту же должность в Тобольске Алексеев занимал в 1834 г.

[15] *Григорий Федорович Кузнецов*, поручик.

[16] *Вячеслав Федорович Сахаров*, губернский секретарь; в чине коллежского секретаря, в должности тюменского городничего еще в 1835 г.

[17] Городничим в Кургане был подполковник Федор Иванович Бурдзенкевич.

[18] *Петр Алексеевич Нестеров*, коллежский асессор, губернский стряпчий по уголовным делам, затем тюменский окружной начальник; занимал ту же должность в 1835 г.

[19] *Павел Михайлович Вязмин (Вязьмин)*, коллежский асессор; в той же должности в 1835 г.

[20] *Антон Семенович Барташевич*, коллежский асессор.

[21] *Петр Дмитриевич Жилин*, надворный советник. Как и А. Н. Муравьев, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг.; награжден орденами Анны 2-й степени и Владимира 4-й степени с бантом, т. е. за военные заслуги, прусским орденом «За заслуги», имел медаль в память 1812 г. (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833 г., ч. 2, с. 262).

[22] *Григорий Степанович Серебренников*, статский советник; в той же должности в 1835 г.

[23] *Григорий Ильич Ильин*, надворный советник, в той же должности в 1835 г.

[24] Казенная палата — губернское учреждение, заведовавшее государственными имуществами и строительными работами.

[25] *Николай Яковлевич Каргапольцов*, надворный советник; по-видимому, его брат, статский советник Алексей Яковлевич, служил при И. А. Вельяминове в Главном управлении Западной Сибири.

[26] *Гаврила Петрович Захаров*, состоял в чине 8-го класса, губернский контролер.

[27] *Семен Иванович Кукуранов*, статский советник; продолжал занимать должность председателя губернского суда в 1835 г.

[28] А. Н. Муравьев с горечью писал 16 ноября 1833 г. брату Николаю о сопротивлении И. А. Вельяминова всем попыткам навести в губернии порядок: «Я не смею жаловаться ни государю, ни министру внутренних дел потому единственно, чтобы не причли меня к числу беспокойных людей и не умеющих уживаться с начальством, и потому должен хладнокровно смотреть на то, как грабят исправники бедных поселян, безгласных и застращенных! Это, любезный брат, положение ужасное! Закон, честь, совесть, присяга, все здесь

попирается и нарушается, и я, видя сие,— должен молчать!» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 268). Записка Муравьева была отчаянной попыткой найти выход из невыносимого для него положения бессильного наблюдателя окружающих его мерзостей и безобразий; но в условиях тогдашней России она не могла привести к сколько-нибудь существенным результатам.

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Речь А. Н. Муравьева, зачитанная на открытии Комитета 19 февраля 1858 г., была тогда же в несколько сокращенном виде опубликована в местной печати (Нижегородские губернские ведомости, 1858, № 10). Страстное осуждение А. Н. Муравьевым крепостного права сразу же привлекло к его речи внимание прогрессивной общественности. Речь стала распространяться в списках, один из которых уже 5 марта 1858 г. был получен декабристом кн. С. П. Трубецким (Трубецкой С. П. Записки, с. 106—108). Полный текст речи воспроизведен в журнале заседаний Комитета, хранящемся в Государственном архиве Горьковской области, ф. 665, оп. 213, д. 1, л. 1—3. Журнальный текст принят за основу настоящей публикации. При этом отмечены разночтения между ним и текстом речи, воспроизведенным в издании записок Трубецкого. Видимо, к Трубецкому попал текст, уже исправленный цензурой: об этом свидетельствует тот факт, что в его варианте речи говорится уже не о 25 миллионах крепостных крестьян, ожидающих освобождения, а о 350 000, т. е. о крестьянах только Нижегородской губернии, а не всей России.

Губернские дворянские комитеты были созданы по распоряжению правительства с целью разработки условий освобождения крестьян. Комитет составлялся из выборных представителей дворянства (по одному от каждого уезда) и двух дворян от губернии по назначению губернатора. Об открытии Нижегородского комитета сохранился отзыв Т. Г. Шевченко, который записал в дневнике: «Великое это начало <...> открыто речью военного губернатора А. Н. Муравьева, речью не пошлою, а одушевленною, христианскою свободною речью» (Шевченко Т. Г. Указ. соч., т. 5, с. 196).

[1] Иллюзии по отношению к личности Александра II, порожденные слухами о готовящемся освобождении крестьян, либеральными жестами нового императора (амнистия декабристам и др.), были характерны для русского общества (и даже эмигрантских кругов) в период подготовки крестьянской реформы. Они окончательно рассеялись после подавления польского восстания 1863—1864 гг. и перехода правительства к открыто реакционному курсу.

ЦИРКУЛЯР ЗЕМСКОЙ ПОЛИЦИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1861 ГОДА

Оригинал обнаружить не удалось. Текст циркуляра Муравьева был вскоре опубликован в заграничной русской печати (Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1862, т. 3, с. 179—187); воспроизводится по первой публикации.

ПИСЬМА

1. Н. Н. и М. Н. Муравьевым

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 29

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 58
Приписка к письму Н. Н. Муравьева-отца
21 февраля 1810 г.

[1] *Софья* и *Андрей* — С. Н. и А. Н. Муравьевы.

[2] Вероятно, имеется в виду Институт, или Корпус путей сообщения, официально открытый позже, 1 ноября 1810 г.

[3] Дядюшка — Н. М. Мордвинов, у которого Муравьевы остановились в Петербурге.

[4] Дедушкой А. Н. Муравьев называет кн. А. В. Урусова.

2. Н. Н. и М. Н. Муравьевым

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 31

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 58
Приписка к письму Н. Н. Муравьева-отца
24 февраля 1810 г.

3. Н. Н. и М. Н. Муравьевым

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 36 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 59
Приписка к письму Н. Н. Муравьева-отца
28 февраля 1810 г.

[1] *Дмитрий Михайлович Мордвинов* (1772—1848), дядя А. Н. Муравьева, действительный камергер, тайный советник, сенатор.

[2] *Петр Корнилович фон Сухтелен* (1751—1836), инженер-генерал, с 1801 г. генерал-квартирмейстер в свите его величества по квартирмейстерской части; в 1808 г., в связи с назначением Сухтелена советником при главнокомандующем во время войны со Швецией, его должность занял генерал-майор Михаил Степанович Вистицкий.

4. Н. Н. и М. Н. Муравьевым

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 32 об.—33

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 59
Приписка к письму Н. Н. Муравьева-отца
3 марта 1810 г.

[1] Согласно послужному списку, А. Н. Муравьев был зачислен на службу 1 марта 1810 г.

[2] *София Владимировна Мордвинова* — дочь генерал-майора В. М. Мордвинова, двоюродная сестра А. Н. Муравьева.

[3] «Святым семейством» братья Муравьевы в шутку называли семью адмирала Н. С. Мордвинова (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 283).

5. *Н. Н. и М. Н. Муравьевым*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 38—39 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 59—60

[1] Имеются в виду учебники «Курс математики» профессора Харьковского университета Тимофея Федоровича Осиповского (1766—1832), опубликованный в 1801—1802 гг., и «Курс алгебры» Леонгарда Эйлера (1707—1783), швейцарского математика, физика и астронома, члена ряда научных обществ, в том числе петербургской Академии наук. Учебник Эйлера рекомендовал сыновьям Н. Н. Муравьев-отец (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 283).

[2] Имеются в виду Н. М. Мордвинов и его жена Екатерина Сергеевна Мордвинова (1770—1816).

[3] Николай Петрович — очевидно, Н. П. Черкесов, побочный сын П. С. Мордвинова, брата адмирала, эстандарт-юнкер лейб-гвардии Драгунского полка, участник Отечественной войны 1812 г. (там же).

[4] Князь — вероятно, А. В. Урусов.

6. *Н. Н. и М. Н. Муравьевым*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 40—41

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 60—61

[1] *Волков* — вероятнее всего, Александр Александрович, двоюродный брат Н. Н. Муравьева-отца; в 1812 г. был московским полицмейстером (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 284).

[2] *Лиза* — вероятно, Елизавета Павловна Полторацкая, дочь П. М. Полторацкого и В. М. Полторацкой (урожд. Мордвиновой), тетки А. Н. Муравьева.

[3] *Саблуков* — очевидно, двоюродный дядя А. Н. Муравьева Н. А. Саблуков (о нем см. примеч. 45 к «Запискам»).

[4] Эдуард Л'Осте (Edward L'Oste) был учителем в доме Муравьевых в Москве и выехал в Петербург вместе с А. Н. Муравьевым и его отцом (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 284).

7. *Н. Н. и М. Н. Муравьевым*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 42—43

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 61

[1] Колонновожатым не разрешалось пользоваться экипажем в пределах города (Из эпистолярного наследства декабристов, т. I, с. 284).

[2] Семен Николаевич — Корсаков (см. примеч. 56 к «Запискам»).

8. *Н. Н. и М. Н. Муравьевым*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 44—45 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 62

[1] Корсаков — очевидно, Семен Николаевич (см. выше).

9. Н. Н. и М. Н. Муравьевым

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 46—47 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 62—63

[1] *Николай Назарьевич Муравьев* (1775—1845), шестиюродный брат А. Н. Муравьева. Получил образование в Горном корпусе, служил во флоте, в 1814—1815 гг. новгородский губернатор, с 1818 г. статс-секретарь, в 1826—1832 гг. управлял I отделением с. е. и. в. канцелярии. Автор ряда работ по археологии и нумизматике, поэт.

[2] *Иван Григорьевич Гогель* (1770—1834), генерал от артиллерии, директор Военно-ученого комитета и военный писатель. Вероятнее всего, Муравьеву была рекомендована переведенная Гогелем с немецкого книга Тильке «Нужнейшие познания инженеру и артиллеристу в поле, обработанные для понятия и пользы других офицеров, дальних сведений в математике не имеющих» (опубликована в 1803 г., в 3-х частях).

[3] Вероятно, речь идет о кн. *Екатерине Павловне Урусовой*, урожд. Татищевой (р. 1768); ее муж кн. *Александр Михайлович Урусов* (1760—1853), впоследствии обер-камергер и член Государственного совета, был родным племянником кн. А. В. Урусова.

10. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 1, л. 20

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 63

[1] В Михайловском замке, где находилось управление квартирмейстерской частью, колонновожатые слушали лекции и занимались черчением.

11. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 1—2

[1] Упоминаемое здесь письмо Муравьева А. М. Бакунину было написано из Москвы 9 декабря 1812 г. А. Н. Муравьев, «чувствуя себя одиноким, покинутым, больным и уставшим от тягот войны», в коротком вежливом послании напомнил о себе родственникам, просил их «удостоить» его ответом и справлялся о младшем брате Сергее, сведений о котором он давно не имел (*ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 236).

[2] Имеется в виду, очевидно, Владимир Дроздов — о нем см. примеч. 2 к «Запискам».

[3] *Крез* — последний царь Лидии (560—546 гг. до н. э.), первым стал чеканить золотую монету. Его богатство вошло в поговорку.

12. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 11—12 об.

[1] Имеется в виду Тверь. Дело в том, что тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором до 1812 г. был муж сестры императора Александра I вел. кнж. Екатерины Павловны принц *Георгий (Георг Петр) Ольденбургский* (1784—1812), представитель немецкого герцогского дома, лишенного владений Напо-

леоном. Захват Францией герцогства Ольденбургского вызвал недовольство Александра I и послужил одной из многих причин обострения франко-русских отношений, предшествовавшего войне 1812 г.

[2] Цербер — в древнегреческой мифологии трехглавый пес, страж царства мертвых — Тартара.

[3] Имеется в виду сочинение французского военного инженера Музе (Mouze) «Traité de fortification souterraine, suivi de quatre memoires sur les mines». Paris, an XII (1804).

[4] *Франсуа-Мари Аруэ*, более известный под псевдонимом Вольтер (1694—1778), писатель, философ и историк, один из наиболее видных деятелей французского Просвещения; выдвигал идеал просвещенной монархии. В России переводы произведений Вольтера стали появляться с середины XVIII в.; их издание было запрещено специальным указом Екатерины II в период Французской революции, а «вольтерьянство» для консервативных кругов было синонимом вольнодумства, безбожия.

Жан-Жак Руссо (1712—1778) также принадлежал к плеяде французских просветителей. Выдающийся философ и писатель, Руссо подверг критике современную цивилизацию, основанную на неравенстве и жестокой эксплуатации народа, осуждал деспотизм. В сочинении «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) Руссо выразил идею народного суверенитета. В отличие от большинства энциклопедистов Руссо отрицательно оценивал исторический прогресс, рисуя идеал патриархального общества, максимально приближенного к природе.

Константен Франсуа Вольней (Шасбёф) (1757—1820), французский писатель, автор ряда политических сочинений, жирондист, затем сторонник Наполеона, получил от него титул графа, в период реставрации — пэр Франции. Наиболее известен его труд «Руины, или Размышления о революциях империй» (1790), где с идеалистических позиций предпринята попытка объяснить причины роста и упадка государств.

Джон Локк (1632—1704), английский философ; его основной труд — «Опыт о человеческом разуме» (1690), где обоснован материалистический принцип происхождения знаний из опыта ощущений. Автор ряда педагогических и политических сочинений, идеолог буржуазного либерализма.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), немецкий философ и математик, создатель философской теории монад, как элементарных духовных элементов мира; его основные труды: «Новые опыты о человеческом разуме» (1704), «Монадология» (1714).

Фридрих II Великий (1712—1786), король Пруссии (1740—1786) из династии Гогенцоллернов, представитель просвещенного абсолютизма. Оставил много сочинений на французском языке, в том числе «Рассуждение о государственной пользе наук и искусств» (критика Руссо), «Опыт о формах правления и об обязанностях государей», «Политическое завещание».

Исаак Ньютон (1643—1727), английский физик и математик, создатель классической механики и корпускулярной теории света, открыл закон всемирного тяготения. Фундаментальный труд Ньютона —«Математические начала натуральной философии».

Вольф — очевидно, *Христиан* (1679—1754), немецкий философ-рационалист, автор многочисленных учебников по разным отрас-

лям науки. Сторонник просвещенного абсолютизма, популяризатор идей Лейбница.

[5] А. Н. Муравьев имеет в виду шутливое, нарочито-нелепое стихотворение (видимо, его собственного сочинения), первая часть которого приложена к этому письму, а окончание включено в письмо В. А. Бакуниной от 24 февраля 1813 г. (см. ниже, письмо 13).

[6] *Жак-Пьер-Жозеф Род (Роде)* (1774—1839), французский скрипач, композитор, с 1804 г. придворный солист в Петербурге; выступал с концертами в Москве; автор нескольких скрипичных концертов, дуэтов, каватин и рондо на русские темы.

[7] *Антоний Фильц (Филс, Филц, Фильс)* (1733—1760), немецкий композитор и виолончелист; особенно большой популярностью пользовались его симфонии, издававшиеся в Париже, Лондоне, Амстердаме.

[8] Имеется в виду книга Л. Эйлера «Письма о разных физических и физиологических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе». Ее русский перевод опубликован в Петербурге в 1768—1774 гг.

[9] *Любовь Петровна Бакунина*, урожд. кнж. Мышецкая (ок. 1739—1814).

[10] Мадемуазель Мария — возможно, двоюродная сестра А. М. Бакунина *Мария Петровна Бакунина*, умершая девицей в 1826 г.

[11] *Любовь Александровна Бакунина* (1811—1838), старшая дочь А. М. и В. А. Бакуниных.

[12] Возможно, А. Н. Муравьев в шутку называет так своего брата Сергея, жившего в то время у Бакуниных (см. о нем примеч. 2 к письму 24).

13. В. А. Бакуниной

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 8—9 об.

[1] Эрато — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии; ее атрибутом была кифара — струнный музыкальный инструмент.

[2] Имеется в виду Е. С. Мордвинова (см. примеч. 2 к письму 5).

[3] Имение Баковкино (Баховкино) в Новоторжском уезде Тверской губернии принадлежало тетке А. Н. Муравьева, матери В. А. Бакуниной В. М. Полторацкой (о ней см. примеч. 26 к «Запискам»).

14. В. А. Бакуниной

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 10—10 об.

15. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 13—16

[1] 20 февраля 1813 г. в письме к В. А. Бакуниной Муравьев упомянул, что «только что поймал одну собачонку из породы мопсов, которая совершенно похожа на тетку мою Катерину Сергеевну», т. е. Е. С. Мордвинову (*ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 7; франц.).

[2] Морфей — в древнегреческой мифологии бог сна.

[3] Древнегреческий философ Пиррон из Элиды (ок. 365 — ок. 275 гг. до н. э.) считается основателем скептической школы; один из принципов Пиррона и его последователей — опровергать догматы,

воздерживаясь от собственных суждений, подвергая все сомнению.

[4] Имеются в виду братья А. Н. Муравьева.

[5] Лидия — в древности государство на западе Малой Азии, было завоевано Александром Македонским. Это место письма неясно.

16. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 20—20 об.

[1] *Ариовист* — предводитель германского племени свевов, с частью которого он около 71 г. до н. э. перешел Рейн и пытался обосноваться в Галлии. Был разбит Цезарем около Весонтиона в 58 г. до н. э., бежал за Рейн и вскоре умер.

[2] См. письмо 15.

17. *В. А. Бакуниной*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 21—21 об.

18. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 234, л. 1—2

[1] Имеется в виду В. М. Полторацкая.

[2] Речь идет о Н. М. и Е. С. Мордвиновых.

[3] *Варвара Ивановна Бакунина*, урожд. Голенищева-Кутузова (1773—1840), жена брата А. М. Бакунина — Михаила, троюродная сестра фельдмаршала М. И. Кутузова.

[4] Фельдмаршал — *М. И. Кутузов.* Его жена — кн. *Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская*, урожд. Бибикова (1754—1824).

[5] *Лиза* — вероятно, Е. П. Полторацкая (см. примеч. 2 к письму 6).

[6] *Оленина* — вероятно, *Елизавета Марковна*, урожд. Полторацкая (1768—1838), жена директора императорской публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина (1763—1843).

19. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 27—27 об., 28 об.

[1] А. Н. Муравьев, по-видимому, передает здесь слухи, ходившие среди сторонников России и русских должностных лиц; они не соответствовали действительности.

[2] Это письмо было отправлено 9 апреля 1813 г. со станции Роп, в 64 верстах от Риги (*ИРЛИ, ф. 16*, оп. 9, № 233, л. 25—26 об.).

20. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 29—29 об., 30 об.

[1] Имеется в виду Пасха.

[2] Герцогство Варшавское, созданное Наполеоном в 1807 г. на части польских земель, при вторжении в Россию в 1812 г. являлось базой французской армии. По решению Венского конгресса в 1815 г. большая часть герцогства была передана Александру I, провозглашенному конституционным королем польским; автономия Королевства Польского была упразднена после подавления царизмом польского восстания 1830—1831 гг.

[3] Эту должность занимал кн. П. М. Волконский (см. примеч. 18 к «Запискам»).

[4] В послужном списке А. Н. Муравьева (*ВД*, т. 3, с. 5) отмечено участие в предшествовавших Бородинскому сражению боях при д. Гриднево 23 августа и под Колоцким монастырем 24 августа 1812 г., в Бородинском сражении 26 августа и «во всех арьергардных делах после взятия Москвы до Тарутинского лагеря», в сражениях при Тарутине 6 октября, при Малоярославце 11 октября, потом «во всех авангардных сражениях в преследовании неприятеля», при взятии Вязьмы 22 октября, под Дорогобужем 26 октября и под Красным 3—6 ноября 1812 г. Этот перечень был значительно пополнен в 1813—1814 гг. во время заграничных походов, начиная со сражения при Бауцене 9 мая 1813 г. и завершаясь генеральным сражением при Арси-сюр-Обе 8 и 9 марта 1814 г., после которого А. Н. Муравьев был послан с партией для поиска неприятеля.

21. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 31—31 об., 32 об.

[1] Успешные действия русской армии вызвали патриотический подъем среди населения Пруссии. Решившись на разрыв с Наполеоном, ее правительство 16 (28) февраля 1813 г. подписало с Россией Калишский союзный договор, положивший начало новой антифранцузской коалиции европейских государств. Население Пруссии приветствовало русскую армию и Александра I как своих освободителей от наполеоновской тирании. С победой в войне с Наполеоном народные массы и передовые общественные деятели связывали надежды на национальное возрождение, преодоление наиболее реакционных черт общественного строя страны, прогрессивные реформы.

22. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 33—34

[1] *Варинька — Варвара Александровна Бакунина* (р. 1812), дочь А. М. и В. А. Бакуниных; впоследствии была замужем за Николаем Николаевичем Дьяковым.

[2] «Дельфина»— роман в письмах Анны Луизы Жермены де Сталь, опубликованный в 1803 г. (уже в 1804 г. появился его русский перевод). Героиня романа Дельфина, выражая идеалы самой де Сталь, во имя любви бунтовала против установленных норм, боролась за свое счастье. Леоне — возлюбленный Дельфины, мадам де Вермон — ее мать.

[3] Согласно послужному списку, золотую шпагу за храбрость А. Н. Муравьев получил за участие во взятии Вязьмы; чин поручика был наградой за сражение при Красном, но производство А. Н. Муравьева состоялось только 16 марта 1813 г. (*ВД*, т. 3, с. 4—5).

23. В. А. и А. М. Бакуниным

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 35—37

[1] Муравьев использует здесь название известной комедии Мольера.

[2] 23 мая (4 июня) 1813 г. между Россией, Пруссией и Фран-

цией было подписано Плесвицкое перемирие. Оно должно было продолжаться до 8 (20) июля, но было продлено до 29 июля (10 августа) 1813 г. В этот период Австрия, взяв на себя роль посредника, вела с Наполеоном переговоры об условиях заключения мира; не добившись от французского императора отказа от большей части завоеванных территорий, Австрия 29 июля (10 августа) заявила о разрыве отношений с Наполеоном. 28 августа (9 сентября) между Россией, Австрией и Пруссией были заключены Теплицкие союзные договоры; 21 сентября (3 октября) к ним присоединилась и Англия. Силезская армия начала военные действия против французов 3 (15) августа; 10 (22) августа перешла в наступление на Дрезден Богемская армия.

[3] Матушка — В. М. Полторацкая.

24. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 38—40 об.

[1] Роман «Эмиль, или О воспитании» (1762), одно из наиболее известных педагогических сочинений Ж.-Ж. Руссо.

[2] Очевидно, имеется в виду младший брат декабриста С. Н. Муравьев (1809—1874).

25. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 43—45 об.

[1] Имеется в виду д. Сырец Лужского уезда Петербургской губернии, принадлежавшая отцу А. Н. Муравьева.

[2] «Выписки из перехваченных французских писем (Из лагеря при Дрездене)» были опубликованы в газете «Северная почта» (1813, № 79).

26. *В. А. и А. М. Бакуниным*

ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 233, л. 22—23 об.

[1] Наполеон отрекся от престола в Фонтенбло за себя и своих наследников 6 апреля 1814 г. За ним был сохранен императорский титул. 20 апреля, простившись со старой гвардией, Наполеон в сопровождении комиссаров трех держав отправился на южный берег Франции, откуда английский фрегат доставил его 3 мая на остров Эльбу, переданный ему во владение. На Эльбе Наполеон находился до 26 февраля 1815 г.

[2] Людовик XVIII был родным братом казненного в 1792 г. короля Людовика XVI. Династия Бурбонов (младшая ветвь Капетингов) царствовала во Франции в 1589—1848 гг. Реставрация Бурбонов в 1814 г., по отзыву современников, показала, что они «ничего не забыли и ничему не научились». В условиях всеобщего недовольства страны политикой королевского правительства стало возможным триумфальное возвращение Наполеона (знаменитые «сто дней» — 20 марта — 22 июня 1815 г.). В результате революции 1830 г. на французский престол вступила младшая — Орлеанская — ветвь Бурбонов в лице Луи Филиппа, свергнутого революцией 1848 г.

[3] Надежды Муравьева на достижение всеобщего мира не оправ-

дались. Крупнейшие противоречия между членами антинаполеоновской коалиции, противодействие европейских народов реакционной политике правительств уже в ближайшем будущем способствовали новым бурным событиям: возвращению на трон Наполеона и возобновлению военных действий, завершившихся разгромом французской армии при Ватерлоо 18 июня 1815 г; вскоре последовали революции в Неаполе (1820—1821), Пьемонте (1821), в Испании (1820—1823).

[4] Есть и другие свидетельства современников, что французы, недовольные возвращением Бурбонов, высказывали определенные симпатии к русскому царю. Александр I в это время стремился всячески подчеркнуть свое уважение к французам, особенно к вернувшимся в Париж эмигрантам, многие из которых были членами его свиты. Что же касается восторженных отзывов французов и поклонения Александру I, то здесь Муравьев не сильно преувеличивает. Подвиг русских, сокрушивших Наполеона, воспринимался в 1814 г. именно так, а заслуги в победе приписывали чаще русскому императору (Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 289—337; Муравьев Н. Н. Записки.— Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 106).

[5] А. Н. Муравьев намекает на очень популярное в России во второй половине XVIII в. сочинение английского писателя Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

[6] По всей вероятности, А. Н. Муравьев имеет в виду свое намерение принять участие в русско-турецкой войне 1806-1812 гг.

[7] Имеются в виду младшие братья А. Н. Муравьева Андрей и Сергей и сестра Софья, находившиеся в то время у Бакуниных.

[8] Войска маршала Даву укрылись в Гамбурге после битвы под Лейпцигом 4—7 (16—19) октября 1813 г., когда поражение Наполеона привело к отпадению от него германских государств. Осажденный русскими и немецкими войсками гарнизон Гамбурга капитулировал только после подписания Парижского мира, 19 (31) мая 1814 г.

[9] Н. Н. Муравьев, служивший в гвардейском корпусе, находился в Париже с момента вступления в город русских войск 19 марта 1814 г.; он пробыл там два месяца (Муравьев Н. Н. Записки.— Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 102—117).

[10] *Александр Павлович Полторацкий*, брат В. А. Бакуниной по матери; затем действительный статский советник (ум. 1863).

[11] Генерал-майор *Константин Маркович Полторацкий* (1782—1858), брат отчима В. А. Бакуниной, был взят в плен французами в сражении при Шампобере и отправлен в Париж; был освобожден после взятия французской столицы русскими войсками и выехал на родину; оставил воспоминания об этом эпизоде (Полторацкий К. М. Воспоминания о встрече с Наполеоном в 1814 году.— В кн.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1836, ч. 1, с. 170—175).

27. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 4, л. 9—10 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 77—78

[1] А. Н. Муравьев в это время тяжело болел. «Он,— писал И. Г. Бурцов Н. Н. Муравьеву 20 июля 1816 г.,— кажется отчаявшимся выздороветь и говорит, что его как нравственные, так и

физические силы совершенно ослабели» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 79).

[2] См. «Записки» (наст. изд., с. 86).

[3] *Миша* — М. Н. Муравьев.

[4] *Назар* — по-видимому, Булатов, управлявший в Москве делами Н. Н. Муравьева-отца.

[5] *Муханов* — очевидно, *Павел Александрович* (1797—1871), окончивший муравьевское училище для колонновожатых в 1815 г., а в августе 1816 г. произведенный в прапорщики, или его брат *Петр Александрович* (1799—1854), окончивший то же училище в 1816 г., будущий декабрист.

[6] Эти хлопоты были связаны с изменением в форме офицеров Генерального штаба. По высочайшему повелению от 4 июля 1816 г. золотое шитье и позолоченные пуговицы на мундире были заменены серебряными; решение это было принято лично Александром I, которому 3 июля были представлены два офицера в мундирах, отделанных золотом и серебром (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 75—76 — письма И. Г. Бурцова Н. Н. Муравьеву из Петербурга 3 и 11 июля 1816 г.).

28. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 4, л. 25—26 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 80

[1] Видимо, имеется в виду инженер-полковник Эльснер, в 1816—1820 гг. преподаватель военных наук в Царскосельском лицее.

[2] В таком макароническом стиле А. Н. Муравьев выражает сожаление в связи с отъездом большинства членов Священной артели. Сам он уехал лечиться, его брат Николай отбыл с посольством А. П. Ермолова в Персию, его брат Михаил отправился в отпуск к отцу в Москву. О Священной артели и участии в ней А. Н. Муравьева см. предисловие.

[3] План имения Суханово был снят Н. Н. Муравьевым-отцом вместе с воспитанниками его училища для колонновожатых. Качество этого плана и ответы колонновожатых на экзамене, где должен был присутствовать кн. П. М. Волконский (о нем см. примеч. 18 к «Запискам»), должны были решить судьбу созданного Н. Н. Муравьевым учебного заведения. Из записок Н. Н. Муравьева-сына видно, что кн. Волконский остался очень доволен, а Н. Н. Муравьев-отец был зачислен на службу в свиту; по словам сына, радость Н. Н. Муравьева была огромна «вследствие того, что он видит пользу отечества в своем училище» (Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 451).

[4] А. Н. Муравьев утешает брата, покидавшего Петербург после неудачного сватовства к дочери адмирала Н. С. Мордвинова *Наталье Николаевне* (1794—1882). Н. Н. Муравьев был влюблен в нее с детских лет, первый раз сделал предложение в 1815 г. и получил обнадеживающий ответ, но во второй раз,— весной 1816 г.,— адмирал не только отказал, но и попросил его удалиться из Петербурга (М у р а в ь е в Н. Н. Записки.— Рус. архив, 1885, кн. 3, с. 22; 1886, кн. 1, с. 134—135, 142).

[5] Еловый сад в имении Н. Н. Муравьева-отца Осташево упоминается и в воспоминаниях Н. Н. Муравьева-сына в качестве места, дорогого для него «по достопамятным происшествиям <...> молодости» (Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 449).

29. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 4, л. 45—46

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 87

[1] Эту работу А. Н. Муравьева обнаружить не удалось.
[2] Имеется в виду кн. П. М. Волконский (см. выше).

30. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 4, л. 49—49 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 91

[1] Шестеро членов Священной артели — А. Н., Н. Н. и М. Н. Муравьевы, И. Г. Бурцов, Петр и Павел Ивановичи Колошины.

[2] Речь идет о сделанном А. Н. Муравьевым и упоминаемом в предыдущем письме описании города Козлова.

31. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 4, л. 51—52 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 91—92

[1] Имеется в виду Панглос, персонаж повести Вольтера «Кандид», которому и принадлежит приведенная в письме цитата.

[2] Атлас — в древнегреческой мифологии титан, обреченный богами поддерживать небесный свод.

[3] А. Н. Муравьев цитирует известное евангельское изречение; согласно Евангелию от Луки (глава 20, ст. 20—25) Христос в ответ на вопрос фарисеев, следует ли платить налог цезарю, указал на динарии изображение римского императора и призвал отдавать кесарево кесарю, а божие — богу; Муравьев употребляет это изречение в переносном смысле, имея в виду, что его отец награжден был по заслугам, по достоинству.

[4] О генерале Н. Н. Раевском см. примеч. 121 к «Запискам». Со старшим сыном генерала *Александром Николаевичем Раевским* (1795—1868) А. Н. Муравьев подружился со времени заграничных походов.

32. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 5, л. 3—4

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 100

[1] «Переименование» Санкт-Петербурга в Петроград в переписке А. Н. Муравьева и его патриотически настроенных единомышленников и друзей — Павла Ивановича Колошина, И. Г. Бурцова и др. (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 108, 115 и далее) было своеобразной реакцией на все усиливавшееся при дворе и в армии влияние иностранцев.

[2] О необыкновенном уважении к А. П. Ермолову передовой офицерской молодежи писали Н. Н. Муравьеву и другие члены Священной артели, подчеркивая, что «приказы Алексея Петровича многие читают с восхищением и по малому числу экземпляров даже переписывают» (Письмо М. Н. Муравьева от 3 апреля 1817 г.— Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 109).

33. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 5, л. 28—29

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 107

[1] Н. Н. Муравьев в своих «Записках» со слов самого Ермолова раскрывает причины этих слухов: «Будучи еще в Тифлисе, он [Ермолов] неоднократно получал известие, что турки сильно вооружаются. Сие понудило Алексея Петровича писать к государю, что должно бы остерегаться нападения от турок во время его поездки. Государь оставил все на волю его и прислал ему бланкеты, дабы он мог послать кого ему угодно будет в Персию. Но как дела с Турцией стали поправляться, то Алексей Петрович <...> пустился сам в посольство» (Рус. архив, 1886, кн. 1, с. 521—522).

[2] Имеется в виду Дон Кихот, герой одноименного романа М. Сервантеса. В одном из разговоров с Санчо Пансой он упоминает о волшебном бальзаме Фьерабраса (т. е. «хвастуна»), способном вернуть к жизни даже рыцаря, разрубленного пополам.

[3] Эскулап (Асклепий)— римский и древнегреческий бог врачевания.

34. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 5, л. 42—43 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 109—110

[1] *Демосфен* (ок. 384—322 гг. до н. э.), *Марк Туллий Цицерон* (103—43 гг. до н. э.)— политические деятели Афин и Рима; прославились ораторским искусством.

35. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 5, л. 93—93 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 115

[1] О том же писал Н. Н. Муравьеву 10 августа 1817 г. И. Г. Бурцов: «Александр идет в Москву начальником штаба при отряде гвардейских войск, идущих туда на зиму. Отряд состоит из всех первых баталионов и первых дивизионов от всей гвардии, исключая тех полков, коих части находятся в Варшаве» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 115). Этот поход был предпринят в связи с переездом на год в Москву императорского двора для участия в праздновании пятилетней годовщины Отечественной войны 1812 г.

[2] *Леонтий Яковлевич Севардземидзе*, кн., в 1816 г. подполковник, командир Тифлисского пехотного полка.

36. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 6, л. 39 об.— 40 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 123—124

[1] Н. Н. Муравьев в своих «Записках» сообщает, что в письме Ермолову А. Н. Муравьев, «выхваляя его высокие качества, напоминая ему о Кульмском сражении, <...> дает генералу чувствовать, сколь ему приятно было бы служить под началом его». Но Ермолов

в ответ лишь предложил А. Н. Муравьеву прибыть в Грузию в качестве путешественника (Рус. архив, 1886, кн. 3, с. 298—299). Больше к этому вопросу А. Н. Муравьев не возвращался.

37. Н. Н. Шереметевой

ГБЛ, ф. 336/II, 18. 10, л. 1

[1] *Надежда Николаевна Шереметева*, урожд. Тютчева (1775—1850), вдова гвардии капитан-поручика Василия Петровича Шереметева, помещица Рузского уезда Московской губернии. Женщина умная, волевая, она пользовалась большим уважением среди декабристов.

[2] Речь идет о сватовстве А. Н. Муравьева к княж. П. М. Шаховской, в котором Н. Н. Шереметева, видимо, принимала живое участие.

[3] Княгиня — видимо, Е. С. Шаховская (примеч. 2 к письму 38).

[4] Брат — М. Н. Муравьев, жених дочери Н. Н. Шереметевой *Палагеи Васильевны* (1802—1871); сестры — С. Н. Муравьева, которая воспитывалась в семье Шереметевых (письмо 40), а также будущая невестка А. Н. Муравьева *П. В. Шереметева* и, возможно, ее сестра *Анастасия Васильевна* (1806—1842), в 1822 г. вышедшая замуж за декабриста И. Д. Якушкина.

К письму имеется приписка Петра Ивановича Колошина, где он благодарит Н. Н. Шереметеву за участие в его деле (речь шла о неудачном сватовстве П. И. Колошина к одной из сестер княж. П. М. Шаховской — Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 146, 151).

38. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 8, л. 121—122 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 142

[1] Речь идет о неудачном сватовстве Н. Н. Муравьева к Н. Н. Мордвиновой. А. Н. Муравьев не раз в своих письмах возвращался к этому вопросу, пытаясь помочь брату (см. наст. издание, письма 43, 46, 48—50, 53, 57).

[2] *Елизавета Сергеевна Шаховская*, урожд. гр. Головина (ум. 1831), кн., вдова бригадира; принадлежавшее ей имение Белая Колпь находилось в Волоколамском уезде Московской губернии.

[3] К письму имеется дружеская приписка Петра Ивановича Колошина.

39. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 8, л. 131—131 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 144

[1] Алексей Петрович — Ермолов. Его адъютант *Николай Павлович Воейков* (1800—1871), бывший колонновожатый, впоследствии привлекался по делу декабристов.

[2] *Софья* — С. Н. Муравьева, сестра А. Н. и Н. Н. Муравьевых.

40. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 9, л. 110—111 об., 113—114
Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 149—150

[1] А. Н. Муравьев шутливо сравнивает брата с героем гомеровской «Илиады». Эта поэма, как известно, начинается словами: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

[2] *Дмитрий Александрович Боборыкин*, приятель Н. Н. Муравьева, офицер; умер в Имеретии от горячки 3 сентября 1820 г. (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 307).

[3] *Дасье Андре* (1651—1722), французский ученый, переводчик античных авторов. Восьмитомный перевод Плутарха, над которым Дасье работал 26 лет, впервые целиком опубликован в 1721 г., впоследствии переиздавался.

[4] *Джон Фильд* (1782—1837) — ирландский пианист и композитор, автор произведений для фортепиано.

41. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 9, л. 78—78 об.
Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 153

42. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 9, л. 101—101 об., 106 об.
Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 155

[1] Н. Н. Муравьев по поручению А. П. Ермолова отправился в Хиву. Эта экспедиция преследовала дипломатические, экономические и военные цели. Он выехал из Тифлиса 18 июня 1819 г. и прибыл из экспедиции только 24 февраля 1820 г.

43. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 9, л. 169—171 об.
Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 156—158

[1] Речь идет о марках табака.

[2] Митрофанушка — персонаж пьесы Д. И. Фонвизина «Недоросль».

[3] По тону и содержанию это письмо Муравьева заметно отличается от предыдущих. Рассуждения на религиозные темы, с этого времени все чаще появляющиеся в письмах А. Н. Муравьева, отражают изменения в его мировоззрении.

[4] Имеется в виду Н. Н. Мордвинова.

44. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 10, л. 30—30 об., 37
Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 160

[1] Первенец Муравьевых Михаил прожил лишь два с половиной года (ум. в феврале 1822 г.). Рождение сына заставило А. Н. Муравьева, пожалуй впервые, всерьез задуматься о проблемах воспита-

ния; итогом этих размышлений стало написанное 15 июня 1821 г. (в день, когда Михаилу исполнилось два года) письмо, которое Муравьев надеялся со временем вручить ему (*ГПБ*, ф. 124, № 2925). По содержанию это письмо, довольно типичное для сочинений А. Н. Муравьева этого времени, во многом сходно с публикуемым нами письмом Н. Н. Муравьеву 5 июня 1819 г. (наст. изд., письмо 43). А. Н. Муравьев в наставлении сыну пишет о бренности земного, необходимости постижения «вечной премудрости», о том, что земные радости и печали «суть средства, а не цель бытия нашего: цель же — по ту сторону гроба!» (там же, с. 5), и т. п. Таким образом, на первый план Муравьев ставит религиозное воспитание. Такой же точки зрения он придерживался и впоследствии, о чем свидетельствует его сочинение «Об обязанностях родителей в воспитании детей, и особенно об исполнении священного долга, который должно присоединять к родительской любви», написанное, вероятно, в первой половине 1856 г. (*ГБЛ*, ф. 336/II, 19.6, л. 47) и преподнесенное одной из родственниц (вероятно, сестре его жены княж. Е. М. Шаховской) 13 марта 1859 г. (*ГБЛ*, ф. 336/II, 69.2).

Завершая письмо сыну, Муравьев писал: «При сем найдешь ты и краткое описание жизни родителей твоих, со времени знакомства их по самый день рождения твоего; и, наконец, полные и подробные обстоятельства рождения твоего, младенчества и, может быть, юношества твоего, если богу угодно будет удалить все, могущее прервать сии труды наши» (там же, с. 6—7). К сожалению, этот документ не обнаружен (к письму приложен только листок с благодарственной молитвой Муравьева богу за освобождение от прежних заблуждений, счастье в браке, рождение сына). Можно предположить, что намерение Муравьева изложить для сына историю своей женитьбы так и осталось неосуществленным. Но не исключено и другое: поскольку в таком сочинении могли содержаться какие-то указания на прежние «заблуждения» Муравьева, его участие в тайных обществах, оно могло быть уничтожено сразу же после восстания 14 декабря, еще до ареста Муравьева.

[2] Княжны — *Мария* (1790—1849), в замужестве Голынская, *Екатерина* (1791—1848), *Варвара* (1792—1836), *Елизавета* (1797—1877), *Марфа* (1799—1885), впоследствии вторая жена А. Н. Муравьева, *Александра* (1805—1863), в замужестве Лукаш, и *Клеопатра* (1809—1883) Михайловны Шаховские, свояченицы Муравьева.

45. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 10, л. 24

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 160

[1] Номер, в шутку проставленный А. Н. Муравьевым,— своеобразный упрек брату, не отвечавшему на его письма (часть их была получена в Грузии уже после отъезда Н. Н. Муравьева в хивинскую экспедицию). На самом деле с начала 1819 г. А. Н. Муравьев отправил брату 7 писем: 10 и 28 февраля, 10 апреля, 5 и 27 июня и 7 августа (наст. изд., письма 40—45) и письмо, переданное с Х. Ван Галеном в конце июля — начале августа 1819 г. (оно не сохранилось; видимо, не дошло до адресата).

[2] *Хуан Ван Гален* (р. 1790)— испанский революционер, конституционалист, участник борьбы с Наполеоном, друг и последователь

Антонио Кироги. После побега из королевской тюрьмы находился в Лондоне, затем прибыл в Петербург и с чином майора был принят на службу в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе. После того как австрийское правительство потребовало выдачи Ван Галена, А. П. Ермолов 3 октября 1820 г. выдал ему паспорт для выезда из России. Обстоятельства его знакомства с А. Н. Муравьевым неизвестны.

46. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 10, л. 34—35 об., 38—39

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 163—164

[1] *Арсений Андреевич Закревский* (1789—1865), генерал-адъютант, впоследствии министр внутренних дел (1828—1831), московский генерал-губернатор (1848—1859), граф (с 1830 г.). Приложенная копия письма А. П. Ермолова не сохранилась.

[2] *Николай Михайлович Муравьев* (1820—1869), впоследствии рязанский губернатор, граф (с 1863).

47. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 11, л. 11—12 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 177

48. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 11, л. 104—105 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 180—181

49. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 11, л. 143—144 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 182

[1] В 1821 г. Н. Н. Муравьев участвовал в экспедиции в Туркмению, целью которой был выбор места для русской крепости на восточном берегу Каспийского моря; эта крепость должна была стать опорным пунктом для экспансии царизма в Средней Азии. Туркмения была присоединена к Российской империи только во второй половине XIX в.

50. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 15, л. 34—35 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 194—195

[1] Андрей Николаевич Муравьев был зачислен юнкером в 34 егерский полк 7 мая 1823 г.; 3 декабря произведен в прапорщики с переводом в Харьковский драгунский полк; вышел в отставку в 1827 г.

[2] С. А. Муравьева родилась 31 января 1822 г.; вместе с матерью сопровождала отца в Сибирь. Умерла девицей в 1851 г.

51. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 15, л. 60—61 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 196

[1] *Сократ* (469—399 гг. до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, был обвинен в безбожии и по приговору суда принял яд.

52. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 16, л. 114—115 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 198—199

[1] Московскому воспитательному дому было заложено имение А. Н. Муравьева Ботово.

[2] Девочки — С. А. Муравьева и ее младшая сестра. В письме брату 3 августа 1823 г. А. Н. Муравьев сообщил: «26 июля сего года жена моя родила дочь, которую назвали Елисаветой, в честь тещи моей» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 197). Е. А. Муравьева прожила только год (см. наст. издание, письмо 56).

53. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 16, л. 142—143 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 200—201

[1] Речь идет о книге «Путешествие в Туркмению и Хиву гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева», изданной в Москве в типографии Августа Семена в 1822 г.

[2] Муравьевы принадлежали к числу древних русских дворянских родов. Их родоначальником называют жившего в середине XV в. рязанского сына боярского *Василия Алаповского* (некоторые исследователи причисляют его к потомству жившего в XII в. киевского тиуна Ратши, который считается предком многих дворянских семей, в том числе Пушкиных). Его сыновья *Есип Васильевич Пуща* и *Иван Васильевич Муравей)*, в 1488 г. переселенные в Новгород и пожалованные там поместьями, стали родоначальниками Пущиных (из этого рода происходил декабрист И. И. Пущин) и Муравьевых. В течение нескольких веков отличались Муравьевы на полях сражений. Один из предков А. Н. Муравьева *Федор Максимович* (правнук Ивана Муравья) и его сын *Феоктист* в начале XVII в. обороняли Новгород от шведов, за что были пожалованы вотчинами. Внук Феоктиста Федоровича — подполковник *Ерофей Федорович Муравьев* был убит в русско-турецкую войну в 1739 г. Его сын, дед А. Н. Муравьева *Николай Ерофеевич* (1724—1776), инженер-генерал-поручик, был лифляндским генерал-губернатором, сенатором. К тому же роду принадлежат и все остальные Муравьевы, упоминаемые в настоящем издании.

Герб рода Муравьевых, изображенный на дипломе, выданном в 1789 г. деду декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых *Никите Артамоновичу* (1721—1799), тайному советнику и сенатору (его прадед *Пимен* был младшим сыном упоминавшегося выше Федора Максимовича Муравьева, а сам он приходился четвероюродным братом деду А. Н. Муравьева Николаю Ерофеевичу), внесен в I том «Обще-

го гербовника дворянских родов Всероссийской империи», утвержденный Павлом I в 1798 г. и тогда же опубликованный под № 59. Там сообщены краткие сведения о происхождении рода, помещен рисунок герба (см. наст. издание, с. 237) и его описание: «Щит разделен на четыре части: в первой и четвертой части в золотом поле по одной короне, из которой выходят положенные крестообразно меч и стрела; во второй и третьей в золотом поле по одному орлу с распростертыми крылами, у коих головы обернуты налево, и в носах держат венки. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с выходящим орлом. Намет на щите золотой, подложенный черным». Такой рисунок находится и на сохранившихся оттисках печатей А. Н. Муравьева. Нам известны его печати трех типов. На самой ранней из них (она встречается на письмах 1813 г.— *ИРЛИ*, ф. 16, оп. 9, ед. хр. 233, л. 26 об., 28 об. и др.) в отличие от остальных и официально утвержденного герба щит поддерживают два грифа; вторая (на письмах 20-х гг.) изображает только герб (см., например, *ГБЛ*, ф. 336/II, 18.1, л. 11 об.); на третьей, по моде того времени, родовой герб окружают изображения полученных А. Н. Муравьевым орденов и медалей. Печать третьего типа преобладает на сибирских письмах А. Н. Муравьева, встречается и позже (там же, л. 18 об., 37 об., 45 об. и др.).

54. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 17, л. 45—46 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 203

55. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 17, л. 55—57 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 203—205

[1] Имеется в виду бейдевинд — курс парусного судна, при котором угол между носовой частью линии симметрии корпуса корабля и направлением ветра составляет от 0 до 90°.

56. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 20, л. 23—24 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 210—211

[1] Из пяти детей А. Н. и П. М. Муравьевых, рожденных до ссылки, умерли в очень раннем возрасте четверо: их первенец Михаил (см. о нем примеч. 1 к письму 44), дочь Александра, родившаяся 17 марта 1820 г., жила только 6 часов, сын *Николай*, родившийся 9 февраля 1821 г., умер через 12 дней; только год прожила и младшая дочь *Елизавета* (р. 16 июля 1823 г.), о смерти которой сообщается здесь.

57. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 22, л. 8—10 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 213—214

[1] В письме А. Н. Муравьева Н. Н. Муравьеву 3 мая 1825 г. (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 215) фамилия унтер-офицера Бонтаревский.

[2] *Артемий Морозов* был слугой Н. Н. Муравьева еще в Отечественную войну 1812 г. 24 августа 1818 г. Н. Н. Муравьев, сочтя Морозова непригодным к дальнейшей службе, отправил его с Кавказа в Москву, намереваясь выпросить для него у отца «волю, которую он заслужил своей верностью и усердием» (Рус. архив, 1886, кн. 3, с. 328).

[3] *Надежда Николаевна* — очевидно, Шереметева.

[4] Адмирал — Н. С. Мордвинов.

58. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 23, л. 155—156

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 218

[1] 29 апреля 1825 г. Н. Н. Мордвинова вышла замуж за Александра Николаевича Львова (р. 1790), впоследствии камергера и тайного советника.

[2] Петр Александрович Муханов, намереваясь перейти на службу в Отдельный Кавказский корпус, несколько месяцев прожил на Кавказе и встречался с Н. Н. Муравьевым. Речь идет, видимо, о каких-то расходах Н. Н. Муравьева по полку.

59. Николаю I

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 351, л. 7—9

ВД, т. 3, с. 11—12

[1] Переписка с женой была разрешена А. Н. Муравьеву по ходатайству ее двоюродного дяди, обер-шенка гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, и вечером 21 января она получила от мужа первое письмо (Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 44).

[2] А. Н. Муравьев, констатировала Следственная комиссия, «в 1819 году не только прекратил все сношения с тайным обществом, но, объявя оному письменно о своем мнении, старался разрушить сие общество, убеждал всех последовать его примеру и отказаться от всех противозаконных предприятий и мыслей, но был обманут письменным ложным уверением, что общество уничтожено» (*ВД*, т. 17, с. 125).

[3] Вероятнее всего, речь идет об А. Х. Бенкендорфе.

60. П. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 29, л. 1—2

При описании бумаг А. Н. Муравьева, хранящихся в Отделе рукописей *ГБЛ*, Ю. И. Герасимова предположила, что данный текст, а также письмо А. Н. Муравьева из крепости, датированное 6 февраля 1826 г. (см. наст. издание, письмо 61), представляют собой одно письмо, написанное в несколько приемов 5 и 6 февраля 1826 г. (Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 44). Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что оба текста записаны подряд на двойном листе

бумаги. Тем не менее изучение этих документов показало, что в действительности мы имеем дело со списком не одного, а двух писем А. Н. Муравьева из крепости: не датированного и датированного 6 февраля. Об этом свидетельствует и сопоставление текста обоих документов (письмо 6 февраля не является продолжением предыдущего; не датированное письмо закончено, Муравьев попрощался с женой; до того, как приступить к письму 6 февраля, он успел получить сведения о состоянии здоровья жены, т. е., очевидно, ему было передано письмо от нее), и то обстоятельство, что письмо от 6 февраля сохранилось и в другом списке отдельно от предыдущего, причем в начале списка имеется помета о получении *данного* письма 7 февраля (*ГБЛ*, ф. 336/II, 17.29, л. 3—3 об.); да и в первом списке текст не датированного письма отделен от письма 6 февраля фигурной чертой. Письма А. Н. Муравьева, видимо, копировались его женой для родных.

Поскольку первое письмо от мужа П. М. Муравьева получила 21 января, данное письмо должно было быть написано в промежутке между 20—21 января и 5 февраля 1826 г. Очевидно, мы не можем отождествить это письмо с первым письмом А. Н. Муравьева, так как здесь он уже отвечает на письмо жены («ты говоришь о моей невиновности»). В связи с этим письмо датировано нами концом января — началом февраля 1826 г.

[1] Доставленный в Петербург 13 января на Главную гауптвахту, А. Н. Муравьев был 14 января 1826 г. переведен в Петропавловскую крепость с распоряжением «присылаемого Муравьева, отставного полковника, посадить по усмотрению, содержать хорошо».

[2] Речь идет о Николае I. Зная, что его письма перлюстрируются, Муравьев пользовался возможностью расположить к себе нового императора похвалами его доброте. При этом сочувствие государю, вынужденному читать чужие письма, звучит (вопреки, вероятно, желанию самого Муравьева) довольно двусмысленно.

61. П. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 29, л. 2—2 об. и 3—3 об.

Списки, видимо, рукой П. М. Муравьевой

[1] Иов — библейский персонаж. Чтобы испытать его верность, бог отнял у него все богатство, жену, детей, вверг в полную нищету, а затем щедро вознаградил за все страдания. Книга Иова входит в состав Ветхого завета. Послание апостола Иакова — часть Нового завета. В главе, которую Муравьев рекомендует жене, апостол призывает с радостью принимать испытания и искушения. В библейских притчах Муравьев пытался найти утешение и надежду на изменение своей судьбы.

62. П. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 29, л. 4—5 об.

Список рукой П. М. Муравьевой

[1] Матушка — кн. Е. С. Шаховская.

[2] *Екатерина Яковлевна Мусина-Пушкина-Брюс*, урожд. гр. Брюс (1776—1829), жена гр. В. В. Мусина-Пушкина-Брюса (см. о нем примеч. 3 к письму 79).

63. П. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 29, л. 6—7 об.

[1] Что Муравьев имеет в виду, видно из его показаний на следствии 3 февраля 1826 г., где он писал: «Господь во все сии седмь лет испытывал меня ужасными и тяжкими крестами, смертию сестры моей, смертию четырех детей моих, тяжкою и доныне продолжающеюся болезнию жены моей, рас[с]тройством дел наших и проч[им]» (*ВД*, т. 3, с. 21).

[2] Предполагая, что его письмо будет прочитано Николаем I, Муравьев сознательно преувеличивал. Хотя уход из общества был встречен его товарищами с осуждением, они (например, И. Г. Бурцов) отнюдь не испытывали к нему чувства враждебности, а сам он в дальнейшем, как отмечалось в предисловии, поддерживал со многими декабристами дружеские отношения. Но сходные утверждения содержатся и в показаниях Муравьева на следствии (*ВД*, т. 3, с. 24, 105 и др.).

[3] А. Н. Муравьев цитирует библейского пророка Иеремию. В переводе этот фрагмент звучит: «Да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим. Но хвалящийся хвались тем, что разумеет и знает меня, что я — господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно мне, говорит господь».

[4] А. Н. Муравьев цитирует послание апостола Павла римлянам: «Ибо всех заключил бог в непослушание, чтобы всех помиловать».

[5] «Подражание Иисусу Христу» («L'imitation de Jesus Christ») — сочинение средневекового мистика Фомы Кемпийского. Его переводил в ссылке М. М. Сперанский (Отечественная война и русское общество, т. 7, с. 182); «Духовная борьба» («Le Combat spirituel») — очевидно, также мистическое сочинение.

64. П. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 29, л. 8—8 об.

По-видимому, список рукой П. М. Муравьевой

[1] А. Н. Муравьев цитирует Евангелие от Матфея (глава 5, ст. 4).

65. Николаю I

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 2—3

Штрайх С. Я. Провокация среди декабристов, с. 10—11

Приложено к письму А. Н. Муравьева из Иркутска 4 декабря 1826 г. А. Х. Бенкендорфу. 24 января 1827 г. А. Н. Муравьеву было сообщено, что Бенкендорф вручил его письмо Николаю I, и государь «отозваться соизволил, что ему приятно согласить обязанности с чувствами сердца» (там же, л. 1—1 об., 4—4 об.). Письмо императору, как и многочисленные и неумеренные похвалы его милосердию и доброте в письмах А. Н. Муравьева к родственникам, было тактическим шагом декабриста, стремившегося добиться возвращения из Сибири и умело игравшего на чувствительности к лести и Николая I, и его приближенных, в том числе и Бенкендорфа.

[1] 18 голосами членов Верховного уголовного суда А. Н. Муравь-

ев был осужден по VI разряду и приговорен к ссылке на каторжную работу на 6 лет и потом на поселение. По конфирмации Николая I 10 июля 1826 г. было указано «отставного полковника Александра Муравьева по уважению совершенного и искреннего раскаяния сослать на житье в Сибирь, не лиша чинов и дворянства» (*ВД*, т. 17, с. 171—172, 232, 245). Таким образом, и по первоначальному приговору смерть А. Н. Муравьеву не угрожала. Очевидно, он был введен в заблуждение дошедшими до него слухами о грозившей ему более тяжкой участи; не исключено, что эти неверные сведения были сообщены Муравьеву сознательно, с целью подчеркнуть, какую милость оказал ему государь. Об обстоятельствах изменения Муравьеву места ссылки см. предисловие к наст. изданию.

66. *Кн. Е. С. Шаховской*

ГБЛ, ф. 336/II, 17. 31, л. 14

Датировано по содержанию

[1] Судя по упоминанию А. Н. Муравьева в приписке к письму П. М. Муравьевой к ее матери 24 января 1828 г., они прибыли в Верхнеудинск ровно за год до этого, т. е. 24 января 1827 г. (*ГБЛ*, ф. 336/II, 26.6 в, л. 4 об.).

[2] *Марфа Михайловна Шаховская*, младшая сестра П. М. Муравьевой, родилась 20 декабря 1799 г. (*ГБЛ*, ф. 336/1, 20.1, л. 25 об.), т. е., очевидно, письмо относится к 20-м числам декабря 1826 г., а упоминаемый здесь праздник — рождество, отмечавшееся 25 декабря.

67. *Кн. Е. С. Шаховской*

ГБЛ, ф. 336/II, 17.31, л. 3—4 об.

[1] *Валентин Михайлович Шаховской* (1801—1850), кн., шурин А. Н. Муравьева. Из пажей произведен в прапорщики в свиту его величества по квартирмейстерской части в 1817 г.; в чине поручика в 1823 г. переведен в лейб-гвардии Конноегерский полк и назначен адъютантом к гр. Воронцову; в 1827 г. в чине штабс-капитана вышел в отставку; в 1828—1835 гг. был волоколамским уездным предводителем дворянства. В 1835 г. избран главным смотрителем странноприимного дома в Москве и переименован в титулярные советники. С 1839 г. был младшим директором Государственного коммерческого банка; статский советник (1849). Во время пребывания А. Н. Муравьева в Сибири Шаховской взял на себя хлопоты по управлению его имением, поэтому в их переписке, частично публикуемой в наст. изд., большое место уделено хозяйственным вопросам.

[2] В недатированном письме кн. Е. С. Шаховской, написанном в конце 1826 — начале 1827 г., А. Н. Муравьев сообщал, что «для поправления дел своих <...> намерен предпринять здесь сахарный завод», и просил достать для него семена свекловицы (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 2). Эту просьбу выполнил отец декабриста, но посылка не дошла, а затем А. Н. Муравьев отказался от этого проекта.

[3] *Матьё де Домбаль* (1777—1843), французский агроном, академик, автор многочисленных трудов по сельскому хозяйству.

[4] Иркутским губернатором в 1821—1835 гг. был *Иван Богданович Цейдлер* (1780—1853), проявлявший определенную симпатию

к декабристам, после перевода на поселение попавшим в его ведение.

[5] *Александр Борисович Голицын* (1792—1865), кн., действительный статский советник, содержал винный откуп по Иркутской губернии.

[6] *Владимир Дроздов* — слуга А. Н. Муравьева (см. примеч. 2 к «Запискам»).

68. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 17.31, л. 5—6

[1] Рассуждения А. Н. Муравьева о справедливости оброка, о том, что это законная плата крестьян за землю, принадлежащую помещику, во многом противоречат его взглядам, сформулированным в «Ответе сочинителю речи». И дело тут не только в том, что, признавая в теории право крестьян на свободу, на практике Муравьев не мог отказаться от владения крестьянами. Трудное материальное положение, многотысячные долги вынуждали его прилагать всяческие усилия для улучшения хозяйства имения, для чего, разумеется, был необходим и труд крестьян, и их оброк. По-видимому, это письмо отражает некоторые изменения во взглядах А. Н. Муравьева по крестьянскому вопросу, нарастание у него консервативных настроений. Тем не менее сама постановка вопроса о том, что крестьяне работают на помещика не потому, что ему принадлежат (такое утверждение для Муравьева неприемлемо), но потому, что пользуются его землей, очень любопытна, потому что это ставит А. Н. Муравьева в ряд либеральных дворян, готовых предоставить крестьянам свободу, но без земли. Впоследствии взгляды А. Н. Муравьева на крестьянский вопрос радикализировались, и, как уже отмечалось, в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. он являлся активным сторонником освобождения крестьян с землей.

69. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 17.31, л. 11—12 об.

[1] А. Н. Муравьев использует библейский образ: согласно библии, древние евреи, бежав из Египта под предводительством Моисея, до прихода в «землю обетованную», сорок лет скитались в пустыне, и многие из них в эти годы с печалью вспоминали покинутую страну.

70. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 29, л. 95—97 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 228—229

[1] Во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. Н. Н. Муравьев сыграл важную роль в разработке плана сражения за г. Тебриз (Тавриз), взятый русскими войсками 13 октября 1827 г. Сентал Поняпотьев — прозвище И. Ф. Паскевича, командующего русской армией (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 329).

[2] Н. Н. Муравьев 22 апреля 1827 г. женился на *Софье Федоровне Ахвердовой* (1810—1830), дочери генерала Федора Исаевича Ахвердова (ум. 1820).

[3] *Валентин* — кн. В. М. Шаховской.

[4] И. Б. Цейдлер (см. примеч. 4 к письму 67).

[5] *Гассан-бей* — абхазский князь, сосланный в Сибирь после

Имеретинского восстания 1819—1820 гг. вместе с другими его участниками. Н. Н. Муравьев встретился с ним в Душети 20 мая 1828 г. и тогда же получил письмо брата. Впоследствии они неоднократно встречались. По словам Н. Н. Муравьева, Гассан-бей стремился «усилить положение Абхазии и укрепить ее добровольную связь с Россией» (Рус. архив, 1893, кн. 3, с. 333—334).

71. Н. Н. Муравьеву (отцу)

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 16—19 об.
Перлюстрационная копия

[1] Фемида — древнегреческая богиня правосудия.

[2] Генерал-губернатором Восточной Сибири в 1822—1833 гг. был А. С. Лавинский (о нем см. примеч. 79 к «Запискам»).

72. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 1—2

[1] *Василий Николаевич Баснин* (1800—1878)— иркутский купец, впоследствии почетный гражданин и городской голова. Человек образованный, начитанный, он сблизился с семьей Муравьевых, оказал им большую материальную поддержку (см. наст. издание, письма 108, 109). Был дружен и с другими декабристами, в частности с В. Ф. Раевским. Подробнее о нем см.: Калантырская Е. С. Неизвестная работа декабриста Артамона Захаровича Муравьева. 1845—1846.— В кн.: К истории русской общественной и культурной жизни конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1984.

[2] По своему обыкновению, А. Н. Муравьев использует библейский образ. Согласно библии, патриарх Авраам гостеприимно принял и накормил трех путешественников, которые оказались ангелами и предрекли ему рождение сына. Этот сюжет широко использовался в иконописи для изображения троицы.

[3] Свояченица — видимо, кнж. Варвара Михайловна Шаховская, невеста декабриста П. А. Муханова, которая, приехав в Сибирь, безуспешно пыталась добиться разрешения на брак с ним, а затем сопровождала Муравьевых в Вятке и Симферополе, или прибывшая в Сибирь вместе с сестрами кнж. Екатерина Михайловна.

[4] Чичуга — сорт ткани.

[5] *Роберт Федорович Крузе* — уроженец г. Дерпта, врач-акушер в Иркутске, надворный советник, друг семьи Муравьевых.

73. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 17.31, л. 13—14 об.

[1] Установить, о ком идет речь, не удалось.

74. В. И. Ланской

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 22—22 об.

[1] *Варвара Ивановна Ланская*, урожд. кнж. Одоевская (ум. 1844)— жена С. С. Ланского, старого приятеля А. Н. Муравьева,

75. Кн. В. М. Шаховскому

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 26—26 об.
Перлюстрационная копия

76. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 30 об.
Приписка к письму П. М. Муравьевой 28 апреля 1828 г.

77. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 35—35 об.
Приписка к письму П. М. Муравьевой 22 августа 1828 г.

78. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 40 об.
Приписка к письму П. М. Муравьевой 29 сентября 1828 г.

79. С. С. Ланскому

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 58—62
Перлюстрационная копия

[1] Эти слова, видимо, принадлежат Николаю I. Сообщая о своем назначении, Муравьев 21 апреля 1828 г. писал теще: «судя по высочайшему повелению на сей счет, полагать должно, что сия должность ненадолго мне поручена, ибо именно сказано на *первый случай* (там же, л. 25). Но городничим ему предстояло служить более трех лет.

[2] Чин статского советника соответствовал в армии чину бригадира, к тому времени уже упраздненному, и, числясь на военной службе, Муравьев должен был бы еще много лет служить полковником. Но и на гражданской службе он был произведен в следующий чин только в 1831 г.

[3] *Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс* (1773—1836), гр., обер-шенк, действительный камергер, двоюродный брат тещи Муравьева кн. Е. С. Шаховской. Упоминаемое здесь письмо П. М. Муравьевой к нему 30 июня 1828 г. сохранилось в перлюстрационной копии (там же, л. 28—30).

80. Гр. М. Ю. Виельгорскому

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 50—53
Перлюстрационная копия

[1] О знакомстве А. Н. Муравьева с гр. М. Ю. Виельгорским см. примеч. 30 к «Запискам».

[2] Императрица Мария Феодоровна, мать Николая I, скончалась 24 октября 1828 г. Во время следствия над декабристами обращение к императрице позволило Муравьевым добиться отсрочки секвестра, угрожавшего их имению (Герасимова Ю. И. Материалы А. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей, с. 46).

[3] *Григорий Иванович Вилламов* (1771—1842) состоял «у исправления дел» при Марии Феодоровне; с 1828 г.— статс-секретарь по IV Отделению собственной его императорского величества канцелярии, созданному из личной благотворительной канцелярии императрицы, тайный советник. Какой результат возымело прошение П. М. Муравьевой, установить не удалось; но решающую роль в сохранении Муравьевыми имения сыграла помощь В. Н. Баснина и Д. О. Портнова.

81. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 30, л. 41—42 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 237—238

[1] Последнее письмо А. Н. Муравьева брату до ареста отправлено 8 ноября 1825 г. (см. наст. издание, письмо 58), но декабрист уже писал ему из Верхнеудинска 4 января 1828 г. (письмо 70); из конспиративных соображений он умалчивает здесь об этом письме, переданном с оказией, т. е. в обход цензуры.

[2] *Наталья Николаевна Муравьева* (1828—1889), впоследствии замужем за генерал-майором Николаем Семеновичем Корсаковым.

[3] У М. Н. Муравьева было три сына: *Николай* (см. примеч. 2 к письму 46), *Леонид* (1821—1881) и *Василий* (1824—1848); позже у него родилась дочь *Софья* (1833—1880). бывшая замужем за Сергеем Сергеевичем Шереметевым. После привлечения к следствию по делу декабристов М. Н. Муравьев тщательно избегал хоть сколько-нибудь компрометирующих связей; не писал он и А. Н. Муравьеву.

82. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 68 об.

Приписка к письму П. М. Муравьевой 15 декабря 1828 г.

83. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 30, л. 147—148 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 241—242

[1] *Андрей Львович Кожевников* (1802—1867), подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка. 15 декабря 1825 г. был доставлен в Петропавловскую крепость с распоряжением «присылаемого Кожевникова посадить на гауптвахту, не связывая рук, под строгим арестом и без всякого сообщения с кем бы то ни было». Знал от П. Г. Каховского о существовании тайного общества, призывал солдат не присягать Николаю I. Был переведен тем же чином в Иркутский гарнизонный полк с предварительным арестом в крепости в течение 6 месяцев. Впоследствии действительный статский советник (1858). Установить, в какие годы он учился в училище для колонновожатых, не удалось. В имении Н. Н. Муравьева-отца Осташево летом проходили занятия колонновожатых.

84. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 3—4 об.

[1] *Христофор Ганстен*, норвежский профессор, директор обсерватории в Христиании, в 1828—1830 гг. совершил поездку в Восточную

Сибирь, где проводил магнитные, астрономические и метеорологические наблюдения. О знакомстве его с семьей Муравьевых см. предисловие.

[2] *Фредерик Дуе* — лейтенант норвежского флота, магнитолог, сопровождал X. Ганстена и также оставил записки о встречах с декабристами. Его воспоминания, посвященные М. И. Муравьеву-Апостолу, опубликованы на русском языке в журнале «Климат и погода», 1927, № 5—6, с. 167—168.

Участником экспедиции Ганстена был и немецкий естествоиспытатель Адольф Эрман.

85. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 30, л. 84—85

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 242

[1] *Захар Григорьевич Чернышев* (1796—1862), гр., ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества. Осужден по VII разряду, лишен титула, дворянства и чинов и по конфирмации сослан в каторжную работу в Нерчинские рудники на два года с последующим поселением в Сибири, затем срок каторги был сокращен до одного года. 9 апреля 1829 г. был определен рядовым в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе, и 3 апреля 1829 г. прибыл в Тифлис. Н. Н. Муравьев принял его очень тепло; 14 мая он писал жене: «Приятные минуты, которые я провожу здесь, это с Чернышевым, какой достойный и честный юноша, какой скромности, каких принципов, он из класса тех, которым я приношу мое полнейшее уважение. Мы часто говорим об Александре, которого он видел ежедневно в Сибири» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 316). 13 марта 1833 г. Чернышев был произведен в прапорщики, 22 марта 1834 г.— в подпоручики, а 17 января 1837 г. уволен в отставку с обязанностью жить в принадлежавшем его сестре гр. Софье Григорьевне Чернышевой-Кругликовой имении Ярополец Волоколамского уезда и продолжал общаться с Муравьевыми, своими соседями по имению. В 1841 г. поступил на гражданскую службу в Орловское дворянское собрание, в 1846 г. переведен в канцелярию московского гражданского губернатора. 11 июня 1856 г. ему было разрешено выехать за границу, а по амнистии 26 августа 1856 г. возвращен титул.

[2] *Александра Григорьевна Муравьева*, урожд. гр. Чернышева (1804—1832), жена Н. М. Муравьева, последовала за мужем в Сибирь.

86. *Кн. Е. С. Шаховской*

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 93 об.

Приписка к письму П. М. Муравьевой, датированному мартом 1829 г.

87. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ, ф. 265, кн. 30, л. 111—112 об.

[1] *Валериан Михайлович Голицын* (1803—1859), кн., член Северного общества, камер-юнкер. Осужден по VIII разряду, лишен титула, чинов и дворянства и сослан на поселение в г. Киренск Иркутской губернии. 20 февраля 1829 г. определен рядовым на Кавказ и

1 июля 1829 г. зачислен в 42-й егерский полк. Прослужив 8 лет, был 31 мая 1837 г. произведен в прапорщики, в 1838 г. перешел на гражданскую службу, продолжая служить на Кавказе, в 1839 г. по болезни уволен с назначением жительства в Орле под секретным надзором. По амнистии 26 августа 1856 г. ему и детям был возвращен княжеский титул.

88. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 26.6 в, л. 99 об.

Приписка к письму П. М. Муравьевой 14 апреля 1829 г.

[1] Имеется в виду приписка А. Н. Муравьева к письму жены 13 апреля 1829 г. (там же, л. 97 об.).

89. Кн. Е. С. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 17.31, л. 16—16 об.

[1] Речь идет о хлопотах кн. Е. С. Шаховской о переводе зятя на более почетную и лучше оплачиваемую должность председателя Иркутской казенной палаты. Еще 30 ноября 1828 г. она обращалась по этому поводу к А. Х. Бенкендорфу, который, однако, ответил ей 17 января 1829 г., «что еще невозможно исполнить сего» (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 39—40, 47—47 об.); эту должность А. Н. Муравьев занял только 11 июля 1831 г.

[2] По-видимому, имеется в виду кн. *Василий Петрович Хованский* (р. 1802). Речь идет о его участии в дворянских выборах, когда Хованский, владея имениями в разных уездах, очевидно, требовал для себя права голосовать от каждого уезда отдельно.

90. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 30, л. 139—140

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 244

[1] *Владимир Сергеевич Толстой* (1806—1888), декабрист, член Южного общества, прапорщик Московского пехотного полка. Осужден по VIII разряду, по конфирмации приговорен к ссылке в каторжную работу на два года, а затем на поселение; срок каторги был сокращен до одного года, а по высочайшему повелению он был обращен прямо на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии. 15 июня 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, 18 сентября этого же года зачислен в 41-й егерский полк. В 1835 г. произведен в прапорщики, в 1837 г.— в подпоручики, за отличие в деле против горцев пожалован поручиком в 1839 г., в 1843 г. уволен от службы по болезни, вернулся на службу в 1845 г. и за отличие произведен в штабс-ротмистры. В 1849 г. уволен для определения в гражданскую службу; служил на Кавказе при Н. Н. Муравьеве (до 1856 г.).

[2] *Василий Сергеевич Толстой* (1797—1829), полковник, старший брат декабриста.

[3] *Николай Никитич Фролов* был разжалован в солдаты без выслуги из обер-офицеров с лишением дворянства; причины этого выяснить не удалось. А. Н. Муравьев еще четырежды — в письмах 2 ноября 1829 г., 4 января, 8 февраля и 14 июня 1830 г. писал о

нем брату и дважды вновь прилагал к письмам его формулярный список (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 245, 247—248, 250); результат этих хлопот неизвестен.

91. А. И. Турчанинову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 101—103

Перлюстрационная копия, заверенная помощником почт-директора Максимом Жолобовым

[1] Александр Иванович Турчанинов служил чиновником для особых поручений при иркутском гражданском губернаторе И. Б. Цейдлере. Рекомендуя его Н. Н. Муравьеву, А. Н. Муравьев писал о Турчанинове 24 июня 1830 г.: «Он человек достойнейший, честнейший и добродетельнейший, и потому ты можешь быть с ним совершенно откровенен. Он наш самый короткий приятель, ежедневно два года сряду бывал у нас в доме, следовательно, мы его знаем как нельзя лучше. Он может вам самым подробнейшим образом рас[с]казать про мою службу, про образ жизни наш, про Сибирь» (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 250). Губернский секретарь.

[2] Сергей Степанович — Ланской, в то время костромской губернатор; к нему был переведен на службу А. И. Турчанинов.

[3] Александр Степанович — Лавинский.

[4] Упоминаемое здесь письмо А. Н. Муравьева от 9 августа 1830 г. также сохранилось в перлюстрационной копии (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 99—100 об.).

[5] *Василий Сергеевич Ланской* (1762—1831), член Государственного совета, дядя С. С. Ланского.

[6] Кнж. Варвара Михайловна — Шаховская.

[7] *Дудин* — коллежский регистратор, чиновник в канцелярии И. Б. Цейдлера, его дальний родственник.

[8] *Вильгельм Иванович Беккер*, коллежский секретарь, ревизор поселений Иркутской губернии.

[9] Валентин — кн. В. М. Шаховской.

92. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 31, л. 125—126 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 251

[1] *Иван Александрович Муравьев* (1830—1864), по отзывам современников, был хорош собой, прекрасно образован и воспитан (ГБЛ. ф. 336/II, 2.5, 21.5). С детства предназначенный для военной карьеры (см. наст. изд., письмо 111), он в 1849 г. был произведен в корнеты Кавалергардского полка, а в 1851 г.— в поручики, но за причастность к дуэли тем же чином переведен в Нарвский гусарский полк. В 1853 г. переведен в лейб-гвардии Драгунский полк, а в 1854 г. с чином ротмистра вернулся в Нарвский гусарский полк, и командовал эскадроном. В 1857 г. был уволен в бессрочный отпуск, в том же году назначен адъютантом к генерал-губернатору Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому, в 1858 г. произведен в майоры. В 1859 г. назначен состоять по Министерству внутренних дел и командирован в Нижний Новгород в распоряжение своего

отца. 6 октября 1861 г., т. е. одновременно с уходом А. Н. Муравьева с поста губернатора, уволен от службы с чином подполковника. Был холост, пережил отца лишь на год и умер в Москве 8 декабря 1864 г.

[2] Извещения о рождении у Муравьевых сына получили, в частности, кн. В. М. и Е. С. Шаховские (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 9—10; *ГБЛ*, ф. 336/II, 17.31, л. 30—32 об.).

93. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 32, л. 244—245 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 256—257

[1] Штурм царскими войсками западного предместья Варшавы 6 сентября и капитуляция польской столицы в ночь с 7 на 8 сентября 1831 г. были одним из заключительных эпизодов польского восстания 1830—1831 гг. Уже в начале октября 1831 г. остатки повстанческой армии, перейдя границы Пруссии и Австрии, сложили оружие.

Пост главнокомандующего русской армией занимал И. Ф. Паскевич, пожалованный за взятие Варшавы титулом князя Варшавского.

Федор Федорович Берг (1793—1874), генерал, впоследствии граф, в 1863—1874 гг. наместник Царства Польского, фельдмаршал.

В период восстания А. Н. Муравьев крайне отрицательно и резко отзывался как о польских повстанцах, так и о демократических движениях в Европе (см. его письмо брату Николаю 27 июня 1831 г. в кн.: Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 255—256). В публикуемом письме он также именует восставших мятежниками, приветствует победы над ними царских войск. В последовательно отрицательном отношении к польскому национально-освободительному движению (а такую позицию А. Н. Муравьев занимал до конца жизни — см. его письмо кн. А. В. Шаховскому 21 мая 1863 г., наст. изд., № 125) он был отнюдь не одинок. Известно, что восставших поляков приветствовали М. С. Лунин, А. И. Одоевский, восторженно встретил весть о восстании юный А. И. Герцен, но даже многие представители прогрессивной русской общественности, включая А. С. Пушкина и ряд декабристов, не приняли и не поняли польского восстания. Не следует забывать, что и знаменитый Московский заговор 1817 г. был ответом на слухи о намерении Александра I передать Польше земли, захваченные Российской империей по разделам Речи Посполитой. А. Н. Муравьев, как и многие его собратья по тайным обществам, не смог преодолеть укоренившихся в его сословии националистических предрассудков, разделял (хотя и с оговорками) внешнюю политику дворянской империи. Но следует заметить, что при этом такая постановка вопроса характерна для него преимущественно в теоретической области, при оценке политических событий. В упоминавшейся выше работе С. Я. Штрайх показал, что А. Н. Муравьев старался оградить сосланных в Западную Сибирь польских повстанцев от клеветы и придирчивости местного начальства (Штрайх С. Я. Кающийся декабрист, с. 150, 154, 163).

[2] Княж. *Елизавета Михайловна Шаховская* — сестра П. М. Муравьевой; поддерживала дружеские отношения с А. Н. Муравьевым, вела с ним переписку (часть писем А. Н. Муравьева ей публикуется ниже).

94. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 17—17 об., 18 об.

[1] Кн. Е. С. Шаховская скончалась 4 ноября 1831 г. Ее смерть была большим ударом не только для П. М. Муравьевой, но и для ее мужа. А. Н. Муравьева очень беспокоило положение дочерей кн. Е. С. Шаховской; стремление поддержать их в трудную минуту было одной из непосредственных причин последовавших в 1832 г. длительных и безуспешных хлопот А. Н. Муравьева о переводе в Европейскую Россию, где сестры жены могли бы поселиться вместе с ними (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 257, 319).

[2] *Елизавета Осиповна Баснина*, урожд. Портнова, жена В. Н. Баснина.

[3] *Дмитрий Осипович Портнов*, шурин В. Н. Баснина, иркутский купец, близкий знакомый А. Н. Муравьева; поддержал Муравьевых материально, одолжив им в 1830 г. 50 тыс. рублей.

[4] *Кеша* и *Ося* — *Иннокентий* (1824—1840) и Осип (1830—1865) *Васильевичи Баснины*, дети В. Н. и Е. О. Басниных.

[5] *Григорий Тимофеевич Молчанов* — по-видимому, купец.

95. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 19—20

[1] *Николай Васильевич Баснин* (1832—1854).

[2] *Илья Васильевич Голенищев-Кутузов*, титулярный советник.

[3] *Семен Григорьевич Краснокутский* (ок. 1788—1840), член Южного общества, обер-прокурор Сената. Осужден по VIII разряду и по конфирмации приговорен к ссылке в Сибирь на 20 лет. Отбывал ссылку в Витиме и Минусинске. В 1831 г. получил разрешение поехать для лечения ревматизма на Туркинские минеральные воды, но из-за паралича обеих ног был вынужден остановиться в Красноярске, где находился до 1838 г., затем с разрешения властей переехал в Тобольск, где и умер 3 февраля 1840 г. Как и Муравьев, был членом ложи «Елизаветы к добродетели».

96. Кн. В. М. Шаховскому

ЦГАОР, ф. 1738, д. 2, л. 19—20

[1] Новое назначение А. Н. Муравьева состоялось 25 июня 1832 г.

97. Кн. В. М. Шаховскому

ГБЛ, ф. 336/II, 18.1, л. 7—8

[1] Камердинер Григорий Петров находился с Муравьевым в Иркутске до начала 1827 г. 8 января 1827 г. Муравьев писал кн. В. М. Шаховскому: «Так как Григорий (мой камердинер) начал здесь пить и шалить, да к тому же он и сам просится в Россию, то он получил от меня из здешнего правления вид на шесть месяцев для проезда в Москву» (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 1). Был с А. Н. Муравьевым в Вятке и в Симферополе.

98. *В. Н. Баснину*

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 24—25 об., 27 об.

[1] Генерал-губернатор — И. А. Вельяминов.

[2] Муравьев цитирует книгу Иисуса сына Сирахова, входящую в состав православной Библии. Современный перевод: «7. Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытании и не скоро вверяйся ему. <...> 14. Верный друг — крепкая защита; кто нашел его, нашел сокровище. 15. Верному другу нет цены, и нет меры доброте его. 16. Верный друг — врачевство для жизни, и боящиеся господа найдут его. 17. Боящийся господа направляет дружбу свою так, что, каков он сам, таким делается и друг его» (Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. М., 1976, с. 647).

[3] Сергей Степанович — Ланской.

[4] Варвара Ивановна — Ланская.

[5] О причинах появления в письмах А. Н. Муравьева этого периода лестных для Николая I высказываний см. предисловие к наст. изд. Для переписки с В. Н. Басниным, которая велась нередко по неофициальным каналам, они не характерны. Однако в данном случае, как явствует из самого письма, Муравьев стремился использовать отзыв императора о его деятельности для укрепления своих служебных позиций и просил, чтобы приложенная к письму выписка была показана некоторым иркутским чиновникам. С той же целью Баснин мог использовать и само письмо, поэтому, вероятно, и появившиеся в нем преувеличенные восторги в адрес государя (которых, очевидно, ожидало правительство) явно были рассчитаны на посторонних лиц: здесь же Муравьев жалуется, что «слишком откровенно нельзя писать по почте. Здесь распечатывают все письма».

[6] *Петр Андреевич — Словцов* (1767—1843) — известный публицист, историк, основоположник буржуазной историографии Сибири (основной труд: «Историческое обозрение Сибири», в 2-х т.). В то время деятель народного образования в Сибири — директор Иркутской гимназии и с 1821 г. визитатор училищ сибирских губерний, с 1828 г. — на пенсии в Тобольске, где с ним и познакомился А. Н. Муравьев.

[7] *Юлий Иванович Джулиани (Жульани, Жулиани)*, коллежский секретарь, учитель французского языка в иркутской гимназии; о нем еще 8 февраля 1830 г. А. Н. Муравьев писал брату Николаю, хлопоча для Джулиани о месте во вновь учрежденной в Тифлисе гимназии или о другой должности в Грузии по гражданскому ведомству (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 248).

[8] *Владимир Федосеевич Раевский* (1795—1872), член Союза благоденствия и Южного общества. В 1822 г. арестован (первым из декабристов), в 1827 г. лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь на поселение. После амнистии 1856 г. ездил на родину в 1858 г. и вернулся. О дружеских отношениях Раевского с семьей Муравьевых см. предисловие к наст. изданию.

99. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 36, л. 35—36 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 264

[1] *Ибрагим* (1789—1848) — египетский паша, сын правителя

Египта Мухаммеда Али, командующий египетской армией. Стремясь освободиться от вассальной зависимости от Турции, Мухаммед Али в 1831 г. начал войну против султана. Н. Н. Муравьеву было поручено посредничество между турецким правительством и Мухаммедом Али. С этой целью Н. Н. Муравьев в 1832—1833 гг. посетил Турцию и Египет; свои впечатления от поездки он описал в книге «Турция и Египет в 1832 и 1833» (М., 1869). В результате победы Мухаммеда Али султан был вынужден передать ему в управление Сирию, Палестину и Киликию.

[2] *Евграф Петрович Ковалевский* (1790—1886), обер-берг-гауптман 4-го класса, главный начальник Колыванско-Воскресенских горных заводов, томский гражданский губернатор; впоследствии министр народного просвещения (1858—1861).

[3] *Александр Николаевич Мордвинов* (1792—1869), двоюродный брат А. Н. и Н. Н. Муравьевых. В 1830-е гг. начальник канцелярии III Отделения, много сделал для облегчения участи А. Н. Муравьева; отстранен от должности по приказу Николая I в 1839 г. за то, что разрешил издателю А. Ф. Смирдину в приложении к 1-му тому альманаха «Сто русских литераторов» поместить портрет писателя-декабриста А. А. Бестужева. Впоследствии действительный тайный советник, сенатор, статс-секретарь. После смерти первой жены Н. Н. Муравьева его дочь Наталья был передана на воспитание в семью Мордвиновых, где находилась до 1834 г., когда ее отец женился вторично. А. Н. Муравьев неодобрительно встретил это решение брата, он советовал ему передать дочь в семью кн. Шаховских, довольно нелестно отзываясь о семействе Мордвиновых (Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 254).

100. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ, ф. 254, кн. 37, л. 10—10 об.

Из эпистолярного наследства декабристов, т. 1, с. 270

[1] Записка А. Н. Муравьева опубликована в настоящем издании, с. 137—146.

[2] *Дмитрий Николаевич Блудов* (1785—1864), граф (с 1842), в 1830—1831 и 1838—1839 гг. управлял министерством юстиции, в 1832—1838 гг. министр внутренних дел.

101. Кн. В. М. Шаховскому

ГБЛ, ф. 336/II, 18.1, л. 11—11 об., 12 об.

[1] *Михаил Иванович Лекс* (1793—1856), с 1832 г. директор канцелярии Министерства внутренних дел; знакомый А. С. Пушкина по Кишиневу; кн. В. М. Шаховской знал его со времени их совместной службы в Одессе при гр. М. С. Воронцове (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 25).

102. Кн. В. М. Шаховскому

ГБЛ, ф. 336/II, 18.1, л. 17—18

[1] *Григорий* — камердинер Муравьева Г. Петров.

[2] *Маврушка* — *Мавра Осиповна Свешникова*, жена учителя воен-

ных кантонистов. Декабрист М. А. Фонвизин 22 декабря 1844 г. писал брату Ивану, что М. О. Свешникова «была любимой горничной девушкой покойной Прасковьи Михайловны Муравьевой. Лишившись мужа, она с сыном и дочерью едет к Александру Николаевичу Муравьеву, который, узнав, что она овдовела, предлагает ей у себя убежище». Некоторое время жила у Фонвизиных, которые затем взяли на воспитание ее младшую дочь Прасковью (Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 295—296). *Аксинья Скворцова* — крепостная Муравьева, прибыла в Иркутск в начале апреля 1832 г. (*ЦГАОР*, ф. 1738, д. 2, л. 21); она вместе с Г. Петровым и была отправлена с телом П. А. Муравьевой; сообщая об этом кн. В. М. Шаховскому 10 февраля 1834 г., Муравьев одновременно известил о разрешении Аксинье выйти замуж за его повара Ушакова (*ГБЛ*, ф. 336/II, 18.1, л. 19—19 об.).

[3] *Наташинька* — дочь кн. В. М. Шаховского (ум. в Риме 10/22 декабря 1847 г.).

[4] На новой должности жалование Муравьева должно было составлять только 2,5 тыс. рублей в год. Но после рапорта А. Н. Мордвинова Бенкендорфу и доклада последнего Николаю I о бедственном материальном положении Муравьева было указано негласно выплачивать ему в дополнение к жалованию еще 6,5 тыс. рублей в год (Штрайх С. Я. Кающийся декабрист, с. 162).

103. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 52—53 об.

[1] *Николай Семенович Сулима* (1777—1840), генерал-лейтенант, в 1834—1836 гг.— генерал-губернатор Западной Сибири.

[2] *Мария Михайловна Голынская*, урожд. кнж. Шаховская, сестра П. М. Муравьевой. Поручение ей В. Н. Баснина было связано с продажей мехов.

[3] Еще в 1833 г. В. Н. Баснин обратился к А. Н. Муравьеву с просьбой похлопотать в Синоде за провинившегося священника Парнякова, представив по этому делу записку и документы, которые А. Н. Муравьев еще в декабре 1833 г. отослал своему брату Андрею, служившему за обер-прокурорским столом в Синоде, для передачи обер-прокурору *Степану Дмитриевичу Нечаеву* (1792—1860). Но по указу из Синода 19 апреля 1835 г. Парняков был на три года разжалован в причетники с запрещением совершать обряды и носить рясу (*ОПИ ГИМ*, ф. 469, ед. хр. 36, л. 58).

[4] Брат — Н. Н. Муравьев; огонки — сорт меха.

104. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 127—127 об.

[1] Просьба А. Н. Муравьева не была исполнена. Только после смерти П. М. Муравьевой, обращения к Бенкендорфу Н. Н. Муравьева и доклада Бенкендорфа Николаю I А. Н. Муравьеву был предоставлен четырехмесячный отпуск в Могилевскую и Московскую губернию (о чем А. Х. Бенкендорф сообщил Н. Н. Муравьеву 13 марта 1835 г.). А. Н. Муравьеву разрешили проводить тело жены в Иосифо-Волоколамский монастырь; затем, после длительной переписки различных инстанций, было принято решение о переводе

А. Н. Муравьева в Таврическую губернию (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 119, л. 127—132 об.).

105. В. Н. Баснину и Д. О. Портнову

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 54—55 об.

[1] П. М. Муравьева скончалась в Вятке 29 января 1835 г.

[2] *Елизавета Осиповна* — жена В. Н. Баснина, урожденная Портнова; *Юлия и Авдотья Осиповны* — ее сестры.

[3] *Иннокентий, Василий* и *Николай* — дети В. Н. и Е. О. Басниных.

[4] *Николай Тимофеевич Баснин* (ум. 1843)— отец, а *Петр Тимофеевич Баснин* — дядя В. Н. Баснина, иркутские купцы.

[5] *Семен Семенович Щукин* (1796—1863), учитель математики, физики и естественной истории в иркутской гимназии (впоследствии ее директор); был знакомым В. Ф. Раевского.

[6] *Владимир Федосеевич* — Раевский.

106. Княж. Е. М. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 18.2 а, л. 8—9 об.

[1] *Михаил Семенович Воронцов* (1782—1856), гр., с 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, в 1828—1854 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1844—1854 гг. наместник Кавказа. Конфликт Воронцова с А. Н. Муравьевым завершился переводом последнего в ноябре 1837 г. на должность архангельского гражданского губернатора.

[2] Министром юстиции в 1829—1839 гг. был *Дмитрий Васильевич Дашков* (1784—1839).

[3] Александра Наумовна Пучкова была приятельницей сестер Шаховских и жила у них. А. Н. Муравьев относился к ней дружески, не раз передавал ей свои поклоны и сам писал ей (см. наст. изд., письмо 120).

107. Кн. В. М. Шаховскому

ГБЛ, ф. 336/II, 18.1, л. 28—29

[1] В. М. Шаховской после смерти первой жены был женат вторым браком на гр. *Софье Гавриловне Раймон-Моден* (1805—1884).

[2] До назначения его высочайшим указом 20 января 1839 г. младшим директором Государственного коммерческого банка кн. В. М. Шаховской был главным смотрителем московского странноприимного дома; эту должность А. Н. Муравьев и имеет в виду.

108. В. Н. Баснину

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 59—60 об.

[1] В первой половине XIX в. правительство прекратило пожалование крестьян в частное владение. Вместо этого до 1837 г. в западных и прибалтийских губерниях жаловались аренды в казенных имениях. С 1837 г. пожалования земель были заменены выплатами арендных денег в течение определенного времени (обычно 12 лет).

[2] Имеется в виду участие А. Н. Муравьева в Бородинском сражении.

109. *В. Н. Баснину*

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 61—62 об.

[1] Об обстоятельствах увольнения А. Н. Муравьева с должности архангельского губернатора см. предисловие.

[2] Н. Н. Муравьев был уволен в отставку в 1837 г. после смотра императором 5-го пехотного корпуса, которым он командовал.

[3] Андрей Николаевич Муравьев был автором книг преимущественно духовного содержания («Путешествие ко святым местам в 1830 г.,» «Письма о богослужении восточной кафолической церкви», «История российской церкви» и др.).

[4] В июне 1840 г. началась первая англо-китайская (так называемая опиумная) война, в результате которой китайское правительство в августе 1842 г. было вынуждено подписать с Англией неравноправный договор, открывший для английской торговли 5 китайских портов и предоставивший англичанам другие привилегии в торговле с Китаем.

110. *Кн. В. М. Шаховскому*

ЦГАОР, ф. 1738, д. 2, л. 33—35

[1] *Арефий* — очевидно, староста или бурмистр в имении Шаховского Белая Колпь. А. Н. Муравьев занимался делами своего шурина по имению в его отсутствие.

[2] Раздел имений умершего 20 августа 1840 г. Н. Н. Муравьева между его сыновьями состоялся в конце 1840 г. По раздельному акту А. Н. Муравьев принял на себя отцовские долги (см. об этом следующее письмо).

[3] *Софья Гавриловна* — кн. С. Г. Шаховская, жена кн. В. М. Шаховского.

[4] Хлопоты А. Н. Муравьева за З. Г. Чернышева в то время не возымели успеха. Чернышев был переведен на службу в канцелярию московского гражданского губернатора из Орловской губернии только в 1846 г.

111. *В. Н. Баснину*

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 65—66 об.

[1] Что имел в виду Муравьев, установить не удалось. Наследство после отца он уже получил, о чем сам говорит ниже.

112. *В. Н. Баснину*

ОПИ ГИМ, ф. 469, ед. хр. 36, л. 68—68 об.

113. *Кнж. Е. М. Шаховской*

ГБЛ, ф. 336/II, 18.2 в, л. 26—27

[1] Находясь на гражданской службе, А. Н. Муравьев 18 сентября 1848 г. получил чин действительного статского советника, по табели о рангах соответствовавший генерал-майору. Но при переводе

в армию ему был дан только полковничий чин, хотя со времени его производства в полковники (1816) прошло уже 25 лет.

[2] Т. е. в Министерстве внутренних дел.

[3] О благосклонном приеме, оказанном мужу наследником цесаревичем, будущим императором Александром II, сообщила сестре в письме 4 июня 1851 г. М. М. Муравьева (*ГБЛ*, ф. 336/II, 23. 1, л. 8).

[4] *Фридрих* (в оригинале «Фредерик»)— управляющий имением А. Н. Муравьева Осташево (Долголядье).

114. Кнж. Е. М. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 18.2 г, л. 1—1 об.

[1] В ходе Крымской войны 1853—1856 гг. в Балтийское море вошла англо-французская эскадра. Летом 1854 г. 52 английских и французских линейных корабля и фрегата, большей частью паровые, блокировали в Кронштадте и Свеаборге 26 русских парусных линейных кораблей, 9 фрегатов и 9 пароходо-фрегатов, не решаясь атаковать эти базы из-за минных заграждений, впервые примененных тогда в боевых действиях на море. Попытки союзников высадить десанты на побережье Финляндии потерпели неудачу, после чего они отошли к Аландским островам, а осенью англо-французская эскадра покинула Балтийское море.

115. Кнж. Е. М. Шаховской

ГБЛ, ф. 336/II, 18.2 г, л. 10—11

[1] В письме Е. М. Шаховской из Варшавы 27 сентября/9 октября 1854 г. в ответ на ее поздравления с днем рождения А. Н. Муравьев писал: «Я благодарю вас от всей души и принимаю с самой искренней благодарностью все ваши молитвы, но посмотрите сами, исполнимы ли они. Стареющий, глохнущий, понемногу теряющий зрение, каким встречу я мое 63-летие! Еще хуже Василия Алексеевича! Еще более всем в тягость! Вот что меня ожидает!» (*ГБЛ*, ф. 336/II, 18.2 г, л. 6; подлинник на франц. яз., «Василий Алексеевич» написано по-русски). О ком идет речь, выяснить не удалось.

[2] *Морета* — М. М. Муравьева.

[3] При оценке военной ситуации А. Н. Муравьев проявляет чрезмерный оптимизм. Уже 2 (14) сентября 1854 г. союзникам удалось высадить в Крыму десант под Евпаторией. 8 (20) сентября русские войска потерпели поражение у р. Альмы и отошли за Севастополь. Чтобы угрожать противнику, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму кн. Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869) 14 (26) сентября отвел войска к Бахчисараю, фактически бросив на произвол судьбы Севастополь, осажденный союзниками. Надежды А. Н. Муравьева (и многих других) на близкое решительное сражение и разгром союзников не оправдались. При Балаклаве 13 (25) октября 1854 г. русскими был достигнут определенный успех, но он не был развит, а в Инкерманском сражении 24 октября (5 ноября) 1854 г. они вновь потерпели поражение. При этом выявилось превосходство вооружения союзников (винтовки против гладкоствольных ружей у русских солдат). В дальнейшем

военные действия в Крыму развивались неудачно для русской армии. 15 февраля 1855 г. Меншиков был отстранен от командования.

[4] Героическая 349-дневная оборона Севастополя началась 13 (25) сентября 1854 г. Бомбардировка города союзниками 5 (17) октября 1854 г. должна была предшествовать его штурму. Но успешный огонь русской артиллерии повредил несколько вражеских кораблей и подавил все осадные орудия. В связи с этим командование союзников было вынуждено отложить штурм и приступило к длительной осаде Севастополя.

[5] Речь идет, очевидно, об А. Н. Пучковой (см. примеч. 3 к письму 106).

116. Кнж. Е. М. и К. М. Шаховским

ГБЛ, ф. 336/II, 18.1 а, л. 1—4

Письмо написано М. М. Муравьевой под диктовку мужа

[1] А. Н. Муравьев имеет в виду свои философские занятия и начатое в период пребывания в Крыму в 1835—1837 гг. изучение трудов Э. Сведенборга (см. об этом предисловие).

[2] *Павел Карлович Мердер* (1797—1873), генерал-лейтенант; затем сенатор.

[3] *Дмитрий Иванович Дабич*, лейтенант (1843), в 1857 г. уволен от службы с чином капитан-лейтенанта (Общий морской список, СПб., 1898, ч. X, с. 1).

[4] М. М. Муравьева в письме сестрам тогда же сообщила, что горничная Параша, находившаяся с Муравьевыми в Варшаве, «не смогла устоять перед соблазнами, которые ее окружали», что выяснилось уже после отъезда в Николаев, и Муравьевы должны были принять меры для отправки ее в Москву (*ГБЛ*, ф. 336/11, 23.5 б, л. 5 об.— 6; подлинник на франц. яз.).

[5] О действиях флота союзников в Балтийском море в 1854 г. см. примеч. 1 к письму 114.

[6] *Федор Сергеевич Панютин* (1790—1865), генерал от инфантерии; затем варшавский военный генерал-губернатор. Отношения с ним по службе у А. Н. Муравьева складывались не очень благоприятно. Полина — может быть, прозвище Панютина?

[7] Установить, кто из многочисленных представителей украинского рода Максимовичей, в годы Крымской войны находившихся на военной службе, был адъютантом А. Н. Муравьева, не удалось.

[8] *Лилия — Елизавета Михайловна Голынская*, дочь могилевского помещика Михаила Казимировича Голынского от брака со свояченицей А. Н. Муравьева княж. Марией Михайловной Шаховской, по мужу Арсеньева.

[9] *Николай Арсеньев* — возможно, двоюродный брат мужа Е. М. Арсеньевой *Николай Сергеевич* (1830—1903).

[10] *Полина — Прасковья Михайловна Голынская*, сестра Е. М. Арсеньевой (1822—1892); впоследствии благодаря хлопотам А. Н. Муравьева получила звание фрейлины.

[11] Имеется в виду кн. *Михаил Валентинович Шаховской* (с 1864 г.— *Шаховской-Глебов-Стрешнев)*, младший сын кн. В. М. Шаховского от первого брака (1836—1891), с 1855 г. служивший в Кавалергардском полку. Впоследствии генерал-лейтенант (1881), эстляндский (1870—1875) и тамбовский (1876—1879) губернатор.

117. М. М. Муравьевой

ГБЛ, ф. 336/II, 23.5 б, л. 43—43 об.

Список рукой М. М. Муравьевой в ее письме к сестре кнж. Е. М. Шаховской из Николаева 1 августа 1855 г.

118. Кнж. Е. М. и К. М. Шаховским

ГБЛ, ф. 336/II, 23.5 б., л. 79—80

Написано М. М. Муравьевой под диктовку мужа

[1] *Владимир Афанасьевич Караваев* (1811—1892), выдающийся русский хирург, профессор медицинского факультета Киевского университета, один из основоположников офтальмологии в России, разработал метод извлечения катаракты.

[2] 4 (16) августа 1855 г. русское командование попыталось отвлечь силы противника от Севастополя, атаковав его позиции на Черной речке, но русские войска были отброшены. После этого неприятель предпринял пятую за время осады бомбардировку Севастополя, во время которой потери защитников города достигали двух-трех тысяч человек в день 27 августа (8 сентября) после шестой бомбардировки города начался общий штурм Севастополя. После захвата врагом Малахова кургана вечером того же дня русские войска были отведены на Северную сторону Севастополя. Известие об этом Муравьевы получили очень быстро; уже 28 августа один из знакомых А. Н. Муравьева писал ему из Бельбека: «Итак, участь Севастополя решена. Вчера ночью, с субботы на воскресенье, очистили город, предав его пламени. Страшное и великолепное было зрелище: город весь пылал в огне, а батареи и бастионы взрывались на воздух по очереди <...>». Список этого письма, целиком посвященного последнему штурму Севастополя, был приложен к одному из писем М. М. Муравьевой сестрам (*ГБЛ*, ф. 336/II, 23.5 б, л. 92—95 об.)

[3] *Саша — Александр Валентинович Шаховской* (1831—1906), кн., старший сын В. М. Шаховского, впоследствии гофмейстер; *Миша* — его брат кн. *М. В. Шаховской*, *Софи* — очевидно, их мачеха кн. *С. Г. Шаховская;* кн. *Гавриил Валентинович Шаховской* (р. 1848) — ее сын, сводный брат предыдущих.

119. Н. Н. Котлубицкому

ГБЛ, ф. 336/II, 18.9

Черновик письма рукой М. М. Муравьевой под диктовку А. Н. Муравьева

[1] *Николай Николаевич Котлубицкий*, действительный статский советник, в 1855—1858 гг. нижегородский губернский предводитель дворянства.

120. А. Н. Пучковой

ГБЛ, ф. 336/II, 18.7

121. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ, ф. 254, ед. хр. 392, л. 66—67

Письмо подготовлено И. С. Калантырской к публикации в кн.: Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 2

[1] Скорняковка — имение Н. Н. Муравьева в Задонском уезде Воронежской губернии.

[2] Эта фраза была популярна среди декабристов. «Мы были дети 1812 года»,— говорил и М. И. Муравьев-Апостол (Нечкина М. В. Декабристы. М., 1982, с. 18).

[3] Сестрица — Н. Г. Муравьева, племянницы — дочери Н. Н. Муравьева: от первого брака — *Наталья* (о ней см. примеч. 2 к письму 81), а от второго брака — *Антонина* (ум. 1893), замужем за камергером *Николаем Александровичем Бакуниным*, *Александра*, в первом браке жена полковника *Михаила Петровича Демидова* (1824—1866), вторично вышла замуж за профессора *Алексея Петровича Соколова*, и *Софья* (ум. в сентябре 1883 г.), жена егермейстера *Григория Александровича Черткова*.

122. *Княж. Е. М. Шаховской*

ГБЛ, ф. 336/II, 18.2 г, л. 2—2 об.

[1] Имеются в виду пасха и обязательная для православных пасхальная исповедь и причастие.

[2] *Лилия* — *Е. М. Арсеньева.*

[3] *Сергей Федорович Арсеньев* (р. 1824), муж Е. М. Арсеньевой, коллежский советник и камер-юнкер, получил в Нижнем Новгороде должность советника губернского правления.

123. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ, ф. 254, ед. хр. 396, л. 49

Письмо подготовлено И. С. Калантырской к публикации в кн.: Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 2

[1] Манифест Александра II об отмене крепостного права и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, были утверждены 19 февраля 1861 г. и обнародованы в Петербурге и Москве 5 марта, а в других губерниях с 7 марта по 2 апреля 1861 г. Правительство приняло усиленные меры предосторожности (передислокация войск, командирование на места чинов императорской свиты, обращение к народу Синода и т. п.). Крестьяне ответили на реформу, не оправдавшую их надежд, массовыми волнениями.

124. П. Д. Стремоухову

ЦГАОР, ф. 109, IV эксп., 1861 г., д. 216, л. 15—15 об.

Писарская копия, приложенная к донесению свиты генерал-майора А. И. Шаховского начальнику III Отделения В. А. Долгорукову от 28 апреля 1861 г. (там же, л. 11—14 об.).

[1] *Петр Дмитриевич Стремоухов* (р. 1828), нижегородский губернский предводитель дворянства, впоследствии рязанский губернатор, член Совета Главного управления по делам печати. О его конфликте с А. Н. Муравьевым см. предисловие к настоящему изданию. Обнародование манифеста об отмене крепостного права стало поводом для еще одного столкновения А. Н. Муравьева с нижегородским дворянством. Как доносил А. И. Шаховской, Муравьев (и это очень характерная для него деталь) «*не счел нужным пригласить дворян в лице их губернского предводителя*» (там же, л. 11 об.). И хотя сам предводитель все же был извещен о предстоящем чтении манифеста за полчаса до начала церемонии (там же, л. 18), губернатор явно не собирался созывать нижегородских дворян специально, считая, по-видимому, их присутствие не столь уж обязательным: народу, а не помещикам хотел он в первую очередь объявить об отмене крепостного права. Дворяне узнали о манифесте лишь в числе прочих жителей города, и это было воспринято как покушение на сословные привилегии помещиков; сочтя себя оскорбленными, дворяне подали протест губернскому предводителю. Лишь по настоянию А. И. Шаховского губернатор, чтобы уладить конфликт, обратился к П. Д. Стремоухову с этим письмом, однако оно не удовлетворило обиженных помещиков. Этот эпизод дал генералу Шаховскому основание утверждать, что А. Н. Муравьев «не упускает ни одного случая оскорбить дворянство и уничтожить влияние оного в губернии» (там же, л. 11 об.).

[2] Манифест был привезен в Нижний Новгород генералом Шаховским 12 марта 1861 г. и в тот же день «был *прочитан* народу пред литургией *в кафедральном соборе*, а равно с *крыльца* собора тем, которые не помещались в храме, затем читано было в *разных местах города*, а для объявления по губернии разосланы от военного губернатора чиновники» (там же, л. 1).

125. Кн. А. В. Шаховскому

ЦГАОР, ф. 1738, д. 31, л. 1—2 об.

[1] *Карл Иванович Рудницкий*, действительный статский советник, директор 2-го департамента в Министерстве государственных имуществ. О каком плане идет речь, выяснить не удалось.

[2] *Миша* — кн. М. В. Шаховской, прибывший в Вильно для службы при тамошнем генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве.

[3] О воззрениях А. Н. Муравьева на польское национально-освободительное движение см. примеч. 1 к письму 93.

[4] *Дмитрий Николаевич Замятнин* (1803—1881), министр юстиции в 1862—1867 гг.

[5] *Петр Иванович Рогович*, действительный статский советник, обер-прокурор 8-го департамента Сената, где А. Н. Муравьев состоял после отставки с поста нижегородского губернатора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОН А. Н. МУРАВЬЕВА

ГБЛ, ф. 336/II, 18.13

[1] О П. И. Колошине см. примеч. 25 к «Запискам». Его появление здесь не случайно: одновременно со сватовством А. Н. Муравьева к княж. П. М. Шаховской Колошин сватался к ее сестре (см. примеч. к письму 37).

[2] *Михаил Александрович Шаховской* (1758—1817), кн., отставной бригадир, ум. 3 июня 1817 г. (*ГБЛ*, ф. 336/I, 19.9, л. 1), т. е. за год до сватовства Муравьева к его дочери, и не мог поэтому благословить их брак, что, видимо, огорчало А. Н. Муравьева и особенно его жену.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВД — Восстание декабристов. Материалы. Т. 1—18

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина

ГИМ — Гос. исторический музей

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея

ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)

ЛН — Литературное наследство

ЦГАНХ — Центр. гос. архив народного хозяйства СССР

ЦГАОР — Центр. гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР

ЦГВИА — Центр. гос. военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центр. гос. исторический архив СССР

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилий указаны номера писем)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. Н. Муравьев. Художник Ф. А. Тулов. 1840-е гг. *ГИМ.— 329*

Нижний Новгород. Вид города с Волги. Литография Бишебуа с рисунка Дица. Середина XIX в. *ГИМ.— 343*

Н. Н. Муравьев (Карский), брат декабриста. Фотография конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. Из собрания Ю. Б. Шмарова, Москва.— *345*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

9(с)15
М 91

Муравьев А. Н. Сочинения и письма.— Издание подготовлено Ю. И. Герасимовой и С. В. Думиным.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986.— 448 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

Том посвящен А. Н. Муравьеву, основателю первой декабристской тайной организации — Союза спасения, активному деятелю Союза благоденствия, принимавшему участие в разработке программы и тактики первых тайных обществ декабристов.

В томе представлены записки, сочинения, деловые бумаги декабриста, письма, многие из которых публикуются впервые.

М $\frac{0505010000-42}{М 141(03)-86}$ 64—86 9(с)15

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. МУРАВЬЕВ. Сочинения и письма

Художник серии А. М. Муравьев
Художник А. Е. Шпирко

На обложке портрет А. Н. Муравьева (1816—1818 гг.), художник Ф. А. Тулов, барельеф скульптора Е. Скачкова. На фронтисписе портрет А. Н. Муравьева (конец 50-х — начало 60-х гг.)

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор Е. Г. Касьянов
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор В. М. Ермакова

ИБ № 1110

Сдано в набор 10.10.85. Подписано в печать 24.04.86. НЕ 04596. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. кр.-отт. 24,25. Усл. печ. л. (с вкл.) 23,62. Уч.-изд. л. (с вкл.) 26,3. Тираж 55000 экз. Заказ 1740. Изд. № 6008. Цена 2 р. 90 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000 Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009 Иркутск, ул. Советская, 109.

В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ В СЕРИИ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. В двух томах. — Издание подготовлено С. В. Житомирской и С. В. Мироненко.

Первый том содержит дневник Фонвизина, который он вел во время заключения в Петропавловской крепости, и все его письма за 1814—1853 гг., преобладающая часть которых опубликована впервые. Во второй том включены мемуары, исторические, социально-политические и философские произведения декабриста.

В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. В двух томах.— Издание подготовлено А. А. Брегман и Е. П. Федосеевой.

Первый том содержит материалы о службе декабриста, его литературной и революционной деятельности, документы судебного процесса над ним. Во втором томе опубликованы следственно-судебные материалы «Дела» Ра-

евского с 1823 по 1827 г., документы о ссылке в Сибирь и жизни его в изгнании.

С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки.— Издание подготовлено В. П. Павловой.

В томе публикуются материалы, относящиеся к периоду жизни и деятельности С. П. Трубецкого до его ссылки в Сибирь, его воспоминания и письма к жене из Петропавловской крепости.

Н. И. Лорер. Записки декабриста.— Издание подготовлено акад. М. В. Нечкиной.

В том вошли Записки и письма декабриста.

А. Е. Розен. Записки декабриста.— Издание подготовлено Г. А. Невелевым.

Опубликована первая часть Записок, не переиздававшихся с 1907 г.

В. И. Штейнгейль. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма.— Издание подготовлено Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым.

В томе впервые публикуется точный текст Записок В. И. Штейнгейля, а также все известные его письма, большая часть которых ранее не публиковалась.

М. А. Назимов. Письма, статьи.— Издание подготовлено О. В. Поповым.

Том содержит письма декабриста, большая часть которых до сих пор не была опубликована, и две его статьи.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

А. Ф. Бриген. Письма, исторические сочинения.— Издание подготовлено О. С. Тальской.

В том включены сочинения и письма декабриста, раскрывающие незаурядные способности автора как мыслителя и переводчика, борца с несправедливостью и угнетением, защитника прав человека.

С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник.— Издание подготовлено В. П. Павловой.

Публикуемые материалы относятся к сибирскому и послесибирскому периодам жизни декабриста.

М. С. Лунин. Сочинения, письма, документы.— Издание подготовили И. А. Желвакова и Н. Я. Эйдельман.

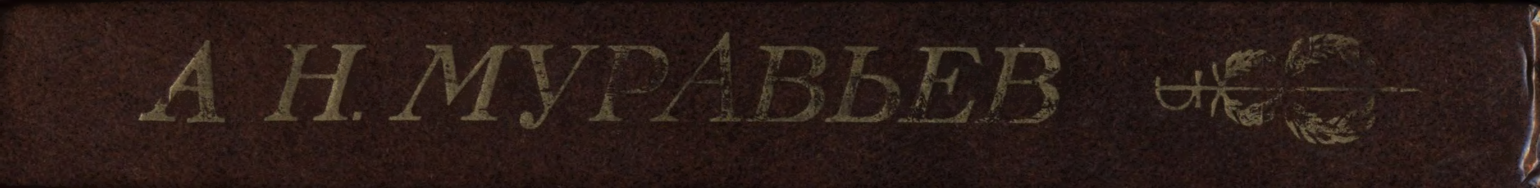
В томе публикуются сочинения и письма декабриста, в основном связанные с его революционной борьбой, «наступательными действиями» в 1830—1840-х гг. Ряд сочинений и документов прежде не публиковался, другие работы печатались с неточностями, были рассеяны по разным труднодоступным изданиям. В томе все литературно-публицистическое наследие М. С. Лунина соединено впервые.

2 р. 90 к.

ИРКУТСК 1986

А Н. МУРАВЬЕВ